

Рассылается по специальному списку

004081
№ _____

Вольфганг ЛЕОНХАРД

ЕВРОКОММУНИЗМ

Вызов Востоку и Западу

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Москва

1979

Wolfgang LEONHARD

EUROKOMMUNISMUS

Herausforderung für Ost und West

C. Bertelsmann Verlag München
1978

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вольфганг Леонхард — известный советолог, ренегат-антикоммунист. Выходец из Германии. В свое время он получил образование в Советском Союзе. В 1942—1943 годах учился в школе Коминтерна. С 1943 года начал сотрудничать в Национальном комитете «Свободная Германия». В 1945—1947 годах являлся сотрудником отдела агитации и пропаганды ЦК СЕПГ, в 1947—1949 годах — преподавателем в Высшей партийной школе имени Карла Маркса при ЦК СЕПГ. В 1949 году В. Леонхард встал на путь ренегатства, бежал в Югославию, а оттуда в 1950 году в ФРГ, где в последующие годы опубликовал несколько книг откровенно антисоветской и антикоммунистической направленности: «Революция освобождает своих детей» (1955), «Кремль без Сталина» (1959), «Советология сегодня — политическая наука» (1962), «Хрущев: подъем и падение советского лидера» (1965), «Раскол марксизма на три течения» (1970), «Накануне новой революции? Будущее советского коммунизма» (1975). С 1966 года подвизается в Йельском университете (США), где регулярно читает лекции по истории Советского Союза и по международному коммунистическому движению. В настоящее время В. Леонхард — профессор этого университета.

Его очередная книга «Еврокоммунизм. Вызов Востоку и Западу» выпущена в свет западногерманским издательством «Бертельсман ферлаг» в 1978 году. В ней подвергается рассмотрению развитие международного коммунистического движения на современном этапе под углом зрения ставшей в последнее время весьма популярной в антикоммунистической и советологической публицистике Запада проблемы так называемого еврокоммунизма. Ссылаясь на различные заявления руководящих деятелей некоторых коммунистических партий Западной Европы, а также Японии и Австралии, автор своими суждениями пытается подкрепить столь желанный для вра-

гов коммунизма вывод о том, что «еврокоммунисты — это качественно иные коммунисты» и что, следовательно, для международного коммунистического движения сейчас якобы характерен некий «процесс дифференциации».

Данная книга В. Леонхарда может представить определенный интерес как публикация, проливающая свет на новейшие ухищрения антикоммунистической пропаганды в ее постоянном стремлении опорочивать поступательное развитие международного коммунистического движения.

Издательство «Прогресс» с целью информации направляет читателям перевод книги В. Леонхарда «Еврокоммунизм. Вызов Востоку и Западу».

I

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ЕВРОКОММУНИЗМА**

Глава 1

Важнейшие концепции еврокоммунизма

Возникновение нового термина

Термин «еврокоммунизм» ввел в обиход в 1975 году итальянский журналист-некоммунист, один из редакторов миланской газеты «Джорнале нуово» Фране Барбьери, который впоследствии лично засвидетельствовал: «Это выражение, насколько мне помнится, я впервые использовал в переводной статье «Долги Брежнева», появившейся в нашем журнале 26 июня 1975 года. Я писал тогда: „Между тем все более крепнет и выдвигаемая Сантьяго Каррильо концепция еврокоммунизма, которая опирается на западноевропейское сообщество и мало похожа на стратегическую концепцию Москвы”...»¹.

По мнению других, наряду с Фране Барбьери автором термина «еврокоммунизм» является также главный редактор туринской газеты «Стампа» Арриго Леви². Наконец, третьи называют автором этого термина католического философа Аугусте делла Ноче³.

Почти сразу же вслед за ними данный термин стали употреблять в мировой печати и во всех соответствующих дискуссиях. Это было признаком того, что уже давно велись поиски термина, который мог дать название отделившемуся от Москвы новому важному течению в мировом коммунизме, течению, приверженцы которого встали на новый путь, провозгласив и начав претворять в жизнь новые методы и цели социалистического общества.

Это течение, признаки которого наметились еще в 50-е годы, в 60-е годы большинство экспертов называло автономизмом или реформистским коммунизмом. Уже в середине 50-х годов Борис Майснер внедрил термин «реформистский коммунизм», подчеркнув, что в отличие от национального коммунизма этот последний ставит целью не только самостоятельность и независимость, но и более свободное устройство желанного общества⁴.

Возникший в середине 70-х годов термин «еврокоммунизм» так быстро приобрел популярность, что его стали применять, хотя вначале и несколько сдержанно, даже сами еврокоммунисты. Его использовали руководящие представители итальянских и испанских, а позднее шведских и югославских коммунистов — правда, всегда с известной сдержанно-

стью и оговоркой, что этот термин не совсем соответствует реальности.

Так, генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэр заявлял, что, хотя термин «еврокоммунизм» придуман и не итальянскими коммунистами, его широкое распространение подтверждает, насколько сильно в странах Западной Европы желание осуществить новые идеи преобразования общества в социалистическом духе⁵.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании Сантьяго Каррильо также указывал на то, что, хотя термин «еврокоммунизм» и противоречив, он получил широкое распространение в среде общественности как обозначение нового течения в коммунизме. Перед еврокоммунистами стоит, по его словам, задача подойти к проблемам демократии и социализма с точки зрения современного исторического опыта. «Победа социалистических сил в странах Западной Европы совершенно не увеличит мощь советского государства, а также не предполагает распространения однопартийной советской модели». Это будет опыт более развитого социализма, который «окажет положительное влияние на демократическую эволюцию форм социализма, существующих в настоящее время»⁶.

Секретарь [Исполнительного бюро Президиума] Союза коммунистов Югославии Стане Доланц заявлял, что еврокоммунизм — это процесс эмансипации некоторых коммунистических партий, их освобождения от устарелых концепций⁷. Цели югославских коммунистов «почти идентичны целям еврокоммунизма»⁸. Член Президиума СКЮ Эдвард Кардель, который более трех десятилетий является ближайшим соратником Тито в югославском руководстве, говорил, что коммунистические партии Западной Европы осознали, что они не могут служить орудиями блоков, а должны быть «самостоятельными субъектами своей нации». Поэтому они встали на «независимый путь» и открыли «новые пути к социализму в Западной Европе». Хотя, отмечал Кардель, югославские коммунисты не всегда и не по всем пунктам согласны с отдельными взглядами этих партий, нет сомнения в том, что «еврокоммунизм — очень значительное, почти решающее, явление в истории коммунистического движения»⁹.

Председатель шведской компартии [ЛПК] Ларс Вернер говорил, что, хотя термин «еврокоммунизм» придуман коммунистами, «мы не стыдимся его». Еврокоммунизм, по его словам, не блок, а, пожалуй, бесспорное свидетельство того, что компартии некоторых капиталистических промышленных государств Европы, а также Австралии и Японии выступают за социалистическое общество, «в котором демократизм охватывает все сферы социальной жизни, профсоюзы

сохраняют независимость с правом на забастовки, а оппозиции гарантируются все демократические свободы»¹⁰.

Термин «еврокоммунизм» в самом деле несколько противоречив. Будучи важным для освещения нового феномена внутри мирового коммунизма, он вместе с тем неточно определяет рамки и содержание нового течения, и прежде всего по следующим причинам.

Во-первых, термин «еврокоммунизм» может создать впечатление, будто приверженцами этого течения являются все европейские коммунисты. Это не соответствует действительности. К данному течению принадлежат лишь некоторые европейские компартии, тогда как остальные по-прежнему придерживаются просоветской линии.

Во-вторых, термин «еврокоммунизм» указывает на чисто европейский феномен, что тоже не соответствует реальному положению вещей, ибо еврокоммунизм охватывает и некоторые неевропейские компартии и течения (например, Компартию Японии). Как правило, еврокоммунистические партии — это коммунистические партии развитых капиталистических промышленных государств с демократическим строем.

В-третьих, термин «еврокоммунизм» может создать впечатление, будто речь здесь идет о прочной организации с признанным центром и обязательной генеральной линией. А это не так. В отличие от просоветского направления, представители которого регулярно встречаются и совместно выработывают генеральную линию, у еврокоммунистов нет обязательной генеральной линии. Речь идет о коммунистических партиях, концепции которых имеют во многих пунктах определенную схожесть, но которые в то же время располагают и большой автономией.

Во всяком случае, представители этих партий встречаются на двусторонней основе, причем иногда после таких встреч публикуются коммюнике, в которых декларируется общность целей, но вместе с тем оговариваются различия путей и целей отдельных партий. В зависимости от обстановки в соответствующей стране акценты — прежде всего применительно к актуальным вопросам внутренней и внешней политики — могут быть различными.

Общие цели еврокоммунистов

К концу 70-х годов общность, признаваемую всеми еврокоммунистами, можно свести к восьми главным тезисам.

1. *Автономия и равноправие.* Все еврокоммунисты отвергают идею единого центра для международного коммунистического движения. Они выступают против идеологически обязательной генеральной линии, единых центральных печатных органов и учебников. Еврокоммунисты придерживаются мне-

ния, что эти формы изжили себя и не соответствуют различию условий деятельности коммунистических партий в отдельных странах. Они отклоняют также всю советскую концепцию пролетарского интернационализма, призванную оправдать такое единство и имеющую своим содержанием подчинение Советскому Союзу. Вместо этого еврокоммунисты выступают за принцип «единства в многообразии», за право каждой коммунистической партии независимо определять и проводить свою политику, а именно на основе традиций собственной страны, собственных экономических, политических и культурных особенностей.

Отношения между коммунистическими партиями — как правящими, так и неправящими — должны, по мнению еврокоммунистов, развиваться на основе абсолютного равноправия и взаимного невмешательства во внутренние дела. Вместо «пролетарского интернационализма» верных Москве коммунистов еврокоммунисты отдают предпочтение термину «международная солидарность» в смысле добровольного единения коммунистических партий различных стран на основе равноправия, независимости и самостоятельности каждой партии. Еврокоммунисты критикуют поддерживаемые Москвой международные совещания коммунистов, поскольку эти совещания, как правило, сопровождаются попытками определить единую генеральную линию и единую идеологию, тогда как сами еврокоммунисты стремятся к диалогу и обмену опытом без всяких обязательств. К этому надо добавить, что, по их мнению, единая генеральная линия изолирует коммунистов от других социалистических и демократических сил. Еврокоммунисты поддерживают общие встречи коммунистов, социалистов, социал-демократов и других прогрессивных сил. Особый упор в этой своей ориентации они делают также на сотрудничество с прогрессивными христианско-демократическими и либеральными силами.

2. Демократический путь к социализму. Еврокоммунисты отклоняют, хотя и с разной степенью последовательности и четкости, советскую концепцию насильственной революции и установления диктатуры пролетариата и поддерживают демократический путь к социализму, предполагающий опору на большинство населения.

По мнению еврокоммунистов, Октябрьская революция 1917 года в России не является моделью для перехода к социализму, обязательной во все времена и для всех стран, а особенно для развитых капиталистических государств с демократическими традициями. Нынешние условия в индустриальных странах — совершенно иные, поэтому абсолютно исключается перенесение русского опыта 1917 года на другие страны и другие эпохи. Изменения в общественной жизни, социальных условиях и в соотношении классовых сил и

важная роль парламентско-демократических традиций делают необходимым изыскание новых форм перехода к социализму.

Эта концепция демократического пути к социализму содержит прежде всего признание принципа многопартийности, то есть не ограничиваемой извне деятельности всех партий и всех политических группировок и регулярное проведение всеобщих прямых и тайных выборов. А это означает и новую интерпретацию роли парламентских учреждений. Они не могут, как когда-то постоянно провозглашал Ленин, использоваться только в качестве трибуны для разоблачения пороков капитализма и пропаганды социализма, а должны рассматриваться как существенный элемент политической жизни, способный сыграть большую роль в период перехода к социализму, а также в условиях будущего социалистического общества.

Однако эта ясная поддержка демократического пути к социализму обычно связывается с одновременным четким отмежеванием от социал-демократических взглядов и представлений. По мнению еврокоммунистов, реформы социал-демократов ограничиваются устранением вопиющих недостатков капитализма, которое не сопровождается изменением самого общества. В противовес этому еврокоммунисты заявляют, что демократический путь к социализму предполагает коренное изменение общества и что нельзя предаваться иллюзорной надежде, будто такой переход будет спокойным, безболезненным, эволюционным. Поэтому, с точки зрения еврокоммунистов, демократический путь к социализму означает как явный отказ от прежних коммунистических представлений о насильственной революции с целью установления диктатуры пролетариата, так и отмежевание от поверхностных реформ, провозглашаемых и осуществляемых социал-демократическими партиями. На взгляд еврокоммунистов, демократический путь к социализму — это период перехода от капитализма к социализму, осуществляемого в рамках парламентских возможностей при поддержке большинства населения.

Отдельные еврокоммунистические партии по-разному интерпретируют этот переходный период. Итальянская компартия часто называет его периодом структурных реформ. Французская компартия квалифицирует характерные для этого периода глубокие изменения в экономической, политической и социальной жизни как «прогресс демократии». Компартия Испании оценивает его в своей программе 1975 года как «период политической и социальной демократии». Существенно различаются и меры, предлагаемые для проведения в этот переходный период в отдельных странах. В центр большинства программ перехода ставится требование вытеснить

и постепенно ликвидировать крупную монополистическую собственность, то есть крупные промышленные монополии, крупные частные банки и страховые компании. Однако еврокоммунисты хотят достигнуть этого не путем передачи монополий в государственную собственность, не через государственные предприятия, управляемые властями, а путем постепенно осуществляемой национализации. Национализированные предприятия должны быть децентрализованы и управляться демократически избранными органами, причем со значительной долей участия лиц наемного труда. Частные мелкие и средние предприятия не должны затрагиваться этим процессом экономических преобразований. Должны быть также ограничены и в конечном счете ликвидированы крупное землевладение и спекуляция землей, однако собственность крестьянства сохраняется. Интересно, что некоторые еврокоммунистические партии предусматривают также изменения в других сферах, в том числе в руководстве средствами массовой информации, в сферах культуры, науки и образования. Однако в различных странах при этом делаются разные акценты.

3. *Политика широкого союза без притязания компартий на «руководящую роль».* По мнению еврокоммунистов, демократический путь к социализму может быть реализован только путем проведения политики широкого союза с другими социальными, политическими и идейными силами и слоями на основе взаимной терпимости, диалога и самостоятельности отдельных сил.

Решающее же отличие от политики союза, которой придерживаются просоветские компартии, состоит в следующем: просоветское направление в мировом коммунизме всегда притязает на руководящую роль компартий, поскольку они как приверженцы марксизма-ленинизма якобы способны более глубоко проникать в суть вещей и благодаря своей активности и энергии при проведении совместных программ должны и даже обязаны добиваться руководящей роли. Отсюда логически следует, что другие партнеры по союзу должны подчиняться коммунистическим партиям. Еврокоммунисты отказываются от руководящей роли, считая свои партии в рамках такого союза равноправными партнерами с другими политическими течениями и организациями. «Если мы хотим ориентироваться на демократический путь к социализму с опорой на большинство населения и поддержкой с его стороны,— заявлял руководитель Итальянской компартии Энрико Берлингуэр,— то отсюда вытекает не только новая политика союзов, но и определенная система политических отношений».

Вообще для еврокоммунистов характерен отказ от упрощенной схемы классов, привычной для коммунистов просо-

ветского направления. Многие еврокоммунисты, например, отвергают неопределенный термин «среднее сословие», выступая за точный анализ самых различных слоев населения и социальных сил, которые должны вовлекаться в новую структурную систему союзов. Еврокоммунисты постоянно подчеркивают свое стремление к союзу не только с левыми, но и с группировками середины политического спектра. Так, итальянские коммунисты добиваются взаимопонимания и сотрудничества с христианскими демократами, социалистами, республиканцами и социал-демократами. Они настойчиво подчеркивают свою ориентацию не на левую, а на демократическую альтернативу, на «исторический компромисс» между коммунистами и христианскими демократами. При этом речь не идет об отрыве католических рабочих от религии и церкви — итальянские коммунисты, безусловно, признают значение католической церкви и политического католицизма. Кстати, то же самое характерно и для Японии, где компартия стремится к широкому союзу с социалистами, социал-демократами и Комэйто — прогрессивной центристской группировкой, базирующейся на буддистской вере.

4. *«Раскрытие» марксизма и призыв к диалогу.* Политика союза равноправных партнеров требует нового отношения к марксизму. Фактически еврокоммунисты — пусть и в различной степени и с неодинаковой отчетливостью — отвергают советскую форму марксизма-ленинизма как единую идеологию. Эта идеология основывается исключительно на учении Маркса, Энгельса и Ленина и на его интерпретации советскими авторами, притязая на роль единственной науки о природе, обществе, человеческом мышлении, действительной для всех народов прошлого, настоящего и будущего.

Еврокоммунисты противятся такому абсолютистскому притязанию, а потому отклоняют понятие «марксизм-ленинизм» и говорят о «научном социализме», понятии, которое первоначально употребляли Маркс и Энгельс. Они отказываются обосновывать и оправдывать каждое свое мероприятие идеологическими ссылками и не ставят вступление в партию в зависимость от признания научного социализма. Они дополняют марксизм работами множества других марксистских и социалистических авторов, отвергаемых в Советском Союзе и Восточном блоке, признают значение свободной дискуссии по различным проблемам научного социализма, причем в журналах еврокоммунистов нередко высказываются весьма расходящиеся, а иногда даже противоположные взгляды. Тем самым создаются также предпосылки для совершенно нового отношения к христианству.

Еврокоммунисты отклоняют термин «идеологическая борьба». Они отказываются от обязательности атеизма, рассматривая его как исторически обусловленное явление прош

лого столетия. Они выступают за равноправный диалог с представителями различных мировоззрений с целью обмена опытом. В зависимости от условий в разных странах для этого есть разные партнеры: еврокоммунисты Испании, Италии и Франции на первый план ставят коммунистическо-католический диалог, японская партия выступает за аналогичный диалог с буддистами, компартии Австралии и Швеции — с протестантской церковью.

5. *Критическое отношение к Советскому Союзу и Восточной Европе.* Еврокоммунисты отказываются некритично воспринимать и прославлять все аспекты развития СССР и других государств Восточного блока, все мероприятия и заявления тамошнего руководства и класть все это в основу своей политики. Это, пожалуй, одно из важнейших отличий от просоветского коммунизма. Просоветские партии считают условия в Советском Союзе и союзных с ним государствах Восточного блока «реальным социализмом», видя в нем единственную и для всех обязательную модель социализма, которую всем партиям надлежит реализовать. Напротив, еврокоммунисты хотя и ценят Октябрьскую революцию 1917 года и попытку Советского Союза первым построить новое, социалистическое общество, но отказываются объявлять все развитие Советского Союза образцом и признавать созданную на Востоке систему единственно возможной моделью социализма. В соответствии с таким подходом еврокоммунисты критикуют среди прочего чрезмерную централизацию и бюрократизацию экономической и политической власти на Востоке. Они выражают недовольство по поводу недостаточного анализа и неполного преодоления сталинизма в Советском Союзе. Они осуждают характерную для нынешней политики государств Восточного блока одностороннюю ориентацию на технологический прогресс, компьютеры и электронику без учета необходимости изменений и реформ в социальной, политической и духовно-культурной сферах. Они отмечают недостатки в деле осуществления социалистической законности и требуют развития социалистической демократии. Они критикуют «русификацию» в СССР, недостаточное уважение нерусских народностей и антисемитские явления, а также отсутствие у идеологов Советского Союза и других стран Восточного блока склонности проявлять внимание к новым общественным и политическим проблемам.

Исходя из этого, еврокоммунисты неоднократно протестовали также против подавления инакомыслящих в Советском Союзе и других государствах Восточного блока. Они критиковали оккупацию Чехословакии и множество других шагов, предпринимавшихся в рамках так называемой нормализации обстановки в Чехословакии. Они выступали против насильственных мер в отношении польских рабочих после вол-

нений 1970 года и беспорядков, имевших место в Польше в 1976 году.

В связи с такой своей позицией еврокоммунисты заявляют, что отнюдь не всякая критика в адрес Советского Союза должна приравниваться к антикоммунизму. Они проводят четкое различие между реакционным, воинствующим антикоммунизмом, с одной стороны, и обоснованной критикой положения в государствах Восточного блока — с другой. Если просоветские коммунисты называют любую, даже деловую критику какого-либо события в Советском Союзе «антикоммунизмом», то еврокоммунисты возражают против подобных недифференцированных оценок, ссылаясь на заявление состоявшейся в конце июня 1976 года в Восточном Берлине Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, в соответствии с которым «коммунистические партии не рассматривают как антикоммунистов всех, кто не согласен с их политикой или выступает с критических позиций по отношению к их деятельности».

Еврокоммунисты обосновывают свою критику Советского Союза и Восточного блока в основном следующими аргументами. Социалистическая революция победила первоначально в странах, где экономическое развитие не достигло достаточной степени зрелости, в странах, где промышленные рабочие составляли лишь незначительную часть населения. При таких предпосылках индустриализация должна была проходить в особенно неблагоприятных условиях. Это привело в Советском Союзе и части восточноевропейских государств к авторитаризму, бюрократизации, централизации, слиянию партии и государства, ограничению и подавлению демократических свобод и такому развитию событий, которое среди прочего проявилось в ярко выраженном культе личности. После смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 года, надежды на начавшуюся десталинизацию развеялись, поскольку десталинизация, либерализация и демократизация были приостановлены в самом начале. Хотя сегодня в Советском Союзе и проводится модернизация экономики, социальные и политические аспекты этого процесса превращения в современное индустриальное общество не анализируются или совершенно не учитываются. Поэтому нынешняя политическая система СССР и союзных с ним стран не соответствует ни возможностям, ни потребностям развитого социалистического общества.

Тем не менее еврокоммунисты пытаются избежать полного разрыва с Советским Союзом, очевидно чтобы не утратить контактов с реформистскими силами в СССР и Восточной Европе. Они постоянно подчеркивают свою «критическую солидарность» с Советским Союзом, солидарность со

всеми позитивными явлениями, но связывают ее с правом критиковать долговременные негативные тенденции развития, которые нельзя совместить с демократическим социализмом.

6. *Поддержка плюралистско-демократической модели социализма.* С точки зрения еврокоммунистов, созданная в Советском Союзе и Восточном блоке система слишком монополистическая, централизованная, диктаторская и бюрократическая; поэтому ее нельзя переносить на развитые индустриальные государства с парламентско-демократическими традициями. Исходя из этого, еврокоммунисты поддерживают такую модель социализма, в которой гарантируются демократические свободы и участие граждан во всех делах государства. Относительно главных моментов этой альтернативной модели социализма существуют различные представления. Большинство еврокоммунистов, прежде всего в западноевропейских странах и Японии, стремятся к плюралистско-демократической модели социализма, которая гарантирует все демократические права и свободы граждан, базируется на принципах правового государства, не знает никакой государственной идеологии и характеризуется в первую очередь многопартийной системой социалистического общества, где главное — вотум доверия населения. В последнем моменте еврокоммунисты идут даже настолько далеко, что согласились бы в случае поражения на выборах уважать этот вотум и при социализме.

Но другие еврокоммунисты — преимущественно в Югославии — выступают за общественное самоуправление с упором на производственные предприятия, которыми должны руководить выборные рабочие или производственные советы и которые должны быть связаны в масштабах всей страны системой делегатов. Существуют также европейские течения, которые хотят соединить в той или иной форме оба аспекта — парламентскую многопартийную систему и общественное самоуправление.

7. *Отказ от ленинской структуры партии.* Еврокоммунисты отклоняют — опять-таки в различной степени и с неодинаковой отчетливостью — партийную структуру Компартии Советского Союза и партий его союзников, причем не только практикуемую сегодня форму, но и ленинские партийные принципы вообще. Имеется в виду принцип так называемого демократического централизма — на самом деле бюрократического централизма — с его командной властью сверху вниз, учением о революционной партии избранных и строжайшей партийной дисциплиной, требованием признания идеологии ее членами и концепцией так называемых приводных ремней, по которой другие организации, например профессиональные, молодежные союзы, кооперативы, культурные объеди-

нения, должны подчиняться компартии и обязаны признавать марксизм-ленинизм советского образца.

Еврокоммунисты выступают за реформу структуры партии. Здесь есть различия между партиями, в которых дискуссия и осуществление еврокоммунизма только что начались, и теми, у которых уже давно есть предпосылки для такой реформы и в которых уже произведены многие серьезные изменения. В целом все еврокоммунисты, выдвигая цель создания новой структуры партии или уже начав реформы в этом направлении, придерживаются следующих принципов:

а) коммунистическая партия должна быть открыта не только для марксистов и ленинцев, но и для людей с другим мировоззрением. Партийные собрания должны быть открытыми. В них могут и должны участвовать и не члены партии;

б) руководящие функционеры партии не могут одновременно занимать руководящие посты в других организациях, например в профсоюзах. Партийные функционеры не могут работать в течение неограниченного срока, должна существовать система ротации, регулярная сменяемость кадров на партийных постах;

в) в партийной печати, на партийных собраниях и съездах партии должны открыто высказываться и свободно обсуждаться различные взгляды. Члены и функционеры партии имеют право излагать в форме интервью и статей в газетах и журналах, не принадлежащих партии, и в форме брошюр или книг через буржуазные издательства собственные взгляды, не соответствующие линии партии;

г) контрольные комиссии партии не должны быть частью партийного аппарата — они должны представлять интересы членов партии. Поэтому в таких комиссиях должны работать не штатные функционеры, а только лица, избранные членами партии;

д) на общинных, земельных и общих парламентских выборах в списки кандидатов от еврокоммунистических партий могут включаться и не члены партии, которые в случае избрания могут представлять эти партии в парламентах;

е) члены и функционеры партии не могут быть исключены из партии по мотивам мировоззренческого характера или за несогласие с партийной линией. Те, кто с нынешней точки зрения был ранее исключен неправильно, будут реабилитированы и получают возможность снова занять свои прежние или сходные с прежними высокие посты;

ж) партийные архивы должны быть открытыми не только для ограниченной группы партийных функционеров, но и для лиц, не принадлежащих к партии.

В некоторых еврокоммунистических партиях эти принципы в значительной степени уже осуществлены, в других они

находятся еще в стадии дискуссии. Но для всех еврокоммунистов характерно, что они не считают больше обязательной ленинскую доктрину партии.

8. *Самостоятельная внешняя политика.* Все еврокоммунистические партии дифференцированно относятся к различным аспектам советской внешней политики, причем одни аспекты они поддерживают, другие критикуют, а третьим противопоставляют совершенно самостоятельные формулировки. В отличие от просоветских коммунистов еврокоммунисты отказываются действовать в качестве удлинённой руки Советского Союза и Варшавского пакта. Они выступают за самостоятельную внешнюю политику, которая включает в себя как независимость от Советского Союза и государств Восточного блока, так и новый подход к другим внешнеполитическим аспектам, прежде всего новое отношение к Китайской Народной Республике, а также частично к ЕЭС и НАТО. Как правило, еврокоммунисты признают -- да и то отнюдь не без критики -- лишь советский тезис о политике сосуществования.

Различия между внешнеполитическими целями еврокоммунистов и целями внешней политики Кремля сводятся к следующим пунктам:

а) все еврокоммунистические партии отвергают всестороннее осуждение Советским Союзом Китайской Народной Республики, кампанию против китайских коммунистов. Они, пусть и по-разному, выступают за объективное освещение событий в КНР и стремятся к непредвзятому, объективному пониманию феномена маоизма;

б) еврокоммунисты отвергают одностороннее противопоставление Варшавского пакта как боевого союза мира и социализма пакту НАТО как союзу капитализма и войны. Некоторые компартии, например Союз коммунистов Югославии, выступают за свободу присоединения к блокам или неприсоединение. Другие еврокоммунистические партии, например компартии Италии и Испании, ставят цель преодолеть раздел Европейского континента на блоки, постепенно покончить с военными базами и с размещением иностранных войск на территории европейских государств -- членом обоих пактов -- и создать такое положение, при котором Европа могла бы развивать равноправные отношения как с США, так и с Советским Союзом;

в) все еврокоммунисты -- пусть и в различной форме и с неодинаковой резкостью -- критикуют советское господство над восточноевропейскими государствами;

г) наряду с тем что среди еврокоммунистов широко распространена цель ликвидации блоков в Европе, некоторые еврокоммунистические партии, например итальянская и испанская, заявляют о готовности поддержать процесс объе-

динения Европы в рамках Европейского сообщества, выступая при этом за демократизацию органов последнего и ограничение власти национальных и международных монополий. Другие компартии, например французская, добавляют, что они будут выступать в рамках Европейского сообщества за национальную свободу действий, имея собственную политическую, экономическую и социальную программу. Напротив, Компартия Великобритании (как и другие левые силы этой страны) отвергает вступление Англии в Европейское сообщество. Компартия Японии открыто критикует осуществленный Советским Союзом в период второй мировой войны захват определенных территорий и требует их возврата (Курильские острова).

Изменилось и отношение к НАТО. Так, Итальянская компартия заявляет, что, хотя конечная цель и состоит в ликвидации блоков, все же надо исходить из фактического положения. Пока в Европе и других частях мира существует военно-стратегическое равновесие между США и СССР, надо принимать его во внимание и реалистически с ним считаться. Во всяком случае, односторонний выход отдельной страны из того или иного пакта нереален. Выход Италии из НАТО помешал бы процессу разрядки международной напряженности или даже сорвал бы его. Французская компартия заявляет, что она не откажется от обязательств Франции в НАТО, но одновременно настаивает на сохранении самой широкой независимости страны в рамках этого союза.

Какие партии являются еврокоммунистическими?

В большинстве публикаций о еврокоммунизме и его оценок к этому новому течению мирового коммунизма причисляют сегодня лишь компартии Италии, Франции и Испании. Это объясняется тем, что компартии Италии и Франции играют большую роль в политической жизни своих стран и там считаются с возможностью их участия в определении правительственной политики в ближайшем будущем, а Компартия Испании до сих пор наиболее последовательно реализовывала некоторые еврокоммунистические идеи.

Между тем говорят также о различиях между северно- и южноевропейским коммунизмом: бытует мнение, что названные три коммунистические партии стран Средиземноморья воплощают новые идеи, тогда как коммунистические партии Центральной и Северной Европы — преимущественно просоветские. Однако при внимательном рассмотрении это оказывается неправильным: еврокоммунистические тенденции стали реальностью не только в районе Средиземноморья, но и в Северной Европе, некоторые из них появились там даже

еще раньше, чем в ряде романских стран. Каким бы оправданным и понятным ни был интерес к политике компартий Италии, Франции и Испании перед лицом ее актуальности и международно-политического значения, применительно к еврокоммунизму речь отнюдь не идет только об этих партиях.

К течению еврокоммунизма мы относим сегодня прежде всего шесть неправящих коммунистических партий Европы.

1. Итальянскую коммунистическую партию, которую 1,6 миллиона членов и 34,4 процента голосов, полученных на выборах в июне 1976 года, делают крупнейшей партией вне сферы советского господства, уже с 1956 года идущей собственным путем.

2. Компартию Швеции, которая, встав в 1964 году на путь переориентации, в 1967 году приняла наименование «Левая партия — коммунисты» и на последних выборах в Швеции получила 4,8 процента голосов избирателей.

3. Компартию Великобритании, хотя и не представленную в парламенте, но оказывающую влияние на профсоюзы и частично также на интеллигенцию.

4. Компартию Испании, которая с 1968 года последовательно идет самостоятельным путем, ведя борьбу с просоветской группировкой и придерживаясь курса на переориентацию, и которая на первых свободных выборах в Испании в июне 1977 года получила 9,4 процента голосов избирателей.

5. Компартию Греции, которая в 1968 году в процессе внутренней дискуссии, проходившей в ходе нелегальной борьбы против тогдашнего режима полковников, раскололась на просоветское зарубежное крыло и независимое внутреннее, причем еврокоммунистическое внутреннее крыло получило на выборах в ноябре 1977 года всего лишь 2,7 процента голосов избирателей.

6. Французскую компартию, насчитывающую более 500 тысяч членов и являющуюся второй по численности коммунистической партией вне сферы советского господства. На последних парламентских выборах в марте 1973 года она собрала 21,3 процента голосов избирателей. С еврокоммунистическим направлением ФКП начала сближаться только с 1972 года, причем балласт сталинистского прошлого проявляется в ней отчетливее, чем в других еврокоммунистических партиях.

Наряду с этими шестью еврокоммунистическими партиями надо упомянуть еще две компартии, которые в значительной степени приняли социалистический характер и больше не содержат в своем названии слова «коммунистическая». Речь идет, во-первых, о Социалистической народной партии Дании, которая, возникнув в начале 1959 года в результате раскола датских коммунистов, первой встала на путь демократического социализма и приняла демократиче-

скую модель социализма. Во-вторых, имеется в виду компартия Исландии, известная с 1968 года как Народный союз, который на последних выборах в июне 1974 года получил 18,3 процента голосов избирателей и неоднократно участвовал в исландском правительстве.

Наконец, к еврокоммунистическому направлению надо отнести также две правящие компартии, которые играют чрезвычайно большую роль как «опорные пункты» для неправящих еврокоммунистических партий. В первую очередь здесь следует назвать Союз коммунистов Югославии (1,2 миллиона членов). Хотя югославские коммунисты по отдельным аспектам иногда высказывают другие взгляды (например, вместо парламентской модели социализма выступают за социализм самоуправления), они всегда активно поддерживают все еврокоммунистические течения и играют в них важную роль. Несколько иначе сложилось положение в Румынской коммунистической партии (1,1 миллиона членов). Внутреннюю систему Румынии едва ли можно охарактеризовать как осуществление еврокоммунистических взглядов. Однако не подлежит сомнению, что румынские коммунисты свыше 15 лет поддерживают любые тенденции к самостоятельности, и прежде всего еврокоммунистическое течение.

Кроме того, к течению еврокоммунизма надо отнести — и это опять-таки показывает, насколько противоречив данный термин, — еще три компартии вне Европы. В первую очередь это крупная Коммунистическая партия Японии с почти 400 тысячами членов, которая сумела собрать на последних выборах 10,4 процента голосов избирателей и особенно последовательно отстаивает еврокоммунистические взгляды. Далее, надо упомянуть относительно небольшую, но по своим политическим взглядам важную Коммунистическую партию Австралии, а также большинство коммунистов Венесуэлы, которые с начала 1971 года откололись от просоветской компартии и с тех пор действуют в духе еврокоммунизма, приняв название «Движение за социализм» (МАС).

Сюда относятся и критические марксисты — как отдельные лица, так и группировки — в восточноевропейских странах и Советском Союзе, которые в нелегальных или полулегальных условиях отстаивают взгляды, во многом совпадающие с еврокоммунизмом. В их число входят Роберт Хавеман, Вольф Бирман, лишенный в 1976 году гражданства, и Рудольф Баро, арестованный в ноябре 1977 года, — в ГДР; историки Михник и Куропь, экономист Липиньский и бывший министр просвещения Бинковский — в Польше; педагог и историк Рой Медведев, бывший генерал Григоренко, математик Плющ, лишенный в 1976 году гражданства, и другие — в СССР; затем большое число бывших руководителей «пражской весны» в Чехословакии, участвующих ныне в движе-

нии за гражданские права «хартия-77»; и наконец, некоторые представители так называемой будапештской школы в Венгрии.

Таким образом, течение еврокоммунизма представляет собой синтез некоторых западноевропейских и неевропейских коммунистических партий и некоторых критических марксистских группировок и течений внутри государств Восточного блока.

Уже отсюда ясно, что появление еврокоммунизма нельзя объяснять только злободневными проблемами итальянской внутренней политики; мы имеем здесь дело с движением, которое по-разному проявляется в различных странах, но в целом охватывает коммунистов всех континентов и поэтому недвусмысленно должно рассматриваться как движение международного характера.

Применительно к еврокоммунизму речь идет не только о самостоятельности в смысле простого национального коммунизма. Движение за отделение от Москвы связано с одновременной коренной переориентацией политики. При этом не только предлагается новый путь — демократическое движение к социализму, но и ставится совершенно новая цель, а именно осуществление плюралистско-демократической модели социализма. И наконец, переориентация, нашедшая свое выражение в еврокоммунизме, затрагивает также принципиальные вопросы марксистской теории, ведет к отказу от многих основных положений советского марксизма-ленинизма.

Глава 2

Различия в оценках еврокоммунизма на Западе

Концепции еврокоммунизма настолько далеки от традиционных представлений о коммунизме, что породили в широких кругах общественности оживленную дискуссию, в которой высказываются весьма различные суждения. Определенную роль сыграла здесь также открывшаяся возможность участия еврокоммунистов в ближайшем будущем в правительствах некоторых стран Европы — Италии, Франции, Испании.

В центре дискуссии стоял вопрос о том, насколько серьезно провозглашенная переориентация и прежде всего идет ли — и в какой степени — речь о достоверном процессе перемен или только о тактическом маневре, цель которого при помощи демократической болтовни усилить свое влияние. Различия в оценках, по крайней мере косвенно, проявилось и в отдельных предложениях о том, какую политику должны проводить западные правительства в отношении еврокоммунизма.

В развернувшейся на Западе дискуссии о еврокоммунизме уже вскоре обозначились некоторые главные направления. Одни видят в еврокоммунизме только широко задуманный обманный маневр, типичную коммунистическую тактику. Другие не отрицают позитивных начал в движении еврокоммунизма, но призывают проявлять скептицизм, так как процесс поворота в сторону еврокоммунизма еще не завершен, следует считаться с сопротивлением этой тенденции и возможностью отступления от нее, а потому еще преждевременно делать окончательные выводы. Наконец, есть и высказывания о том, что в еврокоммунизме происходит процесс реформ, который надо приветствовать, поскольку он открывает новые перспективы, может привести к решению острых социальных и экономических проблем и представляет гораздо большую опасность для бюрократических диктатур на Востоке, чем для западных парламентских систем.

Мнение о том, что заявление еврокоммунистов — всего лишь широко задуманный обманный маневр, а возможное участие еврокоммунистов в правительстве имело бы опасные, даже катастрофические последствия для НАТО и ЕЭС, наиболее энергично отстаивалось и отстаивается в США. В числе тех, кто придерживается этой точки зрения, следует назвать

прежде всего бывшего президента США Джеральда Форда и бывшего государственного секретаря Генри Киссинджера.

Так, Джеральд Форд заявил в конце октября 1977 года, что еврокоммунизм не коммунизм с «человеческим лицом» или демократическими тенденциями, а, скорее всего, «замаскированный сталинизм и скрытая тирания». Если не приостановить победное шествие коммунизма в Европе, то над нею скоро опустится «саван однопартийного господства»¹¹.

В аналогичном духе подчеркивал опасность еврокоммунизма и Генри Киссинджер. Если бы коммунистические правительства утвердились в Западной Европе, заявил он в апреле 1976 года, то западный союз развалился бы, а США оказались бы в изоляции. Участие членов компартий Западной Европы в правительствах привело бы к коренному изменению всей американской политики¹². Участие коммунистов в правительстве Италии привело бы к тому, что этому примеру последовали бы Франция, Португалия, Испания и Греция. Это вызвало бы резкое изменение отношений между США и Европой. Киссинджер сделал три главные оговорки: 1) коммунисты имели бы авторитарную ленинскую партийную организацию; 2) они, несомненно, сократили бы военный бюджет своих стран по сравнению с военными бюджетами стран советского блока; 3) они проводили бы политику, в корне отличающуюся от прозападной политики нынешних европейских правительств¹³.

Подобные голоса раздавались (и раздаются) также в Европе. Например, политический деятель ХДС, президент Европейского союза христианских демократов Кай-Уве фон Хасель говорил, что еврокоммунисты «изменили только тактику», но «ничего не изменили в цели коммунизма», что таким путем они хотят «облегчить себе приход к власти, чтобы затем сразу же создать ту коллективистскую систему, с которой мы достаточно знакомы по странам Восточной Европы»¹⁴. Руководящий представитель Итальянской либеральной партии в Европейском парламенте сенатор Энцо Беттиза считает не заслуживающими доверия согласие еврокоммунистов с плюралистским общественным строем при многопартийной системе и их готовность уступить власть при поражении на выборах. Стоит заглянуть «за легальный и формально безупречный демократический фасад», как замечаешь, что «итальянские коммунисты на самом деле не столько стремятся к длительному сотрудничеству с различными силами, сколько преследуют цель подчинить, парализовать и ослабить эти силы». Не следует «допускать ошибку, смешивая тактику, при помощи которой еврокоммунисты хотят добиться доступа к власти, с методами, которые они могли бы однажды использовать, окажись они у власти»¹⁵.

Глава правительства Люксембурга Гастон Торн, являю-

шийся на международной арене президентом Всемирного союза либералов и Федерации либеральных партий Европы, говорил в мае 1977 года: «Что такое еврокоммунизм? Я знаю только коммунизм. Коммунисты остаются коммунистами, они не отказались от своих целей»¹⁶. По словам Торна, он «с беспокойством» смотрит на возможность участия еврокоммунистов в Европейском сообществе. Участие коммунистов в европейской политике могло бы «привести к коренным изменениям». Он отметил, что ему нелегко поверить недавним проевропейским заверениям некоторых западноевропейских компартий, поскольку они до сих пор больше всего выступали против единой Европы¹⁷.

В Федеративной Республике Германии высказываются аналогичные, а иногда и еще более отрицательные взгляды. Так, председатель ХСС Франц Йозеф Штраус заявил: «Москва допускает еврокоммунизм в той степени, в какой он способен привлечь социал-демократов — то есть социалистов среди социал-демократов — к политике народного фронта. Но о превращении еврокоммунизма на Западе в самостоятельное течение не может быть и речи. Ибо коммунизм и свобода, как и прежде, несовместимы»¹⁸.

Особенно недвусмысленное предостережение сделал министр внутренних дел земли Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ) Рудольф Тицк: «Тому, кто сотрудничает сегодня с коммунистами и особенно с еврокоммунистическими мастерами обмана, вряд ли пойдет это на пользу: он даже не может быть уверен, что выйдет сухим из воды. Мировая история — это кладбище людей, которые пошли на союз с коммунистами... Еврокоммунизм мог бы очень легко превратиться в троянского коня для разрушения свободного мира»¹⁹. Один из редакторов газеты «Франкфуртер альгемайне», Иоахим Фест, считает «иллюзорным представление, будто коммунисты могли бы когда-нибудь подчиниться демократическому процессу смены власти»²⁰. И наконец, председатель ХДС Коль назвал еврокоммунизм «частью мирового коммунизма, о которой надо будет судить только по тому, как она поведет себя, оказавшись у власти. Все другое — словесная шелуха, опоспособная сеять лишь пустые надежды»²¹.

Авторы процитированных выше высказываний исходят из давно известного представления о коммунизме. В этих высказываниях находит отражение зачастую трагический опыт многих людей, имевших дело с коммунизмом, прежде всего в эру Сталина: показательные процессы и массовые чистки в Советском Союзе, система лагерей с миллионами заключенных, пакт Гитлера со Сталиным и секретное соглашение между обоими диктаторами о разделе Польши и Восточной Европы, послевоенная сталинистская унификация восточноевропейских стран с арестами сотен тысяч инакомыслящих (в том числе

и многих социал-демократов и антифашистов-христиан), Берлинская стена и размещенные вдоль нее автоматические установки для убийства, приказ об открытии огня по перебежчикам на границе между двумя германскими государствами и наконец — в особенной степени — оккупация Чехословакии. В конечном счете немаловажную роль в выработке такой негативной оценки сыграли ставшие известными после 1945 года, в первую очередь в Восточной Европе, тактические приемы руководства некоторых компартий, которое сначала с помощью демократических лозунгов искало партнеров для союза, но уже вскоре начинало командовать в таком союзе, подминая партнеров или даже пытаясь избавиться от них, как только это делали возможным его позиции власти.

Конечно, такой опыт нельзя игнорировать, и определенное недоверие к коммунистам советского направления, если те не осуждают ни одного из этих событий и методов, по-прежнему можно считать оправданным. Однако возникает вопрос: можно ли на самом деле оценивать все события в коммунизме только на основе названного опыта?

История коммунизма состояла не только из тактических маневров, но и из подлинно глубоких перемен — вспомним, например, о разрыве Югославии с Москвой и о проводимой ею с тех пор самостоятельной политике, о решающем для всей международной политики конфликте между Москвой и Пекином и о «пражской весне».

Понимание того, что в коммунизме уже имели место серьезные изменения, заставило некоторых западных государственных деятелей, политиков и публицистов подойти и к нынешнему еврокоммунизму как к новому течению и не отвергать с самого начала концепции еврокоммунистов как обманный маневр. Поэтому ряд государственных деятелей, политиков и публицистов — пусть и с известной долей скептицизма — признают искренность некоторых нынешних заявлений еврокоммунистов.

Уже в конце ноября 1976 года, то есть еще в период нахождения у власти Джеральда Форда и Генри Киссинджера, нынешний помощник американского президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский заявил, что новое американское правительство, конечно, не будет одобрять участия коммунистов в западноевропейских правительствах, но вместе с тем просто смешно, «соглашаясь на разговоры с Брежневым, отказывать в них Берлингуэру»²². По его словам, новая администрация США откажется от угрозы применения репрессий в случае вхождения коммунистов в западноевропейские правительства, поскольку такие репрессии дали бы «больше отрицательных, чем положительных моментов». Нельзя разрушать мост, если даже коммунисты займут некоторые министерские посты²³.

В начале мая 1977 года президент США Картер, отвечая на вопрос, как отнеслись бы США к усилению влияния еврокоммунистов в таких странах, как Франция и Италия, заявил: «Я полагаю, первым принципом, обязательным для нас всех, является то, что граждане Европы вполне в состоянии принимать путем свободных выборов свои собственные решения по политическим делам». США, сказал он, желают, чтобы соответствующие правительства оставались демократическими, чтобы тоталитарные элементы не стали влиятельными или господствующими и чтобы в ближайшие годы окрепли демократические партии. Лучший путь предотвращения роста коммунистического влияния на европейскую политику — добиваться, чтобы демократические правительства «могли функционировать эффективно, открыто, гуманно и с постоянным подлинным пониманием потребностей и чаяний народа»²⁴. В сентябре 1977 года президент Картер вновь подчеркнул, что США не должны подвергаться искушению оказать влияние на мнение избирателей в Италии, Франции и Испании. Западноевропейские страны — члены НАТО, в которых коммунисты участвовали бы в правительстве, не обязательно должны, по мнению президента США, автоматически покидать оборонительный союз²⁵.

На отношении американского правительства к еврокоммунизму подробно остановился Грегори Ф. Тревертон. До недавнего времени он работал в лондонском Международном институте стратегических исследований, а сейчас он — ближайший сотрудник помощника президента по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, специализирующийся на Западной Европе. Отметив, что апокалипсические предостережения Киссинджера относительно участия коммунистов в правительствах Западной Европы уступили ныне место трезвой оценке положения, Тревертон заявил: «Мы достаточно успокоились, но тем не менее не безразличны к левым течениям в Италии и Франции. Большое значение имеет дифференциация этих течений в соответствии с их действительной идеологической ориентацией. Возникновение в этих странах левых правительств не обязательно должно приводить к кризису НАТО, пока такие правительства будут лояльно относиться к Атлантическому союзу. А последнее по логике вещей одновременно потребует критического отношения к Советскому Союзу».

На вопрос, с какими критериями администрация Картера подходит к оценке возможности создания левых правительств во Франции и в Италии, Тревертон ответил: «Общий принцип администрации и здесь — не мешать демократическим процессам. Важны открытость и гибкость по отношению к будущему развитию событий. Манипуляции ЦРУ принадлежат прошлому. Европейские государства должны

сами определять свое будущее». Во Франции, по мнению Тревертона, в ближайшие годы нельзя будет избежать участия левых в правительстве. Вполне возможно, что «такой левый компонент мог бы оказать сдерживающее влияние на существующие социальные конфликты. Это было бы известной гарантией политической стабилизации»²⁶.

Аналогичные мысли высказываются и некоторыми европейскими государственными деятелями и политиками. В дискуссиях о Европе важную роль играет не только актуально-практический вопрос о вхождении коммунистов в правительства и его последствиях, но и прежде всего принципиальное суждение о том, означает ли концепция еврокоммунизма — и в какой степени — долговременный поворот или только тактический маневр. При этом во всевозрастающей степени проводится четкая грань между коммунистами советского направления, с одной стороны, и еврокоммунистами — с другой.

Так, председатель Социал-демократической партии Германии Вилли Брандт заявил: «Я продолжаю весьма скептически относиться ко всем разновидностям коммунизма после всего того опыта, который мы имели в Германии с СЕПГ», однако надо помнить, «что коммунисты во Франции и Италии уже были в правительствах после второй мировой войны». По его мнению, коммунисты во Франции и в еще большей степени в Италии и Испании не должны длительное время оставаться вне нации, «иначе нам всегда придется быть начеку». Если подобные процессы в развитии коммунизма будут продолжаться, отметил Брандт, «то люди, скажем, лет через десять, возможно, и будут называть еще себя коммунистами, но на деле они будут уже кем-то другим — не теми, кого мы понимаем сейчас под коммунистами»²⁷.

Социал-демократ Улоф Пальме, многие годы пребывавший на посту премьер-министра Швеции, также заявил, что ему трудно понять тех, «кто с недоверием смотрит на идеологическую переоценку внутри коммунистических партий». Надо считать полезным, когда эти партии заявляют о приверженности к демократическим правам и свободам, хотят отстаивать основные права человека и начинают понимать значение реформизма для изменения общества. Но конечно, только последующее развитие сможет показать, насколько подлинна эта перемена умонастроения у коммунистов²⁸.

Указание на начинающийся процесс изменений при одновременной осторожности и скептицизме содержится и во многих высказываниях австрийского федерального канцлера социал-демократа Бруно Крайского, который в марте 1976 года, например, отметил: «У нас, социал-демократов, нет повода воспринимать как поражение то, что две крупнейшие компартии демократической Европы по всей форме отказались от политических положений, которые издавна являют-

ся составной частью так называемого марксизма-ленинизма»²⁹.

В порядке оговорки Крайский добавляет, что для него еврокоммунизм есть понятие, приемлемое только в кавычках. Ибо оно порождает вопрос о том, в какой степени можно доверять коммунистам после всех многочисленных поворотов, имевших место на протяжении их шестидесятилетней истории. Крайский признает, что для итальянских коммунистов наступает теперь время, когда они могут и должны подтвердить свою демократическую надежность. Французским коммунистам сделать это гораздо труднее. Если коммунисты хотят на самом деле стать надежными демократами, то они, по мнению Крайского, должны, конечно, выбросить за борт больше, чем только диктатуру пролетариата³⁰.

Принципиальное отклонение бюрократическо-диктаторского коммунизма восточного образца и одновременно осторожная готовность признать изменения, олицетворяемые еврокоммунизмом, нашли свое отражение также в новом проекте программы австрийских социалистов, опубликованном осенью 1977 года. В нем говорится: «Социалисты непоколебимо выступают за демократию. Они отклоняют любую форму диктатуры». Поэтому, подчеркивается в проекте программы, социалисты — несгибаемые и бескомпромиссные противники не только фашизма, но и коммунизма. То, что «в последние годы крупные коммунистические партии Европы во всевозрастающей степени склоняются к демократическим принципам и одновременно стремятся отойти от коммунистического централистского догматизма», является показателем силы социал-демократических идей. Перед лицом столь многих изменений в коммунизме в прошлом «мы, социал-демократы, критически наблюдаем за нынешним развитием, чтобы проверить, насколько оно серьезно. Если речь в самом деле идет о действительно глубокоом изменении взглядов и представлений, то это открывает новые перспективы для развития социальной демократии»³¹.

Особый интерес представляют некоторые высказывания итальянских демохристиан и социалистов, которые могут судить о еврокоммунизме на основе опыта сотрудничества со своими коммунистами. Так, представитель руководства итальянских демохристиан, член Европейского парламента Луиджи Гранелле заявил, что между обоими лагерями продолжают существовать непреодолимые идейные и политические противоречия, но в еврокоммунизме можно было бы «найти вполне позитивные аспекты». В качестве примера он сослался на более положительное отношение еврокоммунистов к Европейскому сообществу и западному союзу. «Задача всех демократических партий Европы — дать реалистическую оценку феномену еврокоммунизма при одновременном сохранении го-

товности к диалогу с ним». Кризис марксистско-ленинского догматизма и поиски новых моделей, отличающихся от систем в Восточной Европе, а также демократическо-плюралистские цели еврокоммунистов свидетельствуют о том, что возникла историческая возможность «заставить коммунистические партии пересмотреть в теории и на практике отношения между властью и свободой, классом и партией, централизмом и плюрализмом, национальной независимостью и интернационализмом»³².

В аналогичном духе высказался член руководства Итальянской социалистической партии и член Европейского парламента сенатор Гаэтано Арфе. По его мнению, к проблеме еврокоммунизма нельзя подходить «с сомнениями в искренности руководящих коммунистических политиков». Отметив, что за позициями еврокоммунистов скрываются факты исторического значения, хотя процесс еще и не завершился, Гаэтано Арфе подчеркнул, что дальнейшее развитие будет в большей мере определяться способностью европейских социалистов «оказывать на него активное воздействие, анализировать без предассудков и начинать дискуссию с такой же серьезностью и настойчивостью, как это делают коммунисты»³³.

В заключение следует привести также оценку двух экспертов, которые особенно тщательно занимались проблемой еврокоммунизма. Хорст Эмке, посвятивший этой теме собственное исследование, считает необходимым проводить четкую грань между просоветскими и еврокоммунистическими партиями. Несовместимость социал-демократических представлений с концепцией СЕПГ и ее западногерманского филиала ГКП остается неизменной, ибо германские социал-демократы не забыли подавления СДПГ в советской оккупационной зоне. Поэтому противопоставление советско-коммунистической модели общества своих альтернатив продолжает оставаться неотъемлемой составной частью демократического социализма.

Однако, учитывая дифференциацию международного коммунизма, социал-демократы должны, по мнению Эмке, и оценивать его дифференцированно. По отношению к еврокоммунистическим партиям недостаточно проводить только политику разграничения. Новый подход еврокоммунистов к преодолению традиционных догматических положений коммунизма, их отказ от безоговорочной поддержки советской внешней политики и то, что они признают идеологический, политический и социальный плюрализм, хотя и могут во многом объясняться тактическими соображениями, все же имеют существенное значение и представляют собой поворотный момент в истории коммунизма. «Мы будем трезво наблюдать за тем, исчерпало ли себя тактически это движение или же оно приведет к действительному восприятию западноевропейскими компартиями идей свободы». Нельзя, считает Эмке, относиться как

к реальности ко всякому провозглашаемому изменению, но надо учитывать это в своей оценке. «А потому, — резюмирует он, — демократические социалисты будут оставаться скептическими и критическими наблюдателями этого развития»³⁴.

Рихард Лёвенталь также заявил, что «не заметно», чтобы коммунисты Италии, Франции, Испании и Японии «отказались от ленинского учения о насильственных переворотах и диктатуре партии». В то же время нельзя прежде всего развитие итальянского коммунизма рассматривать как неожиданное изменение курса, направляемое сверху, поскольку оно происходило в рамках открытой дискуссии и на протяжении длительного времени и скоро оказало влияние на другие компартии. Многие, считает Лёвенталь, свидетельствуют о том, что в Западной Европе и Японии коммунизм изменяется и если эти изменения осуществляются, то соответствующие партии перестанут быть коммунистическими в известном нам смысле³⁵.

Столь широкий спектр взглядов на еврокоммунизм отражает не только то, насколько широко данная проблема дискутируется общественностью, но и то, как трудна оценка этого становящегося все более значительным нового течения. Конечно, не существует окончательной «правильной» или «неправильной» оценки, а также безошибочного критерия для предсказания будущего развития еврокоммунизма. Да и вопрос о том, идет ли здесь речь только о тактике или о серьезной персориентации, еще долго будет обсуждаться. Однако есть аспект, способный в какой-то мере облегчить оценку, и таким аспектом является рассмотрение исторического развития, приведшего к возникновению еврокоммунизма. Этот исторический фон, как мне кажется, зачастую недостаточно принимается во внимание в злободневных дискуссиях. А ведь без освещения истории возникновения и развития еврокоммунизма едва ли можно по-настоящему и оценить его.

Многое говорит за то, что нынешнее течение еврокоммунизма надо рассматривать как часть того общего процесса дифференциации мирового коммунизма, который в течение нескольких десятилетий привел к тому, что некогда единый и монолитный мировой коммунизм как движение, целиком находившееся под советским руководством, ушел в прошлое. В итоге этого трудного и противоречивого процесса определились три главных направления: коммунизм советского образца, маоизм и возникающий еврокоммунизм. Еврокоммунизм представляется итогом глубоких изменений во всем международном коммунистическом движении, следствием перехода от монолитного мирового коммунизма эры Сталина к современному дифференцированному мировому коммунизму. Решающее разделение произошло в 50—60-е годы, явившись следствием, с одной стороны, великого раскола — разрыва Москвы с Пекином, а с другой — появления реформист-

ского коммунизма, называемого с 1975 года еврокоммунизмом.

Подобный экскурс в прошлое обусловлен не только историческим интересом. В последние годы еврокоммунисты постоянно отмечали негативные явления времен Коммунистического Интернационала и периода сталинизма. Коммунисты Югославии, Румынии, Японии, Италии и Испании неоднократно напоминали о событиях 20-х, 30-х и 40-х годов, когда московские директивы наносили большой ущерб коммунистическому движению в самых различных странах. Этот опыт эры Сталина послужил решающим толчком не только для возникновения еврокоммунизма, но и для развертывания общей дискуссии о современном мировом коммунизме. Вот почему последующий экскурс в прошлое не носит абстрактно-исторического характера, а неизменно увязывается с вопросом, как оценивали тогда коммунисты — члены и функционеры партий — эти события, какие у них возникали при этом мысли и как тогдашние события содействовали зарождению современного еврокоммунизма.

II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЕВРОКОММУНИЗМА

Глава 1

Европейский коммунизм в эру Сталина

С середины 20-х и до середины 50-х годов существовал единый монолитный мировой коммунизм под советским руководством. Определяющими для коммунистов всех стран были интересы Советского Союза, что означало интересы советского руководства. Коммунистические партии самых различных стран всегда делали по определенному вопросу совершенно одинаковые заявления. Они прославляли Сталина и выполняли директивы из Москвы. Все заявления, решения, распоряжения советского руководства воспринимались ими некритично.

Коммунистические партии всегда дополняли в то время свое название словами «секция Коммунистического Интернационала». Все заявления высшего органа коммунистов Исполкома Коминтерна, известного под четырьмя магическими буквами ИККИ, воспроизводились в печати дословно и без поправок. В течение трех десятилетий газеты компартий таких разных стран, как Австрия и Швеция, Венесуэла и Италия, почти не различались. И хотя уже тогда тысячи коммунистов выражали сомнения относительно такой практики, для внешнего мира они тем не менее демонстрировали единство по всем вопросам.

Причины существования монолитного мирового коммунизма

Существование тогдашнего монолитного мирового коммунизма предопределили четыре главные причины.

1. *Политико-психологический фактор.* У всех коммунистов был тогда только один пример — Советский Союз. Русские коммунисты были единственными, кто совершил победоносную революцию. Все остальные революции, руководимые или поддерживаемые компартиями, окончились в 20-х годах поражением. Большевики же достигли своей цели. Отсюда почти само собой возникло подчинение советскому руководству, вначале на совершенно добровольной основе — из чувства восхищения и настоящего внутреннего воодушевления, но постепенно и из чувства долга, дисциплины и послушания.

Во всех партийных газетах и на всех партийных курсах 30-х и 40-х годов постоянно приводилось и повторялось вы-

сказывание Сталина от 1 августа 1927 года: «Революционер тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно... готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское революционное государство, строящее социализм. Интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения...»¹ Для коммунистов всех стран Советский Союз был тогда родиной пролетариата, а позднее его называли родиной трудящихся. И в важнейшем документе Коминтерна — программе, принятой на его VI конгрессе летом 1928 года, говорилось, что «в случае войны... международный пролетариат должен ответить самыми смелыми и решительными массовыми выступлениями и борьбой за свержение империалистических правительств под лозунгом... союза с СССР»².

Верность Советскому Союзу проявлялась в различных формах. Коммунистические делегации по прибытии в Советский Союз демонстративно целовали священную советскую землю. В Германии в конце 20-х годов коммунисты приветствовали друг друга словами: «Хайль Москва!» Отдельные критически настроенные коммунисты хотя и видели недостатки советской системы, но оправдывали их историческими причинами: в конце концов Советский Союз был первой страной, строившей социализм. Аграрная страна, характеризовавшаяся тысячелетней отсталостью, столкнулась с техникой XX века и подвергалась угрозе со стороны капиталистического окружения. Большинство коммунистов придерживались девиза, что любая компартия может успешно действовать только в том случае, если она опирается на постоянно крепнущую мощь Советского Союза.

2. Унифицированная подготовка коммунистических функционеров. Хотя различные коммунистические партии в отдельных странах и организовывали тогда краткосрочные партийные курсы, основное обучение функционеров компартий всех стран всегда проходило в Советском Союзе. С середины 20-х годов избранные коммунисты из всех стран обучались в Советском Союзе. Важнейшей школой была знаменитая [Международная] Ленинская школа. Хотя в качестве преподавателей допускались и зарубежные коммунисты, определяющим было советское влияние. Марксизм-ленинизм изучали только в советской интерпретации, история большевистской партии считалась единственной моделью и примером. Политика коммунистических партий других стран представлялась, как правило, лишь вариантом стремления к общей цели — созданию всемирной советской республики. Для всех стран было обязательным устанавливать после свершения революции диктатуру пролетариата советского образца. Все последующие переходные стадии развития Советского Союза

считались общеобязательными для всех партий; модификация допускалась лишь по второстепенным вопросам.

Осенью 1941 года, то есть во время войны, в Кушнарёвке около Уфы была открыта школа Коминтерна, ставшая преемницей Ленинской школы. Она просуществовала до выпуска Коминтерна в начале лета 1943 года. По собственному опыту я знаю, что примерно одна треть курсантов, как называли воспитанников школы, были коммунистами старших поколений, две трети были детьми зарубежных коммунистов, жившими и воспитывавшимися в Советском Союзе и считавшимися резервом кадров Коминтерна. Общие лекции читались всегда на русском языке, которым большинство курсантов к тому времени уже владели в качестве партийного языка. Только лекции и семинары на узкие темы проводились в отдельных секциях на соответствующем иностранном языке. В школе Коминтерна усерднее всего изучался марксизм-ленинизм советского образца, а остальные левые взгляды резко критиковались как уклоны.

Решающее значение имели чувство общности и сознание принадлежности к всемирной партии. К этому добавлялась само собой разумеющаяся обязанность подчинения партийной дисциплине. Курсанты не только усваивали одну идеологию, но и приобретали одинаковый образ мышления, часто даже говорили на одном типично бюрократическом советском языке. Совместным обучением достигалась абсолютная унификация. Вдобавок она подкреплялась и характером изданий — едиными для всех коммунистов журналами Коминтерна «Коммунистический Интернационал» и «Международная корреспонденция для печати» [«Инпрекорр»], выражавшими всегда одну и ту же советскую точку зрения по всем международным вопросам и событиям во всех странах. В эру Сталина коммунисты, как правило, не читали буржуазных газет, а черпали информацию исключительно из своей печати.

3. *Организационный компонент.* Коммунисты были обязаны не только публиковать все резолюции и директивы Исполкома Коминтерна, но и считать своей безусловной обязанностью выполнение решений Коминтерна, доводимых до них через партийное руководство соответствующих стран. После Октябрьской революции главное значение имели почти ежегодно созываемые конгрессы Коминтерна, на которых проходили оживлённые открытые дискуссии. Однако с середины и особенно с конца 20-х годов, то есть после перехода от революционного ленинизма к бюрократическому сталинизму, конгрессы Коминтерна стали созываться очень редко. Руководство все более и более сосредоточивалось в руках Исполкома Коминтерна, который стал играть такую же роль, как и Центральный Комитет советской компартии. В 30-е годы главные дела решались лишь узким руководящим центром,

так называемым Президиумом ИККИ, который был равнозначен Политбюро ЦК ВКП(б), или Секретариатом ИККИ, который можно сравнить с Секретариатом ЦК ВКП(б).

Политику Коминтерна во всех странах проводили так называемые уполномоченные ИККИ. Кроме того, существовали еще так называемые инструкторы Коминтерна по определенным вопросам. И уполномоченные, и инструкторы обычно не были гражданами или членами партии той страны, куда они направлялись. Большой организационный аппарат усиливал влияние московского центра и укреплял централизованную структуру Коминтерна при одновременном значительном ограничении дееспособности компартий в отдельных странах. Это нередко вело к совершенно ошибочным оценкам обстановки, которые давал Коминтерн. Конечно, Коминтерн не только совершал ошибки, но не подлежит сомнению, что его централизованный монопольный характер уже тогда часто приносил компартиям больше вреда, чем пользы. Этот факт признают сегодня публично и еврокоммунисты.

4. *Финансовая зависимость.* Почти все коммунистические партии мира зависели в финансовом отношении от Советского Союза. Это имело серьезные психологические последствия. Уже в 20-е годы некоторые коммунисты высказывали беспокойство по этому поводу. А некоторые коммунистические руководители пытались избавиться от такой финансовой зависимости. Самым известным среди них был Тито, который говорил в этой связи: «Было необходимо избавить партию от иностранных источников финансирования. Это тоже было одним из главных условий достижения настоящего успеха. Если ожидаешь помощи извне, никогда не научишься искать умелых помощников среди ближайшего окружения. Деньги, поступавшие к нам из Москвы с 1919 по 1937 год для партийной работы, приносили больше вреда, чем пользы. После того как я встал во главе партии (в 1937 году), мы больше не получали иностранной помощи. Таким образом, мы были вынуждены полностью опираться на собственные ресурсы, и проблема финансирования партии стала, следовательно, политической, поскольку оказание нам поддержки зависело от степени влияния, которым мы располагали в народе. Кроме того, мы научились теперь считать гораздо точнее, поскольку это были наши собственные деньги, которые жертвовали нам из своей зарплаты рабочие и из своих мизерных доходов крестьяне»³.

Эти четыре фактора — политико-психологический момент восхваления Советского Союза, унифицированная подготовка кадров, централизованный организационный аппарат для руководства и контроля и финансовая зависимость от Советского Союза — поддерживали монолитный характер международного коммунистического движения до середины 50-х годов.

*Международный коммунизм в период мирового
экономического кризиса и роста влияния фашизма
(1929—1934)*

Все коммунисты старших поколений, которые еще помнят о тогдашнем времени, знают, что обязательная политическая линия в те годы постоянно менялась, притом зачастую неожиданно и, как правило, в угоду интересам Советского Союза и в ущерб влиянию коммунистов в отдельных странах.

В 1929—1934 годах, в период мирового экономического кризиса и очевидного роста влияния фашизма, коммунисты должны были по указанию из Москвы вести основную борьбу против социал-демократов, которых называли тогда «социал-фашистами». Некоторые видные еврокоммунисты еще и сегодня очень хорошо помнят о том времени. Тогдашняя политика Коминтерна не раз критиковалась в заявлениях Тито, Сантьяго Каррильо и японских коммунистов.

Мировой экономический кризис предоставил коммунистам большие политические возможности. Происходила сильная радикализация в среде рабочих, росла антипатия к капитализму, и шел известный подъем коммунистических партий. Однако все это перекрывалось главным аспектом тогдашнего политического развития — быстрым ростом фашизма. Если бы тогда (как этого хотели многие коммунисты!) можно было создать единый фронт коммунистов и социал-демократов для борьбы с угрожающей опасностью фашизма, то история, может быть, пошла бы другим путем. Но это оказалось невозможным, поскольку установленная тогда Москвой генеральная линия требовала вести борьбу с социал-демократами. В пространных заявлениях Коминтерна, относящихся к 1929—1933 годам, социал-демократов неизменно клеймили как главных врагов в политической борьбе: «Только направляя основной удар против социал-демократии — этой главной социальной опоры буржуазии, можно успешно бить и разбить главного классового врага пролетариата — буржуазию»⁴. Даже после победы Гитлера в январе 1933 года Президиум ИККИ опубликовал заявление о событиях в Германии, в котором говорилось, что установление фашистской диктатуры в Германии является в конечном счете следствием социал-демократической политики сотрудничества с буржуазией в течение всего периода существования Веймарской республики и что коммунисты оказались правы, назвав социал-демократов социал-фашистами. А социал-демократы уже сидели тогда вместе с коммунистами в тюрьмах и лагерях Гитлера.

Здесь не место обсуждать вопрос о том, всегда ли своевременно и в какой степени сознавали угрозу фашизма все другие демократические силы Веймарской республики. Но не подлежит сомнению, что осуждение социал-демократов

коммунистами вольно или невольно ослабляло антифашистские силы. И главное, тогдашние нападки коммунистов на социал-демократов дают себя знать еще и сегодня, чем объясняется недоверие многих социал-демократов, особенно старших поколений, к коммунистам.

Масштабы и рамки политики Народного фронта (1934—1939)

К лету 1934 года после долгих внутренних споров эта политическая линия начала наконец меняться. Важную роль сыграла в этом Французская компартия, которая уже в июле 1934 года заключила соглашение о сотрудничестве с социалистами. Тогдашний руководитель Французской компартии Морис Торез в октябре 1934 года впервые принципиально поднял вопрос о Народном фронте. И другие западноевропейские компартии, например итальянская, очень скоро перешли к политике Народного фронта. Только в Кинтерние в Москве еще долго спорили об этом, пока наконец на его сглавшем последним знаменитом VII конгрессе (25 июля — 20 августа 1935 года) официально не был подтвержден и провозглашен поворот к Народному фронту.

На этом конгрессе с основными докладами выступили Димитров и Тольятти. Конгресс отказался от термина «социал-фашизм», приняв решение не допускать больше необоснованных нападков на социал-демократов. Всех коммунистов призывали к созданию единого фронта с социал-демократами, а в качестве долговременной цели было провозглашено даже создание единой партии социал-демократов и коммунистов. Было решено распустить все осколочные профсоюзы, а их членам рекомендовать вступить в профсоюзы, руководимые социал-демократами. Кроме того, была поставлена цель объединения Народного фронта с буржуазно-демократическими силами для защиты демократии от фашизма. В то же время более решительно было сказано и о национальных традициях народов, прекращена атеистическая пропаганда и выдвинуто требование о союзе с христианскими силами.

Это решительное изменение генеральной линии было с воодушевлением встречено подавляющим большинством коммунистов во всех странах мира. Многие тысячи коммунистов увидели наконец реализованным то, к чему они уже давно стремились. Так в период проведения политики Народного фронта были наконец преодолены замкнутость и изолированность коммунистического движения, и в ходе антифашистской борьбы все компартии Европы, а особенно французская и испанская, очень быстро увеличили свое влияние. Во Франции коммунисты сумели увеличить на парламентских выборах число своих мандатов с 10 до 72. Хотя французские комму-

нисты и хотели участвовать в правительстве, Коминтерн не разрешил им тогда пойти на такой шаг. В итоге они могли поддерживать политику правительства только в парламенте.

В Испании после мятежа генерала Франко коммунисты — впервые в практике западноевропейских стран — вошли в состав правительства. В правительстве испанского Народного фронта, существовавшем с сентября 1936 до апреля 1939 года, они возглавили министерства народного просвещения и сельского хозяйства. Компартия, бывшая до 1936 года лишь весьма малочисленной организацией, превратилась в ходе Гражданской войны в большую силу. Самопожертвование, активность, организованность и героизм испанских коммунистов были, к сожалению, ослаблены в результате расправы с инакомыслящими, которая проводилась по директивам из Москвы, затронув прежде всего троцкистов, анархистов и тех левых социалистов, которые отказались подчиниться московской линии.

Несмотря на это, для многих коммунистов период Народного фронта был самым счастливым временем в их политической борьбе. Существовал определенный и очевидный враг — фашизм. Борьба велась совместно с социалистами, социал-демократами и левыми буржуазными силами, и при этом одерживались успехи. Но если сегодня часто утверждают, что еврокоммунизм является продолжением прежней политики Народного фронта, то это неверно и исторически, и по существу. В обоснование этого я хотел бы сформулировать пять следующих причин.

Во-первых, политика Народного фронта не изменяла конечную цель установления диктатуры пролетариата и построения социализма советского образца. Политика Народного фронта была сформулирована как задача текущего момента и отнюдь не означала изменения конечной цели.

Во-вторых, не было отмежевания от Советского Союза. VII конгресс Коминтерна, провозгласивший политику Народного фронта, принял приветствие Сталину, который прославлялся как вождь, учитель и друг пролетариата и угнетенных народов всего мира и как любимый вождь международного пролетариата. Тот же самый конгресс обязал всех коммунистов в случае войны «всеми средствами и любой ценой содействовать победе Красной Армии над армиями империалистов».

В-третьих, политика Народного фронта полностью совпала с советской внешней политикой, характеризовавшейся стремлением к союзу с демократическими западными державами против нацистской Германии и к проведению политики так называемой коллективной безопасности, причем подчинение Советскому Союзу не ставилось под сомнение.

В-четвертых, одновременно с переходом к политике На-

родного фронта, которую положительно оценили все коммунисты, и с переориентацией Советским Союзом своего внешнеполитического курса на создание системы коллективной безопасности против нацистской Германии в самом Советском Союзе была организована большая чистка, в ходе которой был уничтожен почти весь аппарат Коминтерна. Были арестованы и расстреляны все функционеры, игравшие руководящую роль в Коминтерне, в том числе известные русские коммунисты Зиновьев и Бухарин. Радек погиб в советском лагере. Троцкого чистка настигла в 1940 году в изгнании в Мексике. Еще больше жертв было среди иностранных коммунистов, находившихся в Советском Союзе. Большинство из них, бежав до этого, часто с опасностью для жизни, из европейских стран в Советский Союз, попало в советские тюрьмы и лагеря. Выжили лишь немногие. Кроме того, в период политики Народного фронта осенью 1938 года была распущена польская компартия, а все польские коммунисты, проживавшие в Советском Союзе, были арестованы. Сталин хотел распустить тогда и югославскую компартию, но этого — правда, лишь с величайшими трудностями — удалось не допустить. Все эти действия не вызвали ни единого слова критики со стороны какой-либо коммунистической партии мира.

В-пятых, еврокоммунизм нельзя сравнивать с периодом политики Народного фронта еще и потому, что этот период продолжался лишь около четырех лет. Он завершился в августе 1939 года внезапным новым изменением генеральной линии. Такому изменению курса по приказу Москвы не помешала бы сегодня ни одна еврокоммунистическая партия.

Европейские коммунисты в период действия пакта Гитлера—Сталина (1939—1941)

За многообещающим периодом политики Народного фронта последовала самая мрачная глава в истории европейского коммунизма — пакт Гитлера—Сталина, который действовал с 23 августа 1939 года до июня 1941 года. Вспоминая об этом времени, нынешние коммунисты пытаются либо предать забвению все, что произошло в те дни, либо начинают честно «проливать бальзам» на эту рану.

В течение этих двух тяжелых лет перед коммунистами стояла задача поддерживать политику, самоубийственную для большинства их в каждой отдельной стране Европы. Ведь пакт Гитлера—Сталина был не просто пактом о ненападении между Советским Союзом и нацистской Германией — скорее, он учреждал нечто вроде компании, форму сотрудничества, закрепленного в дополнительном секретном протоколе, который разделил сферы влияния гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза в Восточной Европе.

Из независимых тогда Прибалтийских государств Эстония и Латвия вошли в советскую, а Литва — в германскую сферу влияния. Польша была также разделена на сферы влияния. Бессарабию — часть Румынии — присоединили к советской сфере влияния. Разделять ответственность за все эти захваты и даже защищать их должны были коммунисты всех стран. Европейские коммунисты оказались в те годы в невероятно тяжелом положении, будучи вынужденными практически прекратить прежнюю борьбу с фашизмом. Об этом следует напомнить здесь не с язвительным злорадством, а с пониманием и с сочувствием к европейским коммунистам, которые за те два года в знак протеста вышли из партии или, стиснув зубы, вынуждены были молча наблюдать за тем, как в считанные месяцы были сведены на нет все достижения периода Народного фронта.

Западноевропейские коммунисты, например председатель [Исполкома] компартии Англии Гарри Поллит*, пытались на первых порах как-то еще совместить пакт Гитлера—Сталина с собственной борьбой против фашизма, но уже очень скоро обнаружилось, что это невозможно. После того как 17 сентября 1939 года советские войска — с явного согласия гитлеровского правительства — вступили в Восточную Польшу (по советской терминологии — Западная Белоруссия и Западная Украина), для компромиссов не оставалось больше места. Европейские коммунисты должны были отныне отстаивать новую линию и относиться ко второй мировой войне, разразившейся между нацистской Германией и западными державами, как к борьбе, которую обе стороны вели под империалистическими лозунгами. Но и это было еще не все. В конце октября** 1939 года Советский Союз напал на Финляндию, что означало катастрофу прежде всего для скандинавских коммунистов, чьи партии оказались полностью изолированными от населения своих стран. Наконец, 31 октября 1939 года Молотов заявил, что не гитлеровская Германия, а Англия и Франция развязали войну. Объявленную западными странами цель войны — «уничтожение гитлеризма» — Молотов счел не имеющей «никакого оправдания». По его словам, «не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за „демократию“»⁵. 6 ноября 1939 года ослабленный и подвергшийся чистке Коминтерн также вынужден был заявить, что обе стороны ведут империалистическую войну и что вину за нее несут Англия и

* В действительности Гарри Поллит в тот период был генеральным секретарем Исполкома Коммунистической партии Великобритании. — *Прим. ред.*

** Так в тексте оригинала. — *Прим. ред.*

Франция. Это было четкое предписание не считать главным врагом гитлеровскую Германию.

Еще больше трудностей принес европейским коммунистам 1940 год. Стало известно — и, между прочим, документально доказано, — что советская секретная служба (известная тогда под названием НКВД) выдала германских коммунистов гестаповцам и что руководители гестапо и НКВД встречались на германско-советской границе в Польше для обмена пленными.

После того как в апреле 1940 года гитлеровский вермахт оккупировал Норвегию и Данию, возникла еще одна печально-курьезная ситуация: германские оккупанты запретили все социалистические, либеральные и даже консервативные газеты, по-прежнему могли выходить лишь фашистские газеты и... коммунистические(!). Они призывали тогда население не участвовать в движении Сопротивления. То же повторилось в мае 1940 года, после того как войска нацистской Германии оккупировали Бельгию, Люксембург и Голландию, и, наконец, в июне 1940 года, после оккупации Франции. Там тоже могли по-прежнему выходить — с одобрения германских оккупационных властей — коммунистические газеты, в том числе и «Юманите», в которых содержался призыв не поддерживать движение Сопротивления и даже бороться с ним.

Для многих коммунистов Европы обязательность политической линии в период пакта Гитлера—Сталина была причиной разрыва с партией, для других — очевидно, для еще большего числа — эти два года послужили толчком к размышлениям о роковом значении привязанности к внешней политике Советского Союза. Поэтому они очутились на большом перепутье, которое позднее должно было привести к еврокоммунизму.

Коммунисты в европейском движении Сопротивления (1941—1945)

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года эта генеральная линия молниеносно изменилась. Гитлер напал совершенно неожиданно, поскольку Сталин игнорировал все предупреждения. Еще за несколько дней до начала войны, 14 июня 1941 года, ТАСС заявил, что все слухи об ухудшении советско-германских отношений являются измышлениями. Руководители Коминтерна находились в ночь с 21 на 22 июня в доме отдыха в Кунцево под Москвой. Они были так же изумлены неожиданным нападением германских войск, как и советское руководство.

После этого Москва немедленно призвала международное коммунистическое движение мобилизовать все возможные политические и военные силы на борьбу с гитлеровским фа-

шизмом. Несмотря на трудность положения большинства европейских коммунистов — в основном они находились в условиях германской оккупации, — новая линия была, естественно, воспринята с облегчением и энтузиазмом. Последующий период борьбы в движении Сопротивления выпестовал десятки, если не сотни тысяч нынешних еврокоммунистов!

Коммунисты всех европейских стран активно участвовали в движении Сопротивления, которое в зависимости от страны и времени выражалось в весьма разнообразных формах борьбы. Существовали пассивное сопротивление, изготовление и распространение печатных листовок, саботаж на военных предприятиях, а позднее также вооруженная борьба и создание партизанских войск, прежде всего в Югославии и Греции. Имелись различия в подходе к сотрудничеству с другими силами. В некоторых странах удалось наладить очень широкое сотрудничество, в других уже во время антифашистской борьбы в движении Сопротивления возникли разногласия между прозападным и просоветским направлениями. Сами европейские коммунисты выступали за максимально широкое сотрудничество всех сил, и для них это было время самопожертвования, активности, организационного сплочения и героизма. Даже то, что в последние годы войны сталинские аппаратчики в ряде случаев начали расправляться с неудобными силами среди своих союзников, лишь в незначительной степени ослабило это чувство общности боевых дел.

В тот период — и это имело чрезвычайно большое значение для последующего развития коммунистического движения — коммунистические партии Европы были более чем когда-либо предоставлены самим себе. Советский Союз призывал коммунистов всех стран к максимальным уступкам по отношению ко всем возможным союзникам, чтобы создать самый широкий фронт борьбы против гитлеровского фашизма. Коммунисты Англии и Франции должны были выступать за открытие второго фронта, которое облегчило бы военное положение Советского Союза. При этом неустанно подчеркивалось (между прочим, и в школе Коминтерна, которую я тогда посещал), что угроза сектантства, отгораживания от других сил является самым опасным уклоном. Постоянно указывалось на то, что обстановка диктует не отстаивание собственных интересов и политических целей, а в первую очередь мобилизацию всех возможных политических и военных сил для борьбы против гитлеровского фашизма.

Эта цель считалась настолько доминирующей, что уже тогда наметились разногласия между сталинским руководством и теми коммунистами, которые самым решительным образом действовали в своем движении Сопротивления, а именно с коммунистами Югославии и Китая. В обоих случаях советское руководство попыталось ограничить коммунистичес-

кие партии национально-освободительной борьбой и сдержать любые самостоятельные социальные, в том числе даже социалистические, преобразования. Советский Союз с неудовольствием взирал на лозунги югославских коммунистов «Смерть фашизму, свобода народу!», «Единство и братство!» и прежде всего на лозунг «Нет возврата к старому!», поскольку они показывали, что югославские коммунисты хотят соединить национально-освободительную борьбу с революционным преобразованием своего общества в социалистическом направлении. Эти разногласия зашли настолько далеко, что весной 1942 года Советский Союз отказался предоставить партизанам Тито обещанную помощь, а Сталин выражал недовольство революционно-социалистическим характером югославского освободительного движения и постоянно советовал югославам сотрудничать с монархическим правительством, находившимся в эмиграции в Лондоне.

В разгар войны, в конце мая 1943 года, совершенно неожиданно было опубликовано решение о роспуске Коммунистического Интернационала. Это решение оказалось абсолютно неожиданным почти для всех компартий и их руководителей, даже для многих функционеров Коминтерна, проживавших в Советском Союзе. Помню, что в школе Коминтерна в Уфе не только мы, курсанты, но и преподаватели не были подготовлены к предстоящему роспуску Коминтерна.

Аргументацию, которую содержало постановление о роспуске, опубликованное 22 мая 1943 года, можно вкратце свести к следующему. Ход событий за истекшую четверть века показал, что избранная форма Коминтерна все больше изживала себя. Коммунистические партии переросли стоявшие перед ними первоначальные задачи, все отчетливее проявляются различия в отдельных странах, централизованное руководство компартиями через Коминтерн становится все большим препятствием на пути дальнейшего развертывания коммунистического движения. Далее в постановлении следовало решающее положение, на которое сегодня опираются многие еврокоммунисты и которое также неоднократно цитировалось Румынской компартией и ее руководителем Чаушеску: «Глубокое различие исторических путей развития отдельных стран мира, различный характер и даже противоречивость их общественного уклада, различие в уровне и темпах их общественного и политического развития, наконец, различие в степени сознательности и организованности рабочих обусловили и разные задачи, стоящие перед рабочим классом отдельных стран»⁶.

Таким образом, было официально заявлено, что различие в общественном строе, политическом развитии, рабочем движении отдельных стран вызывает необходимость различного подхода к решению проблем в каждой стране. В заключение

следовало указание на то, что коммунисты всех стран должны «при решении всех вопросов рабочего движения исходить из конкретных условий и особенностей каждой страны...».

Добившись успехов в антифашистском движении Сопротивления, коммунистические партии достигли после 1943 года и усиления своего влияния.

Эти годы второй мировой войны для многих не история, а все еще центральная тема бурных дискуссий, тем более что многие еще помнят об этом периоде по собственным переживаниям. Споры о роли коммунистов по-прежнему носят ожесточенный и острый характер. Противники коммунизма не престанно ссылаются на политику коммунистов в годы действия пакта Гитлера—Сталина, а сами коммунисты противопоставляют этому напоминание о своей активной деятельности в движении Сопротивления в 1941—1945 годах. Обе позиции сами по себе односторонни. Можно только надеяться, что еврокоммунисты придут к объективной оценке *обоих* этих этапов.

Не подлежит, однако, сомнению, что трагический опыт периода действия пакта Гитлера—Сталина, с одной стороны, и героический опыт антифашистской борьбы Сопротивления—с другой, сыграли решающую роль в возникновении современного еврокоммунизма.

Европейские коммунисты в 1945 году

К концу второй мировой войны коммунистические партии Европы достигли апогея в своем становлении и влиянии. За исключением Итальянской коммунистической партии, которая сумела еще больше усилить свое влияние, все другие коммунистические партии впоследствии уже никогда не обладали таким весом, как непосредственно после окончания второй мировой войны. Это относится не только к их численности, но и к результатам участия в парламентских выборах. Часто забывается тот факт, что коммунисты участвовали также в правительствах западноевропейских стран.

Во Франции на первых послевоенных выборах компартия получила 26 процентов голосов избирателей и тем самым стала первой партией страны. С ноября 1945 по май 1947 года она входила в состав правительства, причем руководитель партии Торез был заместителем председателя совета министров, а четыре других коммунистических функционера возглавляли такие важные министерства, как министерства вооружения, промышленности, экономики и труда.

Вторыми по влиянию были тогда коммунисты Финляндии, которые в рамках Демократического союза народа Финляндии получили непосредственно после войны 23,5 процента

голосов избирателей и заняли посты министров внутренних дел, социального обеспечения и снабжения.

В Италии на первых послевоенных выборах компартия собрала 19 процентов голосов избирателей и участвовала до мая 1947 года в правительстве; в частности, Тольятти был министром юстиции.

В Исландии коммунисты, партия которых тогда называлась Единой социалистической партией Исландии, получили на выборах в июне 1944 года 16 процентов голосов избирателей и посты министров просвещения и труда.

В Люксембурге коммунисты смогли получить на первых после 1945 года выборах 14 процентов голосов избирателей; руководитель КПА Урбани стал министром здравоохранения.

В Бельгии компартия собрала на выборах в феврале 1946 года 12,7 процента голосов избирателей; коммунисты возглавили министерства восстановления, здравоохранения, труда, продовольствия.

В Дании компартия получила 12,5 процента голосов избирателей, а два руководящих функционера партии, в том числе ее лидер Аксель Ларсен, стали министрами.

В Норвегии компартия получила 11,9 процента голосов избирателей и два коммуниста вошли в правительство в качестве министров.

В Швеции коммунисты получили 11,2 процента голосов избирателей — наивысший процент, который когда-либо получали там коммунисты, однако в правительстве они не были представлены.

В Нидерландах коммунисты смогли собрать 10,5 процента голосов избирателей. Их партийная газета «Де ваархейд» с тиражом 400 тысяч экземпляров стала одной из важнейших газет страны. В правительство КПН не входила.

В оккупированной тогда Австрии коммунисты с апреля и до первых выборов в ноябре 1945 года входили во временное коалиционное правительство, возглавляя министерства внутренних дел (Хоннер) и воспитания (Эрнст Фишер).

Даже в трех западных оккупационных зонах Германии коммунисты были представлены во всех земельных правительствах. В Бадене коммунисты возглавляли министерство восстановления, в Вюртемберге — министерство труда, в Баварии — министерство особых дел, в Гессене — министерства труда и внутренних дел, в Нижней Саксонии — министерства восстановления и труда, в земле Северный Рейн-Вестфалия — министерства социальных дел и восстановления, в Рейнланд-Пфальце — министерства восстановления и транспорта; в сенате Гамбурга они занимали посты сенаторов по делам беженцев и здравоохранения, в сенате Бремена — по делам продовольствия и труда, а также здравоохранения и благосостояния.

Если исключить особые случаи оккупированных Германии и Австрии, то надо все же признать, что по крайней мере в первые два послевоенных года компартии восьми стран вне сферы советского влияния участвовали в правительствах. Руководство этих партий выступало тогда за мирное сотрудничество и единство всех антифашистских сил, за совместное быстрое восстановление своих стран, открыто заявляя о неизменной готовности строго придерживаться демократической программы. Коммунистические партии были в то время партиями возрождения, мира, демократии и прогресса. Фактически в тот период существовали большие возможности для последующего самостоятельного развития, и многие коммунисты уже тогда стремились идти к социализму собственным путем.

Надежды на самостоятельный путь к социализму (1945—1947)

Надежды на самостоятельный путь к социализму не были необоснованными. ибо тогда — с одобрения Москвы — различные коммунистические партии официально заявляли, что они пойдут к социализму собственным путем и что возможен переход к социализму демократическим путем, то есть иначе, чем в Советском Союзе.

Первым партийным функционером, высказавшим такой взгляд, был Антон Аккерман, который занимался тогда в партийном руководстве Компартии Германии в Восточном Берлине вопросами агитации и пропаганды. Он опубликовал в журнале «Айнхайт» статью «Существует ли особый немецкий путь к социализму?»⁷, которая привлекла большое внимание. Аккерман заявил о возможности мирного перехода к социализму, если господствующий капиталистический класс не владеет военным и бюрократическим государственным аппаратом насилия. Он высказался за мирный путь к социализму, ибо «никто не желает более страстно, чем мы, избежать новых сражений, нового кровопролития».

Еще важнее было его недвусмысленное заявление о том, что путь Германии к социализму будет отличаться от пути России и Советского Союза. Аккерман обосновывал это тем, что Россия 1917 года была еще экономически отсталой страной: производительность труда была относительно низкой, промышленность — слаборазвитой, численность рабочего класса — относительно небольшой. В Германии, напротив, можно довольно быстро опять достигнуть высокого уровня производства, имеется несравненно больше квалифицированных рабочих, а главное — рабочий класс составляет большинство населения. Исходя из этого, Аккерман считал, что в Германии можно построить социализм с меньшим напряжением

сил и что «рост социалистического благосостояния также может при известных условиях происходить быстрее». Но решающее значение имело указание на то, что благодаря большому влиянию рабочего класса будет облегчена внутренняя борьба в процессе продвижения к социализму, что ее можно будет «вести с меньшими жертвами, ускоряя развитие социалистической демократии»⁸.

Нынешнему западному читателю все это, быть может, покажется довольно абстрактным, теоретическим. Но в то время многие коммунисты черпали в таких заявлениях новые надежды. Многие, в том числе и я, верили, что после вывода оккупационных войск германские марксисты, избавленные от иностранной опеки, найдут собственный путь, который будет отличаться от советского и приведет к построению социалистической демократии.

Аналогичные мысли высказывали тогда и многие другие руководящие деятели европейских компартий. Так Владислав Гомулка заявил 7 декабря 1945 года в Варшаве: «При режиме народной демократии... социальные преобразования могут осуществляться эволюционным путем и таким же путем может происходить и переход к социализму. Народную демократию можно превратить в демократию социалистическую мирными средствами»⁹. Руководитель Болгарской компартии Георгий Димитров, выступая 27 февраля 1946 года в Софии, высказался еще более отчетливо, заявив: «Каждая нация совершит переход к социализму не предписанным путем, не точно так, как в Советском Союзе, а своим путем, который зависит от ее исторических, национальных, социальных и культурных особенностей». Поэтому важно «найти наш собственный, болгарский путь к социализму»¹⁰. Аналогичные высказывания сделали и руководители двух ведущих компартий Западной Европы. Морис Торез (ФКП) сказал в интервью газете «Таймс» в ноябре 1946 года: «Прогресс демократии во всем мире — за незначительными исключениями, подтверждающими правило, — позволяет продвигаться к социализму и другими путями, а не только тем, которым шли русские коммунисты. Во всяком случае, путь каждой страны неизбежно различен»¹¹. А Пальмиро Тольятти (ИКП) провозгласил в речи 10 января 1947 года во Флоренции: «Международный опыт учит нас... [что] для достижения социализма, а значит, для полного развития демократии, надо искать новые пути, отличающиеся от тех, которыми, например, шли рабочий класс, трудящиеся Советского Союза... Наша задача... найти свой, итальянский путь, диктуемый особенностями, традициями и условиями нашей страны, развитием демократии и борьбой за самые прогрессивные демократические реформы и социализм»¹².

Насколько серьезными были все эти тогдашние заявле-

ния? Ответ зависит от того, о каких коммунистах в каждом отдельном случае идет речь. Для партийных функционеров-сталинистов тогда существовала обязательная линия из Москвы. Они отстаивали ее так же, как и любую другую линию из Москвы. Однако для честных коммунистов, стремившихся к самостоятельности и искавших новые пути, то время было периодом больших надежд.

Сталинское руководство позволяло тогда провозглашать собственный путь к социализму, поскольку Сталин до 1947 года явно был заинтересован в сохранении военного союза с западными державами. Поэтому компартии не должны были заходить слишком далеко, чтобы «не пугать» западных союзников. Они должны были действовать как самостоятельные демократические партии с широким спектром объединяемых сил. В странах Восточной Европы Сталин на первых порах явно поддерживал политику широкого союза политических сил, для того чтобы создать за это время собственный партийный аппарат, суметь овладеть полицией, армией и государственным управлением и в результате получить в свое распоряжение инструмент, необходимый для установления в последующем единоличного господства.

Однако большинству коммунистов, которые в первые послевоенные годы искренне надеялись на реальность самостоятельного пути к социализму, приходилось все больше разочаровываться, по мере того как с 1947 года стал намечаться поворот. Стало употребляться все меньше формулировок с упоминанием демократической политики союзов и собственного пути к социализму. С осени 1947 года ужесточение официального курса стало обязательным для всех коммунистических партий мира. Переход сталинского руководства к жесткому курсу стимулировался рядом причин.

Во-первых, переговоры о помощи по «плану Маршалла» в июне 1947 года усилили недоверие Сталина, тем более что чехословацкое и польское правительства — включая входящих в них коммунистов — заняли по этому вопросу неопределенную позицию, а чехословацкое правительство на первых порах даже согласилось получать помощь по этому плану. Только под нажимом Москвы правительства восточноевропейских стран отклонили «план Маршалла».

Во-вторых, удаление министров-коммунистов из западноевропейских правительств в 1947 году также способствовало росту недоверия Сталина.

В-третьих, отношения между Советским Союзом и западными державами обострились, военный союз антигитлеровской коалиции распался. Начиналась холодная война.

В-четвертых, несмотря на присутствие советских войск и множества русских советников в партиях, государственном аппарате, армии, экономике и органах госбезопасности вос-

точноевропейских стран, Сталина тревожил рост там тенденций к самостоятельному развитию. С особенно глубоким недоверием Сталин наблюдал за началом самостоятельного развития Югославии и ростом авторитета Тито.

Создание Коминформа в сентябре 1947 года

Одним из факторов, предreshивших проведение более жесткой линии и усиление подчинения Советскому Союзу, было также создание в сентябре 1947 года Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа). После секретной подготовки (даже многие ответственные функционеры компартий Европы не были информированы об этом) руководство польской компартии по инициативе КПСС пригласило без всякого предварительного уведомления правящие компартии Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Советского Союза. Из неправящих партий приглашения получили итальянская и французская. Уже сам выбор партий представлял интерес. Отсутствовали Компартия Китая, восточногерманская СЕПГ, Компартия Албании, а также такие важные партии, как финская и греческая.

Учредительное совещание состоялось 22—27 сентября 1947 года в строго охраняемом уединенном доме отдыха польского министерства госбезопасности в Шрайберхау (по-польски Шклярска-Поремба). Каждая из названных партий была представлена на совещании двумя официальными делегатами. Из Советского Союза прибыли Жданов и Маленков, из Югославии — Кардель и Джилас, из Италии — Луиджи Лонго (ставший позже, после смерти Тольятти, руководителем Итальянской компартии) и Эудженио Реале (порвавший с Итальянской компартией в 1956 году после подавления венгерской революции), из Франции — два руководителя, на которых Советский Союз мог всегда положиться больше всего, — Жак Дюкло и Этьен Фажон.

Новая линия, о которой доложил Жданов, гласила: мир разделен на два лагеря — лагерь империализма во главе с США и лагерь мира и социализма во главе с Советским Союзом. Это значит, что военному союзу СССР с западными державами пришел конец и компартии Западной Европы могут больше не проводить свою относительно примирительную линию и не сотрудничать с некоммунистами, а должны немедленно принять более твердый курс. Жданов особенно сильно критиковал французских и итальянских коммунистов, инкриминируя им недостаточную боевитость после войны и иллюзии в отношении сотрудничества с некоммунистами.

Затем все участники сделали сообщения о положении в своих партиях. При этом Жданов зачастую грубо прерывал

сообщения представителей французской и итальянской компартий Дюкло и Луиджи Лонго репликами вроде: «Пока вы продолжаете бороться за возможность остаться в правительстве, вас выбросят другие!» После такой прелюдии Жданов предложил создать Информационное бюро коммунистических и рабочих партий. Из участников совещания сомнение высказал прежде всего руководитель польской компартии Гомулка. Позднее он отбросил сомнения, но высказал пожелание не публиковать официального сообщения ни о совещании, ни о создании новой организации. Все должно было оставаться в секрете. Предложение Гомулки было отклонено. Потом был обсужден еще вопрос о месте пребывания новой организации. Жданов и все остальные предложили Прагу. Затем Жданов переговорил со Сталиным по телефону, и тот определил, что резиденцией должен стать Белград.

В официальном коммюнике утверждалось, что речь идет не о возрождении Коммунистического Интернационала, а только о создании информационного органа с целью обмена информацией и опытом между компартиями и достижения известной координации их политической деятельности на основах взаимного согласия.

Каждая компартия — участница совещания должна была направить в Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (во всем мире очень скоро стало известно сокращение «Коминформ») по два представителя. Должен был также издаваться еженедельный орган Коминформа. По предложению Сталина он получил название «За прочный мир, за народную демократию!».

Создание Коминформа показало, что военный союз СССР с западными державами окончательно распался. Новое Коминформбюро призвано было впредь в зародыше душить любое стремление к автономии или самостоятельности, проявляемое внутри коммунистического движения всего мира. Сталинское руководство планировало также акции против Югославии: Белград был определен местопребыванием бюро лишь с целью иметь там инструмент контроля. Новая еженедельная газета имела своей задачей создавать для сталинского руководства возможность объявлять об изменении политики или о каких-то акциях, не связывая это с советским руководством.

Европейские коммунисты в период позднего сталинизма (1947—1953)

Период от создания Коминформа осенью 1947 года до смерти Сталина в марте 1953 года отчасти напоминает время существования пакта Гитлера — Сталина. История в известном смысле повторялась: подобно тому как пакт Гитлера —

Сталина покончил со всеми успехами обнадеживающего периода политики Народного фронта, так и за обнадеживающим периодом антифашистской борьбы Сопротивления и первыми послевоенными годами последовал период, когда коммунистам пришлось опять отказаться от важной политической сферы деятельности, встав на путь централизации и ужесточения курса.

Последствия этого шага стали очевидными уже в первые недели и месяцы после создания Коминформа. В отношениях между Востоком и Западом появился такой феномен, как блокада Берлина, в Восточной Европе намечался окончательный захват власти коммунистами в Праге, что и произошло в феврале 1948 года. С весны 1948 года стало ощутимым усиление нажима Советского Союза на Финляндию, началась кампания против все более стремящейся к самостоятельности Югославии, приведшая в июне 1948 года к ее исключению из Коминформа.

Во всем международном коммунистическом движении с 1948 года стало осуждаться как «антипартийное» любое упоминание о самостоятельном пути к социализму. Типичным для этого нового курса было заявление руководства СЕПГ от сентября 1948 года, в котором говорилось: «Попытка выработать такой особый немецкий путь к социализму привела бы к игнорированию великого примера Советского Союза». Автора тезиса об особом немецком пути к социализму Антона Аккермана заставили 24 сентября 1948 года выступить с самокритикой. В своей самокритичной статье «О единственно возможном пути к социализму» Аккерман отказался от своих прежних взглядов, заявив, что теория самостоятельного пути к социализму подразумевает отмежевание от КПСС, которое следует осудить.

За переориентацией курса, занявшей период с сентября 1947 до лета 1948 года, последовала сталинизация Восточной Европы, которая проводилась последовательно и беспощадно. Хотя это касалось главным образом коммунистов Восточной Европы, пострадали и западноевропейские коммунисты. Они должны были отныне в соответствии с новой партийной линией защищать все, что происходило в восточноевропейских странах. Они должны были объяснять на Западе, почему в вооруженных силах, экономике и всех других общественных сферах восточноевропейских государств появились русские советники с широкими полномочиями. Советский учебник «Краткий курс истории ВКП(б)» под редакцией Сталина стал обязательным для всех стран Восточной Европы, в которых отныне была введена также бюрократическая централизованная система государственного планирования экономики советского типа. За этим последовали насильственная коллективизация крестьян и организация

колхозов советского образца. Все некоммунистические партии Восточной Европы утратили всякую самостоятельность, превратившись в сателлитов аппарата компартий.

Социал-демократов заставили «объединиться» с компартиями, в которых они практически растворились. Члены вновь созданных единых — фактически сталинистских — партий были полностью подчинены руководству; была введена система бюрократического централизма, при которой партийный аппарат монополизировал всю общественную жизнь. Духовная и культурная жизнь была также подчинена абсолютной партийной диктатуре; по советскому образцу в литературу и искусство был введен «социалистический реализм», а в науку — «партийность». Наконец, доминирующим инструментом власти и главной опорой режима стала секретная полиция, которой все боялись и которая властвовала над всеми и все контролировала.

Десятки тысяч людей, в том числе коммунисты и бывшие видные руководители компартий, были арестованы из опасения, что они, может быть, стали бы пропагандировать самостоятельные цели. Наконец, европейских коммунистов вынудили поддержать проведение во всех восточноевропейских странах показательных процессов над руководящими деятелями по образцу крупных чисток в Советском Союзе, в том числе — и прежде всего — над теми, кто активно участвовал в нелегальном движении Сопротивления или в Гражданской войне в Испании. А после того как 21 декабря 1949 года во всех восточноевропейских странах и всеми компартиями мира было отмечено столь же торжественно, как и в Советском Союзе, то есть со всеми явными признаками культа, семидесятилетие Сталина, все компартии, и прежде всего правящие восточноевропейские компартии, должны были осудить самостоятельный путь Югославии и заклеить югославских коммунистов как «фашистов Тито».

Эти трансформации в недрах позднего сталинизма явно осуществлялись по детально разработанному плану. Сталин не забывал о долговременной цели присоединения восточноевропейских стран к Советскому Союзу в качестве союзных республик. Когда я сам еще жил в советской зоне оккупации Германии, Антон Аккерман как-то весной 1948 года спросил меня в частном разговоре, не обращал ли я внимания на то, что в названии СССР отсутствует слово «Россия». Это, пояснил он, не случайность, ибо открывается возможность для вступления в Союз вновь возникающих социалистических государств. Как только народно-демократические страны, а потом и советская зона создадут основы социализма, они потеряют свое самостоятельное, независимое от Советского Союза существование и присоединятся к СССР в качестве новых союзных республик. Я был удручен тогда такой перспек-

тивной. Между тем югославский историк Владимир Деднер, изучив самые различные документы, подтвердил это предположение. По его словам, Сталин имел четкий план «присоединения всех восточноевропейских стран, в том числе и Югославии, к советской государственной территории»¹³.

Тогдашние события были, таким образом, этапами рассчитанного на длительную перспективу плана, который ко времени смерти Сталина был во многом уже реализован. Восточноевропейские страны стали сателлитами Советского Союза, полностью подчинясь СССР во внешней политике и полностью перенеся сталинскую систему во внутренней политике.

Одновременно в период позднего сталинизма прошли чистки и осуждение видных партийных функционеров также и в компартиях Западной Европы. И из них с руганью и позором были исключены тысячи коммунистов — прежде всего борцы Сопротивления времен второй мировой войны, евреи и бывшие испанские борцы. Так, в октябре 1949 года был изгнан Педер Фурнботн, в течение многих лет возглавлявший норвежскую компартию и руководивший коммунистическим движением Сопротивления в Норвегии, человек, которого до этого прославляли как «норвежского Тито». Вместе с Фурнботном из Компартии Норвегии вышла треть ее членов. Несколько месяцев спустя, в январе 1950 года, произошло событие, которое еще и сегодня играет большую роль в различных дискуссиях: газета Коминформа «За прочный мир, за народную демократию!» открыто напала на японскую компартию и ее руководителя Токуду, поскольку он пропагандировал умеренный курс и демократический путь. Он должен был выступить с самокритикой, и тогдашнее осуждение японские коммунисты никогда не забыли.

В феврале—марте 1951 года все компартии западноевропейских стран вынуждены были сделать официальные заявления о том, что в случае войны они будут поддерживать вступление в свои страны советских войск. Это привело к массовым выходам из партий, часто в сочетании с чисткой. В декабре 1952 года из Французской компартии были изгнаны два самых видных члена Политбюро, сыгравших решающую роль как в Гражданской войне в Испании, так и в движении Сопротивления,— Андре Марти и Шарль Тийон. Последний в 1945—1947 годах был министром вооружения в правительстве де Голля.

Необходимость обязательно защищать и оправдывать все, что делал Советский Союз, развитие событий в Восточной Европе, восхваление Сталина, требование поддержать вступление советских войск в западноевропейские страны в случае войны — все это привело в конечном счете к резкому падению престижа коммунистических партий и чувствительным

для них потерям. Сильный отлив наблюдался в численности партий, тиражах партийной печати, а также в активности их членов и результатах выборов. Проиллюстрируем это лишь некоторыми цифрами. В Бельгии число голосов, подаваемых за компартию, сократилось с 12,7 процента в 1945 году до 3,5 процента в 1953 году, в Нидерландах — соответственно с 10,6 до 6,2, в Дании — с 12,5 до 4,3, в Норвегии — с 11,9 до 5,1, в Швеции — с 11,2 до 4,3 процента. В Великобритании в 1945 году за компартию голосовало 102 тысячи англичан, а в 1953 году всего 21 тысяча. Численность Французской компартии сократилась с 800 тысяч в конце войны до 200 тысяч ко времени смерти Сталина. Тираж центрального органа ФКП «Юманите» с 600 тысяч экземпляров в 1946 году упал до 200 тысяч в 1951 году. Только Итальянская компартия в значительной степени избежала такого отлива. Одна из причин этого состояла в том, что ИКП была первой компартией, которая — хотя вначале и осторожно — пыталась проводить самостоятельную политику.

Вся эра Сталина с середины 20-х и до середины 50-х годов сегодня для коммунистов не только история. Три десятилетия этой эры играют очень важную роль в нынешних дискуссиях о еврокоммунизме. Конечно, воспоминания о прошлом не только отрицательны. И у коммунистов есть известная ностальгия, воспоминание о чувстве общей принадлежности к мировому движению, о международных встречах, друзьях. Но все эти воспоминания даже у тех, кто ныне еще принадлежит к советскому направлению, затмеваются острой критикой.

Три десятилетия сталинизма дают основание сделать следующий основополагающий вывод: подчинение Москве с ее централизованной системой, обязанность безоговорочно отстаивать советские государственные интересы, подавление всякого стремления к самостоятельности нанесли коммунистическому движению в Европе огромный ущерб. Уже тогда существовало понимание того, что наибольшие успехи становились возможными при достижении известной самостоятельности, как, например, в ходе антифашистской освободительной борьбы в годы второй мировой войны. Уже в то время многие критически мыслящие коммунисты задумывались об обретении самостоятельности и о переориентации, хотя такие мысли и нельзя было высказывать вслух. Несмотря на это или как раз поэтому горький опыт сталинизма заложил фундамент для последующего развития. Без этого опыта был бы немислим современный еврокоммунизм.

Глава 2

Кризис сталинизма и начало дифференциации в мировом коммунизме

Во времена сталинизма, особенно в период позднего сталинизма (1948—1953), в мировом коммунизме существовало глубокое противоречие между видимой картиной и действительным положением. Внешне все выглядело единым и монолитным. Советский Союз осуществлял полный контроль над своими союзниками — государствами-сателлитами. Не только восточноевропейские страны, но и все компартии мира проводили исключительно линию Сталина, превозносили и восхваляли все, что происходило в советской сфере господства, дисциплинированно выполняли все без исключения указания из Москвы. Правда, шла собственным путем, оставаясь после 1948 года единственным самостоятельным фактором, Югославия, но Сталину на первых порах удавалось изолировать остальное международное коммунистическое движение от ее новых путей и концепций.

Главные противоречия в период кризиса сталинизма

За фасадом силы, могущества и политического единства мирового коммунизма скрывались исключительные по масштабам противоречия, вызывавшие к далеко идущим переменам.

Внутри Советского Союза существовало глубокое противоречие между созданным Сталиным аппаратом и его методами (полиция, террор, рабский труд и бюрократическо-централизованная регламентация всех сфер жизни), с одной стороны, и проблемами, которые возникали у сложившегося тем временем в Советской России индустриального общества, — с другой. Возросли значение и влияние современных социальных сил — промышленных рабочих, техников, инженеров, управляющих и ученых. К концу эры Сталина Советский Союз достиг промышленного уровня, требовавшего дифференцированных методов руководства и людей, которые по собственному побуждению и ради собственных интересов трудились бы над разрешением растущих сложных проблем, следовательно, должны были бы развивать собственную инициативу. Для дальнейшего развития советского общества было настоятельно необходимо отказаться от террористиче-

ско-бюрократическо-централистской диктатуры Сталина и перейти к более современным, более гибким и более либеральным методам правления.

Негибкость внешнеполитической позиции в решающей степени способствовала изоляции Советского Союза. Сталин не уделял никакого внимания подъему народов Азии и Африки, более того, он даже восстановил против Советского Союза нейтралистские силы. Контакты между Советским Союзом и Западом почти отсутствовали, связи с заграницей были сведены к минимуму. К концу эры Сталина Советский Союз оказался во внешнеполитической изоляции.

К этому добавлялось множество новых проблем. Вступление в атомный век, новая военно-политическая ситуация, возникшая в связи с появлением атомного оружия, подъем национально-освободительного движения в развивающихся странах, рождение десятков новых независимых государств в Азии и Африке, рост значения международных организаций и многие другие новые явления требовали новых решений и в сфере советской внешней политики, и это было тем более насущно, что Советский Союз превращался из континентальной империи в глобальную мировую державу.

Но прежде всего полностью изжила себя — и это в нашем контексте особенно важно — система монопольного руководства международным коммунистическим движением. Все компартии подчинялись руководству Кремля, следовали политике Кремля как неписаному закону, для смещения неугодного руководителя было достаточно только кивка из Москвы. Недвусмысленной формулировки в одной из советских публикаций было достаточно для неожиданного изменения политической линии какой-либо компартии мира.

Но тогдашнее монолитное единство мирового коммунизма было только фасадом. Подобно тому как сталинская система и внутренняя политика уже не отвечали современным условиям индустриального общества, так и монолитное единство коммунистического движения под руководством Москвы уже не соответствовало условиям изменившегося мира.

Централистски руководимое Москвой международное коммунистическое движение было привязано к существованию единственной социалистической страны — СССР. Но Советский Союз перестал быть единственной страной мира, где правили коммунисты. Если непосредственно после окончания войны и в первые послевоенные годы народно-демократические страны Восточной и Юго-Восточной Европы удавалось удерживать на положении сателлитов, то начиная примерно с 1950 года делать это становилось все труднее. Восточноевропейские страны, окрепнув экономически и политически, обретали все больший вес. С переходом Югославии в 1948 году на самостоятельный путь развития возникла

марксистская альтернатива советскому коммунизму сталинского типа. А после победы китайской революции в октябре 1949 года в коммунистическом мире появился новый мощный фактор, который невозможно было игнорировать.

Но речь шла не только об отношениях между Москвой и компартиями, но и о самих компартиях. В условиях, когда мир вступал в атомный век, начиналась вторая промышленная революция и усиливалась международная экономическая интеграция, они, особенно в промышленно развитых странах Западной Европы, столкнулись с огромным комплексом новых задач, которые требовали решения. И в компартиях, до тех пор строго придерживавшихся сталинистско-догматической линии, искали таких новых решений.

Надо было заново не только продумать и организовать отношения между компартиями, но и разработать политические цели, политическую стратегию, методы и политику союза каждой отдельной компартии. А при этом неизбежно должны были проявиться различия во взглядах и противоречия как внутри мирового движения, так и внутри каждой партии.

Дифференциация между партиями и внутри каждой из них

Как проявлялись эти противоречия на практике в последние годы эры Сталина? Все большая дифференциация происходила в двух плоскостях: с одной стороны, в сфере отношений внутри международного коммунистического движения и первую очередь по вопросу о том, в какой степени или в каких пределах компартии должны быть самостоятельными, а с другой — внутри компартий по вопросу о том, как и в каких масштабах направлять и осуществлять переориентацию.

По обоим этим комплексам проблем возникли расхождения. В воззрениях на отношения внутри международного коммунистического движения произошло разделение на три типичных направления. Во-первых, существовали *сталилисты*, которые тогда — как, кстати, еще и сегодня — стремились к максимально тесному сотрудничеству под советским руководством. Они хотели организационного оформления этого сотрудничества и по возможности полного сохранения организационных форм Коммунистического Интернационала даже в совершенно изменившихся тем временем условиях. Во-вторых, имелось среднее направление — я хотел бы назвать его *центристским*, — сторонники которого понимали (и настаивают на этом еще и сегодня), что сохранять единство международного коммунистического движения сталинскими методами и средствами больше нельзя, и надеялись, что для соблюдения единства будет достаточно приверженности к одной идеологии и одинаковым целям, если компартиям будет

предоставлена определенная свобода действий, а совместные программные цели и принципы будут провозглашаться на международных конференциях, которым будет присуща известная свобода дискуссий. В-третьих, были *автономисты*, известные сегодня как еврокоммунисты. Эта группировка коммунистов все отчетливее выступала за независимость и самостоятельность каждой компартии и ратовала за осуществляемое без какого-либо центра двустороннее или многостороннее сотрудничество между компартиями исключительно на основе добровольной солидарности и взаимного невмешательства.

Но еще более существенными, чем различия во взглядах на формы международного сотрудничества коммунистов, были различия в подходе к вопросу о переориентации. Они возникали внутри каждой партии. Из группировок, сформировавшихся в зависимости от ответа на этот вопрос уже к концу эры Сталина, особенно характерны четыре.

Партийные бюрократы-сталинисты. Выпестованный сталинизмом партийный бюрократ видел и видит свое воплощение во власти, дисциплине и организации, почти не интересуется теоретическими вопросами марксизма и решительно, без всяких сомнений и колебаний проводит в жизнь указания московского руководства. Идеологические и мировоззренческие понятия и цели представляют для него ценность лишь постольку, поскольку служат укреплению его власти. Реформы и новшества, пусть даже самые малые, он проводит в большинстве случаев весьма неохотно, но становится активным, когда провозглашается и проводится жесткий курс. Свои любимые выражения он черпает в основном у Сталина. Ему особенно приятен сталинский тезис о «постоянном усилении классовой борьбы», оправдывающий проведение кампаний по усилению бдительности или смещение мыслящих и самостоятельных коммунистов. Партийный бюрократ-сталинист не стыдится употреблять в своих выступлениях термины «социалистическая демократия» или даже «социалистический гуманизм», когда речь явно идет лишь об украшающих выступление эпитетах, которые не подвергают угрозе существующую структуру власти и его собственные привилегии.

Дискуссию о Сталине, сталинизме и его системе он считает ненужной, даже вредной. В его глазах существование этой системы оправдано капиталистическим окружением и действиями иностранных агентов. К тому же ведь «нарушения социалистической законности» — имеется в виду судьба миллионов жертв сталинизма — уже давно ликвидированы.

Деловым экономическим и технологическим соображениям функционер-сталинист предпочитает социалистическое соревнование, почетные награды и призывы к повышению производительности труда. Первоочередность развития тяжелой

индустрии он считает постоянно действующей аксиомой, а увеличение производства товаров народного потребления — наоборот, признаком изнеженности. Экономические и технические эксперты для него — неизбежное зло; ученые-обществоведы, писатели и художники вообще терпимы лишь тогда, когда их деятельность четко направлена на восхваление его, бюрократа-сталиниста, и на идеологическое обоснование его статуса. Другие взгляды, новые идеи и концепции он автоматически считает уклоном, которым не стоит заниматься, а надо немедленно пресекать в административном порядке. Иерархическая структура с четкой системой приказов сверху вниз для бюрократа-сталиниста — нечто само собой разумеющееся, причем это касается не только прежних, но и нынешних, более молодых сталинистов, выросших после смерти Сталина. Массы трудящихся принимаются в расчет только тогда, когда они аплодируют руководителям и проходят перед ними организованными колоннами демонстрантов с утвержденным руководством транспарантами. Стихийные же выступления, даже если в них участвуют сотни тысяч людей, всегда считаются инспирированными и организованными «агентами классового врага» и поэтому должны разгоняться полицией и войсками.

Бюрократ-сталинист держится совершенно автоматически за «партию», хотя такого типа партийцы, как все отчетливее показывала история последних десятилетий, составляют обычно лишь незначительное меньшинство членов компартии соответствующей страны. Однако его и ему подобных нельзя игнорировать при анализе широкого процесса дифференциации, начавшегося после смерти Сталина. Во многих случаях бюрократы-сталинисты были и остаются еще и сегодня тормозом, сдерживающим все стремления к самостоятельности и переориентации.

Критически мыслящие коммунисты-реформисты. На противоположном фланге по отношению к партийным бюрократам-сталинистам уже в эру Сталина находились ищущие, критически мыслящие коммунисты, которые на первый план ставили гуманные концепции и цели марксизма, освобождение человека от эксплуатации и угнетения; они критически подходили к положению в компартиях в период сталинизма и искали ему альтернативу. Эти люди вступили в коммунистическую партию в знак протеста против социального угнетения и несправедливости (иногда их толкало на это даже национальное угнетение!), стремясь принадлежать к боевому сообществу, борющемуся за освобождение рабочего класса и всех трудящихся, за равноправие людей и братские отношения между ними, за ликвидацию социальной и национальной несправедливости.

Если иметь в виду эти цели, то критика сталинизма ста-

новится понятной. Вопрос о Сталине имеет поэтому для критически мыслящих коммунистов большое значение: они создают, как далеко отошел от этих принципов Советский Союз при Сталине и его преемниках. Привилегии функционеров, культ личности, частично завуалированный, а частично открытый национализм, угнетение не только классовых врагов, но и трудового населения, ограничение свободы взглядов, подавление науки, искусства и литературы, обязательность генеральной линии, унижение самокритикой, бездумное «да» при всякой неожиданной смене политической линии, безапелляционность и высокомерие, постоянно и неизбежно ведущие к изоляции от других левых сил, — все это уже во времена Сталина постепенно приводило критически мыслящих коммунистов к убеждению, что речь идет не о преходящих, иногда местных ошибках или недостатках, а об ошибочном в принципе развитии. Все это толкало на поиски альтернативы коммунизму сталинского типа, на поиски новых путей и целей или — если прибегнуть к понятию, возникшему гораздо позднее, — на поиски свободолобивой модели социализма и демократического пути достижения этой цели. В сфере межпартийных отношений реформисты, как правило, выступают за усиление автономии в отношениях между партиями и поддерживают стремление к переориентации внутри партий.

Центристы. Между обоими указанными направлениями существовало и продолжает существовать среднее направление центристов. Центристы говорят—и говорили уже тогда—о необходимости поиска новых путей. Но они призывают «не идти слишком далеко», считают, что надо обсуждать ошибки социализма, но в «допустимых пределах». По их мнению, надо, конечно, проводить реформы, но преимущественно в экономической сфере и во всех случаях под неослабным контролем.

Появление этих трех типов коммунистов — сталинистов, центристов и реформистов — наблюдалось во всех компартиях уже в эру Сталина, и особенно в период позднего сталинизма, то есть в 1948—1953 годах. Наряду с реформистами, центристами и сталинистами есть еще и такие коммунисты, которых нельзя безоговорочно отнести ни к одному из этих трех направлений. Так, есть течения, сторонники которых хотя и решительно поддерживают автономию и независимость, но сдержанно относятся к политической переориентации; и наоборот, есть течения, сторонники которых очень активно выступают за политическую переориентацию, но не безоговорочно отстаивают независимость от Москвы.

Верящий сталинист и его метаморфоза. Решающее значение для возникновения трех названных направлений, существующих в европейском коммунизме с 1948 года, и последующих дискуссий между ними имели, как мне кажется, переме-

ны, происходившие с тех пор в честных, искренних и верящих сталинистах, и последствия этих перемен.

Верящего сталиниста нельзя путать с охарактеризованным выше партийным функционером-сталинистом. Как честный и преданный коммунист верящий сталинист считал все негативные явления сталинского социализма клеветническими выдумками буржуазной прессы. Эти верящие сталинисты были большой силой коммунизма во всех странах. Сохраняя верность Советскому Союзу и Сталину, они являлись важнейшей опорой бюрократов-сталинистов, хотя и отличались от этих бюрократов как небо от земли. Но чем более критическими становились взгляды этих честных и веривших в Сталина коммунистов, начинавших понимать, что их вера расходится с действительностью (это, как правило, вызывало у них глубокое душевное потрясение), тем быстрее они отрешались от бюрократическо-сталинистских шаблонов, часто становясь в конечном счете активнейшими борцами за автономию и переориентацию своих партий. Верящими в Сталина коммунистами были, например, Роберт Хавеман, Роже Гароди, Александр Дубчек и сотни тысяч других.

Эти происходившие в разные времена и по разным причинам изменения во взглядах веривших в Сталина коммунистов приобрели решающее значение для процесса дифференциации, ибо поведение большинства партийных бюрократов-сталинистов, реформистов и центристов оставалось неизменным. Верившие в Сталина коммунисты, постепенно меняя свои взгляды, сыграли в конечном счете решающую роль в процессе дифференциации и в становлении еврокоммунизма, поскольку они сегодня, как правило, наиболее решительно отстаивают эти воззрения.

Глава 3

Югославия — фундамент современного еврокоммунизма

Зачатки развития еврокоммунизма появились после разрыва Югославии с Москвой летом 1948 года. «Югославская революция была крупным историческим событием в Европе», — писал Сантьяго Каррильо, особо отметивший вклад этой революции «в творческую работу по переосмыслению социализма»¹⁴.

И действительно, Югославия была первой страной, освободившейся от опеки Москвы и вставшей на самостоятельный путь. Многие главные концепции еврокоммунизма, например тезисы о равноправии коммунистических партий и социалистических стран, были впервые выдвинуты в Югославии после разрыва с Москвой. Югославия не только порвала с Москвой, но и разработала собственную модель социализма — социализм самоуправления, который во многом отличается от социализма Советского Союза и других государств Восточного блока. Наконец, Югославия играет решающую роль в движении еврокоммунизма, поддерживая автономию западноевропейских компартий.

По всем этим причинам разрыв Югославии с Москвой и ее последующее самостоятельное развитие надо рассматривать как закладку фундамента современного еврокоммунизма.

Югославская революция

Уже в 1937 году югославским коммунистам под руководством Тито удалось добиться ограниченной автономии: Тито отказался тогда от финансовой помощи из Москвы и создал новое, нелегальное руководство в стране, чтобы стать независимым от зарубежного эмигрантского руководства.

С приходом Тито появился коммунистический руководитель, похожий на революционера Ленина гораздо больше, чем кто-либо из так котировавшихся при Сталине выскочек-бюрократов. Он отличался от них прежде всего опытом революционной деятельности во многих странах. Молодым рабочим он познакомился с Богемией, Моравией, Австрией и Германией, в 1915 году, как солдат австро-венгерской армии, попал в русский плен, откуда был освобожден русской революцией

1917 года. Добравшись до Петрограда, он участвовал там в июле 1917 года в большевистских демонстрациях; был арестован и сослан, но бежал; служил какое-то время в Красной Армии в сибирском городе Омске, а затем в Киргизии. Только в сентябре 1920 года Тито возвратился в Югославию. К этому времени он владел (это было тогда необычным для коммунистического функционера), кроме хорватского и словенского языков, еще чешским, немецким, русским и киргизским. В сентябре 1920 года он вступил в Коммунистическую партию Югославии, работал сначала несколько лет в профсоюзе металлистов, став в 1927 году секретарем этого профсоюза в Хорватии. В ноябре 1928 года после на шумевшего тогда процесса он был осужден и провел пять лет в югославских тюрьмах. Выпущенный на свободу в марте 1934 года, он через несколько месяцев вошел в состав Центрального Комитета и Политбюро югославской компартии. Только тогда он получил возможность ближе познакомиться с Советским Союзом, но это был другой Советский Союз по сравнению с 1926 годом. В Москве Тито работал в Коминтерне под псевдонимом Вальтер. Летом 1935 года в качестве делегата присутствовал на VII конгрессе Коминтерна и — под руководством Вильгельма Пика — работал в балканской комиссии Коминтерна. Он читал лекции в Ленинской школе, жил в московской гостинице Коминтерна «Люкс» (узнав там, что его комната оборудована подслушивающим устройством) Он пережил начало большой чистки, сумев в октябре 1936 года вовремя уехать за границу. Некоторое время он жил в Париже, организуя оттуда помощь Испанской республике, а позднее нелегально возвратился в Югославию, чтобы реорганизовать югославскую компартию, которая насчитывала тогда всего полторы тысячи членов. Перенеся местонахождение руководства партии из Вены в Белград, Тито собрал вокруг себя новые, молодые силы подполья, не участвовавшие во фракционной борьбе 20-х годов. В октябре 1940 года партия насчитывала уже 12 тысяч, а Коммунистический союз молодежи — даже 30 тысяч членов¹⁵.

После нападения гитлеровской Германии на Югославию в апреле 1941 года многонациональное государство развалилось менее чем за две недели. Сербию оккупировали германские войска, Черногорию и часть Далмации — итальянцы. Хорватия стала самостоятельным фашистским государством. Правительство в эмиграции, созданное в Лондоне во главе с бежавшим туда королем Петром, не оказало существенного влияния на дальнейшее развитие событий. Отныне главной силой сопротивления иностранной оккупации стала руководимая Тито коммунистическая партия. Югославским коммунистам удалось первыми в движении Сопротивления в Европе создать в освобожденных районах прочную базу для народ-

ной революции. С самого начала Тито поставил на первый план не только национальный, но и революционный характер освободительной борьбы. В рамках партизанского движения создавались пролетарские бригады, а в освобожденных районах в качестве новых органов власти избирались народно-освободительные комитеты.

Уже в начале 1942 года возникли разногласия со сталинским руководством, которое всеми силами стремилось сдерживать самостоятельное развитие югославской социалистической революции. Отчасти у Сталина были для этого внешнеполитические причины (союз с Англией и США), но прежде всего он опасался, что победоносное самостоятельное революционное движение в Югославии могло бы выйти из-под его контроля. Поэтому весной 1942 года Советский Союз отказался предоставить Югославии обещанную ранее помощь, а Сталин, как уже упоминалось, неоднократно выражал недовольство революционно-социалистическим характером югославского партизанского движения. Разногласия зашли так далеко, что в советской печати во время войны совсем не публиковались коммунике руководства югославского партизанского движения.

Осенью 1942 года партизанские войска насчитывали уже 150 тысяч человек. В ноябре 1942 года было созвано Антифашистское вече народного освобождения Югославии. На назначенное же первоначально создание временного правительства Москва не дала согласия. Год спустя, 29 ноября 1943 года — этот день является сейчас национальным праздником Югославии, — на второй сессии веча был создан Национальный комитет [освобождения] как ядро нового правительства. Советская печать замолчала важнейшие решения и этой сессии. Только в феврале 1944 года, когда Народно-освободительная армия Югославии своими силами отвоевала уже более двух третей территории страны, в освобожденный район прибыла советская военная миссия, а с осени 1944 года в Югославии временно вели боевые действия и советские войска.

Югославская народная революция имела огромную притягательную силу, в том числе и для многих коммунистических партий мира.

К концу войны югославские коммунисты сами освободили свою страну. Это не было похоже на то, что произошло в других восточноевропейских странах: Югославия совершила вторую после Октябрьской революции 1917 года в России победоносную революцию. Но югославская революция 1941—1945 годов произошла в других исторических условиях, а потому другим был и ее характер. Преисполненный энтузиазма югославский коммунизм, родившийся из революции, с самого начала противостоял утвердившемуся тем временем

в России бюрократическо-диктаторскому коммунизму Сталина. Решающую роль в возникновении и углублении этого противоречия играли два фактора: во-первых, различие между обеими революциями и различия во взглядах коммунистов, которые вышли из этих революций; во-вторых, противоречие между стремлением югославских коммунистов сохранить ценой таких усилий добытую национальную самостоятельность и советской целью включить Югославию в сферу советско-русского господства.

Разногласия с Москвой в 1945—1948 годах

После 1945 года югославским коммунистам пришлось в течение короткого времени не однажды пережить глубокие разочарования. Так, они узнали, что Сталин и Черчилль обсуждали в октябре 1944 года раздел Югославии на сферы влияния в соотношении 50 : 50.

Они видели, как руководство СССР назначало своих советников на все ключевые посты в государственной сфере, экономике и армии Югославии, наделяя их почти такой же полнотой власти, какой пользовались колонизаторы в заморских владениях. Русские советники получали оклады, превышавшие в четыре раза оклады югославских военных командиров и в три раза оклады членов югославского правительства.

Югославы должны были взирать на то, как советские органы безопасности начали создавать в их стране собственную сеть осведомителей, вербуя в нее югославских граждан, в том числе членов партии и высокопоставленных функционеров.

В экономике они должны были согласиться на создание смешанных обществ, имевших своей очевидной целью подчинить югославскую экономику советской. После длительных переговоров поначалу создали два смешанных общества: по авиационному сообщению и по судоходству. Югославская доля была установлена в ценах 1938 года, советская — в совершенно других ценах — 1946—1947 годов. Во главе общества стоял советский директор. Не проводилось общих собраний, не было ревизионной комиссии; советский директор решал все вопросы, а тарифы устанавливались по советским правилам: самые низкие — для Советского Союза, средние — для других придунайских стран, самые высокие — для Югославии. В 1946—1947 годах Советский Союз настаивал на создании и других смешанных обществ, в том числе по добыче нефти, угля, олова, цинка, алюминия и даже по производству чугуна и стали.

Югославы все больше и больше сознавали также, что Советский Союз противится созданию тяжелой промышленности для индустриализации, необходимой Югославии для до-

стижения экономической независимости. Возражения представителей Советского Союза против планов экономического развития и программ индустриализации показывали все яснее, что Югославии предстояло стать поставщиком сырья и сельскохозяйственных продуктов для стран Восточного блока.

Наконец, югославы должны были согласиться также с ростом советского вмешательства в культурную сферу и средства массовой информации. Они должны были перепечатывать советские газетные статьи, показывать советские фильмы и ставить советские пьесы, широко русифицируя таким путем свою культурную жизнь.

Югославские коммунисты постепенно начали понимать, что Сталин обходится с ними не как с равноправной социалистической страной, а как с зависимым государством своей сферы влияния. На этом фоне и произошли те драматические события февраля—июня 1948 года, которыми Москва подготовила исключение Югославии из Коминформа.

Кампания Сталина против Югославии (февраль—июнь 1948 года)

Методы, впервые использованные тогда Москвой в отношении коммунистической партии, стремящейся к самостоятельности, были характерны и для более поздних столкновений: с коммунистами «пражской весны», с коммунистами Японии, Испании и других стран.

Сталинское руководство стремилось прежде всего заставить Югославию признать в какой-то форме свою вину. 10 февраля 1948 года Сталин срочно пригласил высших руководителей Югославии и Болгарии на встречу в Москве. В переговорах он в исключительно резкой форме обвинил югославов в том, что они взяли в привычку вообще больше не советоваться с правительством СССР по внешнеполитическим делам. Это, заявил он, не должно повторяться. В тот же вечер было подготовлено соглашение, по которому Югославия должна была в будущем согласовывать с Советским Союзом все внешнеполитические вопросы.

Процедура подписания этого соглашения была унижительной. Карделя поздно ночью разбудили, доставили к Молотову и заставили подписать соглашение, текст которого был напечатан на двух машинописных страницах. Молотов грубо потребовал: «Подпишите это!» Позднее Кардель вспоминал, как он рассвирепел, какие унижение и неловкость испытал, поняв, что речь идет о диктате великой державы небольшому слабому государству, а не о договоре между братскими социалистическими государствами. Сначала он не хотел подписывать, но потом все же решил подписать, дабы не обострять еще больше ситуацию. С психологической точки

зрения интересно, что в возбуждении он расписался там, где должна была стоять подпись Молотова. Молотов сердито разорвал лист, последняя страница была снова отпечатана, и затем оба подписали соглашение¹⁶.

С подписанием этого соглашения Сталин получал в руки рычаг для контроля за любым, даже незначительным, внешнеполитическим шагом Югославии. Но сталинское руководство посчитало это недостаточным, решив продолжить нажим на Югославию. 10 дней спустя югославским представителям в Москве сообщили, что Советский Союз не будет вести новые экономические переговоры с Югославией и временно прекратит поставки туда важнейших видов сырья. Это было началом экономической блокады, недвусмысленно призванной заставить Югославию полностью капитулировать. Одновременно среди высших функционеров был распушен слух, что «с Югославией что-то не в порядке». В середине февраля 1948 года из важных зданий восточноевропейских столиц удалили портреты Тито. Таким путем функционеров восточноевропейских государств психологически готовили к конфликту с Югославией. 18 и 19 марта 1948 года СССР отозвал из Югославии всех своих советников, надеясь, что серьезные трудности, испытываемые ею в сфере экономики, все же заставят ее смириться (метод, который Москва позднее использовала также против Китая и Албании). 20 марта югославское руководство направило советскому руководству письмо с просьбой объяснить такой образ действий. Одновременно в письме, хотя и в вежливой форме, подвергались критике советские методы сбора информации в низах и выражалась готовность предоставить Советскому Союзу всю требуемую информацию из центра.

Неделю спустя, 27 марта, из Москвы пришел ответ. Это ответное письмо открыло новую фазу в отношениях, ибо было составлено исключительно резко и содержало недвусмысленные угрозы. Югославских коммунистов упрекали в том, что они мешают работе русских советников, распространяют антисоветские слухи, обвиняют Советский Союз в великодержавном шовинизме, утверждают, что СССР хочет подчинить себе Югославию экономически и что социализм в Советском Союзе утратил свой революционный характер. Гротеск в этих обвинениях состоял в том, что югославские коммунисты тогда вообще еще не высказывали таких критических замечаний, и, вероятно, у них вообще еще не было ничего подобного на уме, но Сталин считал, что они *могли бы* так подумать. Нападкам в письме подвергались прежде всего четыре руководителя, занимавшие те ключевые посты, на которые Советские хотели распространить свое влияние: Кидрич (экономика), Вукманович (армия), Ранкович (министерство внутренних дел) и Джилас (руководство пропагандой и печатью). Ста-

лин надеялся, что Тито снимет этих работников, сделав первый шаг к отступлению, а потом его можно будет заставить пойти и на дальнейшие уступки. Но на всякий случай следовало запугать также других югославских руководителей, и в письме из Москвы их обвиняли в тягчайших антипартийных высказываниях, аналогичных высказываниям Троцкого. Далее в письме в угрожающем тоне говорилось: «Мы считаем политическую карьеру Троцкого достаточно поучительной». Поскольку было известно, что Троцкого убили, то намек звучал недвусмысленно. Письмо подписали Сталин и Молотов.

Через несколько дней после получения этого письма, 1 апреля 1948 года, в библиотеке бывшего королевского дворца в Дединье состоялось решающее заседание ЦК югославской компартии. Оно происходило за закрытыми дверями, и в нем участвовали только члены ЦК, не была допущена даже стенографистка. Тито зачитал советское письмо и проект своего ответа. В проекте говорилось, что отношения с Советским Союзом могут основываться только на принципах независимости и взаимного доверия. В ходе последовавшей дискуссии 17 членов ЦК поддерживали этот проект. Только один член ЦК, тогдашний секретарь Народного фронта Югославии Жуйович, который поддерживал тесные контакты с советским посольством, высказался против проекта. Любое самое незначительное, даже кажущееся второстепенным замечание советского руководства, говорил Жуйович, должно «восприниматься нами как призыв продумать все еще раз до того, как будет сделан следующий шаг». Один из участников этого секретного заседания в Дединье писал позднее, что оно открыло новую эру в отношениях между социалистическими странами и между коммунистическими партиями¹⁷. Мне кажется, что эта оценка не преувеличена. Заседание 1 апреля 1948 года вполне можно считать началом процесса, который должен был привести к еврокоммунизму.

Ответ из Югославии впервые поставил Сталина в необычное положение: он столкнулся с сопротивлением целой партии. Сталину стало ясно, что ни экономическими угрозами, ни политическим нажимом он не добился раскола в югославском партийном руководстве. Тогда он попытался подключить к этому делу другие компартии, чтобы оказать давление на Югославию. Первым такую попытку предприняло руководство Венгерской компартии. Но Югославия встретила с противоположной реакцией, положительной. 19 апреля в Белграде остановилась проездом в Прагу болгарская правительственная делегация во главе с Георгием Димитровым. На белградском вокзале состоялся краткий разговор между Димитровым и Джиласом. Димитров, взяв Джиласа под руку, прошептал ему: «Оставайся твердым!» Он сразу же прервал раз-

говор, когда подошли сопровождавшие его члены болгарской делегации¹⁸.

Сталинское руководство всевозможными путями пыталось заманить Тито и других югославских руководителей. В письме от 4 мая 1948 года, подписанном Сталиным и Молотовым, руководители Кремля заявляли, что дело находится уже на рассмотрении Коминформа, следующее совещание которого состоится на Украине. 22 мая руководителей югославской компартии еще раз письменно пригласили на совещание, сообщив, что оно откладывается на месяц, до второй половины июня, чтобы в нем могла принять участие и Югославия.

Еще 19 июня Сталин не отказался от надежды, что югославы придут на совещание Коминформа. В телеграмме им сообщили, что это совещание состоится 21 июня в Бухаресте и что приезд туда югославов крайне необходим. Югославский ЦК вновь отклонил это приглашение, предложив советскому руководству направить в Югославию делегацию, чтобы еще до созыва совещания Коминформа на месте изучить возникшие проблемы. В конечном счете совещание состоялось в последнюю неделю июня без участия Югославии. Встреча проходила в бывшем королевском дворце в Бухаресте. В ней участвовал в общей сложности представитель. В делегацию Советского Союза входили Жданов, Маленков и Суслов, по два руководящих представителя прибыли из Болгарии и Польши, по три — из Румынии и Венгрии, четыре — из Чехословакии, Французская компартия была представлена сталинистами Дюкло и Фажоном, от Итальянской компартии прибыли Тольятти и Пьетро Секкья. Примечательно, что в заседании не участвовали ни руководитель польской компартии Гомулка, ни руководитель Болгарской компартии и бывший генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров.

Разрыв с Москвой

Подготовленная Москвой резолюция, которую обосновал в Бухаресте Жданов, требовала исключения Югославии из Коминформа. По югославским данным, некоторые партийные руководители осторожно возражали против этой резолюции, прежде всего тогдашний руководитель румынской партии Георгиу-Деж, сыгравший впоследствии важную роль в стремлении Румынии к автономии. Он задал несколько «неприятных» вопросов, но заведенный механизм уже нельзя было остановить, особенно после того, как Жданов заявил: «У нас есть данные, что Тито — империалистический шпион». После такого заявления резолюция Коминформа была принята. Тем самым впервые в истории коммунизма была предана анафеме правящая коммунистическая партия.

Бухарестская резолюция по своему содержанию относительно малозначительна. Она состоит из необоснованных, частично противоречивых обвинений в буржуазном национализме, проведении неправильной аграрной политики, поддержке капиталистических элементов в деревне, антисоветских настроениях, а также в левом уклоне и одновременно в оппортунистических установках. При этом речь совершенно явно шла о дискредитации югославских коммунистов и попытке принудить их к самокритике. Важно в этой связи содержащееся в конце документа замечание о том, что Коминформ выражает надежду на то, что внутри Компартии Югославии имеются и «здоровые элементы». Их открыто призывали к свержению официального руководства: «Задача этих здоровых сил КПЮ состоит в том, чтобы заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их... Если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это — сменить их и выдвинуть новое интернационалистическое руководство КПЮ»¹⁹.

Резолюция Коминформа оживленно обсуждалась во всех компартиях. Было очевидно начало дифференциации внутри коммунистического движения. Те, кто ратовал за самостоятельность, не хотели, чтобы югославские коммунисты уступали, а некоторые, в том числе и я, ожидали тогда, что другие компартии встанут на сторону Югославии. Однако этого тогда еще не произошло.

Сначала случилось невероятное: в пространном письме от 30 июня югославы отклонили резолюцию Коминформа. Они заявили, что резолюция построена на необоснованных утверждениях, является попыткой подорвать авторитет КПЮ и вызвать замешательство в международном рабочем движении. В спокойном и деловом тоне в письме на основе множества фактов опровергались отдельные обвинения, но одновременно высказывались и собственные критические замечания. Так, югославы протестовали против попыток советских органов госбезопасности засылать агентов в братские компартии, подчеркивая, что такое отношение к стране, строящей социализм, недопустимо. В заключение югославские коммунисты недвусмысленно заявляли, что они не признают обвинений, содержащихся в резолюции Коминформа, и будут продолжать «с еще большей энергией трудиться над построением социализма»²⁰.

Самостоятельный путь Югославии

В итоге Югославия стала самостоятельным социалистическим государством. Но ее разрыв с Москвой абсолютно неверно оценили как на Западе, так и на Востоке. Самые влиятельные газеты западного мира (в том числе «Таймс», «Ман-

честер гардиан», «Нью-Йорк таймс») единодушно высказывали тогда мнение, что в сложившихся условиях югославское правительство едва ли сможет долго удержаться у власти. В любой день, писали они, можно ожидать ареста и осуждения Тито и других руководителей; Тито примет требования Кремля или будет смещен. В Москве Сталин заявил, что ему достаточно пошевелить мизинцем — и Тито больше не будет. А шеф-редактор газеты Коминформа Павел Юдин заявил при отъезде из Белграда: «Вы не сможете продержаться и трех недель»²¹.

Сталинское руководство приказало немедленно развернуть широкую кампанию против Югославии. Все компартии мира должны были осудить югославских коммунистов. Москва усилила нажим на Югославию, односторонне расторгнув договоры и соглашения, установив экономическую блокаду, организуя пограничные провокации, распространяя слухи и измышления, проводя массовые аресты настоящих и мнимых «ти-тоистов» в странах Восточного блока и развернув радиопробанду невиданных масштабов. Советские радиостанции и передатчики в государствах Восточного блока вели тогда в целом больше передач на сербскохорватском, чем на всех других языках.

В этих исключительно трудных условиях Югославия попыталась встать и в теории и на практике на новый путь, которого уже давно ожидали тысячи и тысячи коммунистов во всех странах, — на путь разработки подлинной альтернативы сталинизму. По своему значению этот шаг вышел далеко за рамки одной Югославии, сразу же оказав большое и непосредственное влияние на развитие международного коммунистического движения. Во многих компартиях Европы Югославию втайне поддерживало немалое число членов и функционеров. Даже некоторые руководители компартий давали понять это. Большой и сломленный Димитров очень неохотно поддержал резолюцию Коминформа. Насколько известно, критически отзывался о ней и Гомулка. При обсуждении антиюгославской резолюции в руководстве СЕПГ двое из 16 высших функционеров высказались против ее одобрения. Одним из них был Эрих В. Гнифке, которому в сентябре 1948 года пришлось покинуть советскую зону оккупации²².

Первые вести о движении по новому пути были поразительными. Югославские газеты опубликовали как резолюцию Коминформа, так и ответ югославских коммунистов. Впервые со времен Ленина в коммунистической газете можно было познакомиться с двумя противоположными позициями. Нет надобности говорить, что все остальные компартии мира опубликовали только резолюцию Коминформа, а югославского ответа не привели — о нем не сообщалось даже в изложении. В этой ситуации югославские коммунисты сделали то, чего,

к сожалению, 20 лет спустя не сделали сразу же реформисты «пражской весны»: они созвали партийный съезд. V съезд КПЮ состоялся в Белграде 21—27 июля, всего три недели спустя после разрыва с Москвой. 470 тысяч членов партии были представлены 2344 делегатами. Все произносившиеся на съезде речи транслировались по югославскому радио. После отчетного доклада Тито и его объяснений по поводу конфликта с Коминформом все выступившие в прениях осудили резолюцию Коминформа и нападки на КПЮ. Хотя все это происходило в присутствии корреспондентов СССР и других государств Восточного блока, никто резолюцию не поддержал. В последний день состоялись выборы партийного руководства. Голосование было тайным. Каждый знал: это было голосование за или против резолюции Коминформа. Из 2323 делегатов, принявших участие в голосовании, за Тито подали голоса 2318. Разразилась буря ликования. Но в то же время каждый знал, что в зале находились и пять сторонников Коминформа²³.

В первые месяцы после опубликования резолюции Коминформа югославы непрерывно критиковали ее необоснованные обвинения, снова и снова призывая Советский Союз направить в Югославию делегацию и убедиться в несостоятельности обвинений. Ответа из Москвы не поступало. Еще до конца весны 1949 года в Югославии (я сам могу это подтвердить, поскольку жил тогда там) демонстрировались советские фильмы, повсюду в киосках свободно продавались советские книги и газеты. На первых порах югославы добивались прежде всего опровержения обвинений. Ежедневно в партийной газете «Борба» можно было найти рубрику «Против клеветы и дезинформации», занимавшую несколько колонок, а иногда и целую полосу. В ней всякий раз опровергались ложные обвинения, выдвинутые Восточным блоком за очередные 24 часа. От этой рубрики отказались только в конце лета 1949 года, ибо оказалось невозможным опровергать все, что выдвигали в течение суток против Югославии руководители СССР, других государств Восточного блока и компартий почти всех стран мира. Вначале они говорили только о националистическом уклоне, но вскоре ввели в обиход тезис о «фашизме Тито», не вдаваясь в объяснения, как руководитель антифашистского движения Сопротивления мог стать фашистом. В самой Югославии эта пропаганда была малоэффективной, органы массовой информации перешли там в это время к обсуждению принципиальных политических проблем самостоятельного пути развития²⁴.

С лета 1949 года в Югославии были выдвинуты три важнейшие концепции, которые являются сегодня неотъемлемой составной частью еврокоммунизма:

а) равноправие между коммунистическими партиями в

международном коммунистическом движении и отказ от руководящего центра;

б) экономическое и политическое равноправие социалистических стран;

в) право на собственный путь к социализму, учитывающий традиции, культурные, политические и экономические условия соответствующей страны.

Из множества тогдашних публикаций процитирую здесь только одну фразу из статьи Милована Джиласа, появившейся летом 1949 года: «Думать, что все народы одним путем и по одному рецепту придут к социализму, так же бессмысленно, как представить себе социализм в виде казарменного плана, на котором все народы будут «равноправно» выстроены в один ряд»²⁵. Впервые в международном коммунистическом движении Эдвард Кардель выдвинул тогда тезис о том, что и после победы социалистической революции автоматически не возникает гарантии поступательного движения к социализму, а что надо выбирать между двумя возможными путями развития: или целеустремленно идти путем социалистической демократии, или, создавая бюрократический аппарат, навлекать на движение угрозу бюрократической деформации. При этом надо сознавать, что бюрократическое развитие ведет к подавлению творческой инициативы населения, воспитанию подхалимов и к духовной стагнации. Чтобы не допустить бюрократического вырождения, необходимо, как считал Кардель, распространить демократию на все сферы общественной жизни. Целью должно быть самоуправление, при котором народ должен участвовать в управлении государством на всех уровнях и — как подлинный производитель — в руководстве экономикой. В качестве первого шага Кардель уже тогда, в мае 1949 года, предлагал создать рабочие советы²⁶.

От бюрократического централизма к рабочему самоуправлению

Характерным для тогдашней югославской действительности было постоянное взаимодействие между новым опытом, с одной стороны, и практическими выводами — с другой. Критическое отношение к бюрократической деформации в Советском Союзе логически вело югославов к практической децентрализации и ликвидации бюрократии в своей стране, а это в свою очередь давало новые импульсы для дальнейших критических раздумий.

Широкая децентрализация стала проводиться уже в 1949 году. Все больше и больше вопросов из сферы компетенции центральных властей передавалось на усмотрение республик, районов и общин. Предприятия и производственные объединения получали все больше самостоятельно-

сти, а осенью 1949 года на предприятиях в порядке эксперимента были введены рабочие советы.

Ситуация для преобразования общества была отнюдь не идеальной. В августе 1949 года правительство Советского Союза предъявило Югославии ультиматум, затем на югославской границе были сосредоточены войска, в сентябре 1949 года Советский Союз расторгнул все договоры и направил Югославии угрожающую ноту, подписанную тогдашним заместителем министра иностранных дел Громыко. Нельзя было не считаться с угрозой военной интервенции. Несмотря на это, в стране продолжали проводиться внутриполитические реформы. Многомесячные эксперименты на югославских предприятиях завершились в конце 1950 года проведением решающего мероприятия — созданием на *всех* югославских предприятиях рабочих советов, избираемых тайным голосованием. Это был первый шаг к превращению государственной собственности в общественную и замене бюрократической централизации плановой экономики социалистическим общественным самоуправлением.

Примечательно и, конечно, не случайно то, что Тито в своей речи, произнесенной 26 июня 1950 года в Союзной скупщине, обосновывал введение рабочих советов в Югославии негативным опытом бюрократической централизации в Советском Союзе. Тито заявил тогда, что процесс бюрократизации — величайшая угроза для социализма: он, как полип, охватывает общество тысячами своих щупальцев, мешая его дальнейшему развитию по пути к социализму. Бюрократизация опасна прежде всего потому, что она проникает во все поры общественной деятельности незаметно: люди на первых порах просто не сознают этого. Далее Тито сказал, что государственная собственность является не высшей формой общественной собственности, как утверждают руководители Советского Союза, а всего лишь низшей ее формой и что поэтому необходимо вновь осмыслить марксистское положение об «ассоциации свободных производителей». Общественным производством, подчеркнул Тито, должны руководить сами производители, и положение, когда предприятиями руководят выборные рабочие советы, — единственно правильное для социалистического общества²⁷

После этой речи предприятия всех отраслей югославской экономики были переданы рабочим. При этом был возрожден лозунг, уже давно забытый в коммунизме: «Фабрики рабочим!» В ходе выборов в рабочие советы на югославских предприятиях впервые было выдвинуто — поистине сенсационное тогда — требование о том, чтобы для гарантирования подлинного выбора включать в списки кандидатов вдвое больше людей, чем надо было избрать.

Хотя вначале для деятельности рабочих советов имелись

лишь ограниченные возможности, поскольку еще продолжало существовать плановое хозяйство, все же такой качественный скачок повлек за собой и даже сделал необходимыми также другие изменения. В течение 1951 года совершился переход от централизованного детального планирования, еще и сегодня преобладающего в государствах Восточного блока, к экономической координации, осуществляемой лишь в общих чертах. В июне 1951 года ЦК КПЮ принял решение о том, что заявления лиц, наделенных партийной властью, не являются больше руководством к действию для всех членов партии; отныне обязательны были для исполнения лишь официальные партийные резолюции, а они принимались все реже и реже. Указанное решение призвано было облегчить обсуждение принципиальных вопросов²⁸. Затем КПЮ постепенно отстранилась от руководства многими сферами практической государственной жизни, и прежде всего сферой культуры, литературы и искусства. «Социалистический реализм» и «партийность» — обязательные принципы в Советском Союзе и других государствах Восточного блока — были признаны изжившими себя. Во внешнеполитической сфере было сформулировано понятие свободы от блоков, названное позднее «неприсоединением». Оно стало главным направлением югославской внешней политики — не в смысле пассивного нейтралитета, а в смысле активного выступления за прогрессивные идеи и мир, отвечающего цели постепенной ликвидации блоков.

Общественное самоуправление и Союз коммунистов

Реформы, проведенные после разрыва с Москвой, были обсуждены и одобрены на VI съезде югославских коммунистов, состоявшемся 2—7 ноября 1952 года. На этом съезде югославская компартия была переименована в Союз коммунистов: с одной стороны, чтобы отличаться от компартий сталинского типа, а с другой — чтобы напомнить о первоначальных концепциях Маркса, согласно которым коммунисты — это не особая партия, руководящая рабочим классом, а часть самого рабочего класса. Было принято решение резко сократить аппарат кадровых функционеров и значительно расширить автономию и самостоятельность партийных органов. Было заявлено, что Союз коммунистов не дает непосредственно указаний ни в экономических, ни в государственных делах, а концентрирует свою деятельность на политической и идеологической работе, воздействуя путем убеждения. Это были положения, которые 16 лет спустя можно было найти в лозунгах «пражской весны» 1968 года. Кроме того, съезд принял решение сохранить руководство промышленными предприятиями за рабочими (то есть сохранить самоуправ

ление производителей), а также расширить и углубить права непосредственных производителей и ликвидировать бюрократический централизм²⁹.

Несколько месяцев спустя, весной 1953 года, в Югославии был ликвидирован последний пережиток сталинизма — коллективные сельские хозяйства. После длительной дискуссии было решено дать всем членам сельскохозяйственных производственных кооперативов возможность самим определить, хотят ли они и впредь состоять в этих кооперативах или нет. Большинство высказалось за второй вариант. Оставшиеся кооперативы стали опираться отныне на свободную волю своих членов.

Влияние на европейских коммунистов

В условиях сталинизма это развитие не могло оказать такого влияния на компартии других стран, какое могло бы быть оказано при свободном обмене информацией. Несмотря на это, сами югославские коммунисты не раз скрупулезно изучали положение в других компартиях. А на иностранных языках издавались югославские еженедельники, которые зачастую тайно читали и обсуждали коммунисты других стран. Югославские коммунисты отмечали, что просоветские партии закоснели и стали препятствием для дальнейшего развития своих стран, что они не идут в ногу с объективными изменениями в общественных условиях. Связанные сталинскими шаблонами, они как по своей идеологической и политической сути, так и по организационной форме оказались неспособными и дальше возглавлять борьбу прогрессивных сил за социализм³⁰.

Но югославы не только критиковали, но и будили надежды. Тито пророчески говорил в своем докладе на VI съезде СКЮ в 1952 году, что развитие югославской компартии станет толчком для изменений в других компартиях. Югославский пример, отмечал Тито, привел к тому, «что во всех коммунистических партиях мира начали критически переоценивать мероприятия и политику Советского Союза». По его словам, во многих компартиях, прежде всего западных стран, стала усиливаться критика промосковской политики: «Все сильнее проявляется осознание того, что коммунистические партии отдельных стран должны в первую очередь учитывать интересы трудящихся своей страны, а не иностранные интересы»³¹.

С 1948 по 1950 год из тогдашних сталинистских стран Восточной Европы в Югославию бежали, часто с риском для жизни, восемь с половиной тысяч человек, в том числе многие члены партий и даже партийные функционеры³². В некоторых западноевропейских странах исключенные или вы-

шедшие из компартий члены и функционеры создавали тогда самостоятельные группы и организации, которые — на основе чтения югославских публикаций — обсуждали аналогичные проблемы и приходили к аналогичным выводам. Так, например, испанские коммунисты, исключенные из партии, создали ассоциацию «Социалистическое действие», в которую вошли также бывший редактор центрального органа партии «Мундо обреро» Феликс Монтьель и видный партийный функционер Каталонии Хосе дель Баррио. Бывший член Политбюро Компартии Испании Хесус Эрнандес в 1950 году посетил Югославию и выступил там в Высшей партийной школе. В Италии был основан Независимый социалистический союз, руководимый двумя коммунистами — членами итальянского парламента Альдо Куччи и Вальдо Маньяни; последний в дальнейшем со всеми почестями был вновь принят в ИКП. Необходимо упомянуть также Независимую рабочую партию (НРП), которая была создана в марте 1957 года в Вормсе западногерманскими коммунистами, исключенными или вышедшими из компартии, и в число учредителей которой входил я сам. Политический вес этих небольших групп был тогда практически ничтожным. Их незначительное влияние объяснялось прежде всего тем, что сталинское руководство было в то время еще достаточно прочным и способным помешать распространению идей югославской модели среди коммунистов других стран.

Путь к Белградской декларации 1955 года

В марте 1953 года Сталин умер. Уже вскоре после этого Москва стала проявлять стремление к пересмотру и перестройке отношений Советского Союза со странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Но для этого надо было хотя бы частично примириться с Югославией. Поэтому с начала лета 1953 года Советский Союз стал предпринимать первые, очень осторожные попытки сблизиться с Югославией. В 1954 году усилия в этом направлении активизировались, и в сентябре советские газеты впервые за многие годы опубликовали речь Тито без враждебных комментариев, а в ноябре Москва заявила, что правительство СССР готово «содействовать полной нормализации советско-югославских отношений»³³. Но для осуществления этого намерения потребовалось еще некоторое время, поскольку в руководстве Кремля возникли резкие разногласия, причем против улучшения отношений с Югославией выступил прежде всего Молотов³⁴. Только 25 мая 1955 года в Белград прибыла советская делегация во главе с Хрущевым. В ее состав входили также тогдашний премьер-министр Булганин и его заместитель Микоян. Это было неповторимое событие. Впервые высшие руководители Совет-

ского Союза поехали в независимую социалистическую страну публично извиняться за прежнюю советскую политику. По прибытии в аэропорт Хрущев вытащил из кармана листок бумаги и сделал сенсационное заявление. Прежде всего он выразил глубокое сожаление по поводу того, что с 1948 года велась антиюгославская кампания. Однако вину за конфликт он возложил на одного Берия, долгое время возглавлявшего советские органы госбезопасности: «Мы обстоятельно изучили материалы, на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые тогда против руководителей Югославии. Факты показывают, что эти материалы были сфабрикованы врагами народа, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды нашей партии. Мы глубоко убеждены, что период, когда наши отношения были омрачены, остался позади»³⁵

Десять дней спустя, 3 июня 1955 года, после острых и продолжительных дискуссий между югославскими и советскими руководителями, была опубликована Белградская декларация, на которую с тех пор опираются не только югославские коммунисты: она сыграла решающую роль и в последующем становлении еврокоммунизма. Эта декларация признала не только различие путей к социализму, но и существование различных моделей. Ибо в ней было четко сказано, что выбор конкретных форм развития по пути социализма является исключительно делом народов конкретных стран.

Огромное значение для еврокоммунизма имеют, однако, не только содержание, но и методы советско-югославских дискуссий. Ни Тито, ни кто-либо другой из членов югославского руководства в 1948—1955 годах не ездил для доклада или извинения в столицу какого-либо другого государства Восточного блока, что, к сожалению, несколько раз случалось в период «пражской весны». Югославы не боялись также, обосновывая свой собственный путь, критиковать систему СССР. Они не испугались московских угроз, в том числе угрозы интервенции советских войск. А при повторном сближении они настояли на том, чтобы в первой совместной декларации были четко отражены и их собственные взгляды.

Глава 4

Влияние XX съезда КПСС на европейский коммунизм

Состоявшийся в феврале 1956 года XX съезд КПСС послужил тогдашнему хрущевскому руководству средством для того, чтобы санкционировать уже начатые мероприятия по десталинизации и открыть путь для дальнейшего отхода от Сталина и переориентации на проведение контролируемых сверху реформ. При помощи десталинизации хрущевское руководство хотело приспособить унаследованную от Сталина систему к новым условиям. Звеньями реформы, направляемой партийным аппаратом, должны были явиться ограничение системы террора, отказ от отживших догм, модернизация методов господства, децентрализация экономической системы и усиление внимания к производству потребительских товаров. В рамках такого нового развития хрущевское руководство стремилось также по-новому организовать и отношения со странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Необходимо было сохранить руководящую роль Советского Союза, но придать ей более современные и гибкие формы. Это же относилось и к международному коммунистическому движению.

За период, прошедший от смерти Сталина (март 1953 года) и до XX съезда КПСС (февраль 1956 года), в Советском Союзе были сделаны первые, иногда еще довольно робкие и противоречивые, попытки отойти от Сталина и некоторых явлений сталинизма. XX съезд КПСС призван был одобрить начатые шаги и, встав на путь критики Сталина, создать предпосылки для дальнейшей — неизменно контролируемой сверху — десталинизации.

Удивительные признания

Уже на открытых заседаниях съезда, выступления на которых дословно воспроизводила советская печать, были сделаны удивительные признания. Заявлялось, что при Сталине господствовала атмосфера беззакония и произвола, что органы госбезопасности фабриковали фальшивые обвинительные материалы против честных руководящих функционеров и простых советских граждан, что при Сталине подавлялась активность членов партии, что во внешнеполитической сфере

по вине Советского Союза в некоторых случаях ухудшались отношения с другими странами, что в исторических трудах фальсифицировались факты, что многие честные партийные руководители были несправедливо объявлены врагами народа.

Эта критика сочеталась с решительными выступлениями в пользу социалистической законности, реалистического подхода к собственной истории, реабилитации невинно осужденных, усиления контроля за органами госбезопасности и ревизии многих тезисов Сталина (последняя включала в себя и подготовку новой истории партии).

Одних этих выступлений было достаточно для того, чтобы выделить XX съезд как значительное событие в истории не только советского, но и международного коммунизма. Однако съезд пошел еще дальше: он провозгласил множество новых политических концепций, которые, по крайней мере частично, учитывали изменившиеся условия в Советском Союзе и международном коммунистическом движении. Вместо прежнего тезиса Ленина о неизбежности войн — тезиса, который не раз повторял и Сталин, — было заявлено, что в новых условиях можно и должно избежать войны. Это составило основу новой доктрины сосуществования, которая в 1956 году впервые была официально обоснована и объявлена генеральной линией советской внешней политики. Но еще большее значение для становления еврокоммунизма имело провозглашение тезиса о различных путях к социализму. Все главные советские руководители, в том числе Хрущев и Суслов, заявили, что формы перехода к социализму становятся все более многообразными, а в дальнейшем переход к социализму в капиталистических странах будет характеризоваться еще большими различиями, будут возникать все новые формы перехода к социализму. И в резолюции съезда тоже было указано, что «вполне закономерно, что формы перехода стран к социализму в дальнейшем будут все более разнообразными»³⁶. Правда, эти новые тезисы не были обоснованы, но, как бы там ни было, это был первый и последний случай, когда съезд КПСС открыто провозглашал тезис о различии путей к социализму в разных странах. Этот тезис подразумевал возможность мирных социалистических преобразований. На съезде говорилось, что речь по-прежнему идет о революционном процессе, но что переход к социализму не обязательно должен быть связан во всех странах и при всех обстоятельствах с гражданской войной и что в ряде капиталистических стран существуют реальные возможности совершить этот переход мирным путем.

Новые концепции о различии путей к социализму и о возможности мирного характера социалистической революции явно были полной неожиданностью для представителей 55

зарубежных компартий, присутствовавших на XX съезде. Их вообще об этом заранее не проинформировали, как, кстати, не проинформировали и о том, что будет подвергнут критике Сталин.

Из всех делегаций зарубежных компартий только две высказались по поводу нового тезиса о различии путей к социализму. Руководитель Французской компартии Торез острожно напомнил об интервью, которое было дано от имени ФКП 18 ноября 1946 года и в котором заявлялось, что вполне возможно «предусмотреть иной путь к социализму, чем тот, по которому следовали русские коммунисты». Но Торез не упомянул, что он сам давал это интервью. Одновременно он пообещал, что ФКП навсегда останется верной «великим идеям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина» — довольно своеобразное заявление, если учесть, что сделано оно было в тот самый момент, когда советское руководство как раз отмежевывалось от Сталина.

Только руководитель Итальянской компартии Тольятти сразу же воспользовался сложившейся ситуацией. В своем приветствии съезду он заявил, что советский путь к социализму не может быть во всех отношениях обязательным для других стран, и затем сделал далеко идущий для тех условий вывод: «Перед нами стоит задача — выработать итальянский путь. Он должен учитывать историческое развитие страны, ее социальную структуру, настроения и стремления широких масс трудящихся и их организаций. Этот путь должен позволить нам осуществить в формах, подходящих для нашей страны, союз между рабочим классом, крестьянством и средними слоями и, следовательно, завоевать большинство народа на сторону дела социалистического преобразования общества». Это заявление, опубликованное в «Правде» и газетах всех других стран Восточного блока, послужило внимательному наблюдателю первым намеком на то, что ИКП дальше всех пойдет по новому пути³⁷.

Закрытый доклад Хрущева

В последний день съезда, 25 февраля, Хрущев сделал знаменитый закрытый доклад. Побудительные мотивы для такого шага долгое время оставались неясными. Между тем из воспоминаний Хрущева мы узнали, что в руководстве были резкие разногласия по поводу этого доклада. Окончательное решение сделать его было принято уже в ходе заседаний съезда, а точнее, во время одного из последних перерывов в его работе. Воспользовавшись присутствием только членов Политбюро (тогда оно называлось Президиумом), Хрущев заявил тогда, что глупо расходиться, не раскритиковав по-настоящему Сталина. Ворошилов и Каганович высту-

пили решительно против, опасаясь, что это бросит тень на авторитет партии и Советского Союза, «все будут тыкать в нас пальцем» и надо будет объяснять свое поведение при Сталине. Но Хрущев оставался непреклонным. Все скрыть невозможно, доказывал он, рано или поздно люди вернуться из тюрем и лагерей и так или иначе обо всем расскажут. Теперь, на первом съезде после Сталина, надо открыто рассказать делегатам, что случилось. После непродолжительной дискуссии по вопросу о том, кто должен выступить с докладом, было в конце концов принято решение поручить это самому Хрущеву⁵⁸.

В своем сенсационном докладе Хрущев впервые упомянул о завещании Ленина и его предложении снять Сталина с поста Генерального секретаря ЦК партии. До этого завещание Ленина держали в секрете и за любое упоминание о нем, как теперь доказано документально, наказывали многолетним заточением в лагерь. Хрущев сказал, что опасения Ленина, высказанные в завещании, оказались обоснованными. Он отметил деспотические черты характера Сталина и сосредоточил внимание прежде всего на большой чистке 1936—1938 годов, подавлении масс, значении термина «враг народа» и на фактах вымогательства признаний у заключенных путем физических пыток. Самые верные, самые преданные коммунисты, которые на самом деле никогда не были врагами или шпионами, объявлялись «врагами народа». Будучи не в силах вынести варварских истязаний, они часто возводили клевету на самих себя. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде партии в 1934 году, во время большой чистки было арестовано и уничтожено 98 человек, то есть 70 процентов. По всей стране, говорил Хрущев, распространялась волна неуверенности, недовольства, недоверия, а доноски и карьеристы всех мастей творили свое грязное дело. Репрессии в Красной Армии, которым подвергся командный состав, от взводных и батальонных командиров до военачальников самых высоких рангов, ослабили советские вооруженные силы; военнотружашие, воевавшие в Испании и на Дальнем Востоке, были почти полностью ликвидированы. Это «кровоупускание» в Красной Армии явилось решающей причиной поражений советских войск в первые месяцы войны в 1941 году.

Особенно потрясли присутствующих своей неожиданностью слова о поведении Сталина во время второй мировой войны. Хрущев напомнил о том, что Сталин игнорировал все поступающие из западных и советских источников предостережения о намеченном на июнь 1941 года нападении Гитлера на Советский Союз, а когда война началась, совершенно утратил мужество, склоняясь даже к мысли о возможности поражения, в первые месяцы вообще устранился от участия

в руководстве военными операциями, был демомобилизован, проявлял признаки невроза и истерии и за всю войну ни разу не выезжал на фронт.

Хрущев рассказал также о массовой депортации целых народностей Кавказа, не оправданной никакими военными соображениями, и о том (это было новостью как для делегатов съезда, так и для всех экспертов-советологов), что Сталин даже хотел депортировать все население Украины, но сделать это оказалось невозможным, поскольку украинцы были слишком многочисленны и не нашлось территории для депортации такого масштаба. После окончания войны, продолжал Хрущев, заметно волнуясь, поведение Сталина стало еще больше зависеть от настроения, он быстро возбуждался и проявлял жестокость. Его недоверие и мания преследования приняли невероятные размеры, он инспирировал надуманные процессы о заговорах, стремясь ввергнуть страну в новую большую чистку. Из внешнеполитических вопросов Хрущев упомянул только о том, что Сталин несет ответственность за конфликт с Югославией, что он недооценил Тито, что во всем этом проявилась его мания величия³⁹.

Хотя Хрущев очень много критиковал личность Сталина и очень мало его систему, закрытый доклад все же имел большое значение. Он стал символом десталинизации, положил начало ревизии сталинистского прошлого. Особенно важным было то, что эта критика исходила непосредственно от Первого секретаря ЦК КПСС. Надо поставить себя в положение тогдашних коммунистов, как русских, так и в еще большей степени европейских: три десятилетия их воспитывали в духе не только почитания Сталина, но и любви к нему, а теперь они должны были узнать правду о своем идоле⁴⁰.

Влияние на европейских коммунистов

Для критически мыслящих коммунистов, искавших новые пути, десталинизация была подтверждением тех идей, которые они всегда вынашивали. Она дала решительный толчок их стремлениям к реформам. Для верных сталинистов, напротив, она была тяжелейшим ударом, какой только можно себе представить. Партийные руководители всех стран говорили им теперь правду о Сталине. Западногерманский писатель Ральф Гиордано, тогда еще молодой лейпцигский коммунист, так описал свою реакцию на только что услышанную правду о Сталине:

«Так называемый закрытый доклад Хрущева от 25 февраля никогда не публиковался в ГДР, но слухи, которые уже вскоре дошли до нас, содержали удивительно много подробностей, подтвердившихся позднее при чтении доклада. Первый шок я пережил в винном погребе, что в подвале Лейп-

цигской ратуши. Нас собралось там десяток молодых людей, и мы просто обалдели от всего того, что только что узнали. Об этом говорилось приглушенно, шепотом, как о чем-то невероятном, немислимом, чего нельзя было высказать вслух. Подумать только: достаточно было одного *его* взгляда, чтобы человек исчез навсегда; *он* уничтожил гвардию старых большевиков; большинство делегатов XVII съезда, членов и кандидатов ЦК, избранных на этом съезде, было убито или арестовано; Кирова убили с *его* ведома; *он* угрожал расстрелом министру госбезопасности, если арестованные кремлевские врачи не сознаются в своих преступлениях; лагеря; массовые депортации; искоренение целых народностей: оглашение писем отчаявшихся коммунистов, брошенных *им* в тюрьмы; страх населения за свое существование в течение по крайней мере двух десятилетий. Неужели все это правда? Этого не может быть! Сталин, воплощение нашей силы, символ, друг, защитник, наш далекий родной отец, олицетворение революции, всезнающий, добрый и справедливый, — и он насильник, одержимый манией преследования монотон, тщеславный, злой, подлый диктатор? Этого не может быть! Поднявшись, мы бродили по улицам, как во сне, даже осунулись...»⁴¹

Закрытый доклад, опубликованный сначала в выдержках, а затем и в полном изложении, глубоко потряс всех коммунистов. Избавление от сталинских оков привело к тому, что ничего уже нельзя было направить по точно предписанному руслу. В различных компартиях появлялись и открыто заявляли о себе несовпадающие тенденции и отличающиеся одно от другого течения. Партийному руководству большинства восточноевропейских стран удалось справиться с шоком и ограничиться переименованием улиц или смещением некоторых особенно скомпрометированных функционеров. И лишь весьма и весьма осторожно начали заниматься показательными процессами, состоявшимися в собственных странах. Только в Польше тут же в марте 1956 года события приняли другой оборот. Даже официальные партийные газеты сообщали о серьезных внутренних разногласиях. В дискуссиях и на партийных собраниях спорили не только о культе личности Сталина, но и обо всех признаках вырождения при сталинизме: об извращении норм партийной жизни, последствиях сталинской дисциплины и принуждения, навязываемом сверху единодушии, превращении правительственного аппарата в террористический орган самодержавного господства.

Однако замешательство возникло не только в Восточной Европе, но и среди западноевропейских коммунистов, каждый из которых имел собственное мнение. Французская компартия в решающие дни марта 1956 года делала акцент поч-

ти исключительно на заслугах Сталина и стремилась умалить значение полемики со сталинизмом. По-иному, однако, реагировала Итальянская компартия. Уже 15 марта 1956 года Тольятти заявил, что XX съезд КПСС создал новую ситуацию, качественно отличающуюся от прежней. При Сталине существовала перспектива бесконечных взаимных преследований. Подозрительность Сталина привела к неоправданным мерам подавления и нарушению социалистической законности, когда виновность определяли только на основе признания и никогда не опирались на доказательства. Теперь, заявил Тольятти, надо уточнить эту критику и в ходе нового ознакомления с развитием Советского Союза делать и новые выводы⁴². Во весь голос высказалась и Компартия Великобритании. В течение многих дней она публиковала письма читателей⁴³, в которых высказывались суждения, считавшиеся ранее антипартийными, и отражались муки совести, испытывавшиеся тогда многими коммунистами, прежде всего теми, кто верил в Сталина и во всем доверял ему.

Роспуск Коминформа

В самый разгар дискуссии о десталинизации взорвалась новая бомба: в середине апреля 1956 года был распущен Коминформ. 18 апреля 1956 года все коммунистические газеты опубликовали краткое «Информационное сообщение о прекращении деятельности Информационного бюро коммунистических и рабочих партий», в котором заявлялось, что Коминформ «исчерпал свои функции». Было подчеркнуто, что Коминформ способствовал укреплению интернационализма, но уже не отвечает новым условиям⁴⁴. В тот же день «Правда» яснее прежнего писала, касаясь самостоятельности коммунистических партий, что сегодня более, чем когда-либо, необходим тщательный учет особенностей и национальных условий конкретных стран. «Правда» призывала компартии проводить политику, наиболее полно отвечающую особенностям и традициям каждого народа⁴⁵.

Роспуск Коминформа приветствовали все компартии. Две из них, однако, не обошлись без критических замечаний. Югославские коммунисты хотя и одобрили роспуск, но подвергли критике содержание сообщения об этом, прежде всего ссылаясь на то, что Коминформ сыграл положительную роль. По мнению югославов, этого никак нельзя было сказать, ибо интернационализму, напротив, был нанесен большой ущерб⁴⁶. И руководитель ИКП Тольятти неожиданно заявил, что было ошибкой вмешиваться в 1948—1949 годах извне в дела югославской компартии, что состав руководства Коминформа был неоднороден, а его деятельность становилась все более бесплодной. Тольятти выразил надежду,

что теперь, после роспуска Коминформа, появится «больше свободы для критического анализа достижений и ошибок»⁴⁷. Югославия, и это видели теперь все коммунисты, не была больше одинокой. С ее позицией начала сближаться ИКП, самая сильная и массовая партия Западной Европы. Это был еще один, пусть и небольшой, шаг на пути к еврокоммунизму.

В начале лета 1956 года состоялся наконец первый после 1948 года официальный визит Тито в Советский Союз. Почти накануне его прибытия в Москве с тридцатичетырехлетним опозданием было впервые опубликовано завещание Ленина от марта 1922 года. Таким образом, отныне стал общедоступным документ, который держался до тех пор в строгом секрете. 21 июня 1956 года была опубликована официальная советско-югославская декларация, в которой обе партии заявляли, что пути социалистического развития в разных странах и условиях различны, что «богатство форм развития социализма способствует его усилению» и, наконец, что «и та и другая сторона чужды всякой тенденции навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического развития». С тех пор югославские коммунисты постоянно ссылаются на эту декларацию от июня 1956 года, как в последние годы на нее все чаще стали ссылаться и еврокоммунисты других стран.

Концепция «полицентризма» Тольятти

Еще во время визита Тито в Москву руководитель ИКП Пальмиро Тольятти дал обширное интервью, которое позднее было опубликовано и в партийной газете «Унита». Содержание этого интервью стало еще одной вехой на пути к еврокоммунизму.

Тольятти был первым после югославов европейским коммунистом, который, заняв независимую позицию, подверг Советский Союз критическому анализу. Приветствуя разоблачение Хрущевым культа личности Сталина, он в то же время критиковал советских товарищей за то, что они до сих пор не удосужились «дать общую политическую и историческую оценку этой острой проблеме». Тольятти говорил, что объяснение ошибок в развитии страны личными чертами характера Сталина нельзя считать «удовлетворительным», ибо такой подход не основан на марксистско-ленинских критериях. Подлинная проблема заключается в том, как советское общество могло дойти и дошло до «перерождения». Таким образом, впервые руководитель зарубежной компартии употребил слово «перерождение» в отношении Советского Союза. Тольятти открыто говорил о бюрократизации, обратив при этом особое внимание на партию: «У нас нет сомнений, что

ошибки Сталина связаны с чрезмерным ростом влияния бюрократического аппарата в экономической и политической жизни Советского Союза, и, пожалуй, не будет преувеличением утверждать, что партия была исходным пунктом пагубного ограничения демократии и постепенного роста бюрократических организационных форм». Только на этом фоне, считал Тольятти, необходимо оценивать роль Сталина, который оказался «организатором и дирижером бюрократического аппарата», и именно с того момента, когда аппарат «вытеснил формы демократической жизни». Это и было основой «единоличного режима, приближавшегося вплотную к перерождению», — ситуации, которая сохранялась до смерти Сталина и которая, «возможно, в известной мере сохраняется и по сей день». Тольятти говорил о том, что при продолжении сталинской политики в Советском Союзе дело дошло бы, «возможно, даже до переворота».

Из своего поразительного анализа Тольятти сделал следующие выводы: критика по адресу Сталина поставила в повестку дня общую проблему угрозы социализму в результате бюрократического перерождения и удушения демократической жизни. Поэтому надо надеяться на то, что в процессе нового развития в Советском Союзе пройдут новые важные дискуссии, в ходе которых будут подвергнуты тщательному анализу и уточнению масштабы совершенных ошибок. Надо надеяться также на то, что эти ошибки будут исправлены незамедлительно и мужественно и что в результате «социалистическое общество получит новый импульс к дальнейшему прогрессу по всем направлениям на широкой, здоровой, демократической базе, обогащенной новой, живительной инициативой».

Что касается международного коммунистического движения, то Тольятти считал, что критика по адресу Сталина вызвала «стремление к постоянно растущей автономии» и что это может «быть только плюсом для нашего движения». Положение изменилось настолько, что советская модель «не может и не смеет быть больше обязательной». Теперь возникает «полицентрическая система», и даже внутри коммунистического движения нельзя «больше говорить о едином руководстве»⁴⁸.

После разрыва югославских коммунистов с Москвой это было самое значительное заявление в международном коммунистическом движении. Оно сразу же оказало воздействие на европейских коммунистов. Даже Французская компартия заявила, хотя и в более осторожной форме, что советские объяснения ошибок Сталина нельзя считать удовлетворительными⁴⁹. Более определенно высказалась Компартия Великобритании, потребовавшая проведения тщательного марксистско-ленинского анализа причин перерождения и способа функционирования советской демократии. Недостаточно, под-

черкнула КПВ, сводить все дело к чертам характера Сталина⁵⁰. Аналогичное заявление сделали также компартии Норвегии и Бельгии⁵¹. Таким образом, многие компартии Западной Европы впервые критически подошли к оценке положения в Советском Союзе.

Ответ из Москвы не заставил себя ждать. 30 июня 1956 года ЦК КПСС принял постановление, в котором была изложена позиция советского руководства относительно преодоления культа личности и отвергнуты высказывания Тольятти о «некоторых формах перерождения советского общества»⁵². Но ни одна западноевропейская компартия не отказалась от своей критики. Таким образом, с июня 1956 года в отношениях между Москвой и западноевропейскими коммунистами появилась первая, хотя еще и едва заметная, трещина.

«Польский октябрь» 1956 года

Осень 1956 года ознаменовалась такими событиями, как «польский октябрь» и революция в Венгрии. Причины и событийная сторона обоих выступлений известны. Поэтому я ограничусь здесь лишь отдельными моментами, которые имели значение для развития еврокоммунизма.

В Польше произошло ярко выраженное столкновение между новыми социальными силами на одном полюсе и изжившим себя бюрократическим аппаратом — на другом. Уже в конце июня 1956 года вспыхнула крупная забастовка рабочих в Познани, внешним поводом для которой послужили недовольство мелочной опекой и отказ удовлетворить одну жалобу. Вскоре забастовка переросла в политическую стачку, и дело дошло до вооруженных стычек с полицией и войсками. Сталинисты из партийного руководства назвали стачку «провокацией империалистических агентов» и «контрреволюцией». Но умеренное крыло партийного руководства признало, что причиной стачки явилось недовольство рабочих, и выступило за преобразования в социальной сфере и за известную либерализацию. В течение лета были освобождены и реабилитированы многие политические заключенные. В результате из тюрем вышли также Гомулка и его соратники. После реабилитации они снова заняли ключевые посты в партийном руководстве, вследствие чего в ПОРП усилились разногласия между сталинистами и умеренными реформистами, которых поддерживала значительная часть населения.

19 октября 1956 года состоялся VIII пленум ЦК, который должен был избрать Гомулку Первым секретарем ЦК и принять решение о мерах по демократизации. Тогда на Варшаву были двинуты находившиеся в Польше советские дивизии под командованием доверенного лица Москвы маршала Рокоссовского. Большинство партийных организаций в Варшаве

мобилизовало рабочих промышленных предприятий, которые затем вместе со студентами провели на улицах города демонстрации под лозунгом «К оружию!» и действительно получили оружие. Утром того же 19 октября самолетом прибыла советская партийная делегация во главе с Никитой Хрущевым. Угрожая применить вооруженную силу, она потребовала, чтобы руководители ПОРП помешали избранию Гомулки и оставили на своих постах просоветских функционеров. Только после исключительно острых споров советская делегация заявила о своем согласии приостановить продвижение советских войск в направлении Варшавы и других польских городов. Гомулка все же был избран Первым секретарем ЦК ПОРП, и умеренное реформистское крыло получило большинство в Политбюро. Многие сталинисты, в том числе маршал Рокоссовский, были удалены из партийного руководства. Рокоссовский вместе с 35 другими высшими советскими офицерами возвратился в Советский Союз.

К концу работы VIII пленума ЦК был принят ряд решений: об ограничении полномочий органов безопасности, смягчении цензуры, легализации стихийно созданных рабочих советов, проведении умеренной политики в отношении крестьянства и католической церкви, а также о повышении роли парламента. В широких кругах поляков — да и за пределами страны — росла тогда надежда на изменение бюрократической системы в направлении социалистической демократии. На протяжении ряда месяцев, с конца осени 1956 и до лета 1957 года, в Польше проходила поразительно свободная дискуссия по многим вопросам, которые сегодня обсуждаются и внутри еврокоммунизма. Так, социолог Зигмунд Бауман требовал отказа от ленинской доктрины партии; тогдашний министр просвещения Польши Бинковский, который и сегодня весьма активно участвует в движении за гражданские права в Польше, выступил за создание новой, демократической структуры партии. Польский экономист Липиньский, который также активно участвует в современном движении за гражданские права в Польше, потребовал превращения централизованной экономической системы в общественное самоуправление. Проживавший тогда еще в Польше философ Лешек Колаковский высказался за самостоятельную разработку открытого марксизма. Ожесточенные споры велись также о равноправии в международном коммунистическом движении. Все эти дискуссии и споры «польской осени» 1956 года были важной ступенью в деле теоретической разработки будущего еврокоммунизма.

С мая 1957 года, однако, процесс этот пошел на убыль. «Ревизионисты», реформистское крыло, были постепенно отеснены на задний план, Гомулка и другие центристы стали противиться дальнейшему проведению внутриполитических

реформ, опасаясь, что они могли бы ослабить господствующие позиции партийного аппарата. В течение 1958 года бюрократический аппарат снова окреп, все меры по демократизации были приостановлены, духовная жизнь снова зажата в тиски, а руководство ПОРП опять стало все больше ориентироваться на Советский Союз.

Уроки венгерской революции

Большое значение для развития еврокоммунизма имели также многие аспекты венгерской революции октября—ноября 1956 года. Как и в Польше, в Венгрии реформисты в ходе острых дискуссий, последовавших за XX съездом КПСС, тоже постепенно взяли верх над сталинистами. Членов кружка Пётефи — группы венгерских коммунистов-реформистов, действовавшей с марта 1956 года, — можно назвать сегодня еврокоммунистами. Первоначально они хотели лишь публично обсудить на собраниях результаты работы XX съезда КПСС. Но уже вскоре их высказывания вышли далеко за рамки, определенные партийным руководством: на собраниях стали раздаваться требования о проведении экономических реформ, освобождении и реабилитации невинно осужденных и выяснении подоплеки показательных процессов. 27 июля 1956 года, когда кружок Пётефи поставил в повестку дня вопрос о свободе печати, на собрании присутствовало шесть тысяч человек, дискуссия продолжалась всю ночь, и выступления ораторов транслировались на прилегающие дворы и улицы.

Как и в Польше, в Венгрии в партийном руководстве сталинистам Ракоши и Гере противостояли реформисты и центристы во главе с Имре Надем. Однако если Гомулка проявил себя в Польше явным центристом, то Имре Надя надо считать в Венгрии последовательным реформистом, а по нынешней терминологии — поборником еврокоммунизма.

Имре Надь (1896—1958) служил — как и Тито — во время первой мировой войны в австро-венгерской армии, тоже был в русском плену и пережил в России революцию 1917 года. В 1918 году присоединился к русским коммунистам и в рядах Красной Армии участвовал в гражданской войне. В 1921 году он возвратился в Венгрию, примкнув сначала к левому крылу венгерской социал-демократии, а позднее, вступив в компартию, был арестован, жил в Австрии, возглавляя там эмигрантское руководство Компартии Венгрии, а с 1930 по 1944 год находился в Советском Союзе. За время четырнадцатилетней эмиграции в СССР Надь не стал сталинистом. Он работал в Международном аграрном институте, выступал от имени Компартии Венгрии на VII конгрессе Коминтерна, в период сталинских чисток был репрессирован,

работал в колхозе в Сибири, а во время второй мировой войны руководил радиопередачами на венгерском языке. Вернувшись в конце 1944 года в Венгрию, Надь стал министром сельского хозяйства, с сентября 1947 года был председателем венгерского парламента, а затем в период жесткого курса позднего сталинизма был снят со всех важных постов.

После смерти Сталина Имре Надь стал премьер-министром Венгрии и в июле 1953 года провозгласил широкую программу реформ, в рамках которой предусматривались ликвидация лагерей для заключенных, обеспечение личной свободы и безопасности граждан, развитие производства потребительских товаров, уступки крестьянам и проведение терпимой политики в отношении интеллигенции⁵³. Но сопротивление бюрократов-сталинистов было настолько велико, что в марте 1955 года Надя опять сняли, а его программу реформ заморозили. Затем его опять исключили из Политбюро, лишили мандата в парламенте и кафедры в университете. Ракоши резко потребовал от Имре Нады выступить с самокритикой, но тот отказался.

В период с лета 1955 до начала 1956 года (то есть еще до XX съезда КПСС!) Надь составил подробную памятную записку для ЦК в надежде, что она будет обсуждена партийными руководителями. Но этого не случилось. В памятной записке — несомненно, важном документе для развития еврокоммунизма — Имре Надь указывал на два возможных пути движения к социализму. Тогдашнее развитие он квалифицировал как диктаторское: «Власть проникнута не духом социализма или демократизма, а духом диктатуры меньшинства, бонапартизма. Ее цели определяются не марксизмом — учением о научном социализме, — а стремлением сохранить единоличное господство любой ценой и любыми средствами». В качестве альтернативы Надь требовал создания социализма на основе «конституционного правопорядка, правосудия и демократизации всей политической, государственной и общественной жизни». Социализм, как заявлял уже тогда Имре Надь, можно построить лишь на основе «конституционного правопорядка и законности». Таким образом, Надь был первым коммунистическим руководителем, подчеркнувшим значение правопорядка, демократии и законности как основных условий построения социалистического общества⁵⁴.

23 октября 1956 года в Будапеште прошли крупные демонстрации, вызванные сообщением об успешном завершении VIII пленума ЦК ПОРП. На многотысячном митинге, положившем начало венгерской революции, были выдвинуты требования о национальной независимости, самостоятельности, равноправии с Советским Союзом, а также о введении свободы печати, восстановлении на своих постах Имре Нады, проведении суда над Ракоши и о всеобщей демократизации. Оба

аспекта — внешний (требования внешней независимости) и внутренний (требования широких внутривластных реформ) — были во время венгерской революции неразрывно связаны друг с другом. В течение 26—30 октября революция из Будапешта перекинулась на всю территорию страны. Повсюду возникали рабочие советы, избирались народные советы, распускались коллективные хозяйства. Но еще более решающим моментом явилось то, что произошел развал сталинистской партии. 30 октября 1956 года революция в Венгрии практически завершилась победой. Имре Надь заявил о ликвидации однопартийной системы и создании социалистического правительства на основе сотрудничества нескольких партий. Таким образом, в 1956 году в Венгрии был претворен в жизнь тезис, которого еще и сегодня придерживаются еврокоммунисты. В это же время Янош Кадар, который сначала тоже входил в правительство Имре Надя, заявил, что прежняя коммунистическая партия распущена и на 1 ноября запланировано создание новой партии. Эта новая партия, сказал тогда Кадар, «навсегда очистится от преступлений прошлого и будет не на основе рабского подражания зарубежным примерам, а в духе учения Маркса—Ленина, освободившись от сталинизма и избрав путь демократии, строить социализм, который соответствует экономическим и историческим особенностям нашей страны»⁵⁵. Эти слова звучат и сегодня как декларация еврокоммунистической партии.

Воздействие событий в Польше и Венгрии на международное коммунистическое движение

Трагедия вооруженной интервенции — кровавое подавление венгерской революции (названной сталинистами «контрреволюцией») — была ужасным ударом для тысяч коммунистов, тем более что эта трагедия произошла всего через несколько месяцев после обнадеживающего XX съезда КПСС. Но многие европейские коммунисты теперь уже не остались ее молчаливыми свидетелями. Во Франции и Италии в знак протеста коммунисты массами выходили из своих партий. Выходили даже функционеры, долгие годы пребывавшие на своих постах. Критические голоса раздавались в Польше, где в конце 1956 года можно было еще открыто выражать свои мысли. «Скажи мне, как ты относишься к Венгрии, и я скажу тебе, кто ты», — писал один из публицистов. Другой заявлял, что венгерская трагедия доказала, что «сталинизм — это могилищик коммунизма»⁵⁶. Тито 11 ноября 1956 года выразил надежду, что ужасные жертвы, понесенные венгерским народом, смогут оказать положительное воздействие в том смысле, что «у товарищей в Советском Союзе, даже сталинистов, постепенно наступит просветление и они поймут, что

так поступать больше нельзя. Так больше нельзя поступать»⁵⁷.

Компартия Дании 11 ноября 1956 года обратилась к московскому руководству с требованием «как можно быстрее вывести из Венгрии» советские войска и предоставить возможность «трудящемуся венгерскому народу» самому продолжить восстановление своей страны. 12 ноября 1956 года со специальным обращением выступила норвежская компартия, заявившая, что «каждый народ должен сам определять свое будущее» и что внутренние проблемы какого-либо народа не могут быть решены с помощью иностранных войск⁵⁸.

Итальянская компартия хотя и отметила на своем VIII съезде в середине декабря, что советская интервенция была «болезненной необходимостью, которой нельзя было избежать», но тем не менее заявила в резолюции съезда: «События в Венгрии показали, что все еще существуют неверные представления, прежде всего слабое стремление к национальной форме построения социализма и рабское подражание советской модели, что создает глубокую пропасть между партией или правительством и народом». События в Польше и Венгрии, говорилось в резолюции, свидетельствуют о том, что социалистическая система должна исходить из признания «принципа разнообразия путей строительства социализма». Суверенитет малых государств, констатировалось далее, не должен ущемляться и ставиться под вопрос «интервенцией и нажимом более сильных государств»⁵⁹.

В конечном счете ИКП не высказалась тогда со всей определенностью против интервенции в Венгрии — она сделала это лишь в 1976 году в связи с 20-й годовщиной венгерской революции. Но тем не менее даже уже в 1956 году было очевидно, что эта крупнейшая партия Западной Европы перестала поддерживать советскую линию в столь важном, поистине решающем вопросе.

Первое международное коммунистическое совещание 1957 года

Чтобы покончить с тенденциями к самостоятельности, восстановить руководящую роль Москвы в международном коммунистическом движении, и прежде всего в европейском коммунизме, советское руководство решило созвать международное совещание коммунистических и рабочих партий. При помощи таких регулярно созываемых совещаний Кремль хотел попытаться ограничить самостоятельность отдельных партий на будущее, обязать их соблюдать единую генеральную линию и таким путем восстановить единство международного коммунистического движения. Проведение новой

единой линии должен был обеспечивать новый международный коммунистический журнал.

Первый сигнал подал 6 ноября 1956 года ведущий советский партийный идеолог Михаил Суслов в своем докладе на торжественном заседании в Москве, посвященном 39-й годовщине Октябрьской революции. Суслов потребовал крепить единство международного коммунистического движения и впервые перечислил тогда четыре общие черты и закономерности, которые должны были стать обязательными для советского направления в мировом коммунизме. Двумя главными закономерностями Суслов назвал установление политической власти рабочего класса (диктатуры пролетариата) во главе с коммунистической партией и «решительную защиту завоеваний социалистической революции», подразумевавшую создание бюрократического диктаторского аппарата террора и возможность вооруженной интервенции.

Примечательно, что предложение о созыве международного совещания было сделано сначала другими коммунистическими партиями, с тем чтобы Советский Союз позднее как бы присоединился к этому предложению⁶⁰. Первые предложения поступили от СЕПГ, компартий Австрии, Франции⁶¹ и Чехословакии. Неожиданностью для Москвы явилось то, что были и голоса против. Против выступила прежде всего ИКП, которая решительно заявила на своем VIII съезде в декабре 1956 года, что она «отклоняет возвращение к методам централизованного руководства отношениями между коммунистическими партиями». Международные встречи, по мнению ИКП, могут, конечно, проводиться, но в них должны участвовать не только коммунисты, и при этом не должны «приниматься обязательные для всех решения». Итальянские коммунисты считали, что такие совещания могут служить только цели «разъяснения соответствующих позиций и укреплению на этой основе единства международного движения»⁶². Наряду с ИКП против создания новой централизованной организации протестовала и Компартия Великобритании, которая поддерживала позицию итальянских коммунистов. Заявление Компартии Великобритании⁶³ шло настолько далеко, что официальный журнал СЕПГ «Аус дер интернационален арбайтербеvegунг» при его перепечатке просто выпустил некоторые места⁶⁴. Почти через год после такой подготовительной работы официальный орган советской компартии журнал «Коммунист» заявил наконец, что для успеха международного коммунистического движения необходимо периодически созывать международные совещания⁶⁵.

Первое международное совещание представителей коммунистических и рабочих партий состоялось в Москве 14—19 ноября 1957 года. В нем участвовали делегации 64 коммунистических партий — почти все существовавшие тогда партии,

но без Югославии. Совещание, как это ни странно, проходило в два этапа. Сначала 14—16 ноября встретились представители 12 правящих коммунистических партий государств Восточного блока, которые приняли директивную политико-идеологическую декларацию. Затем с 16 по 19 ноября проходила встреча делегаций всех 64 партий, которые договорились только о совершенно бессодержательном Манифесте мира. Важнейшими пунктами декларации 12 правящих коммунистических партий были следующие:

а) укрепление единства социалистического лагеря (Варшавского пакта), «защита от всех происков врагов социализма»;

б) определение восьми общих закономерностей, взятых из опыта развития Советского Союза, в том числе положений о пролетарской революции, установлении диктатуры пролетариата под руководством марксистско-ленинской партии и о защите «завоеваний социализма»;

в) учет национальных особенностей, традиций и конкретных условий в каждой стране, но в то же время и предостережение от вредного преувеличения роли этих особенностей и отхода «от всеобщей истины марксизма-ленинизма о социалистической революции и социалистическом строительстве»;

г) обязанность всех коммунистических партий бороться как с «догматизмом», так и с «ревизионизмом», причем догматизм (вера в сталинские шаблоны) был лишь осужден, а ревизионизм (все новшества в смысле самостоятельности и переориентации) объявлен «главной опасностью»;

д) признание руководящей роли партии и принципов «пролетарского интернационализма» (то есть подчинения Советскому Союзу)⁶⁶.

Первое международное совещание было крупным успехом Москвы. Конечно, вызвало удивление то, что советское руководство после XX съезда, закрытого доклада Хрущева, «польского октября» и венгерской революции смогло так быстро восстановить свой авторитет и контроль над движением и добиться провозглашения собственных целей по решающим вопросам в качестве генеральной линии. Но нельзя не учитывать и того, что советскому руководству пришлось также пойти на уступки бывшим «автономистам» — предвестникам нынешних еврокоммунистов — по целому ряду решающих вопросов.

1. Как стало известно потом, международное совещание было разделено на совещания правящих и неправящих партий по требованию компартий Италии и Скандинавских стран. Они не согласились подписать подготовленную заранее и обязательную декларацию, выразив желание подписать только Манифест мира⁶⁷.

2. Москва не сумела добиться, чтобы в декларацию было

включено положение о регулярном созыве совещаний, поскольку против такого пункта возражали и представители правящих партий (польской и венгерской).

3. Не была одобрена также идея Москвы объявить в декларации о предстоящем в ближайшее время основании международного коммунистического журнала. Решение об этом было принято только четыре месяца спустя на состоявшейся в Праге в марте 1958 года конференции нескольких (опять-таки не всех!) коммунистических партий. А первый номер этого журнала под названием «Проблемы мира и социализма» вышел в свет только в сентябре 1958 года.

4. Не осуществилось намерение Москвы объявить ревизионизм главной опасностью непременно для всех компартий; была сделана оговорка о том, что каждая партия вправе решать сама, что для нее составляет главную опасность.

5. Не сбылось — из-за возражений прежде всего Гомулки (Польша) и Кадара (Венгрия) — также пожелание Москвы четко зафиксировать в декларации признание руководящей роли КПСС. Была признана руководящая роль СССР *только как государства*, а руководящая роль КПСС в международном коммунистическом движении не была санкционирована.

Пусть эти уступки покажутся сегодня относительно небольшими, но тем не менее примечательно, что уже в ноябре 1957 года в западноевропейском коммунизме не было единства по вопросам, касавшимся структуры международного коммунистического движения, масштабов централизованного руководства, обязательной генеральной линии и стратегии (борьба с «ревизионизмом»), и Москве впервые пришлось считаться с этим фактом на международном совещании. С этого времени автономные силы как в восточноевропейских (польская и венгерская), так и в западноевропейских партиях начали выступать против создания монолитного, централизованно руководимого международного коммунистического движения. Об этом открыто заявила делегация ИКП после возвращения с Московского совещания: «Речь при этом не идет о возврате ни к Коминтерну, ни к Коминформу. Такие формы организации международного коммунистического движения больше не соответствуют ситуации и потребностям»⁶⁸.

Значение событий 1956 года

События 1956 года являются в известной мере второй ступенью в развитии еврокоммунизма (первой ступенью был разрыв Югославии с Москвой). Впервые началось самостоятельное развитие, впервые были провозглашены новые концепции о равноправии между социалистическими странами и между коммунистическими партиями, о праве на выбор своего пути к социализму, впервые произошел отход от сталинских

форм господства. Дальнейшими шагами были XX съезд КПСС, критика в адрес Сталина, признание различия путей к социализму и роспуск Коминформа. «Польский октябрь» и венгерская революция выявили непрочность сталинской системы и ее глубокие противоречия. С обнародованием в июне 1956 года знаменитого интервью Тольятти о полицентризме впервые за пределами Югославии было официально заявлено, что советская модель не является обязательной для всех. Интерпретация кровавого подавления венгерской революции как «борьбы с контрреволюцией» уже не принималась всеми безоговорочно. Все чаще и чаще с собственными критическими суждениями стали выступать наряду с югославской также компартии Италии, Великобритании и Скандинавских стран. Даже первое международное коммунистическое совещание вынуждено было пойти на уступки самостоятельным силам, которые тогда именовались автономистами, а сейчас должны рассматриваться как предвестники еврокоммунизма.

Глава 5

Европейский коммунизм под знаком конфликта между Москвой и Пекином (1957—1967)

Десятилетие с 1957 по 1967 год, в течение которого европейский коммунизм находился под знаком конфликта между Москвой и Пекином, было в известной мере третьей ступенью в развитии еврокоммунизма. Конфликт между Москвой и Пекином глубоко потряс всю систему мирового коммунизма и привел к возникновению в международном коммунистическом движении двух центров: Москвы и Пекина. Во главе обоих этих центров стояли крупнейшие правящие партии с совершенно различными, даже противоположными целями. Для европейского коммунизма это имело следствием не только, как часто считают, появление небольших маоистских партий во всех западноевропейских странах (в том числе и в ФРГ). С точки зрения долговременной перспективы конфликт привел к еще более важным последствиям. Существование двух центров явилось для европейского коммунизма решающим стимулом к тому, чтобы начать более свободную дискуссию по вопросам собственной стратегии и собственных целей. Обострение конфликта между Москвой и Пекином позволило многим компартиям расширить рамки проведения собственной политики и встать на путь самостоятельности и переориентации.

В это решающее десятилетие внутри Восточного блока все более самостоятельную роль начала играть Румыния, что имело очень большое значение для будущего еврокоммунизма, поскольку Румыния с середины 60-х годов поддерживала еврокоммунистические тенденции. Потом в течение этого десятилетия на путь самостоятельности и переориентации встал также ряд коммунистических партий Скандинавии, а вне Европы — компартии Японии и Австралии. Наконец, за эти же десять лет в процессе идейно-теоретического обсуждения многих решающих проблем был заложен духовный фундамент еврокоммунизма, что затем нашло свое выражение в программных документах и заявлениях еврокоммунистических партий в 70-х годах.

Путь Румынии к самостоятельности

До начала 60-х годов казалось, что Румыния — восточно-европейская страна, наиболее полно подчиненная Советскому

Союзу. Никто и не предполагал, что она когда-нибудь станет важным фактором в еврокоммунистическом движении.

Фашистский режим Антонеску был свергнут в августе 1944 года как антифашистскими силами самой Румынии, так и вступившими в страну советскими войсками. В то время, в августе 1944 года, Румынская компартия насчитывала всего около тысячи человек, и ее влияние среди населения было весьма небольшим. Однако вскоре Румынская компартия стала ведущей политической силой страны: к концу 1945 года она объединяла в своих рядах уже 700 тысяч человек. Партию возглавлял участник румынского движения Сопротивления Георге Георгиу-Деж, член партии с 1930 года, более десяти лет — с 1933 по 1944 год — находившийся в румынских тюрьмах. Но наряду с Георгиу-Дежем с 1945 года на первых порах играли решающую роль и коммунисты, возвратившиеся из эмиграции в Советском Союзе, в том числе Анна Паукер. Ни в одной другой стране Восточной Европы советское влияние, прежде всего в экономике, не было так велико, как в Румынии. С июня 1945 года по август 1952 года в Румынии было создано 16 смешанных советско-румынских обществ («совромов») — по сравнению с семью в Болгарии, шестью в Венгрии и одним в Чехословакии. С помощью «совромов», обладавших правом экстерриториальности и совершенно независимых от румынского внутреннего планирования, решающие отрасли румынской экономики — в том числе добыча нефти, банки и финансы, химическая, тяжелая, угольная, лесная и строительная промышленность, речное и морское судоходство — попали под советский контроль.

Эта «советизация» нашла отражение и в конституции Румынии от сентября 1952 года. Она была почти дословной копией сталинской конституции 1936 года и, сверх того, содержала в преамбуле похвалу Советскому Союзу. В культурной сфере румынские традиции вытеснялись славянским влиянием. Была начата даже русификация румынского языка.

Только постепенно Георгиу-Деж, действуя очень осмотрительно и осторожно, сумел ограничить влияние Анны Паукер и других просоветских коммунистов в Румынии и удалить их в 1952 году из Политбюро. Одновременно ему удалось поставить на руководящие посты своих сторонников, в том числе уже в 1952 году и Николае Чаушеску, которому суждено было сыграть решающую роль в дальнейшем развитии Румынии.

Однако решающие перемены произошли лишь после смерти Сталина. В 1954—1956 годах Советский Союз продал Румынии свою долю в «совромах», так что румынская партия впервые получила — правда, еще ограниченное присутствием советских войск в Румынии — право распоряжаться экономикой собственной страны. В этой ситуации руководство румынской партии решилось на необычный, единственный в истории

коммунизма шаг, о котором стало известно лишь много лет спустя. Во время визита Хрущева в Бухарест румынские партийные руководители, в том числе тогдашний министр обороны Боднараш, предложили советскому гостю не что иное, как вывести советские войска из Румынии. Это необычное предложение сам Хрущев так описал в своих воспоминаниях:

«Вскоре после смерти Сталина я был в Румынии и имел разговор с [румынским министром обороны] товарищем Боднарашем. Он был верным другом Советского Союза, старым коммунистом, который в королевской Румынии сидел в тюрьмах. Он пользовался нашим полным доверием и уважением.

Неожиданно он задал мне такой вопрос:

— Что вы думаете о выводе ваших войск из Румынии?

Должен признаться, что моя первая реакция на его вопрос была не очень-то разумной. Я бы даже сказал, что я прямо-таки утратил выдержку.

— Что это вы говорите! — воскликнул я. — Да как вы могли додуматься до этого?

— Дело в том, — пояснил он, — что Румыния граничит только с социалистическими странами и никто не может угрожать нам с моря, кроме турок.

— А как быть с турками? — спросил я.

— Так ведь вы-то рядом. В случае необходимости вы всегда смогли бы прийти к нам на помощь.

— Дело не только в турках. Они контролируют Босфор и Дарданеллы. Значит, враг в любой момент может вторгнуться в Румынию, перебросив в Черное море десантные силы.

Румынские товарищи, которые присутствовали при этом разговоре, переглянулись. По-видимому, они уже обсудили этот вопрос между собой.

— Хорошо, — сказали они, — если вы действительно так считаете, то мы снимаем свой вопрос. Просто мы не хотели бы, чтобы вы думали, будто мы лишь потому твердо стоим на позициях социализма, что на нашей территории размещены ваши войска. Мы занимаем прочные позиции потому, что мы убеждены в необходимости строить социализм и следовать марксистско-ленинским курсом, и потому, что наш народ признает нас как своих руководителей и поддерживает нас.

Я был более чем удовлетворен тем, как они разъяснили мотивы своего предложения о выводе советских войск с румынской территории. Я считал, что румынские товарищи искренне подтвердили свою верность целям социалистического строительства.

Через несколько лет мы стали сокращать численность Советской Армии, урезав ее почти наполовину по сравнению с той, какой она была при Сталине»⁶⁹.

Так вспоминал Хрущев. Но дело не ограничилось сокращением войск, о котором упоминал Хрущев: летом 1958 года из

Румынии были выведены все советские войска. В ноябре 1958 года состоялся пленум ЦК Румынской рабочей партии, который принял решение об ускорении индустриализации страны. Этот курс был еще более подкреплен принятием на VIII съезде РРП в июне 1960 года нового шестилетнего плана, который предусматривал наряду с прочим строительство нового крупного металлургического комбината в Галаце — явно против желания советского руководства. Советский Союз хотел, чтобы Румыния занималась только нефтедобычей, выпуском товаров легкой промышленности и сельскохозяйственным производством, что еще больше усилило бы экономическую отсталость Румынии и ее зависимость от Советского Союза. Румынское же руководство во главе с Георгиу-Дежем настаивало на продолжении индустриализации страны с учетом ее сырьевых и энергетических ресурсов, в чем важная роль была отведена крупному металлургическому комбинату, строившемуся в Галаце. В конечном счете Советский Союз отказался поставить оборудование для этого комбината, на что надеялись румыны, и это привело к первому столкновению.

Еще одно столкновение произошло вскоре из-за того, что Румыния выступила против намерения Советского Союза создать общий наднациональный орган — СЭВ. Этот орган должен был, по замыслу Советского Союза, разрабатывать экономические планы, обязательные для всех стран — членов организации, а принятие нового устава должно было привести к тому, что решения СЭВ приобрели бы силу закона для всех стран-членов. Румынское руководство весьма решительно отклонило эти намерения Советов. В марте 1963 года пленум ЦК РРП одобрил эту позицию, открыто заявив, что экономическое сотрудничество со странами СЭВ может осуществляться лишь на основе национальной независимости и полного равноправия, что централизованное планирование для всех стран — членов СЭВ означало бы экономическое подчинение Румынии, а Румыния не хочет играть роль производителя сельскохозяйственной продукции и поставщика нефти. Румынское сопротивление оказалось настолько сильным, что совещание стран — членов СЭВ в июле 1963 года было вынуждено отложить обсуждение проекта создания наднационального органа планирования.

Но советское руководство не отказалось от своего намерения. С одобрения Кремля в одном научном журнале, издаваемом Московским университетом, было опубликовано предложение о создании в бассейне Дуная Румынией, Болгарией и Советским Союзом наднационального экономического района, в который должно было войти 40 процентов государственной территории Румынии, 30 процентов — Болгарии и 0,5 процента — Советского Союза. Но и эта попытка была настолько резко отвергнута Румынией, что Советский Союз никогда больше не

выдвигал подобного предложения. Это было третье столкновение Румынии с Советским Союзом.

Однако румынский путь к самостоятельности не был ограничен одними разногласиями о советско-румынских экономических отношениях, хотя эти последние и играли исключительно важную роль. С начала 1963 года Румыния стала развивать торговые отношения с западными странами и в еще больших масштабах устанавливать контакты с независимыми коммунистическими силами. За установлением в апреле 1963 года дипломатических отношений с Албанией, которую Москва предала анафеме, последовало заключение ряда экономических соглашений с Югославией и Китаем. Участились взаимные визиты румынских и китайских руководящих деятелей. В конце июня 1963 года Румыния, единственная в Восточном блоке, опубликовала без каких-либо комментариев важные заявления руководства Компартии Китая о конфликте между Москвой и Пекином, подчеркнув свое намерение занимать нейтральную позицию в этом конфликте. Тенденции к самостоятельности проявились в Румынии и в процессе культурно-политической «дерусификации», которая вышла далеко за рамки одной лишь сферы культуры. В ежегодных торжествах по случаю Дня 23 августа, дня свержения режима Антонеску, уже не подчеркивалась, как прежде, главная роль советских войск в освобождении страны, а все больше выдвигалась на первый план роль румынских коммунистов. Было прекращено румынское издание советского внешнеполитического еженедельника «Новое время» — вместо него румынские коммунисты стали издавать собственный политический журнал «Лумя» («Мир»), отражающий взгляды самих румын, прежде всего стремление к суверенитету, равноправию и независимости. Русский язык утратил в 1963 году монопольное положение в румынских школах, а начатая при Сталине славянизация румынского языка была открыто раскритикована и постепенно преодолена. 26 апреля 1964 года был опубликован принятый на пленуме ЦК РРП знаменитый документ, известный под названием «Заявление о независимости» или «Хартия румынской независимости». В нем были особо подчеркнуты два момента: экономическое равноправие социалистических стран и независимость коммунистических партий.

В сфере экономических отношений между социалистическими странами румынские коммунисты требовали превращения СЭВ из основанного на жесткой регламентации инструмента интеграции в свободный экономический союз. Они отклоняли создание планирующего органа СЭВ, поскольку это означало бы суверенитет государств-членов. Экономическое планирование, считали они, должно оставаться прерогативой каждой страны: «Государственный план един и неделим. Из него нельзя выделить отдельные части или секторы, подчинив

их органам, находящимся вне пределов страны. Поэтому следует отклонить и создание многосторонних производственных объединений или совместных предприятий нескольких коммунистических стран».

Румыны потребовали также демократизации СЭВ. Они считали, что каждое государство — член СЭВ должно обладать правом вето, а органы СЭВ не могут применять экономические санкции против государства, не пожелавшего подчиниться решению большинства. Наибольшее значение для будущего еврокоммунизма имела исключительно ясная и точная формулировка тезиса о равноправии всех коммунистических партий: «Нет и не может быть никаких старших и младших партий, партий первого или второго ранга — существует только большая семья равноправных коммунистических и рабочих партий. Ни одна партия не имеет привилегированного положения и не может претендовать на такое положение или навязывать другим партиям свою политическую линию или мнение». Обосновывая это положение, Георгиу-Деж сослался на Коммунистический Интернационал. Он подверг критике практиковавшиеся в Коминтерне «ошибочные методы вмешательства во внутренние дела коммунистических партий», заходившего так далеко, «что смещались важнейшие руководители и даже целые центральные комитеты, извне навязывались новые руководители, из различных партий выгонялись ценные партийные работники, а некоторые коммунистические партии были даже распущены». Румыны заявили, что теперь с этим должно быть покончено: «Каждая марксистско-ленинская партия, каждое социалистическое государство имеет суверенное право выбирать или изменять формы и методы социалистического строительства»⁷⁰.

После смерти Георгиу-Дежа в марте 1965 года руководство Румынией перешло к Николае Чаушеску, который еще больше углубил самостоятельный курс страны. Чаушеску сначала работал в Коммунистическом союзе молодежи, в 1948 году вошел в ЦК Румынской компартии, в 1950 году был назначен заместителем министра национальной обороны, в 1952 году стал кандидатом в члены Политбюро ЦК, а уже в 1955 году — в возрасте 37 лет — членом Политбюро. С 1957 года как второй секретарь ЦК партии он явно выдвигается в качестве наиболее вероятного преемника Георгиу-Дежа.

В июле 1965 года из нового устава Румынской компартии были изъяты все упоминания о советском примере, а о Советском Союзе вообще больше не говорилось ни слова. В мае 1966 года, выступая по случаю 45-й годовщины со дня основания Румынской компартии, Чаушеску подробно остановился на роли и месте нации в общественном развитии. Многообразие экономических, социальных и национальных условий

в социалистических странах, сказал тогда Чаушеску, обуславливает различие в формах и методах решения вопросов развития нового общественного строя. Борьба за социализм в каждой стране капиталистического мира проходит в совершенно разных условиях. Опыт показывает, что коммунистические партии только тогда добиваются успеха, «когда они разрабатывают свою стратегию и тактику в соответствии с условиями и особенностями своей страны». Такое многообразие исключает создание международного центра. Существование единого центра в международном коммунистическом движении в прошлом только вредило компартиям разных стран. Отношения между компартиями могут строиться лишь на принципах независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела ⁷¹.

Примерно десятилетие Румыния играла большую роль в развитии еврокоммунизма, и она продолжает ее играть сейчас. Конечно, внутривластическое развитие Румынии не соответствует представлениям еврокоммунистов о демократическом и плюралистском социализме. Но важно то, что после Югославии еще одна правящая коммунистическая партия последовательно и активно поддерживает все те тенденции к самостоятельности и независимости, которые проявляются в неправящих европейских коммунистических партиях на их пути к социализму.

Обретение самостоятельности неправящими коммунистическими партиями

В течение указанного десятилетия — с 1957 по 1967 год — разными способами и с разными целями добился автономии также ряд неправящих коммунистических партий, вставших на путь переориентации.

Дания. Здесь в 1956—1958 годах проходили острые дискуссии по вопросу о том, какие последствия имеют для датских коммунистов XX съезд КПСС и десталинизация. После длительных внутренних споров между независимым реформистским крылом во главе с председателем партии Акселем Ларсеном, с одной стороны, и просоветско-консервативными силами — с другой, осенью 1958 года Компартия Дании раскололась, а весной 1959 года была создана новая Социалистическая народная партия Дании с недвусмысленно еврокоммунистическими целями. На парламентских выборах, состоявшихся в ноябре следующего, 1960 года, эта партия собрала 6 процентов голосов избирателей, тогда как просоветская компартия получила лишь 1,1 процента и не попала в парламент. С тех пор СНПД не участвовала ни в одном коммунистическом совещании, но посылала свои делегации на съезды еврокоммунистов.

Швеция. У шведских коммунистов в 1962—1964 годах проходили длительные внутрипартийные дискуссии, в ходе которых растущее реформистское крыло все настойчивее требовало ликвидации зависимости от Советского Союза и коренного обновления структуры и целей партии. На решающем XX съезде шведской компартии, состоявшемся в январе 1964 года, сталинисты оказались в меньшинстве. При новом председателе партии Карле-Хенрике Херманссоне шведская компартия высказалась за демократический путь к социализму и — первой из европейских компартий — за четкую демократическую модель социализма.

Нидерланды. Голландская компартия с 1960 года сдержанно относилась к конфликту между Москвой и Пекином, отказываясь поддерживать какую-то одну сторону. Одновременно в ее рядах росло стремление к самостоятельности. В марте 1964 года председатель партии Пауль де Гроот провозгласил на XXI съезде партии курс на переориентацию. В соответствии с ним партия сосредоточила свои усилия на развитии собственной страны и отказалась следовать впредь советским директивам. Это провозглашение независимости привело к тому, что в 1964—1976 годах голландские коммунисты не участвовали ни в одном коммунистическом совещании, хотя это еще и не означало переориентации в духе еврокоммунизма.

Норвегия. И на норвежских коммунистов решающее влияние оказал конфликт между Москвой и Пекином. Небольшие группы в партии хотели поддерживать либо Пекин, либо московскую линию. Но большинство высказалось за нейтралитет в этом конфликте. На XIII съезде партии вместе со сменой руководства (вместо сталиниста Лёвлиена на пост председателя партии был избран Рейдар Т. Ларсен) было сделано заявление не принимать больше никаких директив извне, и с этого времени начался процесс приобретения партией самостоятельности.

Япония. На Компартию Японии конфликт между Москвой и Пекином оказал еще большее воздействие, чем на европейских коммунистов. С 1963—1964 годов японская компартия начала все больше симпатизировать китайским коммунистам, не становясь, однако, полностью на их сторону. В процессе переговоров, неоднократно проходивших в Москве в течение 1964 года, обострилась полемика между японскими коммунистами и советскими руководителями. Просоветские функционеры, в том числе Сига, сначала создали собственную фракцию, а потом при советской поддержке основали небольшую осколочную партию. С 1967 года самостоятельность политики КПЯ увеличивается — партия отходит теперь и от Китая. Дальнейшее развитие после 1968 года привело к переориентации в духе еврокоммунизма.

Австралия. Австралийская компартия тоже жестоко пострадала от конфликта между Москвой и Пекином. В партии после ухода из нее маоистов произошла важная смена руководства. Сталиниста Шарки сменил реформист Ааронз. Самостоятельный курс стал проводиться в 1965—1967 годах и особенно после XXI съезда партии (июнь 1967 года), провозгласившего политическую переориентацию с широкой демократизацией структуры партии, отказом от руководящей роли партии в союзах, свободой мнений внутри партии, уважением и терпимостью к другим группам и поддержкой демократической модели социализма.

Таким образом, в это решающее десятилетие в мировом коммунизме значительно окрепли силы, стремящиеся к независимости. Причины и методы этих изменений были неодинаковыми в разных странах. Но решающее значение имело то, что вслед за компартиями Югославии и Италии с середины 60-х годов на новый путь встали также Компартия Румынии и некоторые неправящие компартии промышленных государств.

«Памятная записка» Тольятти

Но, бесспорно, и в таких условиях самой рьяной поборницей всякой переориентации в направлении еврокоммунизма по-прежнему оставалась ИКП. Особую роль сыграла в этом «Памятная записка» Тольятти от августа 1964 года, посвященная «вопросам международного рабочего движения и рабочего единства». Тольятти закончил писать ее во время пребывания на отдыхе в Крыму за день до своей смерти. С тех пор этот документ известен еще и как «Завещание» Тольятти. Главными в «Памятной записке» были следующие мысли Тольятти.

1. Единства международного коммунистического движения можно добиться не учреждением новой централизованной международной организации, а путем обмена опытом, открытых дискуссий между компартиями разных стран. Надо отказаться от всяких попыток провозглашения общеобязательных для международного коммунистического движения жестких формул, поскольку конкретные формы и условия продвижения к социализму в настоящее время сильно отличаются от того, что было прежде. Различия между странами настолько велики, что каждая компартия должна действовать самостоятельно.

2. Компартии капиталистических стран должны не только заниматься пропагандой, но и пытаться оказывать действительное влияние на политическую жизнь своих стран. А «для этого коммунистам необходимо обладать значительным политическим мужеством, преодолеть все формы догматизма,

ставить и решать новые проблемы по-новому». Коммунисты не могут оставаться равнодушными к вопросу об Общем рынке, а должны разработать конструктивные предложения для реформы экономической структуры, противопоставив их капиталистическому программированию. Мирный путь к социализму требует тщательного анализа и необходимости расширения демократических свобод, поисков эффективных форм участия трудящихся в экономической и политической жизни.

3. Коммунисты должны не просто абстрактно противопоставлять свои взгляды другим мировоззрениям, а вести с ними диалог. В организованном католицизме происходит явный сдвиг влево, что создает предпосылки для сотрудничества. Но этой цели никак не служит старая атеистическая пропаганда. К проблеме религиозного сознания надо относиться не так, как в прошлом, если коммунисты серьезно хотят найти путь к верующим католикам. В противном случае «наша „протянутая рука“ католикам может показаться какой-то преходящей мерой и даже каким-то проявлением лицемерия». Необходимо новое отношение и к культуре. Коммунисты должны стать поборниками свободы интеллектуальной жизни и свободы художественного творчества: «Отнюдь не все те, кто в различных областях культуры, в философии, в исторических и социальных науках сегодня далек от нас, являются нашими врагами или агентами нашего врага».

4. Наконец, неверно, по мнению Тольятти, вести себя по отношению к социалистическим странам, в том числе и к Советскому Союзу, так, будто там отсутствуют основания для критики. Надо открыто говорить о трудностях и противоречиях, существующих в социалистических странах: «Хуже всего создавать сначала впечатление, что все всегда идет хорошо, а затем внезапно сталкиваться с необходимостью говорить о трудных ситуациях и их разьяснять». Политические дискуссии в социалистических странах должны стать публичными, и было бы полезно, если бы в социалистических странах проводились открытые дискуссии на актуальные темы, в которых принимали бы участие и руководящие деятели: «...до сих пор не разрешена проблема происхождения культа личности Сталина, не разьяснено, как он вообще стал возможен... Проблемой, привлекающей наибольшее внимание... является, однако, проблема преодоления режима ограничения и подавления демократических и личных свобод, который был введен Сталиным». Создается впечатление медлительности отхода от сталинизма и противодействия этому процессу. К тому же в социалистических странах заметно возрождение национализма. Поэтому, возможно, и в социалистическом лагере «нужно остерегаться навязывания единообразия извне и считать, что единство должно стабилизироваться и поддерживаться в условиях разнообразия и полной

самостоятельности отдельных стран». Социализм, резюмировал Тольятти, надо понимать как строй, «где существует самая широкая свобода для рабочих, которые участвуют на деле, организованным путем, в руководстве всей общественной жизнью»⁷².

Тот факт, что рукопись Тольятти была сразу же отправлена в ЦК ИКП в Рим, а преемник Тольятти Луиджи Лонго решил ее опубликовать, имел такое большое значение, что «Памятную записку» не могли не напечатать «Правда» и орган СЕПГ «Нойес Дойчланд». В результате коммунисты и других стран впервые познакомились с новыми мыслями, ставшими предметом дискуссии. Поэтому «Памятная записка» Тольятти сыграла большую роль в становлении еврокоммунизма не только своим содержанием, но и масштабами своего распространения.

Критика европейскими коммунистами способа свержения Хрущева

Тольятти не смог изложить свои мысли Хрущеву. А через несколько недель после его смерти, в середине октября 1964 года, Хрущев был свергнут. Впервые в истории советского коммунизма высший руководитель — одновременно Первый секретарь ЦК партии и Председатель Совета Министров — был снят со своих постов. Но шаг этот не сопровождался ни политическим заявлением, ни обоснованием причин, ни выражением благодарности за его деятельность. Сразу же Первым секретарем ЦК партии был назначен Леонид Брежнев, а Председателем Совета Министров стал Алексей Косыгин. Имя Хрущева исчезло со страниц советской печати, и уже вскоре стало очевидным, что его реформы по децентрализации приостановлены и в конечном счете в советской политике взят более жесткий курс.

До этого коммунистические партии всего мира всегда просто соглашались со сменой руководства в Кремле. На этот раз случилось иначе. В Югославии критиковали недостаточность советских разъяснений о причинах свержения Хрущева, который в представлении югославов оставался великим борцом, «проложившим путь сквозь сталинские джунгли». ИКП заявила об «озабоченности и критическом отношении» итальянских коммунистов к изменениям в советском руководстве. Партия направила в Москву делегацию во главе с Берлингуэром для получения информации о событиях в Кремле. Но и после ее возвращения итальянские коммунисты не успокоились: хвалили Хрущева за прокладывание новых путей в коммунистическом и рабочем движении и заявляли, что его заслуги нельзя просто зачеркивать. ИКП официально заявила о своем сожалении по поводу того, что не

было дано «исчерпывающего разъяснения причин смещения товарища Хрущева»⁷³.

Даже просоветская ФКП впервые потребовала разъяснения обстоятельств, которые привели к свержению Хрущева, и также направила делегацию (во главе с Марше) в советскую столицу. Компартия Нидерландов заявила, что она и в дальнейшем будет настаивать на праве критиковать КПСС. Голландская партийная газета советовала новым руководителям Кремля уделять внимание прежде всего повышению жизненного уровня в Советском Союзе, который все еще оставляет желать лучшего⁷⁴. Однако дальше всего шел комментарий компартии Швеции. В нем дословно говорилось: «Если единственными мотивами были старость и болезнь, то, поскольку Хрущеву 70 лет, это не было бы необычным. Но почему его просьба об отставке не опубликована текстуально? Почему нет медицинского заключения, обычного в таких случаях? Почему нет ни слова благодарности Хрущеву, который большую часть жизни, почти с тех пор, как существует партия, служил советскому государству на ответственных руководящих постах? Почему он сам не имел возможности объявить советскому народу о решении уйти в отставку?» Шведские коммунисты говорили, что, по действующей конституции, надо было созвать Верховный Совет, а смещение было проведено одним Президиумом Верховного Совета, и ни один член Президиума не высказался по этому вопросу. «Форма смещения Хрущева или принуждения его к этому оставляет неприятное впечатление»⁷⁵.

Эти первые критические комментарии внутривнутриполитических событий в Советском Союзе создали важный прецедент. С октября 1964 года будущие еврокоммунистические партии стали все больше и независимее комментировать события в Советском Союзе. Так было полтора года спустя, в начале 1966 года, когда на показательном процессе два русских писателя, Синявский и Даниэль, были осуждены соответственно на пять и семь лет заключения в исправительно-трудовом лагере. Против этого протестовали компартии Италии и Великобритании, а руководитель компартии Швеции Карл-Хенрик Херманссон заявил: «Я полностью отмежевываюсь от приговоров, вынесенных двум этим советским писателям. Я не могу совместить со своими взглядами на демократию право государственных учреждений или политических партий решать, какое мнение следует допускать, а какое нет»⁷⁶.

Широкие дискуссии, новые выводы

Прошедшие под знаком конфликта между Москвой и Пекином 60-е годы имели для будущего еврокоммунизма большое значение потому, что именно тогда среди европей-

ских коммунистов началась широкая дискуссия по многим вопросам, считавшимся до этого запретными как для западно-, так и для восточноевропейских коммунистов. Эти дискуссии по многим новым проблемам, с которыми сталкивались коммунисты прежде всего в промышленно развитых государствах в условиях совершенно изменившегося мира, сыграли большую роль в идейно-теоретическом формировании еврокоммунизма. Начало этим дискуссиям положила программа Союза коммунистов Югославии, принятая весной 1958 года. За ней последовали концепция «единства в многообразии» и другие идеи, высказанные на пленуме Итальянской компартии в ноябре 1961 года. На конференции, состоявшейся в замке Либице около Праги в мае 1963 года и приуроченной к восьмидесятилетию со дня рождения Кафки, стало очевидным, что речь идет не только о политических, но и о глубоких идеологических вопросах: были затронуты проблемы отчуждения человека при социализме. Вслед за этим новые взгляды по данному вопросу высказал Роберт Хавеман, выступивший зимой 1963/64 года с нашумевшими лекциями в Берлинском университете имени Гумбольдта (Восточный Берлин). В 1964 году в Югославии был основан марксистский философский журнал «Праксис». Публиковавшиеся в нем статьи югославских марксистов Светозара Стояновича, Руди Супека, Гайо Петровича, Михайло Марковича и Предрага Враницкого обсуждались многими коммунистами Европы. Еще больший международный резонанс вызвали заседания «общества св. Павла» в Зальцбурге в 1965 году, на Херренхимзе в апреле 1966 года и в Марианок-Лазне в апреле 1967 года, на которых критически мыслящие европейские коммунисты встречались с католиками. Участники этих встреч — в том числе Роже Гароди (тогда член Политбюро ФКП), Лучано Группи (один из ведущих теоретиков ИКП) и итальянские профессора-коммунисты Лучио Ломбардо-Радиче и Чезаре Лупорини — быстро завоевали известность, поскольку они впервые более точно определили соотношение между марксизмом и христианством, а также между плюралистическим и социалистическим обществом. Затем в мае 1967 года в Вене состоялась первая встреча интересующихся теорией социал-демократов и критически мыслящих коммунистов. Из видных коммунистов для участия в этой встрече, к сожалению, привлечшей к себе значительно меньшее внимание, в Вену приезжали теоретик марксизма Франц Марек, исключенный между тем из Компартии Австрии, и социолог Андраш Хегедюш из Венгрии, работавший тогда директором Института социологии Академии наук Венгрии. Важно, что в этих встречах и в проводившихся на страницах журналов дискуссиях наряду с западноевропейскими коммунистами все чаще участвовали коммунисты — теоретики и ученые из

Восточной Европы, в том числе Эдуард Гольдштюккер, Ота Шик и Юлиус Стринка из Чехословакии и Георг [Дьердь] Лукач из Венгрии.

Впервые были подвергнуты четкому и глубокому анализу проблемы новых социальных структур, изменения в рабочем классе, экономическая интеграция и вытекающие отсюда новые задачи для государства в капиталистическом мире.

На основе анализа развития современного капитализма ленинская теория государства была признана лишь условно правильной, поскольку она была приспособлена к русскому государству 1917 года, тогда как в нынешних условиях государство уже нельзя больше рассматривать как аппарат угнетения в руках господствующего класса. А такая переоценка, как стали считать, делает прямо-таки насущными новый, демократический путь к социализму и отказ от диктатуры пролетариата — отказ как по существу, поскольку диктатура пролетариата не отвечает больше изменившимся условиям осуществления государственной власти, так и по тактическим соображениям, поскольку большинство трудящихся связывает понятие диктатуры с репрессиями и полицейским произволом.

В ходе тогдашней дискуссии о демократическом пути к социализму был впервые отвергнут старый тезис о монопольной руководящей роли партии во всех процессах на пути к социализму. Было признано, что и другие силы могли бы сыграть равноправную роль на демократическом пути к социализму, а коммунистическая партия должна выступать в союзе с этими силами в качестве равноправного партнера.

Затрагивалась в дискуссии также общая проблематика марксистской теории. Впервые представители уже не отдельных, а многих компартий открыто говорили, что марксизм отстал от общественного развития и что его надо развить в критическом и независимом духе. Указывалось, что изучение психики человека и антропологии слишком запущено, а проблема отчуждения человека изучается недостаточно и что сегодня нельзя относиться к религии так, как в XIX веке.

Но особое значение для современного еврокоммунизма имели дискуссии о новой модели социализма. Все отчетливее проявлялось понимание того, что в мире не может быть одинаковых форм социализма, что все прежние социалистические системы — это в лучшем случае первые формы, первые попытки, которые следует развивать дальше. Некоторые коммунисты высказывались за модель социализма самоуправления с постепенным отмиранием всех партий и всех государственных органов, большинство же коммунистов, прежде всего западноевропейских, вынашивало мысль о социалистической многопартийной системе. В ходе дискуссий некоторые беженцы из Венгрии, принадлежавшие к узкому кругу друзей

Имре Надя, стали с начала 1962 года издавать в Брюсселе новый журнал под названием «Плюралистический социализм». Этот термин мгновенно завоевал популярность, и уже вскоре коммунисты Италии, а затем и других стран начали выступать в поддержку идеи плюралистического социализма, разрабатывать предложения о социалистической многопартийной системе и настаивать на отказе от государственной идеологии, на равноправном взаимодействии различных по мировоззрению и политическим убеждениям сил и на признании роли парламента и законности.

Эти теоретические дискуссии 1957—1967 годов создали решающие предпосылки для «пражской весны» 1968 года и связанных с нею событий. Но сверх того они подготовили также почву для многих программных заявлений и документов еврокоммунизма 70-х годов. Их появление без такой идейной подготовки показалось бы нам, несомненно, непонятным и, пожалуй, невероятным.

Глава 6

Европейские коммунисты и «пражская весна»

Значение «пражской весны» 1968 года выходит далеко за рамки Чехословакии. Внедрившийся там в 1968 году «социализм с человеческим лицом» оказал воодушевляющее воздействие на многих западноевропейских коммунистов, поскольку он во многом отвечает их теоретическим взглядам и потому повсюду вызывает симпатии. К этому добавлялось то, что модель социализма «пражской весны» была разработана партией, с которой могли идентифицировать себя многие будущие еврокоммунисты.

Предыстория «пражской весны»

Жесткая бюрократическо-диктаторская система господства, существовавшая в Чехословакии при Новотном до 1968 года, находилась в глубочайшем противоречии с потребностями страны и ее населения. Экономическая политика, административно направляемая сверху при помощи директив, не отвечала ни экономическим потребностям, ни возможностям страны. Поспешное расширение тяжелой промышленности, бессмысленность заданий для экономики, иллюзорность обещаний, недостаток инициативы и самостоятельности на отдельных предприятиях — все это ввергло Чехословакию в экономический кризис, выразившийся среди прочего в снижении жизненного уровня населения. Вся политическая власть в стране в соответствии с положением о «руководящей роли партии» была сосредоточена в руках партийного аппарата. Партийные органы взяли на себя функции государственных и хозяйственных властей и некомпетентно вмешивались в экономические процессы, что сдерживало проявление остатков инициативы и создавало атмосферу всеобщего равнодушия во всех сферах жизни. Из-за прочешской национальной политики обострялась напряженность между чехами и словаками, неуклонно возрастало недовольство национальных меньшинств — немцев и венгров. Профсоюзы не защищали интересы трудящихся в сфере социальной политики, а выступали в качестве «приводных ремней» правящей партии и хозяйственной бюрократии. Эти политические, соци-

альные и национальные противоречия достигли такой остроты, что страной нельзя было больше управлять при помощи старых методов. Стали все громче раздаваться призывы к проведению реформ. Наиболее дальновидной оказалась при этом художественная интеллигенция, а также тесно связанная с ней группа выдающихся экономистов, технологов, социологов и философов. Обе эти группировки уже в начале 60-х годов пытались внушить необходимость реформ и указывали новые пути.

Борьба за «социализм с человеческим лицом» началась в феврале 1963 года, когда профессор Карлова университета в Праге Эдуард Гольдштюккер выступил в журнале «Литерарни новины» против роковой веры в то, что «новый, более высокий строй можно создать без гуманизма и справедливости, что великие достижения человечества можно отстаивать лишь в теории, а на практике их можно топтать ногами». На IV съезде писателей Чехословакии в июне 1967 года дело еще очевиднее дошло до разногласий между сталинистами и сторонниками реформ. Павел Когоут, Александр Климент, Милан Кундера, Людвик Вацулик и Ян Прохазка — все они сыграли позднее большую роль в «пражской весне» — ясно и мужественно высказались за демократизацию. Одни из них после этого были исключены из партии, другие получили предупреждения, но сторонники демократизации были уже настолько сильны, что даже аппарат не мог с ними больше справиться. Это стало очевидным уже на XIII съезде КПЧ, состоявшемся в 1966 году и принявшем программу экономических реформ. В речи на этом съезде Ота Шик заявил, что хотя это и «крупный шаг на пути демократизации нашего общества», однако речь идет только о скромном начале: главная задача и сейчас, и в будущее — подготовить демократизацию внутри партии, во всей политической сфере государственного управления.

Как бы прозорливо и решительно ни указывали деятели культуры, социологи и экономисты на возможность нового пути, своими силами они едва ли могли добиться успеха. Но они встретили поддержку. Их поддерживали многие словацкие коммунисты и партийные функционеры, стоявшие в оппозиции к прочешскому курсу Новотного и требовавшие большей автономии для Словакии. К ним присоединились также функционеры государственного аппарата и партии, выступавшие за устранение догматизма и внедрение более современных методов труда и в силу этого проявлявшие даже готовность поддержать в определенных рамках реформистские силы. Многие директора предприятий и плановики требовали проведения последовательной экономической реформы, а потому тоже в определенных рамках поддерживали реформистов. Так внутри партийного аппарата во все большей сте-

пени происходила дифференциация между бюрократами-сталинистами, с одной стороны, и прогрессивным партийным крылом — с другой.

Движущие силы демократизации

В этих условиях на пленуме Центрального Комитета Компартии Чехословакии в конце октября 1967 года возникли резкие разногласия. Александр Дубчек, занимавший с 1963 года пост секретаря ЦК Компартии Словакии, потребовал пересмотра структуры партии, перехода к новым методам и отсечения партии от государства. Но это означало покушение на позиции Новотного, который занимал тогда одновременно посты Первого секретаря ЦК партии и президента страны. На последующем пленуме ЦК, состоявшемся в декабре 1967 года, разногласия между сторонниками и противниками реформ обострились. Внутри Президиума, как называется в Чехословакии Политбюро, силы сторонников и противников Новотного были равны, и они парализовали друг друга. Решающий поворот произошел лишь на январском пленуме ЦК 1968 года. После бурных прений — всего выступило 150 ораторов — верх в конечном счете взяли противники Новотного, и он вынужден был уйти с поста Первого секретаря ЦК, сохранив, однако, за собой пост президента страны. Первым секретарем ЦК партии стал Александр Дубчек.

Это сразу же породило надежды на либерализацию и демократизацию системы. И положение в Чехословакии действительно изменилось почти мгновенно. Многолетняя цензура была вдруг отменена, а печать, радио и телевидение, бывшие до этого скучными рупорами правящей бюрократии, стали выражать под руководством реформистов Иржи Пеликана (радио) и Зденека Хейзлара (телевидение) взгляды и потребности населения. Апатия и политическое безразличие сменились таким жгучим интересом ко всем политическим событиям, какого не проявлялось уже на протяжении многих лет. Особую роль в этом играл журнал «Литерарни листы», но даже и в партийной газете «Руде право» в середине февраля была опубликована статья последовательного реформиста Зденека Млынаржа, в которой отстаивался тезис, что речь идет не об «усовершенствовании» политической системы, как хотели центристы, а о ее «качественном преобразовании». Права и свободы каждого гражданина, заявлял тогда Млынарж, должны быть гарантированы правопорядком, надо стремиться к такой политической системе, которая не была бы призвана только выполнять директивы, считающиеся наперед правильными, а создавала бы возможности для открытого выражения мнений и принятия на этой основе ре-

шений. В партии, писал Млынарж, даже меньшинству должна быть гарантирована возможность выражения собственных взглядов. Несомненно, этот процесс будет противоречивым, «но другого пути нет, если мы не хотим задушить внутреннюю динамику социализма»⁷⁷. Самую краткую и точную формулировку цели начинавшейся «пражской весны» дал философ Иван Свитак: «Замена тоталитарной диктатуры социалистической демократией, то есть изменение способа осуществления власти без отказа от наших социалистических завоеваний, прежде всего от общественной собственности на средства производства,— вот главная проблема сегодня»⁷⁸.

Мгновенно и бурно начавшаяся демократизация стимулировалась прежде всего дискуссией о сталинистском прошлом, преступлениях эры Новотного. Йозеф Смирковский, один из наиболее последовательных поборников «пражской весны» и сам жертва режима Новотного, назвал уже в феврале 1968 года первоочередным требованием социалистической морали реабилитацию невинно осужденных коммунистов и некоммунистов: «Мы, коммунисты, должны честно смотреть в глаза всем, в том числе и друг другу, и поэтому мы обязаны добиваться полной реабилитации всех невинных жертв»⁷⁹.

Критическое отношение к прошлому было неотделимо от вывода о необходимости не допускать в Чехословакии впредь ничего подобного и с логической последовательностью вело к дальнейшим шагам в направлении социалистической демократии. Чем сильнее становились реформистские силы внутри партии и чем больше было их влияние, тем благоприятнее складывались и отношения между партией и населением. Чем быстрее партия переставала быть орудием бюрократической власти, тем активнее участвовало население в разрешении партийных проблем. А это в свою очередь вело к усилению реформистских сил внутри партии.

Моральная дискредитация режима Новотного стала полной, когда 1 марта 1968 года в США бежал с дипломатическим паспортом на руках генерал-сталинист Шейна, находившийся в предварительном заключении за присвоение крупной денежной суммы. Шейна был секретарем партбюро министерства обороны. Вскоре после его бегства стало известно, что Новотный планировал совершить в декабре 1967 года при поддержке Шейны военный переворот для расправы с реформистами. После бегства в США одного из сталинистов, постоянно призывавших к бдительности по отношению к классовому врагу, стали раздаваться требования об отставке Новотного с поста президента страны. Это и произошло в конечном счете 21 марта. За ней последовала волна отставок других функционеров-сталинистов. Вопрос о преемнике Новотного на посту президента оставался открытым.

Тем временем, однако, к событиям в Чехословакии подключились другие государства Восточного блока. 23 марта в Дрездене состоялась встреча руководителей государств Восточного блока (за исключением Румынии), на которой Александр Дубчек должен был оправдываться относительно «пражской весны». В отличие от югославских руководителей, которые весной 1948 года неизменно отказывались от участия во встречах за пределами своей страны, Дубчек, очевидно, надеялся убедить Брежнева, Ульбрихта и Гомулку в искренности своих намерений и в большом значении демократизации в Чехословакии. По свидетельству Иржи Пеликана, Дубчек настойчиво пытался убедить руководителей государств Восточного блока, приехавших в Дрезден, что его партия пользуется широчайшей поддержкой населения, что реформы отвечают интересам социализма и что чехословацкий пример может оказать помощь коммунистическим партиям западноевропейских стран. Гомулка грубо оборвал его: «Социалистическая революция в западных странах нас не интересует! Нас интересует лишь сохранение того, что мы имеем. Поэтому мы не можем допускать никаких экспериментов». Позднее Дубчек признался, что был «потрясен». К сожалению, он не прислушался к словам румынского партийного руководителя Чаушеску, который советовал ему: «Никогда не соглашайтесь на обсуждение внутренних дел, на каком бы уровне и в какое бы время оно ни велось!»⁸⁰ Попытка руководства Дубчека — хотя и искренняя, но с учетом всего предыдущего опыта нереальная — осуществить в Чехословакии идею «социализма с человеческим лицом», избежав конфликта с руководителями государств Восточного блока и даже заручившись их одобрением, привела в ходе дальнейшего развития «пражской весны» к уступкам и осмотристельности, которым суждено было сыграть негативную роль.

Это проявилось уже во время выборов нового президента страны: впервые в стране, где правят коммунисты, на этот пост было выдвинуто несколько кандидатов: бывший командир чехословацкого корпуса в Советском Союзе Людвик Свобода, Йозеф Смрковский и Лацо Новомеский — два последних решительные реформисты, оба сидели в тюрьме при режиме Новотного, — а также бывший министр просвещения доктор Честмир Цисарж, которого Новотный тоже отстранил от дел. Идя на уступки партиям Восточного блока, Александр Дубчек высказался в ЦК в поддержку генерала Свободы, ибо он знал, что из всех кандидатов Свобода является наиболее приемлемым для руководителей Кремля. 30 марта чехословацкий парламент избрал президентом страны Свободу, то есть предпочел наименее выраженного реформиста по срав-

нению с другими кандидатами. Решительный реформист Смирковский был избран президентом Национального собрания. В своей первой речи он сказал: «Перед Национальным собранием стоит задача укрепить всей своей законодательной деятельностью социалистический парламентаризм. Парламент должен обеспечить превращение ЧССР в правовое государство в лучшем смысле этого слова»⁸¹.

На решающем пленуме ЦК партии, состоявшемся в начале апреля 1968 года, из высших органов партийного руководства вышли Новотный и несколько его сторонников-сталинистов. Их места заняли видные реформисты, в том числе Йозеф Смирковский и председатель Национального фронта Франтишек Кригель. В секретариат ЦК вошел Зденек Млынарж. Но тем не менее сегодня часто забывают, что высшее руководство в период «пражской весны» состояло не только из реформистов, но и из сталинистов — факт, который в перспективе, конечно, должен был оказать отрицательное влияние. Среди 11 членов Президиума ЦК партии (который в организационном смысле соответствует советскому Политбюро) наряду с известными реформистами Александром Дубчеком, Франтишеком Кригелем и Йозефом Смирковским были и три явных сталиниста — Биляк, Кольдер и Швестка. В числе девяти секретарей ЦК наряду с реформистами Дубчеком, Цисаржем, Млынаржем, Славексом и другими были также сталинисты Кольдер, Индра и Ленарт. Таким образом, чехословацкое партийное руководство вынуждено было в период «пражской весны» постоянно спорить с консервативно-бюрократическими и даже сталинистскими аппаратчиками и считаться с ними.

Тем не менее апрельский пленум ЦК имел решающее значение, поскольку на нем был принят проект новой программы действий КПЧ, а в сообщении о пленуме говорилось: «Центральный Комитет самым решительным образом выступает за развитие социалистической демократии и не допустит, чтобы начатый путь опять привел к условиям, существовавшим до января»⁸². Этот проект программы действий, опубликованный 10 апреля 1968 года, является одним из важнейших документов в истории еврокоммунизма.

Программа действий КПЧ

В этой весьма подробной программе действий сначала подвергается здоровой, но исключительно острой критике система, существовавшая в стране до января 1968 года. (Описанные в начале этой главы события основываются главным образом на официальном тексте программы действий.) Затем в ней излагаются предложения о реформах, затрагивающие все сферы жизни общества. Программа имеет настолько

важное значение для развития еврокоммунизма, что возникает необходимость осветить здесь некоторые ее основные положения.

Главная цель: «Надлежит перестроить всю политическую систему таким образом, чтобы она обеспечивала динамичное развитие социалистических общественных отношений, сочетала широчайшую демократизацию с научным и профессионально квалифицированным управлением... Эта основополагающая переориентация политической системы должна одновременно стать прочной гарантией от возврата к старым методам субъективизма и обусловленного властью произвола».

Роль коммунистической партии: «Коммунистическая партия опирается на добровольную поддержку людей. Она осуществляет свою руководящую роль не тем, что обладает властью в обществе, а тем, что вернее всего служит делу свободного, прогрессивного и социалистического развития. Она не может навязывать свой авторитет, а должна постоянно завоевывать его своими делами. Ее линия может проводиться в жизнь не директивами, а только трудом ее членов и правотой ее идеалов».

Свобода дискуссий в партии: «Каждый член партии и каждый партийный орган не только имеют право, но и обязаны, опираясь на собственные знания и руководствуясь побуждениями собственной совести, проявлять инициативу, выступать с критикой, высказывать свои несовпадающие взгляды и возражать любому функционеру... Недопустимо ограничивать коммунистов в этих правах и создавать атмосферу недоверия и подозрительности вокруг тех, кто высказывает иные взгляды. Недопустимо применять под каким бы то ни было предлогом репрессии против меньшинства, как это происходило в прошлом».

Партия и государство: «Партийные органы не должны в будущем заменять государственные органы, органы руководства экономикой и общественные организации. Хотя решения партии и обязательны для коммунистов, работающих в этих органах, но сами государственные и хозяйственные органы и общественные организации самостоятельны в своей политике, руководящей деятельности и ответственности».

Компартия и Национальный фронт: «Политические партии Национального фронта являются партнерами... Возможные различия и противоречия в органах Национального фронта, возможные споры о политике государства — все это разрешается на основе общей социалистической концепции политики Национального фронта, а именно путем политического соглашения».

Против монополизации государственной власти: «Ни какая-то одна партия, ни коалиция политических партий не может монополизировать власть в социалистическом государ-

стве: доступ к ней должны иметь все политические организации народа. КПЧ будет всеми средствами развивать такие формы политической жизни, которые помогут рабочему классу и всем трудящимся оказывать своим голосом и своей волей влияние на политические решения в нашей стране».

Свобода организаций: «В то же время еще в этом году должна быть гарантирована конституционная свобода собраний и организаций, что обеспечит гарантированные законом возможности для создания добровольных организаций, объединений по интересам, союзов и т. д. ...Все гарантированные законом свободы должны быть в этом смысле действительными в соответствии с конституцией и для граждан различных религиозных убеждений и вероисповеданий».

Свобода слова и информации: «Трудовому народу, над которым больше не властвует класс эксплуататоров, нельзя путем произвольного толкования власти предписывать, о чем он может и не может быть информирован, какие взгляды он может и не может публично выражать, где он может и не может проявлять свое общественное мнение».

Отмена цензуры и свобода печати: «ЦК КПЧ считает необходимым в кратчайший срок более точно, чем до сих пор, определить в особом законе о печати, когда государственный орган может запретить распространение определенной информации (в печати, по радио и на телевидении), чтобы исключить возможность предварительной цензуры. Необходимо покончить с запаздыванием, искажением или неполнотой информации, а также с необоснованным засекречиванием политических и экономических фактов».

Свобода слова в партийной печати: «Партийная печать должна отражать в первую очередь жизнь партии, а также возникновение всех несовпадающих воззрений коммунистов и полемику вокруг них. Ее суждения не всегда могут идентифицироваться с официальной позицией государства».

Свобода передвижения: «Закон должен гарантировать свободу передвижения граждан, особенно поездки за границу, причем прежде всего должно быть признано, что граждане имеют право на длительное или постоянное пребывание за рубежом и что никого нельзя без оснований считать эмигрантом».

Реабилитация: «Партия сознает, что никто не может вернуть невинно осужденным и преследовавшимся потерянные годы жизни. Но она добьется устранения малейшей тени недоверия или унижения, всех последствий, от которых очень часто были вынуждены страдать семьи или родственники осужденных. Она будет последовательно следить за тем, чтобы все жертвы преследований получили возможность полностью использовать свои способности в труде, в общественной жизни и в политической деятельности».

Демократическая избирательная система: «Необходимо разработать такую избирательную систему, которая учитывает изменения в нашей политической жизни. В избирательном законе должны быть точно и четко зафиксированы демократические принципы подготовки к выборам, порядок выдвижения кандидатов и методы их избрания».

Парламент (Национальное собрание): «Партия считает Национальное собрание социалистическим парламентом со всеми подобающими ему в демократической республике функциями... (который) действительно принимает законы и решает важные политические вопросы, а не только одобряет представленные проекты».

Недопущение концентрации власти: «Политика партии исходит из требования не допускать во всем государственном механизме слишком большой концентрации власти в одном звене, аппарате или в руках отдельной личности. Надлежит ввести такое разделение полномочий и такую систему взаимного контроля между отдельными звеньями, чтобы ошибки и перегибы одного звена могли своевременно быть исправлены деятельностью другого звена».

Реформа службы госбезопасности: «Служба госбезопасности должна занимать такое положение, иметь такую организационную структуру, кадры, оснащение, методы и квалификацию, которые отвечают ее назначению охраны государства от происков враждебных иностранных центров. Каждый гражданин, который в этом отношении ни в чем не провинился, должен иметь гарантию, что его политические убеждения, житейские воззрения, личные привычки и занятия не могут стать предметом внимания органов службы госбезопасности. Партия со всей ясностью заявляет, что этот аппарат не может быть использован для разрешения внутриполитических вопросов и разногласий в социалистическом обществе».

Отношение к науке: «Социализм возникает, держится и побеждает благодаря соединению рабочего движения с наукой... Чем смелее и непредубежденнее развивается наука, тем больше она сочетается с интересами социализма, чем больших успехов достигают трудящиеся, тем большие возможности открываются для науки».

Свобода культурного и художественного творчества: «Мы отвергаем всякий административный и бюрократический подход к проведению культурной политики, мы отказываемся от такого подхода и будем с ним бороться. Художественное творчество нельзя подвергать никакой цензуре».

Искусство и культура при социализме: «Необходимо преодолеть ограниченное представление о значении культуры и искусства для общества и личности, переоценку их идеологической и политической роли и недооценку их основополагаю-

щих культурных и эстетических задач в перевоспитании человека и изменении мира его представлений».

Внешняя политика: «Наша внешняя политика пока еще не использовала всех возможностей для активного выступления, не проявила собственной инициативы в целом ряде важных международных проблем. Центральный Комитет КПЧ, Национальное собрание, правительство и соответствующее министерство должны как можно скорее устранить эти недостатки и позаботиться о том, чтобы наша внешняя политика отвечала как национальным, так и интернациональным интересам социалистической Чехословакии... Отсюда вытекает также необходимость без промедления и со знанием дела информировать широкую общественность о международных проблемах и нашей внешней политике, создавая таким путем предпосылки для активного участия чехословацких граждан в подготовке внешнеполитических решений».

Международное коммунистическое движение: «КПЧ будет в полной мере использовать свои специфические возможности для налаживания контактов с социалистическими, миролюбивыми и демократическими силами капиталистических и развивающихся стран».

Новая модель социализма: «Мы хотим приступить к строительству новой, глубоко демократической модели социалистического общества, отвечающей чехословацким условиям... Мы не можем больше втискивать жизнь в шаблоны, какими бы хорошими они ни были. И на нас возлагается теперь задача прокладывать путь в неизвестных условиях, экспериментировать, придавать новый характер социалистическому развитию...»

Международное значение: «Опираясь на прочную почву нашей страны, мы хотим вызвать к жизни новые, божьие силы социалистического общества, которые гораздо эффективнее действовали бы в борьбе общественных систем и мировоззрений и позволили бы в более полном объеме продемонстрировать преимущества социализма»⁸³.

В программе действий рассматривался также ряд внутренних проблем, как, например, национальная политика. В экономической сфере, согласно программе действий, надлежало сохранить плановое хозяйство, но под демократическим контролем Национального собрания и квалифицированным контролем научных учреждений. Отдельные предприятия должны были получить больше свободы в принятии решений, а руководство предприятиями должно было быть демократизировано, причем на предприятиях должны были действовать как избранные представители рабочих коллективов, так и избранные представители властей, дабы были представлены интересы общества и обеспечен квалифицированный уровень принимаемых решений. Профсоюзы должны были получить

право защищать социальные интересы трудящихся и в то же время участвовать в качестве важного партнера в руководстве экономикой. Сельскохозяйственные кооперативы должны были избавиться от излишнего контроля и централизации и получить больше самостоятельности.

Зарубежные коммунисты о «пражской весне»

После опубликования этой программы действий во всем европейском коммунизме возникли острые дискуссии между сторонниками и противниками «пражской весны». Бюрократическо-диктаторское направление резко осудило программу действий и развитие событий в Чехословакии. Советская «Правда» заявила 12 апреля, что на апрельском пленуме ЦК КПЧ сказалось «влияние немарксистских, несоциалистических взглядов». Чехословацкую программу действий «Правда» опубликовала в сокращенном и полностью извращенном виде, причем все новые акценты обходились полным молчанием (ни одно из процитированных здесь положений не было помещено в «Правде») ⁸⁴. В конце апреля «Правда» заявила, что на партийных конференциях в Чехословакии имеют место явления «антикоммунистической истерии». В таком же духе были выдержаны и сообщения органов печати ГДР.

В то же время партии, причисляемые сегодня к еврокоммунизму, приветствовали и поддерживали «пражскую весну», открыто указывая, что они видят в ней пример и для себя. Председатель ИКП Луиджи Лонго заявил 12 апреля 1968 года: «Осуществление более прогрессивной социалистической демократии — это не только крупный вклад в борьбу рабочего класса и левых сил в капиталистических странах, но и призыв ко всем социалистическим странам более мужественно устранять препятствия, стоящие на пути полного развития социалистической демократии» ⁸⁵.

Выступая в начале мая во время визита в Чехословакию на пресс-конференции в Праге, Луиджи Лонго пообещал чехословацким коммунистам «полную поддержку и солидарность итальянских коммунистов» ⁸⁶. А после своего возвращения в Рим он заявил в Институте имени Грамши: «Мы оцениваем ее [КПЧ] действия как имеющие положительное значение не только для ее собственной страны, но и для всех социалистических стран и всего международного рабочего движения» ⁸⁷.

Аналогичную оценку «пражской весне» дал член руководства австралийской компартии Бернард Тафт. Побывав также в апреле в Чехословакии, он сказал, что мир «является свидетелем грандиозного переходного периода, который надо считать прообразом будущего социализма» ⁸⁸. Точку зрения Компартии Испании выразил Сантьяго Альварес, один из

виднейших — наряду с Долорес Ибаррури и Сантьяго Каррильо — членов руководства КПИ. Уже в начале мая он поддержал «пражскую весну» и назвал путь, по которому пошло развитие в Чехословакии, моделью для будущего Испании⁸⁹. К этой точке зрения присоединился позднее и Сантьяго Каррильо. Положительное отношение выразила также Компартия Австрии, принадлежавшая в течение короткого периода с 1966 по 1969 год к самым прогрессивным коммунистическим партиям Европы. Председатель КПА Франц Мури заявил тогда в одном интервью: «Мы, австрийские коммунисты, от всего сердца желаем нашим чехословацким друзьям успеха в осуществлении новых задач не только потому, что это хорошо для ЧССР, но и потому, что это самая лучшая помощь в борьбе за демократию и социализм также в Австрии»⁹⁰.

Французская компартия, напротив, заняла какую-то «среднюю позицию» в духе центристов. Вальдек Роше заявил на пленуме ЦК ФКП в середине апреля 1968 года, что «поступающие из ЧССР сообщения подтвердили, что чехословацкие коммунисты проявляют заботу о том, чтобы ни при каких обстоятельствах не нанести ущерба основам социалистического строя»⁹¹. Словом, ни похвала, ни ругань.

Но «пражскую весну» приветствовали не только коммунистические партии Западной Европы, но и реформистские силы внутри советской сферы господства. Весной 1968 года академик Андрей Сахаров составил известную памятную записку «Мысли о прогрессе, мирном сосуществовании и духовной свободе», которая является одним из важнейших документов внутрисоветской оппозиции. В ней говорилось: «Сегодня ключ к прогрессивному переустройству существующей системы господства только в духовной свободе. Это, в частности, поняли чехословаки, и не может быть сомнения в том, что мы должны поддержать их смелую инициативу, имеющую столь важное значение для будущего социализма и всего человечества. Эта поддержка должна носить политический характер, но она должна включать в себя и увеличение экономической помощи»⁹².

Обнадеживающий пример и образец увидел в «пражской весне» и Роберт Хавеман. Однако его заявление по этому поводу не разрешили опубликовать в Восточном Берлине. Хавеман сказал тогда: «Социалисты и коммунисты во всем мире с величайшей симпатией и большой надеждой следят сегодня за политическим развитием в ЧССР. То, что здесь происходит, не только будет иметь решающее значение для будущего этой страны, но и повлечет за собой всемирные последствия, которые ощутимы уже сегодня. Здесь впервые предпринимается попытка совместить социализм и демократию. Правда, и до этого в социалистических странах наблюдались различные признаки стремления вырваться из дья-

вольского круга сталинизма с помощью своего рода ползучей демократизации. Но свинцовая тяжесть партийной бюрократии давила на эти немногочисленные обнадеживающие попытки и сдерживала их. В ЧССР мы переживаем сегодня грандиозную попытку радикального и бескомпромиссного поворота к социалистической демократии. Если эта попытка завершится успехом, то он будет иметь историческое значение, которое можно сравнить только с русской Октябрьской революцией»⁹³.

Драматические месяцы с мая по август 1968 года

Последующий ход событий с мая до конца июля характеризовался двумя процессами: внутри Чехословакии происходило развитие, все более приближавшееся к модели «социализма с человеческим лицом», но в то же время усиливался нажим на ЧССР со стороны правительств государств Восточного блока.

Свободы, провозглашенные в апреле в программе действий, шаг за шагом претворялись в ЧССР в жизнь, повсюду проходили открытые дискуссии о новых формах социалистической демократии. В те недели было выдвинуто немало концепций, которым впоследствии суждено было стать неотъемлемой составной частью еврокоммунизма. Прежде всего часто обсуждался вопрос о взаимодействии между политической демократией и самоуправлением при социализме. В этом обсуждении в числе других участвовали профессор философии Пражского университета Карел Козик и сотрудник Института философии Академии наук Роберт Каливода⁹⁴. Руководящие деятели «пражской весны» не раз подчеркивали, что марксизм не может занимать монопольное положение в социалистическом обществе. Секретарь ЦК по вопросам культуры и народного образования в период «пражской весны» Честмир Цисарж заявил в начале мая, что марксизм-ленинизм не является государственной идеологией, хотя государство и чехословацкая демократия носят социалистический характер. По его словам, надо отдавать себе отчет в том, что вместе с марксизмом в этом обществе существуют и немарксистские воззрения, как, между прочим, «важно также понимать, что и марксизм не является монополией партии»⁹⁵.

С апреля по июнь влияние сталинистов в ЧССР все больше падало, а реформистская политика получала все большее одобрение у населения. Обычно однообразная манифестация по случаю Первого мая превратилась в 1968 году в стихийную и восторженную демонстрацию поддержки Дубчека и «пражской весны». К сожалению, руководство полностью не использовало этой обстановки. Быстрое удаление сталинистов из высших партийных органов, прежде всего из руковод-

ства партии, немедленный созыв съезда партии, который мог подтвердить курс реформ и принять программу действий, расширение контактов с Югославией и Румынией (а возможно, и с Китаем), приглашение делегаций прогрессивных коммунистических партий, которые поддерживали «пражскую весну», — все это определенно могло бы очень положительно сказаться на развитии обстановки. Но вместо этого руководящие деятели в Праге потратили тогда много времени на то, чтобы попытаться оправдать свои действия на встречах руководителей государств Восточного блока. Уже 8 мая 1968 года в Москве состоялась новая встреча руководителей стран Восточного блока, в которой участвовали Брежнев (Советский Союз), Гомулка (Польша), Ульбрихт (ГДР), Живков (Болгария) и Кадар (Венгрия), но не было представителя Румынии. От Чехословакии во встрече участвовали Дубчек, председатель правительства Черник и секретарь ЦК словацкой компартии — сталинист Биляк. Чехословацкое руководство опять совершило ошибку, согласившись на участие в этой встрече. Оно даже не выразило протеста по поводу того, что не была приглашена Румыния. Руководители стран Восточного блока потребовали от чехословацких руководителей согласия на проведение маневров советских войск на территории ЧССР. После этого сразу же усилилась кампания против «пражской весны». Через несколько дней после московской встречи «Правда» заявила, что провозглашенная в Чехословакии концепция социалистической демократии ошибочна и антинаучна, поскольку диктатура пролетариата — это и есть высшая форма демократии⁹⁶. Вскоре после этого известный советский идеолог Константинов назвал ревизионистом секретаря ЦК КПЧ Цисаржа, сравнив его с Каутским, Мартовым и правыми социал-демократами ФРГ⁹⁷. Чехословацкому философу-марксисту Свитаку советская пресса приписала «ожесточение, почти маниакальное»⁹⁸. О чем в действительности шла речь, раскрыл член Политбюро, руководитель украинской компартии Петр Шелест, выступив против «надуманных и нежизненных разного рода „моделей социализма“», с которыми никак нельзя согласиться⁹⁹.

Но дело не ограничилось полемикой в печати. 17 мая 1968 года в Прагу прибыла советская военная делегация во главе с маршалом Гречко, а несколько дней спустя в Чехословакию начались военные маневры. Они явно предназначались для поддержки сталинистов. Размещавшаяся в Праге редакция просоветского журнала «Проблемы мира и социализма» стала опорным пунктом проведения пропагандистских акций. Там печатались и оттуда распространялись листовки, а также устанавливались связи с силами, выступавшими против «пражской весны». В ГДР органы безопасности уже в мае 1968 года предлагали находившимся там чехословацким

специалистам и студентам поступить на работу на создаваемую радиостанцию. Им обещали крупные денежные вознаграждения, а «позднее» и высокие посты в Чехословакии¹⁰⁰.

В условиях такого усиленного нажима пленум ЦК КПЧ, состоявшийся в конце мая, сформулировал некоторые вопросы более сдержанно и осторожно. Дубчек потребовал от работников печати, радио и телевидения не идти слишком далеко в критике прошлого и прежде всего не наносить своими сообщениями о социалистических странах ущерба государственным интересам ЧССР. Одновременно, однако, было приостановлено членство в партии Антонина Новотного и шести его видных сторонников, которые несли ответственность за показательные политические процессы 60-х годов или участвовали в них. И наконец, на 9 сентября 1968 года был назначен созыв XIV съезда партии, который должен был официально закрепить «пражскую весну»¹⁰¹.

В широких кругах населения майский пленум был воспринят как определенное отступление. Выражались опасения, что процесс демократизации замедлится или совсем прекратится. Такие опасения выразил и Людвик Вацулик в известном манифесте «Две тысячи слов», который был направлен против всякого ослабления демократизации и встретил огромный отклик¹⁰². С конца июня на чехословацких предприятиях и в учреждениях стали стихийно возникать комитеты защиты свободы печати. Рабочие чехословацких предприятий угрожали объявить всеобщую забастовку, если процесс демократизации будет приостановлен или направлен вспять. В конце июня Национальное собрание приняло закон о реабилитации невинно осужденных лиц и новый закон о печати, предусматривавший среди прочего отмену цензуры. Одновременно было сообщено, что каждый гражданин Чехословакии имеет право на выезд за границу без особой визы. В этой обстановке состоялись выборы делегатов на предстоящий XIV съезд партии, причем были избраны почти исключительно прогрессивные реформисты, а сталинисты потерпели сокрушительное поражение.

В середине июля обстановка обострилась. В то самое время, когда пражские реформисты получили поддержку из Югославии, в Варшаве состоялась еще одна встреча руководителей Советского Союза, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии (опять отсутствовала Румыния). В принятом там «Варшавском письме» руководители стран Восточного блока обвинили чехословацких коммунистов в том, что они своими действиями создают угрозу для общих жизненных интересов остальных социалистических стран. Участники варшавской встречи потребовали немедленного прекращения демократизации, отмены демократических свобод, восстановления бюрократическо-централистского принципа подчинения. Попут-

но «Варшавское письмо» апеллировало к «определенным силам» в Чехословакии, обещая им, что они всегда могут «рассчитывать на солидарность и всемерную помощь со стороны братских социалистических стран»¹⁰³. Это была первая недвусмысленная угроза интервенции. Руководство КПЧ вежливо, но недвусмысленно заявило в ответ на это письмо, что существующие временные трудности объясняются тем, что «старое партийное руководство в течение многих лет использовало бюрократический централизм и нарушало внутрипартийную демократию». Утверждение о том, что социализм в Чехословакии находится под угрозой, было отвергнуто как неверное. При этом подчеркивалось, что положение КПЧ сейчас прочнее, чем когда-либо, поскольку она может опираться на добровольную поддержку народа. Было заявлено, что любая попытка возврата к прежним методам встретила бы единодушный отпор большинства членов партии, натолкнулась бы на сопротивление всех трудящихся¹⁰⁴.

На этой стадии полемики в события вмешалось также «среднее направление», центристы. Они поддерживали так называемое политическое решение, то есть попытку затормозить развитие «пражской весны» при помощи политического воздействия и политического нажима. Эту концепцию сразу же взяла на вооружение Французская компартия. 15—16 июля тогдашний генеральный секретарь ФКП Вальдек Роше обсуждал возможность такого решения в Москве с Сусловым и сразу же после своего возвращения в Париж выступил 17 июля с предложением о созыве в ближайшие дни конференции европейских компартий для рассмотрения чехословацкой проблемы. Цель этой конференции была очевидна — оказать новый политический нажим на пражское руководство и одновременно избежать вооруженного вмешательства. 18—19 июля Вальдек Роше был в Праге и имел беседу с Александром Дубчеком и другими пражскими руководителями, о содержании которой сначала не было ничего известно. Но запись этой беседы сыграла позднее большую роль, вызвав резкие разногласия в среде европейских коммунистов. 22 июля, после возвращения Вальдека Роше из Праги, ФКП сняла свое предложение от 17 июля, заявив, что созыв конференции европейских коммунистических партий нецелесообразен.

По всей видимости, французские коммунисты не видели тогда больше возможности для достижения компромисса. И в самом деле, нажим на Чехословакию еще больше усилился. 19 июля «Правда» и многие другие просоветские газеты распространили ложное сообщение о том, что в Чехословакии вблизи границы с Федеративной Республикой Германии обнаружен склад оружия американского происхождения, предназначенного для подготовки вооруженного переворота¹⁰⁵.

Кроме того, утверждалось, что ЦРУ разработало секретный оперативный план «подрыва единства социалистических стран», в соответствии с которым предусматривается освобождение американскими войсками прежде всего Восточной Германии и Чехословакии, а в ближайшее время или в будущем в Чехословакии может произойти «государственный переворот»¹⁰⁶. Шла речь и о якобы имевшем место вмешательстве Федеративной Республики Германии в события в Чехословакии¹⁰⁷. После расследования этих обвинений пражским руководством оказалось, что в сообщениях об американском оружии речь идет об остатках оружия со времен второй мировой войны, которое находится в очень хорошем состоянии благодаря прекрасной смазке, применяемой в Советской Армии. На ящиках с оружием русскими буквами было обозначено «ГУМ»¹⁰⁸.

В условиях постоянного усиления идеологического давления со стороны Москвы и войны нервов вследствие проведения с 25 июля новых маневров во всех западных районах Советского Союза, прилегающих к границе с Чехословакией, состоялась советско-чехословацкая встреча в Чиерне-над-Тисой (29 июля — 1 августа 1968 года), а затем встреча руководителей стран Восточного блока — снова без Румынии — в Братиславе 3 августа 1968 года¹⁰⁹. Обе встречи являлись попыткой склонить чехословацких партийных и государственных руководителей к возврату на прежний путь.

После встреч в Чиерне и Братиславе большинство руководителей «пражской весны» считало свои реформы спасенными. Это впечатление преобладало и за рубежом. Итальянская компартия выразила свое удовлетворение встречами и заявлениями в Чиерне и Братиславе, отметив, что главное теперь — «проводить нашу линию демократического пути к социализму и реализовать нашу идею открытого, современного и демократического социалистического общества». ИКП заявила о намерении продолжать движение по этому пути «с учетом чехословацкого опыта»¹¹⁰. Аналогичное одобрение поступило от компартий Великобритании и Австрии.

Отношение к оккупации Чехословакии

В этот период, который можно было бы назвать периодом успокоения и даже надежд, государства — участники Варшавского Договора завершили последние военные приготовления к оккупации, осуществление которой и началось в ночь с 20 на 21 августа войсками СССР при поддержке войск ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии. Никогда до этого ни одна акция советского руководства не сталкивалась с таким широким осуждением со стороны всего коммунистического движения Европы. Во многих странах даже коммунисты, пре-

данно взиравшие до сих пор на Москву, насторожились и стали проявлять недоверие. Коммунисты все больше сознавали теперь прежде всего три момента.

1. Обоснование оккупации тем, что в ЧССР якобы имеются «антисоциалистические силы», которые готовили контрреволюцию, оказалось ложью. В ЧССР не было ни малейших признаков существования антисоциалистических сил или какой-то контрреволюции. Никто в ЧССР ни на словах, ни на деле не выступал за возвращение к капитализму. Напротив, стремление к социализму выражалось в ЧССР в августе 1968 года более сильно и поддерживалось населением более широко, чем когда-либо прежде.

2. В Чехословакии никто оккупации не хотел и тем более не призывал к ней. Даже после оккупации советские войска не нашли ни одного коллаборациониста. Национальное собрание ЧССР, Центральный Комитет КПЧ и XIV съезд партии, который был нелегально проведен 26 августа 1968 года, единодушно высказались против оккупации своей страны.

3. Каждый мог видеть, что все советские заявления о равноправии, невмешательстве и суверенитете отбрасываются, как клочок бумаги, когда дело идет о подрыве позиций бюрократии или о возможности такого подрыва.

Тем самым коммунистическому движению в Европе стало совершенно ясно, что для оккупации социалистической Чехословакии существовала одна-единственная причина — страх перед динамикой и притягательной силой новой, демократической и гуманной модели социализма, опасение, что чехословацкому примеру могли бы последовать также в других восточноевропейских странах, и в конечном счете в самом Советском Союзе. Вторжение в Чехословакию и ее оккупация 21 августа 1968 года сразу же резко углубили пропасть между бюрократическо-диктаторскими силами, с одной стороны, и коммунистическими силами, стремящимися к самостоятельности и переориентации, — с другой.

Вне советской сферы господства в Европе оккупацию Чехословакии одобрили только СЕП Западного Берлина, ГКП, компартии Люксембурга, Турции, Португалии и Прогрессивная партия трудового народа Кипра (АКЭЛ), причем решение руководства последней, как сообщала газета итальянских коммунистов «Унита», натолкнулось на сплоченное сопротивление целых местных организаций партии. Отклонили оккупацию 18 компартий Европы, в том числе также правящие партии Югославии, Румынии и Албании.

В качестве типичного примера тогдашних заявлений европейских компартий я хотел бы привести здесь официальное заявление Союза коммунистов Югославии, гласившее:

«1. Союз коммунистов Югославии (СКЮ) не признает ни за кем права вмешиваться во внутренние дела и в развитие

независимой страны, будь то при помощи вооруженной интервенции или каких-либо других средств нажима.

2. СКЮ отвергает как недопустимые все аргументы, выдвинутые правительствами государств—участников Варшавского Договора в оправдание вторжения в Чехословакию. СКЮ заявляет о полной поддержке коммунистической партии, рабочего класса и народов ЧССР в их борьбе за независимость и социалистическое развитие своей страны.

3. СКЮ требует немедленного прекращения оккупации Чехословакии и освобождения избранных демократическим путем депутатов и функционеров КПЧ, а также создания необходимых условий для обеспечения строительства социализма без иностранного вмешательства»¹¹¹.

Особенно четко и последовательно осудили оккупацию Чехословакии компартии Румынии, Италии, Швеции, Испании, Норвегии и Народный союз Исландии, а вне Европы — компартии Японии и Австралии, то есть все те партии, которые принадлежат в настоящее время к еврокоммунизму. Типичным для такого осуждения было заявление ИКП, содержавшее следующее принципиальное положение: «Политбюро Итальянской коммунистической партии считает... это решение неоправданным потому, что оно несовместимо с принципами автономии и независимости каждой коммунистической партии и каждой социалистической страны и с задачами защиты единства международного коммунистического и рабочего движения»¹¹². Председатель компартии Швеции Карл-Хенрик Херманссон даже призвал шведское правительство разорвать все отношения с правительствами стран-оккупантов, а также высказался за созыв европейской конференции независимых коммунистических партий, которая должна была осудить вторжение в Чехословакию.

Особое значение имел тот факт, что после 21 августа 1968 года на самостоятельный курс встали две компартии, являвшиеся до тех пор просоветскими, — испанская и греческая. Руководители испанской компартии Сантьяго Каррильо и Долорес Ибаррури во время оккупации ЧССР находились в Москве. От имени своей партии они прямо заявили протест советскому руководству и получили от Суслова любопытный ответ: «Не забывайте, что вы представляете лишь небольшую партию». Греческая компартия раскололась весной 1968 года — в период «пражской весны» — на два направления: независимое внутреннее и просоветское зарубежное. Руководитель московской фракции (зарубежного направления) поддержал оккупацию, а большинство руководителей греческой компартии во главе с Митасасом Парцалидисом, напротив, выразило глубокую озабоченность вмешательством во внутренние дела одной из социалистических стран.

В особо трудном положении оказалась Компартия Фин-

ляндии, которая намеревалась провести 23 августа 1968 года давно подготовленные торжества по случаю 50-летия со дня своего основания. Под впечатлением оккупации обстановка в партии изменилась настолько, что от торжеств пришлось отказаться. Как и греческая компартия, КПФ была также расколота на более или менее самостоятельное реформистское течение и догматическо-сталинистское направление. Самостоятельное течение во главе с Саариненом выступило хотя и с мягкой, но для финских условий ясной критикой оккупации Чехословакии, в то время как просоветско-сталинистская фракция поддержала оккупацию. «Правда» опубликовала только просоветское заявление, в связи с чем Компартия Финляндии заявила, что достойно сожаления и бестактно то, что «Правда» не обнародовала мнения большинства партии.

Отдельные коммунистические партии, как, например, австрийская и бельгийская, резко осудили оккупацию, но позднее по разным причинам перестали придерживаться этой позиции. ФКП, как обычно, заняла «центристскую» позицию, выразив только свое «несогласие». Наконец, надо упомянуть еще две партии, позиции которых отличались особым своеобразием: правящую партию Албании и Компартию Нидерландов. Обе исключительно резко осуждали «пражскую весну», однако потом ясно и недвусмысленно протестовали против оккупации. Албанская партия даже призывала население Чехословакии к дальнейшему активному сопротивлению иностранной оккупации.

Как бы различно ни выразили свои протесты и свою критику отдельные компартии, одно было и остается фактом: впервые в истории коммунизма более двух третей всех компартий Европы выступили против акции, решение о которой приняло и которую осуществило руководство Кремля. И все заявления 18 компартий, выступивших против оккупации, печать СССР и других государств Восточного блока обошла молчанием. Вместо этого «Правда» и другие газеты Восточного блока широко публиковали заявления отдельных изолированных местных групп или давно обанкротившихся функционеров-сталинистов, которые никого больше не представляли.

Памятная записка Луиджи Лонго «О единстве в многообразии» и политика присутствия

Сразу же после оккупации Чехословакии Советский Союз вновь предпринял попытку заглушить стремления к независимости путем скорейшего созыва международного коммунистического совещания. Итальянская компартия воспользовалась этим поводом для того, чтобы изложить свои взгляды на такое международное совещание и вообще на отношения

в международном коммунистическом движении. В нескольких больших статьях Луиджи Лонго обосновал готовность ИКП принять при определенных условиях участие в планируемом Москвой международном совещании. Многие западные комментаторы сочли, что итальянские коммунисты «склоняются» к международному совещанию. Но это было не так, ибо статьи Лонго — известные на Западе как памятная записка «О единстве в многообразии» — впервые в обобщенном виде излагали требования, которые должны были положить начало новым порядкам в мировом коммунизме. Поэтому памятную записку Лонго следует отнести к важнейшим документам будущего еврокоммунизма.

По мнению Лонго, ни при каких обстоятельствах не может быть возврата к монолитности. Более важное значение имеет установление между компартиями отношений *нового типа* при обеспечении автономии каждой партии.

Исходя из этого, Лонго требовал для будущих международных коммунистических совещаний, чтобы

а) в них участвовали все компартии, которые этого желают, и никто не мог быть исключен;

б) наряду с коммунистами предусматривалось участие и других прогрессивных сил;

в) не было никаких попыток навязывания собственных взглядов другим;

г) теоретические проблемы марксизма-ленинизма обсуждались не на совещаниях, а на научном уровне; для этого более подходят встречи, семинары, публичные дискуссии с различным составом их участников и разными способами их проведения; на совещаниях должны обсуждаться только актуальные проблемы;

д) такие совещания отличались меньшей торжественностью, проходили в более непринужденной обстановке и одновременно отличались большей конкретностью, носили характер не конгрессов и тем более вселенских соборов, а рабочих встреч;

е) не было необходимости принимать подготовленные документы или тезисы, вместо которых должны обсуждаться неотложные дела и позиции по актуальным проблемам;

ж) каждой международной встрече придавался максимум публичности, дабы существовала возможность информирования членов партий и общественного мнения о ходе обсуждения и могла проявляться внутренняя диалектика¹¹³.

Изложенные Лонго предложения еще не были полностью учтены при созыве третьего международного совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне 1969 года, но стали тем временем концепцией всех еврокоммунистов, а позднее были во многом претворены в жизнь на конференции 1976 года.

Опираясь на эти тезисы Лонго, сформулированные в памятной записке «О единстве в многообразии», Энрико Берлингуэр провозгласил в декабре 1968 года свою *политику присутствия* (*politica di presenza*). Существо ее сводилось к признанию необходимости для итальянских коммунистов использовать участие в международных совещаниях для оказания своего влияния и сохранения контактов с критически настроенными силами в международном коммунистическом движении. По мнению Энрико Берлингуэра, политика присутствия призвана постоянно способствовать терпеливым дискуссиям и разъяснениям позиций в международном коммунистическом движении. Таким образом, ИКП поддерживает политику присутствия, а не разрыва, дабы внести собственный автономный вклад в интернационализм. В соответствии с этим итальянские коммунисты выступают против любой формы отлучения, но вместе с тем и против всякого подражания другим моделям, поскольку до сих пор чужой опыт не подходил для Италии¹¹⁴.

Подготовка третьего международного совещания коммунистических и рабочих партий

В 1968 году советское руководство тоже считало, что, как и после проявления стремлений к независимости в 1956 году, легче всего будет вновь побудить компартии к проведению единой просоветской линии на новом международном совещании. Первое международное совещание состоялось в ноябре 1957 года, второе, проходившее под знаком конфликта между Москвой и Пекином, — в ноябре -- декабре 1960 года. Третье международное совещание первоначально намечалось на осень 1964 года. Но после многочисленных подготовительных встреч и консультаций дата его созыва была перенесена. Лишь весной 1968 года — с 26 февраля по 5 марта — удалось провести более или менее серьезную консультативную встречу в Будапеште. Однако на этой встрече обнаружились очевидные расхождения во взглядах. На следующей подготовительной встрече (24—28 апреля 1968 года) было решено созвать международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве 25 ноября 1968 года. В июне 1968 года рабочая группа уже подготовила проект итогового документа третьего вселенского собора коммунистов. Но вследствие оккупации Чехословакии все первоначальные планы полностью рухнули. В конце августа 1968 года Луиджи Лонго заявил от имени ИКП, что созыв международного совещания должен быть отложен до вывода войск государств Варшавского Договора из Чехословакии и что о международном совещании можно будет говорить лишь после восстановления государственного суверенитета и удовлетворитель-

ного разрешения кризиса в Чехословакии. В сентябре и ФКП предложила отложить намеченное на 25 ноября международное совещание, не выразив, однако, своего четкого отношения к оккупации Чехословакии. Затем предложение отложить совещание было поддержано также другими компартиями, в том числе Великобританией и Австрией.

Третье международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве

После более чем шестилетней подготовки 5—17 июня 1969 года состоялось наконец третье международное совещание, в котором участвовали делегации 75 коммунистических и рабочих партий. На первый взгляд все выглядело как крупный успех Москвы. Однако 17 компартий, в том числе исключительно влиятельные и крупные, по различным причинам бойкотировали совещание. Это были правящие партии Китая и Албании, дружественные им компартии Индонезии, Лаоса, Непала, Филиппин, Сингапура и Малайзии. Далее, в совещании не участвовали компартии Северного и Южного Вьетнама, Трудовая партия Северной Кореи и компартия Камбоджи. Из числа будущих еврокоммунистических партий отсутствовали Союз коммунистов Югославии, Компартия Японии и Народный союз Исландии. Не участвовала в совещании также самостоятельная, но не придерживающаяся еврокоммунистического курса Компартия Нидерландов. Компартии Швеции и Кубы были представлены наблюдателями. Таким образом, третье международное совещание с самого начала не имело представительного характера.

Принятый на этом совещании основной документ носил длинное название: «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». Он состоял из четырех разделов. Поскольку некоторые особенно важные компартии подписали только один определенный раздел, а от подписания остальных воздержались, ниже приводится краткое изложение всех четырех разделов.

Первый раздел содержал анализ империализма. В нем доказывалось, что современная эпоха — это эпоха перехода от капитализма к социализму, что противоречия в мире характеризуются борьбой между агрессивной политикой империализма во главе с США на одном полюсе и миролюбивой политикой социалистического лагеря во главе с Советским Союзом — на другом. Коммунистические партии призывались использовать и углублять противоречия во враждебном лагере, а рабочий класс, а также все демократические и революционные силы — сплотиться для совместной борьбы с империализмом.

Второй раздел был посвящен «мировой системе социализма», которая охарактеризована как решающая сила в антиимпериалистической борьбе. Под «мировой системой социализма» понимались 14 стран с правящими коммунистическими партиями, но при этом особо выделялся Советский Союз. «Мировая система социализма», как утверждалось, открывает новые перспективы для продвижения вперед и победы социализма во всем мире. После весьма оптимистического анализа положения в государствах Восточного блока признавалось, однако, что строительство нового общества — это сложный и длительный исторический процесс.

Третий раздел документа затрагивал политику сосуществования и антиимпериалистическую борьбу, в нем рассматривались вопросы, которые по распространенной терминологии называют отношениями между Востоком и Западом. В этом разделе говорилось, что защита мира неразрывно связана с политикой мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Содержалось положение о том, что мирное сосуществование «требует соблюдения принципов суверенитета, равноправия, территориальной неприкосновенности каждого государства, большого или малого, невмешательства во внутренние дела других стран, уважения права всех народов свободно избирать свой социально-экономический и политический строй...». Десять месяцев спустя после оккупации Чехословакии эти слова звучали почти оппозиционно.

Четвертый и последний раздел касался отношений внутри международного коммунистического движения. В нем особенно отчетливо проявились разногласия между просоветским направлением и автономистами. Они нашли отражение во множестве расплывчатых и противоречивых формулировок, причем нередко в пределах одной фразы, когда, например, главное предложение выражало мнение одного направления, а примыкающее к нему придаточное — другого. В этом разделе сначала заявлялось о необходимости поднять на более высокий уровень единство международного коммунистического движения. Утверждалось, что основой взаимоотношений между коммунистическими партиями различных стран должны быть принципы «пролетарского интернационализма» (на незашифрованном языке это означает идеологическое подчинение Советскому Союзу), а также солидарности и взаимной поддержки, уважения самостоятельности и равноправия, невмешательства во внутренние дела друг друга. Эта компромиссная формулировка дополнялась отсылкой на оправдавшие себя формы проведения двусторонних консультаций (предложение автономистов) и международных совещаний (советское предложение). Затем следовало, пожалуй, самое главное во всем документе положение: «Все партии имеют равные права. В

настоящее время, когда в международном коммунистическом движении не существует руководящего центра, особенно возрастает значение добровольной координации их действий в интересах успешного решения стоящих перед ними задач». Но после этого положения, включенного явно по настоянию автономистов, было заявлено, что сотрудничество коммунистических партий строится на «принципах марксизма-ленинизма» (опять недвусмысленная советская формулировка).

Однако на этот раз сильнее, чем в каком-либо другом документе, подготавливавшемся до сих пор Москвой, за коммунистическими партиями признавались некоторые аспекты самостоятельности. Так, в новом документе имелось следующее положение: «Коммунистические и рабочие партии проводят свою деятельность в весьма разнообразных, специфических условиях, которые требуют соответствующего подхода к решению конкретных задач. Каждая партия, руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, учитывая конкретные национальные условия, полностью самостоятельно разрабатывает свою политику, определяет направления, формы и методы борьбы, выбирает в зависимости от обстоятельств мирный или немирный путь перехода к социализму, а также формы и методы строительства социализма в своей стране». Но потом снова следовало дополнение, согласно которому эти различия не должны мешать согласованным выступлениям по коренным проблемам антиимпериалистической борьбы. Указывалось, что, несмотря на различие взглядов, необходимо единым фронтом вести борьбу с империализмом, куда входит также борьба против правого и левого уклонов, против право- и левооппортунистических искажений теории и политики, против ревизионизма, догматизма и левосектантского авантюризма.

Этот принятый на третьем международном совещании основной документ еще и сегодня считается, по крайней мере формально, обязательной директивой для всех компартий советского направления и всех подписавших этот документ. Он будет действовать до тех пор, пока четвертое международное совещание не выработает новых установок. Однако созыв такого четвертого совещания пока не предвидится.

Несмотря на многие уступки, содержащиеся в этом компромиссном документе, три нынешние еврокоммунистические партии — итальянская, сан-маринская и австралийская — отказались поддержать все основные разделы документа, подписав лишь третий раздел, касающийся отношений между Востоком и Западом. Еще две компартии — Великобритания и Норвегия — вообще не подписали документ, заявив, что решение об этом должны будут принять центральные комитеты их партий. Позднее Компартия Великобритании заявила, что она отклоняет основной документ, поскольку считает не-

достаточными сформулированные в нем принципы отношений между социалистическими странами и коммунистическими партиями¹¹⁵. Норвежская компартия заявила, что ни одна проблема не может быть решена на основе инспирированного, обманчивого единства¹¹⁶. Пять других партий, в том числе три из Европы (правящая Румынская компартия, Компартия Испании и Швейцарская партия труда), подписали основной документ только с оговорками.

Мне кажется, что еврокоммунисты извлекли уроки из событий, связанных с «пражской весной» и оккупацией Чехословакии, а также с подготовкой и проведением третьего международного совещания в Москве, поскольку в последующий важный период формирования еврокоммунизма — в 1970—1975 годах — отмечалось усиление сотрудничества между еврокоммунистическими партиями. Это привело к значительным успехам. Сравнение двух главных коммунистических документов последнего десятилетия — основного документа третьего международного совещания, которое состоялось в Москве в июне 1969 года, и итогового документа конференции коммунистических и рабочих партий Европы, принятого в Берлине в июне 1976 года, — свидетельствует о прогрессе еврокоммунизма в 70-е годы.

Глава 7

Преобразование еврокоммунизма в самостоятельную силу (1970—1976)

В 70-е годы компартиям, ставившим под сомнение претензию Москвы на руководящую роль в мировом коммунизме, удалось совершить решающий поворот к превращению в самостоятельную силу — движение еврокоммунизма, которое затем с середины 70-х годов оказалось в центре внимания общественности.

Тем самым стало правилом то, что до 1970 года случалось лишь в виде исключений: все более частое отмежевание западноевропейских партий от событий в Советском Союзе и в восточноевропейских странах — союзниках Москвы, а также от заявлений, исходящих от этих стран. Одновременно в отношениях между партиями, позднее вставшими на путь еврокоммунизма, все больше укреплялись солидарность и сотрудничество, они публиковали совместные документы, обменивались делегациями. Это сотрудничество сыграло решающую роль прежде всего при подготовке конференции коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в Берлине в июне 1976 года.

Кроме того, в 70-е годы отдельными партиями были разработаны и опубликованы принципиально новые программные документы, как, например, совместная программа коммунистов и социалистов Франции (июнь 1972 года), заявление ИКП об историческом компромиссе (октябрь 1973 года) и программа Компартии Испании, проект которой был обнародован в декабре 1973 года, а сама программа принята в 1975 году. Тесно связанными с шагами в этой идеологической сфере, имевшей преимущественно внутривнутриполитическую направленность, были в те годы также самостоятельные заявления по внешнеполитическим вопросам, которые расходились с советской внешней политикой в том, что касается отношения к Китаю, Европейскому сообществу и НАТО.

Критика еврокоммунистами Советского Союза

С конца 60-х годов еврокоммунисты стали все более откровенно критиковать положение вещей в Советском Союзе. И такое их отношение к СССР приобретало тем более важное значение, что как раз к тому времени в рамках внутрисо-

ветской реформистской оппозиции возникли марксистские группы. Самыми видными представителями этих групп были бывший генерал-майор Григоренко, педагог и историк Рой Медведев, публицист Иван Дзюба и математик Леонид Плющ.

Независимые, критически настроенные марксисты в СССР, являющиеся в известной мере еврокоммунистами Востока, выступают за демократизацию коммунистической партии и общества, резкое ограничение роли органов госбезопасности и гарантию правовых норм, за свободу печати, слова, собраний, художественного творчества и научных исследований, за обновление марксизма и отказ от русификации в национальной политике. В сфере экономической и социальной политики критически настроенные марксисты требуют отказа от чрезмерной централизации и выступают за проведение экономической реформы, которая должна обеспечивать большее участие трудящихся в управлении производством, а не ограничиваться только обновлением технологии ¹¹⁷.

Однопартийная система, заявляя независимые марксисты Советского Союза, не является неотъемлемой составной частью социализма, а служит лишь сохранению привилегированного бюрократического аппарата. Демократизация бюрократической системы невозможна без существования легальной оппозиции, то есть без введения социалистической многопартийной системы ¹¹⁸.

Стимулирующим для советских критически настроенных марксистов было то все чаще отмечавшееся ими обстоятельство, что еврокоммунисты Запада все активнее подходят к проблемам Советского Союза с таких же позиций, как и они. Впервые это стало очевидным на ленинградском судебном процессе в декабре 1970 года.

25—29 декабря 1970 года в Ленинграде за закрытыми дверями проходил суд над несколькими советскими гражданами, которые, как утверждалось, пытались бежать за границу, планируя захватить для этой цели самолет. Обвиняемые были приговорены к смертной казни. Эти смертные приговоры сразу же подверглись критике со стороны компартий Италии, Франции, Испании, Швеции и Великобритании. Названные партии возражали против закрытого характера судебного разбирательства и смертных приговоров, поскольку дело вообще не дошло до угона самолета ¹¹⁹. Компартии Испании и Швеции просили пересмотреть смертные приговоры «в соответствии с принципами, которым должны следовать органы юстиции в социалистической стране». Французская компартия заявила, что вынесенный в Ленинграде приговор вызывает обобщенное возмущение у всех искренних друзей Советского Союза ¹²⁰.

Особенно отчетливо самостоятельность будущих еврокоммунистов проявилась после XXIV съезда КПСС, состоявшего

гося в марте—апреле 1971 года. Впервые делегации зарубежных партий выступили на съезде КПСС с изложением своих взглядов, а после съезда дали ему собственную оценку.

Николае Чаушеску заявил от имени РКП, что компартии действуют в различных условиях и поэтому отношения между ними должны строиться на доверии и взаимном уважении, а всякое вмешательство во внутренние дела компартий должно отвергаться¹²¹. Выступивший в аналогичном духе представитель Союза коммунистов Югославии Миялко Тодорович также подчеркнул значение принципов равноправия, взаимного уважения и невмешательства, указав прежде всего на различие форм социалистического преобразования мира. Социализм, сказал он, должен разрешать не только доставшиеся ему в наследство, но и собственные проблемы и противоречия, а необходимое для этого сотрудничество может осуществляться только на основе «демократического обмена мнениями и опытом»¹²². Берлингуэр, обосновывая необходимость для ИКП собственного пути к социализму, ссылаясь на авторитет марксистов Грамши и Тольятти, что выглядело чрезвычайно необычным для советских слушателей и читателей, привыкших лишь к именам Маркса, Энгельса и Ленина. От имени Компартии Испании на съезде выступила Долорес Ибарри. Она говорила очень осторожно, но все же сослалась на различие условий, в которых приходится работать каждой партии, и отклонила всякое вмешательство во внутренние дела компартий¹²³. Необходимость самостоятельного развития, свободы критики и отклонение всякого вмешательства извне подчеркивали также делегации компартий Японии, Великобритании и даже Бельгии¹²⁴.

Наряду с самостоятельными выступлениями отдельных делегаций на съезде важное значение имел также анализ советских проблем в зарубежной партийной печати, который был дан в связи с XXIV съездом КПСС коммунистами Италии, Югославии, Румынии и — впервые — даже Франции. В этих публикациях в вежливой, но недвусмысленной форме отмечались слабости и недостатки дискуссии на съезде. Прежде всего в порядке критического замечания констатировалось, что публичная дискуссия сконцентрирована в Советском Союзе почти исключительно на экономических вопросах. Но если, с одной стороны, постепенно создается, что улучшение информации в экономической и научной сферах является предпосылкой для увеличения производительности труда, то, с другой стороны, в культурной и литературной сферах во многих случаях все еще сохраняются прежние ограничения. Духовная жизнь в Советском Союзе по-прежнему протекает в атмосфере, характерной для осажденной крепости¹²⁵.

Полгода спустя в связи со смертью Хрущева, последовавшей 11 сентября 1971 года, разногласия между еврокомму-

нистами и Москвой проявились вновь. Советское руководство ограничилось публикацией краткого и лаконичного сообщения о том, что «на 78-м году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев»¹²⁶.

В отличие от этого лаконичного сообщения газеты итальянской, югославской и французской компартий опубликовали подробные некрологи, которые хотя и содержали критические ноты, но вместе с тем и отмечали большую роль Хрущева. Будущие еврокоммунисты подчеркивали прежде всего, что имя Хрущева останется связанным с началом новой эры — с попыткой демократизации, что при нем начал распадаваться лед сталинизма. Указывалось, что хотя он и не был видным теоретиком, но тем не менее способствовал развитию настоящей критики. Югославские газеты отмечали как положительный факт то, что именно Хрущев подписал в июне 1955 года Белградскую декларацию¹²⁷. Печать итальянских и французских коммунистов с похвалой отзывалась о докладе Хрущева на XX съезде КПСС. Вспоминать о нем, писал член руководства ИКП Джан Карло Пайетта, — это не значит забывать о его ошибках и замазывать его недостатки. Но вместе с тем нельзя не сказать, что «он действительно был необычным человеком, необычным товарищем»¹²⁸. Расхождения в оценке заслуг Хрущева итальянскими и югославскими коммунистами, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, были настолько велики, что вдова Хрущева, Нина Хрущева, писала в письме Луиджи Лонго, что она с благодарностью и волнением прочла некролог в газете «Унита»¹²⁹.

Восстание рабочих в Польше (декабрь 1970 — январь 1971 года)

Если польская партия назвала крупное восстание рабочих в Польше (прежде всего в польских портовых городах на Балтийском море) делом рук «контрреволюционеров» и «хулиганов», то западноевропейские коммунистические партии оценили его совершенно иначе. Французская компартия указывала на то, что восстание рабочих в Польше не было направлено против социализма и не носило антисоветского характера, а что рабочие выступили против ошибочной экономической политики и против администрации, которая не считается с потребностями населения¹³⁰.

Участники привлечшей всеобщее внимание дискуссии за круглым столом, которую организовал теоретический орган ИКП («Ринашита»), заявляли, что беспорядки в Польше отражают не кризис социализма, а кризис сталинистской концепции. В ходе дискуссии указывалось, что построение госу-

дарства в форме пирамиды с системой «приводных ремней», которые действуют только в одном направлении, влечет за собой ряд негативных последствий для экономического и политического строя. Аппараты власти, возникшие сначала в силу реальной необходимости, стали жить собственной жизнью, гигантски разрослись и начали постепенно все больше пользоваться административными, репрессивными и диктаторскими методами. Они встали над обществом и вступили с ним в конфликт. Полное отождествление партии и государства, с которыми вдобавок срослись и профсоюзы, привело к ограничению форм организации рабочего класса. В результате социально-политическая система лишалась решающей пружины. К тому же отсутствует какая бы то ни была демократия в партии, так что польские события ясно указали всем коммунистам на их главную проблему — необходимость введения внутрипартийной демократии¹³¹. Югославская печать тоже отмечала, что речь идет о противоречиях внутри системы. Она, в частности, выделяла тот факт, что многие читатели в своих письмах в польские газеты поднимали вопрос о социалистической демократии, «которую не могут создать ни Гомулка, ни Герек»¹³². Компартия Испании указывала на то, что применение насильственных методов против польских рабочих означает деформацию социализма и ослабляет его притягательную силу¹³³.

Самостоятельная позиция по отношению к Китаю

Наряду с усиливающимся отмежеванием от событий в государствах Восточного блока с 1970 года все более четко стала проявляться самостоятельность будущих еврокоммунистов и по отношению к Китайской Народной Республике. В конце октября 1970 года представители ИКП, в том числе внешнеполитический редактор газеты «Унита» Альберто Яковелли, посетили Китай. В середине ноября 1970 года Энрико Берлингуэр заявил, что, несмотря на имеющиеся различия во взглядах, ИКП намерена выразить пожелание и готовность возобновить прерванные отношения с КПК. В отчетах о поездке в Китай¹³⁴ подчеркивались значение культурной революции и стремление Китая создать децентрализованную модель развития, которая в различных сферах отличается от сталинистской модели. Одновременно в этих сообщениях критиковалось возвеличивание Сталина в Китае, а также то, что «борьба между двумя линиями» в политической жизни Китая постоянно сопровождается оскорбительными обвинениями. 1 октября 1971 года ИКП впервые после разрыва отношений с КПК снова направила приветственное послание по случаю годовщины со дня образования Китайской Народной Республики.

В октябре 1971 года Китай посетила также делегация Ком-

партии Испании во главе с Сантьяго Каррильо, заявившая о восстановлении отношений между испанскими и китайскими коммунистами. Компартия Испании и до настоящего времени является единственной европейской компартией, которая поддерживает отношения с Китаем. В большой статье о результатах своей поездки Каррильо дал оценку внутреннего развития Китая, в том числе культурной революции и народных коммун, указав, что в Китае развиты формы социализма, соответствующие китайским условиям. Он отметил, что КПК является великой революционной партией, успешно совершившей самую значительную революцию после русской Октябрьской революции 1917 года¹³⁵.

Еврокоммунисты и «нормализация» в Чехословакии

Особенно важным было последовательное и упорное выступление еврокоммунистов против восстановления бюрократическо-диктаторских порядков в Чехословакии, осуществлявшегося под руководством Гусака под прикрытием вводившего в заблуждение лозунга «нормализации». После смещения Дубчека и назначения Гусака в апреле 1969 года Первым секретарем ЦК партии реформисты были вынуждены распротеститься со своими надеждами на то, что удастся, несмотря на оккупацию, предотвратить самое худшее и спасти хоть что-то от «пражской весны».

Уже вскоре было нарушено данное Гусаком обещание не принимать репрессивных мер против сторонников и представителей «пражской весны». В ходе борьбы с «нормализацией» возникло Социалистическое движение чехословацких граждан, которое, однако, не считало себя партией. В манифесте от 28 октября 1970 года оно провозгласило своими целями создание социалистической, демократической, свободной Чехословакии, обеспечение гражданских свобод и правовой безопасности и создание социально-политической системы, в которой все граждане смогут выражать свои взгляды. Уже в этом первом манифесте социалистические оппозиционеры Чехословакии приветствовали компартии Западной Европы, поскольку те также отвергают монопольную диктатуру и выступают за плюралистический социализм¹³⁶.

Во второй половине 1970 года нажим внутри Чехословакии усилился. Режим Гусака отдал распоряжение о массовом исключении из партии и чистках представителей «пражской весны». В конце 1970 года на давно готовившемся пленуме ЦК КПЧ была принята резолюция, в которой еще раз детально рассматривалась проблематика «пражской весны» и оккупации Чехословакии и в резкой форме заявлялось, что «пражская весна» привела к контрреволюции в Чехословакии. Эта очередная попытка новых пражских правителей оправдать

свои действия была отвергнута и резко раскритикована компартиями Италии¹³⁷, Франции¹³⁸ и Великобритании¹³⁹.

Самостоятельность будущих еврокоммунистов проявилась и в период подготовки XIV съезда КПЧ, состоявшегося в мае 1971 года. За неделю до открытия съезда, 18 мая 1971 года, пять эмигрировавших видных представителей «пражской весны» — Эдуард Гольдштюккер, Зденек Хейзлар, Иржи Пеликан, Ота Шик и публицист Йозеф Пукстефль — на большом митинге в Париже призвали компартии Европы в наиболее приемлемой для себя форме осудить по случаю открывающегося 25 мая съезда КПЧ оккупацию Чехословакии. Они требовали, кроме того, вывести из Чехословакии советские войска, восстановить демократические свободы и прекратить политические преследования.

Некоторые компартии критически высказались относительно предстоявшего съезда КПЧ. В Югославии прежде всего отмечали тот факт, что первоначально съезд должен был состояться в сентябре 1968 года, но был отложен из-за оккупации и проводится теперь почти с трехлетним опозданием. Указывалось, что КПЧ переживает глубокий кризис, что после оккупации из партии вышли или были исключены 500 тысяч членов, что приток молодежи в партию фактически прекратился, что в Президиуме из 13 членов входивших в его состав в период «пражской весны», ни одного человека, за исключением Ленарта, не осталось, что из восьми секретарей ЦК остался только нынешний председатель правительства Штроугал, а из насчитывавшего 110 членов ЦК периода «пражской весны» выведено свыше 40 человек¹⁴⁰.

От участия в съезде отказалась делегация Компартии Великобритании, поскольку ее представителю не разрешили выступить на нем с подготовленной речью о «пражской весне». Компартия Испании не направила своей делегации на съезд, поскольку, как она заявила, «еще нет условий для отправки такой делегации». Представители Румынской компартии, СКЮ, компартий Японии, Франции и Бельгии в своих выступлениях на съезде отказались использовать формулу о «контрреволюции 1968 года», которую предписывало руководство Гусака.

Протесты против преследований в Чехословакии (1971—1973)

Свою критику еврокоммунисты выражали в различных формах: открытыми протестами, методами закулисной дипломатии и особенно публикацией заявлений, писем и памятных записок бывших представителей «пражской весны».

Особую роль при этом сыграло подробное интервью бывшего председателя Федерального собрания Йозефа Смирков-

ского, в котором он затронул проблему отношения международного коммунистического движения к преследованиям в Чехословакии. На вопрос, что могли бы сделать коммунисты и прогрессивные силы в Европе, Смирковский ответил: «Прежде всего не позволять опуститься занавесу над нашей страной, знать, что у нас происходит. Что можно позволить себе делать за занавесом, невозможно делать на открытой сцене. Это очень важный фактор». Он призвал компартии действовать и искать выход из положения. «Это должно стать заботой всех братских партий, ибо это не только наше дело»¹⁴¹.

С начала 1972 года преследования в Чехословакии резко усилились. Были арестованы руководящие партийные деятели периода «пражской весны», в том числе Каплан и Хюбл. Начались судебные процессы над бывшими руководителями и членами Центрального Комитета, секретарями окружкомов, студентами, руководителями молодежных организаций. Все это делалось вопреки данному Гусаком руководителям зарубежных компартий, в том числе французской, обещанию о том, что в ЧССР больше не будет таких преследований, как в 50-е годы.

Массовые аресты представителей «пражской весны» и показательные судебные процессы вызвали протесты компартий Италии, Франции, Швеции, Нидерландов, Бельгии, Норвегии, Испании, Австралии и Исландии. При этом особо подчеркивалось, что свобода слова опять поставлена под сомнение, политические дискуссии снова сменяются административными мерами и террористическими приговорами, формы проведения судебных процессов и методы юстиции не имеют ничего общего с юстицией, основанной на социалистических принципах. Некоторые компартии, в том числе австралийская, потребовали даже немедленного освобождения заключенных, отмены приговоров и прекращения дальнейшего разбирательства дел¹⁴².

Социалистическая оппозиция в Чехословакии усматривала в этих действиях еврокоммунистов важную для себя помощь. В своем заявлении от августа 1972 года она приветствовала факт резкого осуждения компартиями Италии, Франции, Великобритании, Швеции, Бельгии, Австралии, Швейцарии и других стран судебных процессов над социалистами в Чехословакии. Она заявила о своей решимости продолжать борьбу и добиваться создания в Чехословакии социалистического общества, «которое будет гарантировать своим гражданам не меньше, а больше прав, чем в высокоразвитых промышленных государствах, включая свободу слова, печати, собраний и организаций»¹⁴³.

21 августа 1973 года, в пятую годовщину оккупации Чехословакии, некоторые компартии, прежде всего итальянская, напомнили о том, насколько правильным было их отношение

к оккупации Чехословакии. Они подчеркнули, что вооруженная интервенция в Чехословакии не разрешила проблем страны и что в результате оккупации и возникшей в этой стране обстановки коммунистическому движению стало труднее использовать все возможности для борьбы за ликвидацию блоков и для продолжения диалога между Востоком и Западом. Чехословацкие власти в ответ неоднократно отказывали в визах итальянским коммунистам. А одному корреспонденту коммунистической газеты «Унита», который хотел освещать визит федерального канцлера Вилли Брандта в ЧССР в декабре 1973 года, был запрещен въезд в страну, даже несмотря на наличие визы ¹⁴⁴.

Еврокоммунисты и Солженицын (начало 1974 года)

В начале 1974 года русский писатель Александр Солженицын был арестован, а затем под охраной выслан самолетом в Федеративную Республику Германии. Еврокоммунистические партии не одобрили эту меру. В середине января 1974 года представители итальянской, испанской, французской компартий и Швейцарской партии труда заявили после совещания западноевропейских компартий в Женеве, что хотя они и не разделяют взглядов Солженицына, но выступают против любых административных мер, считая, что произведения Солженицына должны публиковаться, обсуждаться и критиковаться в самом Советском Союзе. В заявлениях по поводу высылки Солженицына компартии Италии, Великобритании, Швеции, Австралии и Японии, а также — правда, в очень слабой форме — Франции ¹⁴⁵ указывали, что с диссидентами надо вести борьбу политическими средствами, а не административными мерами наказания, что неприемлемые идеологические воззрения могут пресекаться только методами идеологической борьбы и что даже с реакционными взглядами надлежит бороться путем свободной и публичной дискуссии, а не при помощи цензуры и полицейских репрессий ¹⁴⁶.

Компартия Японии особенно тщательно занималась делом Солженицына. Ее печатный орган газета «Акахата» писала, что правильно говорить об эре Сталина в форме «Архипелага ГУЛаг», и при этом давала положительную оценку также книгам Солженицына «В круге первом» и «Раковый корпус». Но вместе с тем японские коммунисты выражали сожаление по поводу того, что при описании террора Сталина Солженицыну изменило чувство исторической объективности и что он считает сталинизм не отказом от идей научного социализма, а якобы неизбежным продуктом социализма ¹⁴⁷.

Французский историк-коммунист Жан Элленштейн также говорил позднее, что неверно считать сталинизм естественным преемником социализма Маркса и Ленина. По его мнению,

Солженицын вырвал ленинские цитаты из исторического контекста—из контекста ожесточенной и беспощадной гражданской войны: «Вызывают сомнение не приведенные Солженицыным факты, а выводы, которые он делает». Для Солженицына писал Эллентейн, вся история СССР—это лишь история массовых преследований. Солженицын ненавидит коммунизм настолько, что не замечает экономических и культурных достижений СССР, и потому, видимо, не случайно он ни единым словом не упоминает о XX съезде КПСС, то есть о том съезде, на котором был осужден сталинизм. В конце концов, нельзя сравнивать Советский Союз 1975 года с Советским Союзом 1953 года, и в такой же мере следует также отклонить практикуемую Солженицыным односторонне-негативную интерпретацию фактов¹⁴⁸.

Полемика вокруг статьи Зародова (август 1975 года)

Летом 1975 года критические заявления партий, ставших тем временем известными как еврокоммунистические, достигли уже такого масштаба, что советское руководство со своей стороны развернуло идеологическую полемику, принимавшую все более острые формы. Начало полемике положила статья главного редактора международного просоветского журнала «Проблемы мира и социализма» Константина Зародова. 6 августа 1975 года в «Правде» за его подписью была напечатана директивная статья под названием «Ленинская стратегия и тактика революционной борьбы»¹⁴⁹. Из работы Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», датированной июлем 1905 года, Зародов сделал ряд актуальных политических выводов, явно направленных своим острием против еврокоммунистов. Он писал, что хотя опора на большинство населения и является заповедью революционной стратегии и тактики, но это большинство для ленинцев «понятие не арифметическое, а политическое». Кроме того, хотя, согласно ленинским указаниям, и надо идти на союз с другими силами, но коммунистическая партия всегда должна отстаивать собственную политическую линию в рамках общедемократического движения. Марксистскую партию, по словам Зародова, определяет способность вести за собой другие общественные силы. Тем самым снова возрождалась прежняя концепция руководящей роли коммунистической партии и игнорировался демократический принцип большинства.

Попытка Зародова вернуть западноевропейских коммунистов в лоно идеологического курса СССР не удалась. Не только итальянские, но на этот раз и французские коммунисты отвергли концепцию Зародова в пространных идеологи-

чески аргументированных статьях. Итальянские и французские коммунисты выступили прежде всего против попытки свести мысль Ленина к единственной концепции, опирающейся на несколько цитат и коротких формул. Они критиковали также попытку выдвинуть жесткие и всеобщие обязательные правила и возродить тем самым в политической практике монолитность, с которой уже давно покончено. Они подчеркивали, что у западноевропейских коммунистов иное понимание отношения между социализмом и демократией по сравнению с тем, которое нашло отражение в доктринерской схеме Зародова. Они настаивали на необходимости учитывать также богатый опыт рабочего движения других стран, который невозможно втиснуть в эту схему, ибо с начала нашего столетия в мире произошли глубокие изменения и Западная Европа 1975 года — это не копия феодальной царской России 1905 года. Таким образом, делался вывод, нельзя сводить мысли Ленина «к неживым формулам, которые следует применять везде и всегда»¹⁵⁰.

Еврокоммунисты и XXV съезд КПСС

На XXV съезде КПСС, состоявшемся 24 февраля — 5 марта 1976 года, Брежнев в своем отчетном докладе предупреждал об опасности правого и левого ревизионизма, утверждая, что существуют общие закономерности развития революции и строительства социализма. Только опираясь на эти закономерности, марксисты-ленинцы могут учитывать конкретные условия в каждой данной стране: «...если уступка оппортунизму и даст какое-то временное преимущество, в конечном счете это обернется ущербом для партии». Он полемизировал с определенными «деятелями», которые хотели бы отказать от интернационализма, что в конечном счете означало бы лишить компартии «мощного и испытанного оружия»¹⁵¹. Другие партийные руководители, например украинец Шербицкий и белорус Машеров, предупреждали об опасности «проникновения... ревизионистских влияний» и предостерегали от «таких поборников социализма, которые... ревизуют принципы пролетарского интернационализма»¹⁵².

Несмотря на эти предостережения, еврокоммунистические делегации высказали свои собственные взгляды и на XXV съезде КПСС. Николае Чаушеску указал в своей речи на необходимость установления новых отношений между нациями, основанных на равенстве, уважении суверенитета и национальной независимости, невмешательстве во внутренние дела, и прежде всего на отказе от силы или угрозы применения силы в международной жизни. Он подчеркнул право каждой партии самостоятельно вырабатывать свою политическую линию, революционную стратегию и тактику¹⁵³. Стане

Доланц от имени югославских коммунистов дополнительно подчеркнул также принципы неприсоединения и социалистического самоуправления, которое еще больше закрепляется в новой югославской конституции¹⁵⁴. Энрико Берлингуэр пошел в своей речи настолько далеко, что «Правда» некоторые пассажи из его выступления опустила. Он не ограничился тем, что упомянул о необходимости собственного итальянского пути к социализму, а сверх того высказался в пользу такого социалистического общества, «которое явилось бы высшим проявлением развития всех демократических завоеваний и гарантировало бы соблюдение всех личных и коллективных свобод, свободы религии и культуры, искусства и науки». В дело построения будущего общества должны вносить свой вклад различные политические силы, организации и партии. Рабочий класс может «утвердить свою историческую роль» только «в рамках многообразной и демократической системы»¹⁵⁵.

В перерывах между заседаниями происходили отдельные любопытные события, которые до этого еще никогда не наблюдались на коммунистических съездах. Так, делегация ИКП нанесла визит послу Италии в Москве. В свободное от заседаний воскресенье 25 февраля, когда зарубежные делегации обычно выступают с докладами на предприятиях, итальянская делегация во главе с Берлингуэром посетила лавру в Загорске¹⁵⁶.

Испанскую компартию представляла на съезде Долорес Ибаррури, а генеральный секретарь партии Сантьяго Каррильо находился в это время с представителями других испанских оппозиционных партий в Риме, заявив там, что он охотнее поехал с делегацией испанской оппозиции в Рим, чем в Москву, ибо «наша поездка в Рим имеет прямое отношение к проблемам испанской демократии»¹⁵⁷. О «реальном социализме» в Советском Союзе Каррильо высказал в Риме 26 февраля 1976 года следующее суждение: «Он еще тащит за собой квазифеодальную систему, которую он свергнул, но признаки которой он еще носит. Мы можем иметь в западных странах социализм, если уважается демократическо-плюралистическая система, если его поддерживает большинство и если он готов уйти с арены при потере такого большинства». На вопрос, не опасается ли Каррильо, что Москва осудит его за такие взгляды, он ответил: «По какому праву они могут нас осуждать? Они могут нас критиковать, как критикуем их и мы. Но осуждение есть отлучение от церкви. Коммунистическое движение было когда-то ею, но теперь оно ею не является». Каррильо подчеркнул, что участие коммунистов в демократических правительствах Запада будет способствовать демократизации и социалистических стран Восточной Европы¹⁵⁸. Что это указание не было необоснован-

ным, подтвердил в одном интервью, данном после XXV съезда КПСС, Андрей Сахаров. Он заявил, что взгляды ИКП «очень близки» к его собственным и что в речи Берлингуэра он, Сахаров, усматривает критику советской системы и — пусть и косвенную — поддержку взглядов диссидентов СССР, которые вместе с ним много лет подчеркивают, что советское общество не является ни плюралистическим, ни демократическим¹⁵⁹.

Можно с большой вероятностью предположить, что Сахаров был не единственным критически настроенным советским гражданином, усмотревшим в речах еврокоммунистов на XXV съезде КПСС поддержку оппозиционных реформистских течений в СССР.

Суслов и Мичев против еврокоммунистов

17 марта 1976 года, через неполных две недели после окончания работы XXV съезда КПСС, Суслов выступил на годичном общем собрании Академии наук СССР с докладом на тему «Наша эпоха — эпоха торжества марксизма-ленинизма», в котором продолжил полемику с еврокоммунистами. Он говорил о «противниках марксизма», которые начали «все чаще рядиться в марксистские одежды», стремятся «выхлостить из марксистско-ленинского учения революционную сущность». Отсюда Суслов сделал вывод: «Поэтому все, что выдается оппортунистами за какие-то местные или национальные версии марксизма, не имеет ничего общего с революционной теорией и наносит вред делу рабочего класса». Этот выпад был настолько резким, что хотя он и был передан в сообщении ТАСС, но в «Правде» и журнале «Коммунист» отсутствовал¹⁶⁰. Очевидно, советское руководство не хотело слишком обострять полемику с еврокоммунистическими партиями, тем более что доклад Суслова совпал с периодом интенсивной подготовки к конференции коммунистических и рабочих партий Европы, которую намечалось провести в Восточном Берлине.

На это выступление Суслова генеральный секретарь ФКП Жорж Марше прореагировал репликой, что высказывания Суслова его не трогают, поскольку он, Марше, уже не раз говорил, что пролетарский интернационализм должен основываться на взаимности. Между прочим, добавил руководитель ФКП, французские коммунисты построят социалистическое общество, которое «не будет ни русским, ни китайским и ни кубинским, а только французским»¹⁶¹. Итальянские коммунисты заявляли, что неверно сужать понятие «интернационализм» добавлением определения «пролетарский», ибо в мире есть в настоящее время нации и государства, которые выступают за международное сотрудничество и в которых

между тем большую роль играют не коммунисты, а другие авторитетные силы. Термин «пролетарский интернационализм» мешает сотрудничеству с такими силами. А между тем «нам ясно, что путь к социализму и развитию социализма в нашей стране (и, как мы думаем, также в остальной Западной Европе) неразрывно связаны с расширением демократии»¹⁶².

Параллельно с выступлением Суслова в марте 1976 года была распространена также брошюра Вениамина Мичева под названием «Ревизионизм на службе антикоммунизма». Автор полемизировал с «ревизионистскими» представлениями о многообразии моделей социализма. Он пытался опровергнуть взгляды исключенных тем временем из своих партий коммунистических деятелей Роже Гароди, Эрнста Фишера, Александра Дубчека и Франца Марека, а также члена ЦК ИКП Лучано Группи. Итальянские коммунисты заявили по этому поводу, что вызывает сожаление, что автор называет ревизионистом каждого, кто отстаивает представление о неприемлемости пути советского народа для его страны, что он попросту объявляет «фальсификатором марксизма-ленинизма» любого, кто утверждает, что демократизация в СССР не достигла необходимой зрелости¹⁶³. Резко раскритиковали брошюру Мичева и в Югославии. По мнению радио Белграда, тезисам Мичева можно было бы и не придавать слишком большого значения, если бы он писал только от своего имени, но за этой брошюрой скрывается требование о подчинении Советскому Союзу, а с этим Югославия никак не может согласиться¹⁶⁴.

Предостережение Зародова, доклад Суслова и брошюра Мичева показали, что советское руководство постепенно осознало значение еврокоммунизма и стало прилагать усилия к тому, чтобы идеологически разгромить это течение.

Рост сотрудничества между еврокоммунистическими партиями

70-е годы характеризуются также тем, что в оппозиции к Москве находились уже не просто отдельные, разрозненные компартии: в это десятилетие расширялись солидарность и совместные действия еврокоммунистов, в результате чего существенно возросла также их активность. В этой связи следует кратко упомянуть некоторые особенно важные события.

В марте 1971 года делегация Компартии Испании встречалась с председателем Левой партии — коммунисты Швеции Карлом-Хенриком Херманссоном. После встречи было отмечено «общее совпадение взглядов обеих партий»¹⁶⁵.

Делегация Компартии Японии во главе с председателем ЦК Кэндзи Миямото побывала в сентябре 1971 года в Румы-

нии и встречалась с делегацией РКП по главе с генеральным секретарем Чаушеску. Делегации заявили в заключение, что они будут выступать за право каждой партии самостоятельно определять свою генеральную линию.

После визита делегации Компартии Испании во главе с генеральным секретарем Сантьяго Каррильо в Румынию в сентябре 1971 года обе партии заявили в коммюнике, что ни в одной части света нет надобности в существовании руководящего центра международного коммунистического движения и что компартии должны разрабатывать свою политику с учетом особенностей своей страны.

В ноябре 1971 года Чаушеску принял делегацию Компартии Греции (внутреннее направление), выразив во время встречи озабоченность румынского партийного руководства арестом Дракополуса и Парцалидиса (оба они — руководители внутреннего направления Компартии Греции).

В августе 1972 года состоялась встреча делегации Компартии Испании во главе с Сантьяго Каррильо и Долорес Ибаррури с делегацией Румынской компартии и генеральным секретарем Чаушеску, после которой в совместном коммюнике было подчеркнуто совпадение взглядов обеих партий по всем обсуждавшимся вопросам.

В марте 1973 года генеральный секретарь ИКП Берлингуэр встречался в Лондоне с руководителями как лейбористской, так и коммунистической партий.

В мае 1973 года более 100 тысяч человек присутствовали на митинге в Болонье, на котором выступили генеральный секретарь ФКП Жорж Марше и генеральный секретарь ИКП Энрико Берлингуэр. Это было их первое совместное выступление после того, как были устранены различия во взглядах, существовавшие между двумя партиями до начала 1970 года.

В начале июля 1973 года в Европейском парламенте в Страсбурге была создана коммунистическая фракция. В эту фракцию, получившую название «Коммунисты и им сочувствующие», вместе с восемью итальянскими и тремя французскими коммунистами вошли один представитель Социалистической народной партии Дании, один независимый от итальянских левых и один представитель Компартии Нидерландов. Ни одну из этих партий нельзя назвать явно просоветской.

Вскоре сотрудничество между еврокоммунистами распространилось и за пределы Европы. Руководитель румынской партии Николае Чаушеску во время пребывания в Венесуэле в сентябре 1973 года нанес визит генеральному секретарю Движения за социализм (МАС) Помпейо Маркесу. Это был более неожиданный шаг, что в Венесуэле есть небольшая просоветская компартия. Но Чаушеску намеренно «не заметил» ее, ясно продемонстрировав единение с Движением.

ем за социализм, которое отстаивает в этой стране еврокоммунистические взгляды.

Наконец, особенно важное значение имела встреча делегации ИКП во главе с генеральным секретарем Берлингуэром с президентом Тито в апреле 1975 года. В интервью после этой встречи Джан Карло Пайетта заявил, что итальянские коммунисты убеждены в необходимости защищать стабильность и поступательное развитие Югославии от всякого вмешательства извне. Кого он в данном случае подразумевал, не составляет секрета.

В июле 1975 года в Италии состоялась известная встреча делегации Компартии Испании во главе с Сантьяго Каррильо с руководством Итальянской компартии, после которой было опубликовано не коммюнике, как обычно бывало, а важная декларация — «Декларация Коммунистической партии Испании и Итальянской коммунистической партии». В ней обе партии выразили полное совпадение взглядов по всем главным программным вопросам. С принятием этой декларации появилось и вошло в обиход само понятие «еврокоммунизм».

В ноябре 1975 года состоялась встреча делегаций ФКП и ИКП на высшем уровне, завершившаяся принятием совместной декларации, в которой две крупнейшие европейские компартии подтвердили свою приверженность демократическому пути к социализму. Тем самым с опозданием заявила о своей приверженности к основным концепциям еврокоммунизма и ФКП.

Развитие с 1970 до начала 1976 года следует охарактеризовать как процесс эмансипации еврокоммунистических партий. Многие положения, выдвинутые еврокоммунистами в эти годы, были в достаточной степени оценены мировой печатью лишь позже, в течение последних двух лет. Этот процесс эмансипации, в том числе и расширение сотрудничества еврокоммунистов, объясняет, почему им в значительной степени удалось добиться признания своих взглядов на представительной конференции европейских коммунистов, состоявшейся в Восточном Берлине в июне 1976 года.

Глава 8

Подготовка, проведение и результаты Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы (1973—1977)

Подготовка конференции коммунистических и рабочих партий Европы велась в условиях, когда еврокоммунистические партии отмежевывались от Советского Союза и методов подавления в некоторых государствах Восточного блока и одновременно расширяли сотрудничество друг с другом. Возникавшие при этом трудности и препятствия, множество уступок, на которые были вынуждены пойти советские руководители, чтобы вообще провести конференцию, намного превосходят подготовительную карусель к третьему международному совещанию коммунистических и рабочих партий, состоявшемуся в 1969 году. К тому же нельзя упускать из виду, что советское руководство первоначально имело в виду созвать не конференцию коммунистических и рабочих партий Европы, а новое международное коммунистическое совещание.

Подготовка конференции в 1973—1975 годах

Поскольку неоднократно выдвигавшиеся советским руководством в 1973 и 1974 годах предложения о скорейшем созыве международного коммунистического совещания обнаружили отсутствие единства по этому вопросу в международном коммунистическом движении, Кремль сосредоточил свои усилия на подготовке конференции европейских компартий. Этой цели служила консультативная встреча делегаций 28 коммунистических и рабочих партий Европы, проходившая в Варшаве 16—18 октября 1974 года. Впервые на многосторонней встрече компартий был представлен и Союз коммунистов Югославии. Разногласия, возникшие между просоветским направлением и еврокоммунистическими партиями (Югославии, Румынии, Италии, Испании, Швеции и Великобритании), помешали принять согласованную резолюцию. После длительной дискуссии было решено созвать конференцию всех коммунистических и рабочих партий Европы в середине 1975 года в Восточном Берлине. Темой конференции была определена «борьба за мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе». Конференция должна была состояться вслед за Общеевропейским совещанием по

безопасности и сотрудничеству в Хельсинки и тем самым в известной степени подкрепить результаты его работы. Подготовить конференцию должны были компартии Польши и Италии (примечательная уступка еврокоммунистическим партиям!) ¹⁶⁶.

Вторая подготовительная встреча состоялась 19—21 декабря 1974 года в Будапеште. Еврокоммунисты вновь выступили против всех попыток провозгласить на намечаемой берлинской конференции новую генеральную линию и потребовали подтверждения самостоятельности, равноправия и невмешательства во внутренние дела. На этой подготовительной встрече была образована редакционная комиссия по подготовке итогового документа. В конечном счете практическая работа сосредоточилась в рабочей группе, которая регулярно встречалась в Восточном Берлине. На первом ее заседании (17—19 января 1975 года) не было принято никакого коммюнике, на втором заседании (8—10 апреля 1975 года) руководство СЕПГ предложило первый проект документа, который, однако, был отклонен еврокоммунистическими партиями.

В середине июля 1975 года делегация СЕПГ представила рабочей группе второй проект документа конференции. Но и этот проект, в котором предпринималась попытка выработать единую идеологическую платформу, был отклонен еврокоммунистическими партиями, которых с мая 1975 года стала поддерживать даже ФКП.

Проблемы, трудности и последние подготовительные встречи (1975—1976)

Осенью 1975 года, как уже упоминалось, возникли разногласия из-за статьи Зародова. В Москве и столицах других восточноевропейских государств они привели к осознанию необходимости пойти на известные уступки. Это и проявилось на очередной встрече в Восточном Берлине 9—10 октября 1975 года, в которой участвовали делегации 27 европейских коммунистических и рабочих партий. Руководство СЕПГ представило на ней свой третий проект, в котором впервые не говорилось об идеологической генеральной линии и который поэтому еврокоммунистические партии согласились принять за основу. Окончательный проект должен был быть готов в ноябре 1975 года.

Но на встрече 17—19 ноября 1975 года неожиданно возникли новые трудности. СЕПГ представила свой четвертый, более жесткий проект, пытаясь вновь навязать проведение совместной линии. После его отклонения еврокоммунистическими партиями делегации разъехались, так и не определив дату проведения конференции европейских компартий. В этой

выглядевшей безвыходной обстановке советское руководство начало проявлять уступчивость. Были отозваны Борис Пономарев и Катушев, которые до этого представляли КПСС на подготовительных встречах. Их место занял Вадим Загладин. В Риме он заявил итальянским коммунистам о готовности изъять спорные положения из проекта, предложенного СЕПГ.

После этих уступок Советского Союза в Восточном Берлине состоялись новые заседания редакционной комиссии (16—19 декабря 1975 года и 13—22 января 1976 года). СЕПГ представила на них свой пятый и последний проект, который в значительной мере учитывал взгляды еврокоммунистов. Хотя все еще и сохранялась неясность по отдельным вопросам, но новый проект уже был исходной основой для подготовки итогового документа¹⁶⁷. Кроме того, позиции еврокоммунистов за это время усилились в результате изменения линии Французской компартии. На XXII съезде ФКП в Нантсе (4—8 февраля 1976 года) Жорж Марше более ясно, чем прежде, выступил против создания центра международного коммунистического движения, отказался от «диктатуры пролетариата» и решительно заявил о самостоятельном французском пути к социализму. Казалось, что все встало на свои места. Тем не менее югославский еженедельник «Нин» в начале мая 1976 года еще раз предостерег от иллюзий. «Нин» жаловался на то, что все еще раздаются призывы к монолитности, сохранению руководящей роли одной партии и предпринимаются попытки придать конференциям коммунистических и рабочих партий форму постоянного организационного института. Эти попытки, как предостерегал югославский партийный орган, предпринимаются еще и сейчас. Статья в «Нин» появилась под названием «Создать центр окольными путями?»¹⁶⁸.

В этой обстановке советское руководство могло добиться своей цели — созыва конференции европейских компартий — только при помощи уступок. На новом заседании редакционной комиссии с участием делегаций 28 коммунистических и рабочих партий позиции начали наконец сближаться. 20 мая 1976 года Сантьяго Каррильо провел в Югославии переговоры о подготовке конференции европейских компартий. Обе партии договорились о сотрудничестве по этому вопросу. В начале июня 1976 года советское руководство согласилось с поправками Югославии, изъяв из проекта спорную формулировку о «пролетарском интернационализме». 3 июня 1976 года Жорж Марше и Энрико Берлингуэр подкрепили на митинге в Париже тесное сотрудничество обеих партий, настаивая на проведении независимого курса и отклонив создание любого центра в международном коммунистическом движении. Несколько дней спустя секретарь ЦК Союза коммуни-

тов Югославии Стане Доланц провел в Риме переговоры с Берлингуэром о созыве конференции европейских компартий. В этой обстановке в Берлине собралась на последнюю встречу редакционная комиссия, которая заседала сначала 10—11 июня, а затем еще раз 24 июня. В конечном счете конференция европейских компартий была назначена на 29—30 июня 1976 года. Всего рабочая группа, редакционная комиссия и делегации всех 28 делегаций по подготовке конференции европейских компартий собирались 12 раз¹⁶⁹.

Особенности берлинской конференции европейских компартий на высшем уровне (29—30 июня 1976 года)

Конференция коммунистических и рабочих партий в Восточном Берлине во многом отличается от прежних совещаний такого рода. На открытии этой конференции, проходившей в гостинице «Штадт Берлин» на Александерплац, в зале в течение 15 минут могли присутствовать более 100 иностранных корреспондентов, что было необычным явлением. Город вопреки традиции не был украшен лозунгами с приветствиями делегатам конференции. Перед делегатами лежал на столах проект основного документа конференции в красной папке с золотым тиснением. Это был окончательно сформулированный документ, в котором ничего нельзя было изменить и ничего не было изменено.

Поэтому после завершения конференции не было никакой торжественной церемонии подписания итогового документа. Совершенно необычным было и то, что выступавшим ораторам не аплодировали. Конференция имела больше характер рабочего совещания, как это и предлагали еврокоммунисты. Но особенно важным было то, что выступления всех делегатов были без какого-либо сокращения опубликованы руководством СЕПГ в печати Восточного Берлина. Таким образом 3,4 миллиона читателей центрального органа СЕПГ газеты «Нойес Дойчланд» впервые смогли ознакомиться со взглядами, которые обычно слыли антипартийными.

В конференции участвовали делегации всех европейских коммунистических и рабочих партий, за исключением Албанской партии труда и Народного союза Исландии. Компартия Нидерландов сначала не хотела приезжать на конференцию, но потом все же прибыла с опозданием, тем самым впервые после долгого перерыва приняв участие в многосторонней встрече коммунистов. Официально было объявлено об участии делегаций 28 коммунистических и рабочих партий, причем делегация СЕП Западного Берлина считалась самостоятельной. От Компартии Греции в конференции участвовал только руководитель просоветского зарубежного направления Флоракис, но не было представлено еврокоммунистичес-

кое внутреннее направление. Регламент выступлений на конференции был ограничен 30 минутами и должен был соблюдаться всеми ораторами. Только Брежнев не выдержал регламента, проговорив более одного часа. Кроме того, заранее было решено не касаться китайской проблемы. Но как Брежнев, так и руководитель болгарской партии Живков игнорировали эту договоренность, осудив в своих выступлениях маоистских руководителей.

При всем том, что в «Нойес Дойчланд» все речи были опубликованы полностью, все другие газеты стран Восточного блока дали лишь сокращенные их тексты. Важные места и положения просто не упоминались, в том числе, например, критические замечания Берлингуэра о развитии стран Восточной Европы, об отставании марксистского анализа и необходимости проявлять собственную инициативу в европейском масштабе. Были опущены в печати стран Восточного блока также все критические высказывания еврокоммунистов об оккупации Чехословакии.

В выступлениях делегатов четко проявились три главных направления, которые еще и сегодня характерны для европейского коммунизма.

Просоветское направление. Взгляды просоветского направления были изложены на конференции в Восточном Берлине Леонидом Брежневым (СССР), Тодором Живковым (Болгария), Густавом Гусаком (Чехословакия), Эрихом Хонеккером (ГДР), делегациями компартий Австрии, Турции, ФРГ (ГКП), Люксембурга, Португалии, Западного Берлина (СЕПЗБ), Дании и остатков Компартии Норвегии (руководитель партии Рейдар Ларсен вступил до этого вместе с третью членов и функционеров партии в Социалистическую левую партию), а также одного из крыльев Компартии Греции (зарубежное направление). В несколько ослабленной форме и с известными нюансами самостоятельности взгляды просоветского направления изложили также Эдвард Герек (Польша) и Янош Кадар (Венгрия).

Постоянно повторяясь, хотя и с различиями в резкости формулировок, просоветские коммунисты подчеркивали необходимость:

- а) единства и сплоченности международного коммунистического движения;
- б) «пролетарского интернационализма» как самого важного оружия и источника силы коммунистов всех стран;
- в) солидарности всех коммунистических партий со странами социализма, в первую очередь с Советским Союзом;
- г) руководящей роли Советского Союза, поскольку он является самой могучей социалистической страной, а КПСС — самой большой и опытной партией международного коммунистического движения.

Исходя из этого, представители просоветского направления требовали на конференции в Восточном Берлине усиления борьбы с антикоммунизмом, и прежде всего с антисоветизмом, и укрепления единства и сплоченности международного коммунистического движения путем проведения многосторонних встреч, то есть международных коммунистических совещаний. Бросалось в глаза, что Герек (Польша) и Кадар (Венгрия) поддерживали не все эти требования или излагали их в более мягкой форме. И среди просоветских представителей неправых коммунистических партий также имелись известные различия в акцентах при изложении этих требований.

Среднее направление. К среднему направлению на конференции относились наряду с другими Компартия Бельгии, Швейцарская партия труда, компартии Кипра (АКЭЛ), Нидерландов и Ирландии. Представители этого направления в основном характеризовали обстановку в своей стране и не пользовались тезисами ни еврокоммунистов, ни просоветского направления, а если и пользовались, то не занимали при этом односторонней позиции.

Типичным для этого направления было то, что его представители, подчеркивая значение солидарности и интернационализма в международном коммунистическом движении, нередко тут же упоминали о праве и необходимости принимать собственные решения. Очевидно, таким способом среднее направление демонстрировало свое желание избежать участия в любом конфликте.

Направление еврокоммунистов. Еврокоммунистические концепции на конференции в Восточном Берлине излагали Иосип Б. Тито (Югославия), Николае Чаушеску (Румыния), Сантьяго Каррильо (Испания), Энрико Берлингуэр (Италия), Жорж Марше (Франция), Гордон Макленнан (Великобритания), Ларс Вернер (Левая партия — коммунисты Швеции), Эрменджильдо Гасперони (Сан-Марино) и — по крайней мере частично — Аарне Сааринен (Финляндия).

Все представители еврокоммунизма высказались против создания какого-то нового центра международного коммунистического движения, а также против любой попытки использовать конференцию в Восточном Берлине для принятия обязывающего идеологического документа.

Так, Тито приветствовал свободный и открытый обмен мнениями на конференции, подчеркнув принципы независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела. В аналогичном духе выступил и Чаушеску, дополнительно потребовавший также недвусмысленного отказа от применения силы и угрозы силой. Типичными для высказываний еврокоммунистов были далее прямое отклонение «пролетарского интернационализма» и его замена «международной соли-

дарностью», которую, как особо подчеркнул Чаушеску, можно понимать лишь в органической связи с борьбой по защите интересов рабочего класса каждой страны. Берлингуэр интерпретировал новые формы интернационализма настолько широко, что говорил о свободном общении самостоятельных и равноправных партнеров и подчеркивал необходимость гласности дискуссии на конференции. Он потребовал отказа от устаревших методов, заявив, что идея Интернационала безвозвратно ушла в прошлое и на повестке дня сейчас стоят совершенно новые формы международных отношений.

Сантьяго Каррильо следующими словами мотивировал отход от Коммунистического Интернационала:

«Страдания, которые перенесла наша партия и которые она все еще вынуждена переносить, время, проведенное нами в подполье, породили в наших рядах представления о связи научного социализма со своеобразной мистикой жертвоприношения и предначертания. Мы стали своего рода церковью со своими мучениками и пророками. Многие годы Москва была нашим Римом, где начинали сбываться наши мечты. Мы говорили о Великой Октябрьской социалистической революции, как будто она была нашим рождением. Это было наше детство. Сегодня мы стали взрослыми. Коммунисты находят у власти во многих странах. В других странах мы представляем уже значительную силу. Победа Итальянской коммунистической партии на выборах — одно из самых последних и значительных доказательств. Мы все больше теряем характер религии. Научное содержание нашей теории побеждает веру и мистику предначертания».

Все еврокоммунисты высказались в поддержку новых путей к социализму. Тито отметил, что социализм не имеет готовых решений на все случаи и времена. Чаушеску говорил о постоянном обновлении форм социальной борьбы и общественного развития, которые характеризуются отличиями в каждой стране. Берлингуэр видел в переходе к новому общественному строю процесс, который выходит далеко за рамки коммунистических партий и охватывает различные спектры политических и общественных сил разной идейной направленности. В этой связи, говорил он, возникает задача не только осмыслить приобретенный до настоящего времени опыт, но и искать в странах европейского Запада новые пути к социализму. Политика социал-демократов привела лишь к улучшению жизненных условий трудящихся в той или иной стране, но не к подлинному преодолению капитализма. Жорж Марше подчеркивал, что французские коммунисты будут тщательно учитывать национальные реальности, особые условия своей страны и ее традиции.

Особое значение имели высказывания еврокоммунистов о желанной цели построения социалистического общества. При

этом все ораторы-еврокоммунисты отмечали, что они имеют в виду совсем не то, что называется «реальным социализмом» в государствах Восточного блока, а нечто во многом отличное от него.

Тито назвал социализм синонимом демократии, равноправия, независимости, человеческой справедливости и свободы. Берлингуэр заявил, что итальянские коммунисты ведут борьбу «за социалистическое общество, основанное на подтверждении ценности личных и коллективных свобод и на гарантировании этих свобод». Представитель Компартии Великобритании Гордон Макленнан также отметил, что целью социалистического общества должно быть обеспечение свободы печати, собраний и демонстраций, свободы исповедания религии, свободы деятельности в сфере культуры, искусства и науки, свободы поездок, свободы для деятельности профсоюзов и всех демократических политических партий, включая также оппозиционные. По словам Макленнана, социализм требует не только национализации крупных монополий, банков и земли, но и широкого развития демократии.

Сантьяго Каррильо самокритично признал вину коммунистов за известную недооценку в прошлом так называемых формальных свобод. Жорж Марше сказал: «Социализм, за который мы ведем борьбу, будет глубочайше демократическим социализмом... не только потому, что он, ликвидируя эксплуатацию человека человеком, гарантирует трудящимся неотъемлемое условие свободы, но и потому, что обеспечит, расширит и разовьет все свободы, которые завоевал наш народ». Швед Ларс Вернер был на конференции в Восточном Берлине единственным еврокоммунистом, который еще раз призвал отмежеваться от эры Сталина и потребовал расширения процесса демократизации и самокритичного обсуждения ограничения демократии и недостаточности демократических прав в странах «реального социализма». Такая критика, по его словам, не носит негативного характера, а является выражением озабоченности судьбами социализма.

Наконец, еврокоммунисты выразили собственные взгляды также по внешнеполитическим аспектам отношений между Востоком и Западом. Тито выразил надежду, что разрядка напряженности выйдет за рамки блоков и за региональные границы, и подчеркнул значение политики неприсоединения в международной жизни. Чаушеску говорил о двух военных блоках в Европе, «существование которых усиливает недоверие и сохраняет угрозу новой войны». Он высказался за роспуск обоих военных блоков, не проводя различия между НАТО и Варшавским Договором. За одновременный роспуск НАТО и Варшавского Договора высказались также Берлингуэр, Макленнан и Тито.

Характеризуя новое название «еврокоммунизм», Берлин-

гуэр отметил: «Название, конечно, придумано не нами, но факт его широкого распространения примечателен, ибо он показывает, насколько глубоким и широким является в странах Западной Европы стремление добиться новых решений в преобразовании общества в социалистическом смысле и продвинуться вперед по этому пути». Сантьяго Каррильо говорил о «несчастливо выбранном термине», но добавил: «Однако не подлежит сомнению, что мы, коммунистические партии развитых и высокоразвитых капиталистических стран, сталкиваемся с особой проблематикой. Специфические требования, предъявляемые к классовой борьбе в нашем регионе, побуждают нас избирать такие пути к социализму и такие формы социализма, которые могут быть не совсем похожими на пути к социализму и формы социализма в других странах. Это объективный факт, который нам надо учитывать»¹⁷⁰.

Итоговый документ конференции коммунистических и рабочих партий Европы

Принятый на конференции документ «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе» сформулирован совершенно по-другому, чем, например, основной документ третьего международного коммунистического совещания, состоявшегося в Москве в июне 1969 года. В нем недвусмысленно отражены изменения в международном коммунистическом движении в целом и превращение еврокоммунизма в самостоятельную силу.

Сам по себе этот новый документ не проясняет вопроса о том, что вообще побудило Советский Союз к проведению такой конференции в описанных выше условиях. Конечно, нельзя не признать, что руководство Кремля сумело и в этом документе добиться осуществления своих пожеланий по крайней мере по следующим пунктам.

1. В документе по крайней мере в общих чертах, хотя иногда лишь весьма смутно, говорится о поддержке общих внешнеполитических целей Советского Союза. При этом важное значение для Москвы имеет ссылка на то, что политика мирного сосуществования облегчает проведение демократических и социалистических преобразований в капиталистических странах, создавая благоприятные возможности и условия для борьбы за такие преобразования.

2. По крайней мере частично отвечает советским интересам содержащееся в документе указание на то, что коммунистические партии будут развивать свое интернационалистское товарищеское добровольное сотрудничество и солидарность на основе великих идей Маркса, Энгельса и Ленина; однако Советскому Союзу наверняка хотелось бы, чтобы

здесь было четко записано положение о приверженности к марксизму-ленинизму.

3. В документе ясно сказано, что «антикоммунизм был и остается орудием империалистических и реакционных сил в их борьбе не только против коммунистов, но и против других демократов и демократических свобод». В документе осуждены кампании против «социалистических стран, начиная с Советского Союза, против сил социализма и прогресса». Подчеркнуто, что эти кампании имеют целью дискредитировать политику и идеалы коммунистов в глазах народных масс. Однако в документе не говорится о ясном отказе от «антисоветизма», чего требовало просоветское направление.

4. Наконец, важное значение для Советского Союза имела ссылка на «решающую роль» социалистических стран в обеспечении мира и углублении разрядки напряженности. Этому вопросу советское руководство придавало большое значение. Однако оно не сумело добиться четкого признания особой роли в этом деле Советского Союза.

Но в обмен на эти желанные формулировки руководство Кремля было вынуждено пойти и на значительные уступки еврокоммунистам. В результате в итоговом документе впервые нашли отражение следующие идеи еврокоммунистов.

1. Конференция европейских компартий не была провозглашена подготовительным этапом международного коммунистического совещания. О таком совещании в берлинском документе вообще не говорилось. Тем самым советское руководство не получило «благословения» на созыв в ближайшем будущем четвертого международного коммунистического совещания.

2. В итоговом документе отсутствует осуждение маоизма, что имело бы очень важное значение для советского руководства.

3. Советскому руководству впервые пришлось ясно признать принцип консенсуса, который фактически предоставлял право вето каждой партии при формулировании совместных решений.

4. Советский Союз был вынужден согласиться на включение в документ положений о строгом соблюдении равноправия и суверенной независимости каждой партии, невмешательстве во внутренние дела, уважении свободы выбора различных путей в борьбе за прогрессивные общественные преобразования и за социализм.

5. Советскому руководству и его сторонникам не удалось добиться включения в документ политико-идеологических целевых установок, поскольку в нем речь идет только о намерениях компартий применительно к актуальным вопросам политической борьбы.

6. Не удалось добиться и желанного для Кремля осужде-

ния «антисоветизма». Положение об антикоммунизме было сформулировано совершенно по-новому: «Коммунистические партии не рассматривают как антикоммунистов всех, кто не согласен с их политикой или выступает с критических позиций по отношению к их деятельности». То, что впервые проведено такое различие между противниками и критиками, является, по моему мнению, самым значительным результатом конференции.

7. Вместо боевого союза с другими политическими партиями и силами под руководством марксистско-ленинской партии, за что обычно выступают Советский Союз и советское направление, в берлинском документе говорится о сближении, взаимопонимании и сотрудничестве самых широких политических и общественных сил, о диалоге между коммунистами и всеми другими демократическими силами без какой-либо претензии на руководство. В нем выражается готовность коммунистов «внести свой вклад в равноправное сотрудничество со всеми демократическими силами».

8. Во внешнеполитической сфере конференция европейских коммунистов высказалась не только за расширение торговли между Востоком и Западом, за сотрудничество в области культуры, науки и техники, но и за сотрудничество в области «информации и контактов между людьми в целях лучшего взаимного ознакомления и укрепления доверия, дальнейшего сближения европейских стран и народов, духовного обогащения жизни людей при полном уважении равноправия».

9. Особо была отмечена — явно по желанию Югославии — положительная роль, которую играют в мире неприсоединившиеся страны.

10. Не было упомянуто важное для Советского Союза в качестве идеологического оправдания понятие «пролетарский интернационализм».

11. Впервые, несмотря на желание Советского Союза, не говорится о марксизме-ленинизме как едином учении для всех, а только упоминается об учении Маркса, Энгельса и Ленина.

12. Более сильно, чем в каком-либо предыдущем документе международного коммунистического движения, сделан акцент на основных правах и политических свободах.

Различия в оценке конференции коммунистических и рабочих партий

Все западные эксперты по коммунизму отмечали, хотя и с заметными различиями в акцентах, рост значения еврокоммунизма и серьезность уступок ему со стороны Советского

Союза. Эксперт социал-демократической газеты «Форвертс» по делам Востока Вальтер Остен особо выделил тот факт, что впервые с момента создания Интернационала на страницах ортодоксального центрального партийного органа — в данном случае газеты «Нойес Дойчланд» — опубликованы полные тексты оппозиционных речей, а это наверняка не останется без последствий для всех компартий. Государственно-политический авторитет Советского Союза, по мнению Остена, не пострадал от исхода конференции, но, пожалуй, стал более ограниченным радиус действия советской компартии¹⁷¹. Руководитель восточноевропейской редакции радиостанции «Дойче велле» Бото Кириш высказал мнение, что восточноберлинская конференция разрушила единство международного коммунистического движения так же, как Вормсский рейхстаг разрушил единство римско-католической церкви¹⁷². Эксперт газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Виктор Майер выразил опасение, что советские руководители едва ли смиряются на длительное время с нынешним положением дел в мировом коммунизме. По его словам, следует ожидать, что Советский Союз попытается теперь добиться расширения сотрудничества внутри Восточного блока, а это уже вскоре могли бы почувствовать на себе прежде всего Румыния и Югославия¹⁷³.

Сотрудник Федерального института по изучению Востока и международных проблем в Кёльне Гейнц Тиммерман, который много лет занимается изучением итальянской и французской компартий, высказал точку зрения, что восточноберлинская конференция означает конец исходившей от Москвы концепции единого европейского коммунизма. Попытка советской компартии привязать некоторые западноевропейские компартии идеологически и политически к социалистическому лагерю скандально провалилась. Но, подчеркнул Тиммерман, «если КПСС однажды обнаружит, что концепции и деятельность еврокоммунистов с точки зрения перспективы приносят ей скорее вред, чем пользу, то следует считаться с драматическим развитием отношений между контролируемым Советами Востоком и, конечно, никак не едиными западными коммунистами»¹⁷⁴. Ганс-Якоб Штеле писал в еженедельнике «Ди цайт», что после конференции повзрослели не только еврокоммунисты, но и просоветские коммунисты. Их детская вера в мировой коммунизм растворилась в великорусской традиции. По мнению Штеле, восточноберлинская конференция создает для Москвы угрозу ослабления ее влияния, ибо теперь и в Восточной Европе кое-кто может потребовать того, что уже разрешено западным коммунистам, а именно прав для взрослых¹⁷⁵.

Более скептический характер носила оценка известного английского эксперта по делам Востока Виктора Зорзы, ко-

торый видел в восточноберлинской конференции лишь завершение первого этапа исходного плана Кремля, состоявшего в созыве международного совещания коммунистических и рабочих партий. Рассматриваемая под этим углом зрения, коммунистическая конференция в Восточном Берлине не является, по мнению Зорзы, таким крупным поражением для Кремля, как может показаться на первый взгляд: она для него лишь прелюдия к новому международному совещанию, на котором независимым силам будет значительно труднее. Нельзя забывать, резюмировал Зорза, что руководство Кремля действует медленно и методично, шаг за шагом продвигаясь к своей цели¹⁷⁶.

Оптимистичнее всех оценил конференцию еврокоммунист профессор Роберт Хавеман, проживающий в ГДР. Он писал, что после этой конференции КПСС окончательно утратила возможность играть в обязывающей всех форме руководящую роль в международном коммунистическом движении. Отныне ясно, что еврокоммунисты отклоняют и строго осуждают любое вмешательство во внутренние дела другой партии и другой страны. На этой конференции, как считает Хавеман, была погребена доктрина Брежнева об ограниченном суверенитете, которая была призвана оправдать нападение на ЧССР. Большое значение берлинской конференции состоит также в том, что она покончила со всеми стремлениями к гегемонии одной партии. Эта гегемония советской компартии ликвидирована не только по отношению к коммунистическим партиям Запада, но и по отношению ко всем партиям Европы, в том числе и по отношению к партиям государств Восточного блока¹⁷⁷.

Итоги конференции обсуждали также троцкисты и маоисты. По мнению троцкистов, восточноберлинская конференция была просто похоронами: земле предали притязание советской компартии на руководство международным коммунистическим движением. Конференция завершилась крахом для КПСС и полным успехом для еврокоммунистов Югославии, Италии, Франции, Испании и Румынии. Эта конференция является вехой в процессе распада и загнивания сталинизма¹⁷⁸. Маоисты, напротив, считали, что хотя «социал-империалисты» из советского руководства и столкнулись с большими трудностями, а проведение международного коммунистического совещания и стало практически невозможным, но тем не менее неверно говорить о полном поражении «социал-империалистов» или о победе еврокоммунистов. Уже один тот факт, что конференция, несмотря на все противоречия, все же состоялась, является выигрышем для Брежнева. Словесными компромиссами советским ревизионистам удалось — при всех издержках — избежать открытого разрыва и сохранить свое притязание на руководство¹⁷⁹.

Сразу после восточноберлинской конференции советское направление стало предпринимать попытки к толкованию ее решений в своем духе. Во многих советских и просоветских комментариях на первый план выдвигалось то, что должно было бы произойти в соответствии с желаниями Советского Союза. Так, неизменно заявлялось, что конференция подтвердила общие закономерности на пути к социализму, высоко подняла знамя коммунистического единства, резко осудила антикоммунизм и прежде всего антисоветизм, разработала программу совместных действий и подтвердила руководящую роль передового отряда международного коммунистического движения — КПСС¹⁸⁰. Кроме того, была предпринята попытка вновь выдвинуть на первый план руководящую роль советской компартии. Многократно подчеркивалось, что Советский Союз является первой страной, совершившей социалистическую революцию, поэтому он располагает самым большим опытом строительства социализма и вносит также величайший вклад в изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма. Делался вывод, что ни одна компартия не вправе недооценивать опыт советской компартии, а единство под советским руководством является насущной необходимостью¹⁸¹.

В то же самое время еврокоммунисты отмечали в своих комментариях, что величайшая заслуга конференции состоит в том, что она четко выявила различия между компартиями и подчеркнула их независимость. Приходится сожалеть, подчеркивалось в комментариях, что теперь предпринимаются попытки постфактум толковать именно те положения, которые не были приняты на берлинской конференции. Еврокоммунисты протестовали против толкования советскими идеологами всех новых идей как рафинированных форм буржуазного влияния¹⁸². И действительно, советские идеологи пытались дискредитировать еврокоммунизм в идеологическом отношении как современную форму правого ревизионизма, не вдаваясь в анализ его подлинных концепций. Стало ясно, что советские идеологи не заинтересованы вести с еврокоммунистами серьезную дискуссию.

Эти разногласия между просоветскими коммунистами и еврокоммунистами, возникшие после восточноберлинской конференции, усилились с осени 1976 года в связи с убийством на границе ГДР водителя итальянского грузовика Бенито Корги, члена ИКП, и высылкой из ГДР Вольфа Бирмана. Против лишения Бирмана гражданства резко протестовали прежде всего итальянские, французские и испанские коммунисты, заявлявшие, что он лишь пользовался своим законным

правом на критику, но постоянно выступал за социализм. Они подчеркивали, что в условиях социалистической демократии писатели и художники должны иметь свободу слова даже тогда, когда их критика и их произведения не соответствуют взглядам правительства¹⁸³. Бирман был позднее приглашен в Италию и Испанию, где выступал на предвыборных собраниях итальянских и испанских коммунистов, и в конце концов — после длительного разговора с Каррильо—вступил в Компартию Испании¹⁸⁴. Действия властей ГДР против Роберта Хавемана также обострили обстановку. Член ЦК ИКП Лучио Ломбардо-Радиче заявил в одном интервью, что Бирмана и Хавемана надо считать еврокоммунистами¹⁸⁵.

Еврокоммунисты и движение за гражданские права в ЧССР и Польше

Весной 1977 года еврокоммунисты вновь обратились к событиям в Восточной Европе. Оппозиционные реформистские движения в Чехословакии и Польше вступили в новую фазу. Если до начала 70-х годов эти движения зачастую действовали изолированно друг от друга, выдвигая на первый план собственные идеологические взгляды и политические цели, то с 1976 года они начали все чаще вести совместную борьбу за осуществление прав человека. Важным импульсом для этого послужили решения конференции в Хельсинки, тем более что Заключительный акт этой конференции был подтвержден и опубликован всеми подписавшими его правительствами. В октябре 1976 года чехословацкое правительство также подписало и опубликовало ряд международных соглашений о правах человека. Борьба за соблюдение этих прав стала главным направлением деятельности сил, стремившихся к либерализации и демократизации. На этой почве возникло новое движение — «хартия-77». Это движение считало и продолжает считать себя свободным, неформальным и открытым сообществом людей различных религиозных убеждений и профессий, которые чувствуют себя связанными стремлением вести борьбу в одиночку и совместно за соблюдение прав человека и гражданина в Чехословакии.

Уже в первом заявлении «хартии-77» сказано, что поскольку Чехословакия подписала международную конвенцию о гражданских и политических правах, которая была подтверждена летом 1975 года в Хельсинки, то и в Чехословакии каждый гражданин имеет право действовать в соответствии с этой конвенцией.

Приветствуя присоединение Чехословакии к этой конвенции, подписавшие хартию одновременно указывали и на факты ее нарушения в ЧССР:

а) сотням тысяч граждан Чехословакии отказывают в

свободе от страха, как она четко зафиксирована в конвенции, поскольку они живут под постоянной угрозой потерять работу вследствие выражения собственных взглядов;

б) молодые люди лишаются права на образование, если их родители высказывают взгляды, которые не одобряются;

в) подавляется свобода слова, что противоречит подписанной конвенции. Отсутствует возможность обнародовать свои политические, философские и научные концепции или художественные идеи, если они хотя бы немного выходят за узкие рамки официальной идеологии или эстетики;

г) нет публичной критики общественных явлений;

д) отсутствует возможность публичной защиты от ложных и оскорбительных обвинений;

е) подавляется свобода вероисповедания;

ж) из-за системы подчинения всех учреждений и организаций политическим директивам аппарата правящей партии невозможна свобода выражения мнений;

з) подавляются основные права, признание которых скрепило своей подписью чехословацкое правительство, в том числе свобода собраний, отмена всяких ограничений, равное право участия в общественных делах, равенство перед законом и право на забастовки;

и) несмотря на запрещение вмешательства в личную жизнь граждан, министерство внутренних дел контролирует ее самыми различными способами, например путем подслушивания телефонных разговоров и установки скрытых микрофонов в квартирах, проверки почты, личной слежки, обыска жилищ, расширения сети осведомителей среди населения, а часто также путем угроз или посулов¹⁸⁶.

«Хартию-77» подписало большое число представителей чехословацкой культурной жизни (писатели, доценты, философы, теологи), в том числе ведущие представители «пражской весны». Среди подписавших были Милан Хюбл, Иржи Гаек, Зденек Млынарж, Франтишек Кригель, Людвик Вацулик, Александр Климент, Иржи Колар, Вацлав Хавел, Ярослав Зейферт, Зденек Урбанек, Павел Когоут, Владимир Кадлец, Иржи Ледерер, Ладислав Хейданек, Эрика Кадлецова и другие¹⁸⁷.

С обнародованием «хартии-77» впервые появилась широкая платформа, на основе которой смогли объединиться различные группы и течения чехословацкой оппозиции во имя общей цели — защиты гражданских прав и свобод, гарантированных международными соглашениями, в том числе Заключительным актом Хельсинки, а также чехословацкой конституцией и чехословацкими законами.

Но уже несколько дней спустя полиция задержала группу граждан, направлявшихся в высшие государственные органы для личного вручения документа с оригиналами подписей.

Документ был конфискован, а против «хартии-77» началась массированная кампания. Многие из подписавших ее были вызваны в полицию, начались обыски, некоторые известные лица из числа подписавших хартию, в том числе писатель Вацлав Хавел, были арестованы, преподавателей высших учебных заведений увольняли только за то, что они поставили свою подпись под «хартией-77».

Эти насильственные меры чехословацких властей вызвали такие сильные протесты со стороны еврокоммунистических партий, каких не было со времени оккупации Чехословакии 21 августа 1968 года. А итальянские и испанские коммунисты выражали свои протесты даже неоднократно. Среди партий, выступивших с протестами, были также компартии Бельгии, Великобритании, Греции (внутреннее направление), Швеции, Швейцарская партия труда и, наконец, даже Компартия Дании, которая до тех пор относилась к просоветскому направлению. Все названные партии выразили глубокую озабоченность полицейскими мерами запугивания и протестовали против приписывания «хартии-77» подрывного характера, поскольку она выступила лишь за права человека, гарантированные в Заключительном акте Хельсинки. Эти партии выразили также солидарность с подписавшими «хартию-77», обвинив правительство ЧССР в антисоциалистических действиях ¹⁸⁸.

Примечательно, что сторонники «хартии-77» в свою очередь апеллировали к еврокоммунистам. Притесняемые реформисты Чехословакии просили поддержать их борьбу против насильственных мер пражских властей и обратиться к чехословацким руководителям с призывом действовать в соответствии с духом восточноберлинской конференции. Письмо к еврокоммунистическим партиям по этому вопросу подписали бывший министр иностранных дел Иржи Гаек, бывшие члены секретариата ЦК КПЧ Зденек Млынарж, Вацлав Славек, Богумил Шимон и Йозеф Шпачек, а также бывший член Президиума ЦК КПЧ и председатель Национального фронта Чехословакии Франтишек Кригель ¹⁸⁹. Итальянские коммунисты опубликовали это обращение, отметив, что кампания против подписавших хартию лиц дискредитирует социализм не только в Чехословакии, но и во всей Европе и что речь идет о проблеме, которая касается всего коммунистического движения.

Когда Зденек Млынарж в конце концов получил разрешение на выезд из Чехословакии и прибыл в Рим, то он выразил благодарность ИКП за настойчивые усилия, предпринимаемые для сохранения чехословацкого вопроса на повестке дня ¹⁹⁰.

Еврокоммунисты морально поддерживали также развитие движения за права человека в Польше. Подготовка и опубликование новой польской конституции, в которой были недвусмысленно закреплены руководящая роль партии и тес-

ные связи с Советским Союзом, явились поводом для 59 видных представителей польской интеллигенции выступить в конце декабря 1975 года с открытым письмом. Ссылаясь на Заключительный акт Хельсинки, они требовали в этом письме восстановления демократических свобод в Польше. Последующие столкновения с властями привели к появлению нового документа — открытого письма известного экономиста-марксиста Эдварда Липиньского и бывшего министра просвещения Владислава Бинковского. Значительное повышение цен на продукты питания в июне 1976 года вызвало беспокойство среди населения и забастовки рабочих. Хотя повышение цен и было отменено, но уже вскоре дело дошло до арестов басовавших рабочих и вынесения суровых приговоров. Письма протеста против действий полиции и судов подписали сотни рабочих. Затем был создан Комитет в защиту рабочих (КОР), в который вошли видные представители интеллигенции, в том числе известный польский писатель Ежи Анджеевский, экономист Эдвард Липиньский и историк критическо-марксистского направления Яцек Куронь. Этот комитет был первой значительной попыткой в Польше установить связи между представителями интеллигенции и рабочими. Комитет получил также морально-политическую поддержку от еврокоммунистов Запада, хотя и в несколько меньших масштабах, чем рассчитывал.

*Мадридская встреча руководителей движения
еврокоммунистов (март 1977 года)*

Наконец, большое значение для дальнейшего развития еврокоммунизма имела состоявшаяся в Мадриде встреча Сантьяго Каррильо, Энрико Берлингуэра и Жоржа Марше. Инициатива проведения этой встречи исходила от Сантьяго Каррильо. После завершения трехсторонних переговоров было опубликовано совместное заявление, в котором в качестве решающих предпосылок «для развития Испании в направлении демократии» выдвигались требования скорейшей легализации Компартии Испании, проведения свободных выборов и освобождения всех политических заключенных.

Итальянские, французские и испанские коммунисты подчеркнули необходимость широкого сотрудничества политических и социальных сил с целью осуществления глубоких демократических реформ. Кроме того, три партии выступили за плюралистическую модель социализма, причем при опубликовании этого заявления в «Правде» и других газетах Восточного блока были опущены следующие фразы: «Коммунисты Испании, Франции и Италии хотят ради создания нового общества действовать в условиях многообразия политических и общественных сил при соблюдении, гарантировании и разви-

тии всех коллективных и личных свобод: свободы слова и мысли, свободы печати и собраний, свободы организаций, свободы демонстраций, свободы передвижения людей внутри страны и за рубежом, независимости профсоюзов и права на забастовки, неприкосновенности личной жизни, соблюдения всеобщего избирательного права и возможности демократической смены большинства, религиозной и культурной свободы и свободы различных течений и взглядов в философии, культуре и искусстве. Этим стремлением реализовать идею социализма в условиях демократии и свободы пронизаны концепции, разработанные тремя партиями при соблюдении полной независимости».

В заключение три партии указали на значение существования свободной Испании для Европы. Они отметили, что для развития демократии и прогресса необходимы диалог, согласие и взаимопонимание между коммунистами, социалистами и христианскими силами ¹⁹¹.

Единственной газетой Восточного блока, опубликовавшей полный текст заявления участников мадридской встречи, в том числе и положений о плюралистической, свободной модели социализма, был центральный орган СЕПГ «Нойес Дойчланд». Уже с лета 1976 года СЕПГ ограничивается перепечаткой советских нападок на еврокоммунистов, воздерживаясь от изложения собственной позиции. Публикацию полного текста указанного заявления еврокоммунистов Юрген Рюле объясняет желанием руководства СЕПГ не обострять чрезмерно конфликта с еврокоммунистами, тем более что руководство ГДР стоит перед проблемой защиты собственной страны от неоколониалистской эксплуатации со стороны Советского Союза ¹⁹².

Встреча еврокоммунистических руководителей в Мадриде получила настолько широкий отклик в среде мировой общественности, что просоветские правящие партии решили предпринять контрмеры. Вслед за встречей руководящих деятелей просоветских партий в Софии в конце апреля 1977 года в Праге собралось своеобразное «контрсовещание», до уровня которого советская сторона неожиданно подняла рядовое совещание в редакции просоветского международного журнала «Проблемы мира и социализма». Просоветские партии направили на это совещание своих высших руководителей — членов Политбюро и секретарей ЦК, а 9 мая 1977 года «Правда» в статье, занявшей три колонки, сообщила о «важной политической встрече коммунистов».

Просоветские ораторы говорили на этой встрече обо всем, чего не удалось достигнуть на конференции коммунистических и рабочих партий в Берлине, прежде всего о пролетарском интернационализме и об осуждении кампании в защиту прав человека, предостерегали от опасности «правого ревизи-

онизма», подчеркивали достижения «реального социализма» и отвергали всякую самостоятельность партий.

Еврокоммунисты сразу же ответили на это. Коммунисты Италии, Франции, Испании и других стран заявили, что в данном случае речь идет лишь о редакционном совещании, на котором происходит обычное периодическое обсуждение работы журнала и направления его публикаций на последующее время, и что поэтому следует отклонить попытку обсуждать на таком совещании вопросы, которые не имеют отношения к журналу¹⁹³. На самом совещании представители ИКП и другие еврокоммунисты осуждали необъективное освещение на страницах журнала проблематики еврокоммунизма. Итальянские коммунисты подчеркивали, что журнал должен быть «органом объективной информации о политике и взглядах каждой партии»¹⁹⁴.

*Полемическое выступление Москвы против книги Каррильо «Еврокоммунизм и государство» **

В период проведения встречи еврокоммунистов в Мадриде и «контрсовещания» просоветского направления в Праге в Испании вышла в свет в апреле 1977 года книга Сантьяго Каррильо «Еврокоммунизм и государство». Вскоре после этого в югославской газете «Внесник» появилась первая подробная рецензия на книгу. Затем появились немецкий и французский переводы книги, а итальянский перевод вышел в партийном издательстве ИКП.

Книга Каррильо представляет собой попытку разработать марксистскую теорию государства, которая отвечала бы нынешним условиям, существующим в промышленных государствах. Дав интересный анализ роли государственного аппарата в западных промышленных государствах, Каррильо доказывает, почему для развитых капиталистических стран Западной Европы больше не применимы ленинские тезисы 1917 года. По его мнению, Ленин в своих работах «Государство и революция» (1917) и «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918) недооценил значение демократии, безапелляционно представив диктатуру пролетариата единственной формой перехода к новому обществу. Однако после горького опыта фашизма и сталинизма к оценке значения демократии необходимо подходить иначе, надо считать ее решающим компонентом не только на пути к социализму, но и основополагающей составной частью социалистического общества.

Вследствие экономической отсталости, продолжал свою ар-

* В отличие от западногерманского издания, на которое ссылается В. Леонхард, испанский оригинал книги С. Каррильо имеет название «„Еврокоммунизм“ и государство». — *Прим. ред.*

гументацию Каррильо, Советский Союз был вынужден осуществить в кратчайшие сроки индустриализацию страны. Это привело к возникновению бюрократии, у которой появились свои интересы и которая стала потом располагать неограниченной и почти бесконтрольной властью в самых различных сферах жизни. Нынешний тип государства в СССР хотя и не является капиталистическим, но о нем нельзя говорить и как о государстве рабочей демократии ленинского типа. Такая структура государства уже стала препятствием для дальнейшего развития социализма, и теперь надо путем серьезных и глубоких преобразований превратить этот тип государства в подлинную демократию рабочих¹⁹⁵.

Однако этот значительный теоретический труд Каррильо едва ли вызвал бы такой интерес, если бы советский журнал «Новое время» неожиданно не выступил в июне 1977 года с резкими нападками на генерального секретаря Компартии Испании. В пространной статье этого журнала не затрагивался ни один вопрос, поднятый в книге Каррильо, а содержались лишь предостережения от изощренных и коварных действий врагов коммунизма, направленных на «разобложение антиимпериалистических сил, на подрыв коммунистического движения». Термин «еврокоммунизм», говорилось в статье, является неправильным, поскольку существует только «один-единственный коммунизм». Этот термин используется лишь в целях клеветы на реальный социализм и Советский Союз. Каррильо обвиняли в том, что он поддерживает вступление Испании в НАТО, «то есть в тот самый агрессивный блок, главное содержание которого — подготовка к войне с Советским Союзом и странами социализма». (Каррильо в своей книге не высказывается за вступление Испании в НАТО.) Его книга, утверждалось далее в статье, имеет целью расколоть демократические силы и коммунистическое движение Европы, в результате чего «западноевропейское демократическое и коммунистическое движение должно пойти по какому-то весьма сомнительному «третьему» или «среднему» пути где-то между капитализмом и социализмом». Выступление Каррильо за преобразование советской системы было охарактеризовано «Новым временем» как попытка «ослабления Советского Союза» и «вмешательства в дела другой партии». Было заявлено, что отстаивание им идей коммунизма «отвечает исключительно интересам империализма, сил агрессии и реакции»¹⁹⁶.

Эти нападки «Нового времени» на Каррильо касались, следовательно, не столько самой книги, сколько ее автора: их целью было дискредитировать генерального секретаря Компартии Испании. Незадолго до этого в Испании состоялись первые после Гражданской войны свободные выборы, на которых Компартия Испании получила только 9,4 процента голосов избирателей. Из Советского Союза возвратилась на ро-

дину Долорес Ибаррури. Советское руководство явно рассчитывало, что в Компартии Испании существует недовольство партийным руководством в связи с относительно слабыми результатами, достигнутыми партией на выборах, и что, возможно, удастся заменить Каррильо и таким путем вернуть Компартию Испании опять на просоветские позиции. Poleмика в советской печати против Каррильо вызвала волну протестов среди европейских коммунистов. Компартия Испании сразу же заявила, что книга Каррильо служит только поводом и что нападки на самом деле направлены против всей Компартии Испании и ее принципиальной ориентации на демократический путь к социализму. Настало время, подчеркнула КПИ, отказаться от подмены научного анализа возникающих проблем анафеомой и отлучением¹⁹⁷.

Надежды советского руководства на раскол Компартии Испании не оправдались. На расширенном пленуме ЦК КПИ с участием 130 членов ЦК и 180 других руководящих функционеров был сформулирован резкий ответ Москве. Этот ответ, против которого был подан всего лишь один голос, подписали не только Каррильо, но и Долорес Ибаррури и ряд других функционеров, которые служили ранее в Советской Армии в качестве офицеров и часть которых боролась во время второй мировой войны за Советский Союз в тылу германских войск¹⁹⁸. В полемику включилась вся мировая печать, и Каррильо воспользовался открывшейся возможностью для того, чтобы в интервью для печати еще более четко изложить свою позицию. При этом он еще раз отрицал, что поддерживает вступление Испании в НАТО, уточняя: «Я всегда говорил, что Испания не должна вступать в НАТО, и в моей книге ясно выражено мое отношение к этой организации. Мы утверждали только, что не выступаем против сохранения американских баз в Испании». В Мадриде Каррильо заявил журналистам, что он хотел бы предложить Москве провести публичную дискуссию о тезисах его книги и о проблемах социализма. Одной из тем этой дискуссии, сказал он, мог бы быть, наконец, и вопрос о точном определении того типа государства, какой представляет собой в настоящее время Советский Союз¹⁹⁹.

Все еврокоммунистические партии поддержали позицию Компартии Испании. Итальянская компартия, Союз коммунистов Югославии, Компартия Бельгии, Швейцарская партия труда и руководитель Румынской компартии Чаушеску отвергли советские обвинения. Они утверждали, что Советский Союз пытается подменить деловую дискуссию с испанскими коммунистами выдвижением в их адрес обвинений в ревизионистских грехах. Ряд еврокоммунистов высказывал мнение, что нападки против Каррильо в действительности направлены против всех еврокоммунистических партий²⁰⁰.

Через несколько дней после появления статьи «Нового времени» делегация Итальянской компартии во главе с Пайеттой провела в Москве переговоры с советским руководством. После возвращения Пайетта заявил, что переговоры в Москве были полезными и откровенными, что по некоторым вопросам по-прежнему сохраняются разногласия и что в Москве было изложено отрицательное отношение ИКП к выступлению «Нового времени» против Каррильо²⁰¹. Французская компартия заявила, что, несомненно, можно иметь разное суждение об отдельных главах книги Каррильо и критиковать их, но нельзя прибегать к анафеме и оскорблениям. Такой путь не способствует необходимой дискуссии в международном коммунистическом движении²⁰². Но особенно примечательным было заявление одного югославского журнала, который сравнивал нападки «Нового времени» на Каррильо с нападками Сталина на Югославию весной 1948 года:

«Повторяется ли на самом деле бесславная история?.. Доверительный обмен письмами в 1948 году сменяет теперь редакционная статья... Вместо проведения официального заседания группы партий (Коммунистического информационного бюро в 1948 году) правоверные партии выступают с отдельными заявлениями... Тем не менее все идет не так, как ожидалось... Компартия Испании теперь не одинока, как в свое время была югославская партия. И сопротивление гораздо шире и ощутимее. Нет Сталина, нет возможности для блокады и вооруженного нажима, и, наконец, в сообществе социалистических государств не все так едино, как прежде. До сих пор о своей явной поддержке заявили только три партии — компартии Чехословакии и Болгарии, а также СЕПГ, причем третья, СЕПГ, ограничилась передачей точки зрения Москвы, но без собственного комментария. Нельзя говорить о разногласиях между Москвой и Мадридом. В сущности, это борьба между двумя различными позициями и точками зрения на отношения между партиями и на будущее международного коммунистического движения — борьба, к которой никто не может оставаться равнодушным»²⁰³.

III

ЕВРОКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: МОДЕЛИ ОБОСОБЛЕНИЯ И ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ

Глава 1

Итальянская коммунистическая партия: процесс изменений за два десятилетия

При рассмотрении эволюции Итальянской коммунистической партии представляются особенно характерными три момента: а) ИКП является крупнейшей массовой партией за пределами тех стран, в которых коммунисты находятся у власти; б) процесс освобождения от влияния Москвы и переориентации в духе сеподняшнего еврокоммунизма происходит вот уже в течение более чем двадцати лет постоянно и без драматических перемен в руководстве партии; в) в отличие от других еврокоммунистических партий в ИКП на протяжении всего этого времени удавалось избегать сколько-нибудь значительного раскола.

ИКП с 1945 года до смерти Сталина в 1953 году

Послевоенное развитие началось для ИКП с того времени, когда был свергнут Муссолини и в начале сентября 1943 года правительство Бадольо подписало перемирие с союзниками. Сразу же после этого ИКП стала принимать активное участие на юге Италии в зарождавшейся там демократической жизни, в то время как на севере страны, который все еще был оккупирован немцами и сторонниками Муссолини, она оставалась решающей силой движения Сопротивления. Ее возглавлял в то время Пальмиро Тольятти, который весной 1944 года вернулся в Италию из Москвы.

Тольятти родился в марте 1893 года в Генуе. Выходец из среды буржуазии, он с самой ранней юности принимал участие в социалистическом движении. В 1920 году он был уже секретарем туринской секции соцпартии. После раскола итальянских социалистов, происшедшего в январе 1921 года на конгрессе в Ливорно, он стал одним из основателей Итальянской коммунистической партии. С мая 1922 года Тольятти был уже членом ее Центрального Комитета. В 1924 году он в первый раз посетил Советский Союз, а летом того же года принял участие в работе V конгресса Коминтерна. После возвращения в Италию он в 1925 году был на несколько месяцев арестован, но уже в январе 1926 года принял участие в важном съезде ИКП, состоявшемся в Лионе, и после этого в течение многих лет являлся представителем ИКП в Москве, в

том числе и ее представителем на конгрессе Коминтерна летом 1935 года. В течение многих лет Тольятти под псевдонимом Эрколи был членом Президиума и Секретариата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Начало большой чистки застало его в Москве, однако в июле 1937 года его послали в Испанию в качестве представителя Коминтерна. Во время Гражданской войны в Испании Эрколи был там главным представителем Коминтерна. С марта 1939 года он из Парижа осуществлял руководство ИКП. Летом 1939 года он был арестован, но в феврале 1940 года, выйдя из тюрьмы, через Бельгию перебрался в Москву, где возглавил советское радиовещание на Италию. В мае 1943 года он вместе с другими ведущими деятелями Коминтерна подписал решение о роспуске Коммунистического Интернационала.

Возвратившись в апреле 1944 года в Италию, Тольятти провозгласил так называемый Салернский поворот. Отложив в сторону решение вопроса о том, быть Италии монархией или республикой — вопроса, по которому в то время велись горячие дискуссии, — он призвал всех итальянцев к борьбе против фашизма. Он подчеркнул, что именно поэтому ИКП готова также поддержать правительство Бадольо. Намерением Тольятти было превратить ИКП в массовую партию, члены которой не обязательно должны были быть приверженцами марксизма, в партию, не ставящую перед собой антирелигиозных или антиклерикальных целей. Тем самым имелось в виду сделать партию открытой также и для католиков. Тольятти сам продемонстрировал конструктивное сотрудничество с правительством Бадольо, находясь некоторое время на посту министра юстиции.

Когда в январе 1946 года ИКП созвала свой V съезд, она уже насчитывала 1,7 миллиона членов. На первых послевоенных выборах, состоявшихся в июне 1946 года, ИКП получила 18,9 процента голосов и соответственно 140 мест в парламенте. Тем самым она стала третьей после христианских демократов и социалистов партией в стране. Решающую роль в дальнейшем развитии сыграло то, что итальянские коммунисты активно сотрудничали при разработке итальянской конституции. Тем самым ИКП с самого начала принадлежала к «партиям, находящимся в рамках конституции» — понятие, которое и сегодня применяется в Италии. Одновременно ИКП — в отличие от других левых партий — с самого начала серьезно относилась к своим взаимоотношениям с церковью. В отличие от социалистов ИКП выступала за возобновление заключенных между Ватиканом и итальянским государством договоров («Латеранские договоры») и включение их в новую конституцию. Лишь с началом холодной войны ИКП в мае 1947 года была исключена из итальянского правительства.

Начиная с 1948 года ИКП во внутривнутриполитическом плане являлась оппозиционной партией, а в своих международных позициях подвергалась в условиях холодной войны усиленному давлению со стороны советского руководства. Несмотря на это, Тольятти стремился, насколько было возможно, сохранить реалистическую внутривнутриполитическую концепцию и проводить ее в жизнь. Однако он был вынужден связать этот курс с требованиями Москвы о похвалах в адрес Советского Союза и о поддержке советской внешней политики. На состоявшемся в ноябре 1949 года в Будапеште втором совещании Коминформа Тольятти произнес речь, в которой заявлял о необходимости политики широкого сотрудничества, однако одновременно заверял, что итальянские коммунисты будут «следовать великому примеру Советского Союза». Он говорил о «революционной бдительности» в отношении «шпионской банды Тито» и подчеркивал, что все отклонения должны быть беспощадно искоренены¹. Хотя в то время Тольятти в полной мере выполнял все пожелания Кремля, в конце 1950 года Сталин попытался отозвать его из Италии, чтобы сделать его руководителем бюро Коминформ².

Однако усиление просоветского курса натолкнулось в Италии на сопротивление. В начале 1951 года из партии вышли два бывших участника движения Сопротивления и депутата парламента — Альдо Куччи и секретарь федерации ИКП провинции Реджо-Эмилия Вальдо Маньяни. Они заявили, что и в дальнейшем будут выступать на стороне рабочего класса за социализм, но не желают находиться в партии, которая подчиняет себя внешнеполитическим интересам иностранной державы. Этот пример оказался заразительным: сотни рядовых членов партии и функционеров присоединились к Куччи и Маньяни³. Оба «уклониста» были тогда заклеены как «двурушники, состоящие на службе у врага и агентов Тито»⁴. Впоследствии Вальдо Маньяни вновь вступил в ИКП и в настоящее время занимает видный партийный пост.

Несмотря на то что на XIX съезде КПСС — последнем партийном съезде сталинской эры, состоявшемся в октябре 1952 года, — Луиджи Лонго все еще восхвалял Сталина как «зодчего коммунистического общества» и как «учителя и вождя», ИКП удалось избежать существенных поражений, которые в послевоенные годы были уделом других компартий. В июне 1953 года ИКП получила 22,7 процента всех поданных избирателями голосов и смогла послать 153 своих представителя в парламент. Этот прирост голосов может быть объяснен, во-первых, тем, что в Италии вопрос об отношениях между Востоком и Западом и страх перед Советским Союзом играли гораздо меньшую роль, чем в большинстве других стран. Во-вторых, итальянской компартии удалось не только сохранить, но и укрепить свои позиции благодаря кон-

центрации своих усилий на внутривластных вопросах и активному сотрудничеству в восстановлении страны.

*ИКП в период от смерти Сталина до своего VIII съезда
(1953—1956)*

Уже вскоре после смерти Сталина Тольятти стал осторожно переставлять акценты. Осенью 1953 года он выступил за новый единый фронт всех демократических сил, направленный на то, чтобы ограничить господство привилегированного капиталистического класса в промышленности и сельском хозяйстве. Тольятти считал, что республиканская конституция Италии создает политическую основу для такого «всеобъемлющего взаимопонимания всех демократических сил». К этим силам, согласно мнению Тольятти, высказанному им еще в 1953 году, следовало относить не только среднее сословие, но и имущие слои населения, если они «не являются реакционными» и «не противятся проведению необходимых реформ и обновлению нашей политической жизни»⁵. При всем том все еще оставалась в силе ориентация на Советский Союз.

Только на XX съезде КПСС, состоявшемся в феврале 1956 года, Тольятти представилась возможность открыто высказаться в пользу собственного пути к социализму. После возвращения из Москвы Тольятти в марте 1956 года заявил на пленуме Центрального Комитета, что Итальянская коммунистическая партия уже ранее доказала, что она обладает «определенным мужеством». Поиски «собственного итальянского пути развития к социализму», подчеркнул он, всегда являлись предметом неустанных усилий итальянских коммунистов⁶.

В конце мая 1956 года Тольятти первым из руководителей зарубежных компартий вел переговоры в Белграде с Тито. Возвратившись после переговоров с Тито в Италию, Тольятти в середине июня 1956 года дал интервью, в котором пошел значительно дальше в критике Сталина, чем Хрущев на XX съезде КПСС. Он отверг как неудовлетворительный советский тезис о том, что причиной искажений в развитии СССР были личные стороны характера Сталина, и заявил, что усматривает причины сталинизма в «бюрократическом перерождении советского общества». Он призвал советское руководство мужественно и без колебаний осуществить необходимые коррективы. Отталкиваясь от всего этого, Тольятти далее заявил, что советская модель «не может и не должна более рассматриваться как обязательная», что коммунисты всех стран должны исходить из своих собственных национальных традиций и условий и что сама логика развития требует постоянно увеличивающейся автономии. Но это, подчеркнул он, может пойти только на пользу коммунистическому движению,

поскольку внутри самого движения выкристаллизовывается «полицентрическая система». Тольятти отметил, что уже нельзя говорить о едином руководстве движением⁷.

Упреки, которые высказал Тольятти, были отвергнуты советским ЦК. Последовавшие затем события 1956 года — «польский октябрь» и трагедия венгерской революции — привели к выходу из ИКП видных членов партии и функционеров, в том числе Эугенио Реале, представлявшего ИКП на учредительном совещании Коминформа, и Антонио Джиглиотти, который позднее перешел к социалистам и играл видную роль в итальянском правительстве⁸. ИКП тогда не выступила с осуждением советской интервенции в Венгрии. Однако уже начавшийся к тому времени процесс становления самостоятельности нашел свое отражение на VIII съезде партии, который состоялся в декабре 1956 года и явился важнейшим поворотным моментом на пути к нынешней ИКП.

VIII съезд ИКП заявил, что события в Польше и Венгрии выявили существующие в социалистическом лагере трудности, слабые стороны и частично тяжелые ошибки как в развитии экономики, так и в осуществлении социалистической демократии. События в Польше и Венгрии показали, что система социалистических государств должна основываться на признании принципа различия путей развития, ведущих к социализму. И среди социалистических государств суверенитет малых государств тоже не должен ни ограничиваться, ни ставиться под вопрос. Поэтому даже необходимо, чтобы каждая компартия шла своим собственным путем к социализму.

И уже тогда итальянские коммунисты указывали на необходимость отклонения идеи возврата к центральной организации в мировом коммунистическом движении, признав предпочтительными двусторонние отношения между коммунистическими партиями, которые основывались бы на взаимном уважении и на дружественной критике и в процессе которых открыто обсуждались бы все возникающие проблемы. Уже тогда они считали, что должна быть исключена любая форма вмешательства во внутренние дела компартий других стран, а к возможным международным совещаниям должны привлекаться не только коммунисты, и такие конференции не должны принимать обязательные для всех решения. На VIII съезде ИКП осторожно говорилось также об изменениях в представлениях о целях партии. Впервые речь зашла о «новом демократическом и социалистическом обществе», в котором и другие силы «будут играть полезную и прогрессивную роль». Тем самым становится очевидным, что развитие более поздней модели демократического социализма — например, периода «пражской весны» — недвусмысленно уходит своими корнями в решения VIII съезда Итальянской компартии⁹.

Критиковались эти решения итальянских коммунистов тогда прежде всего Французской компартией¹⁰. В своем подробном ответе на эту критику ИКП подтвердила свое представление об итальянском пути к социализму как о «принципиальной цели» и указала на то, что «при продвижении к социализму должны быть в полной мере приняты во внимание условия, существующие в нашей стране». Уже тогда ИКП заявила, что даже если в Италии будет существовать коммунистическое правительство, то оно не национализирует тысячи ремесленных и мелких предприятий, поскольку «Венгрия и Польша показали, куда это ведет, когда делаются подобные глупости»¹¹.

Новое открытие Грамши и развитие ИКП до 1964 года

Интервью, которое Тольятти дал в июне 1956 года, и VIII съезд ИКП перевели стрелки на пути дальнейшего развития партии. Отныне все большую роль стало играть новое открытие теории Антонио Грамши.

Антонио Грамши (1891—1937) был выдающимся итальянским марксистом. С момента основания Итальянской коммунистической партии он являлся членом ее Центрального Комитета. С 1922 по 1924 год он жил в Москве, где имел несколько встреч и дискуссий с Лениным. С января 1926 года он вместе с Тольятти стоял во главе ИКП. В мае 1928 года он был арестован и осужден на 20 лет тюремного заключения. В тюрьме он написал четыре тысячи рукописных страниц, которые в течение долгого времени оставались малоизвестными и только в 50-х годах были как бы вновь открыты. Эти его тюремные записки отличались необычайным многообразием идей. Они включали и философские эссе, и размышления о теории государства Макиавелли, и аналитические обзоры итальянской литературы, и статьи о роли интеллигенции в государстве и обществе, а также о роли церкви. Опубликованы были эти так называемые «Тюремные тетради» Грамши уже в 1947 году. Позднее был издан также сборник писем, которые Грамши писал из тюрьмы. В своих тюремных записках Грамши пытался глубже и теснее привязать марксизм к истории европейской мысли. Практические и политические выводы, к которым он пришел в результате своих размышлений, оказались важными для последующей переориентации ИКП.

Основные идеи Грамши можно кратко сформулировать в виде следующих тезисов:

1. В странах Центральной и Западной Европы необходима стратегия, чем в России в период Октябрьской революции. Иная стратегия необходима прежде всего потому, что для государств Западной Европы характерна иная политиче-

ская надстройка по сравнению с той, какая была в царском государстве во времена Ленина.

2. Маркс, Энгельс и прежде всего Ленин анализировали государство только как инструмент подавления, иными словами, как репрессивный инструмент. Хотя каждое государство претендует на то, что монополия на насилие принадлежит только ему, и в этом отношении представляет собой своего рода диктатуру, государство олицетворяет не только насилие и опирается не только на инструменты власти исполнительных органов и бюрократии, но и, как это имеет место в западноевропейских странах, на многообразие институтов, аппаратов, идей, мнений и предубеждений, что обеспечивает ему по крайней мере пассивную поддержку со стороны значительной части населения. В итоге, согласно Грамши, капитализм в Западной Европе значительно более сложен, чем русское государство до 1917 года. А потому вместо фронтальной атаки, какая имела место в России в 1917 году, в западноевропейских странах необходима позиционная война, постепенный захват передовых позиций противника, завоевание широких масс через посредство новых убеждений, нового образа мышления.

3. Для изменения структуры общества необходима также интеллектуальная и моральная перестройка. В этих условиях особое значение приобретает функция интеллигенции. В западноевропейских странах речь должна идти не о провозглашении руководящей роли рабочего класса и диктатуры пролетариата, а о том, чтобы добиться «гегемонии» рабочего движения, опирающегося на «исторической блок».

4. Указанная «гегемония» рабочего класса в таком «историческом блоке» требует также нового отношения к партии. Партия должна функционировать в качестве «интеллектуального коллектива». В этой связи Грамши критически высказался также в отношении однопартийной системы после победы революции.

5. В противовес Сталину, согласно которому профсоюзы являются всего-навсего приводным ремнем партии, Грамши указывал на независимость профсоюзов. Он уже тогда распознал значение рабочих советов и самоуправления в социалистическом обществе и необходимость дальнейшего развития демократии.

6. Наконец, Грамши указывал также на значение религии, поскольку большинство населения Италии религиозно. Поэтому даже социалистическая Италия должна прийти к соглашению с Ватиканом. От резкого антиклерикализма следует отказаться. Если опираться только на атеистов, то в итальянских условиях всегда останешься в меньшинстве.

В статье «Наш Маркс» Грамши писал, что Маркс не пастырь с палкой, а учитель, помогающий нам преодолеть духовную косность и приобрести такие знания, которые по-

зволяют вести разумную деятельность. вместо того чтобы высасывать из пальца общие фразы¹².

С начала 60-х годов итальянские коммунисты стали все чаще опираться на тезисы Грамши. Обычно боготворимый коммунистами идеал учения Маркса — Энгельса — Ленина шаг за шагом отеснялся на задний план. Его место постепенно занимала независимая духовная ориентация, которая помогала итальянским коммунистам развивать собственные идеи по принципиальным вопросам. Вдохновленные идеями Грамши, итальянские коммунисты первыми осознали после смерти папы Пия XII новые возможности диалога между коммунистами и христианами. На IX партийном съезде ИКП (30 января — 5 февраля 1960 года) говорилось о шагах, направленных на достижение взаимопонимания с католическим миром, и такие шаги рассматривались как одна из предпосылок для итальянского пути к социализму¹³.

Именно итальянские коммунисты осенью 1961 года опять-таки наиболее активно использовали в своих собственных политических целях новые антисталинские заявления, прозвучавшие на XXII съезде КПСС. Тольятти высказался за решительное раскрытие совершенных под руководством Сталина преступлений. Проблема Сталина, отмечал он, выходит далеко за рамки его бесчеловечных действий, она создает фундаментальные проблемы для мирового коммунистического движения. Для итальянских коммунистов возникает прежде всего вопрос о гарантиях от подобных искривлений линии развития в будущем. Такой гарантией, подчеркивал Тольятти, является достижение социализма демократическим путем, который соответствует условиям и традициям собственной страны. Для мирового движения это означает, что не может быть государств или партий, которые изрекают то, что затем должно быть признано всеми¹⁴.

Эта последовательно осуществлявшаяся переориентация, которая включала также критику собственных ошибок, допущенных в прошлом, вызвала резкие нападки со стороны просоветских партий. Руководящие представители ФКП в декабре 1961 года говорили об «определенных оппортунистических и ревизионистских элементах внутри итальянской партии». Они высказывали точку зрения, что тезис о полицентризме отрицает всеобщую применимость марксистско-ленинской теории и что, вместо того чтобы пропагандировать полицентризм, следовало бы опираться на «богатый опыт Советского Союза»¹⁵. Один из руководителей СЕПГ, Герман Аксен, также беспелляционно заявил, что тезис о полицентризме отрицает решающую роль Советского Союза¹⁶.

В течение 1962 года в центре дискуссий находился вопрос об отношении итальянских коммунистов к Европейскому экономическому сообществу. ЕЭС к тому времени достиг-

ло такой стадии становления, что значение сообщества не могло более игнорироваться коммунистами как Востока, так и Запада. В то время как собравшиеся в конце августа — начале сентября 1962 года в Москве коммунистические ученые-экономисты из двадцати трех стран в своем большинстве ограничились нападками на ЕЭС¹⁷, итальянские коммунисты выступили за то, чтобы признать Общий рынок де-факто и противопоставить монополистической интеграции демократическую альтернативу. Уже тогда итальянские коммунисты требовали демократизации европейских институтов, поскольку те — по крайней мере в наднациональной сфере — находятся практически вне какого-либо демократического контроля¹⁸.

В процессе переориентации итальянских коммунистов важную роль сыграл прежде всего Лучано Группи, руководитель идеологического отдела Центрального Комитета ИКП. Летом 1964 года он написал директивную статью, в которой первым из теоретиков западноевропейских компартий острожно отмежевался от некоторых высказываний Ленина. Нельзя, писал Группи, рассматривать все концепции Ленина о государстве и диктатуре пролетариата в качестве незыблемых и универсальных истин. Когда Ленин в 1917 году писал свою работу «Государство и революция», у него перед глазами было тогдашнее русское государство. Поэтому ленинский анализ государства носит односторонний характер. Напомнив, что Грамши определил государство как аппарат гегемонии, Группи указал при этом на важный момент поддержки государства. В нынешней обстановке, отмечал он, парламенты, региональные парламенты, общины, провинциальные органы управления могут с успехом быть использованы для того, чтобы кардинально обновить социальный и государственный строй. Таким путем может быть осуществлен переход к социализму без перерыва в действии конституции, без отказа от демократической законности и ее институтов¹⁹.

Еще большее влияние на европейских коммунистов оказала уже упоминавшаяся «Памятная записка» Тольятти от августа 1964 года. Этот документ, ориентировавший на автономию отдельных компартий, постоянный диалог с инакомыслящими, модель социализма в условиях свободы и на участие трудящихся во всей социальной жизни, сыграл роль, выходящую далеко за рамки обстановки в Италии. Тольятти вновь подвергся критике, прежде всего со стороны просоветской Французской компартии²⁰.

С ответом от имени ИКП выступил тогда Энрико Берлингуэр. Это был первый случай, когда он от имени партии делал заявление по международным вопросам. Касаясь требования о единстве мирового движения, Берлингуэр заявил: «Это должно быть такое единство, которое предполагало бы

коммунистическое движение не как секту, не как церковь, предназначенные исключительно для защиты идеологической чистоты от того или иного «отклонения», а, напротив, как великое политическое движение, которое уже сегодня связано с прогрессивными силами, а завтра должно быть связано с ними еще более тесно»²¹.

*Продолжение курса Тольятти при Луиджи Лонго
(1964—1969)*

Тольятти умер вскоре после того, как завершил работу над своей «Памятной запиской». Новым генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии стал Луиджи Лонго, который до этого был заместителем Тольятти.

Лонго участвовал уже в учредительном съезде партии, состоявшемся в Ливорно в январе 1921 года. После того как в 1923 году власть в стране захватил Муссолини, Лонго был арестован и находился более года в тюрьме. В 1926 году он вошел в состав ЦК, а через пять лет, в 1931 году, и в состав Политбюро. Лонго был одним из руководителей коммунистического движения в Италии. В 1933—1934 годах он представлял ИКП в Коммунистическом Интернационале в Москве, а с 1936 по 1939 год под именем Галло был генеральным инспектором Интернациональных бригад в Испании. Весной 1939 года Лонго эмигрировал во Францию, был там интернирован и затем выдан итальянским властям, которые отправили его в ссылку. После свержения Муссолини в 1943 году Лонго занял высокий пост в руководстве движением Сопротивления в Северной Италии, а с 1945 года являлся заместителем генерального секретаря ИКП. С 1946 года Лонго был депутатом итальянского парламента от ИКП²².

Сразу же после своего вступления в должность генерального секретаря Лонго в большой речи, произнесенной в Милане 18 октября 1964 года, заявил, что будет продолжать курс Тольятти, и при этом сослался на «Памятную записку» Тольятти²³. XI съезд ИКП, состоявшийся в Риме 25—31 января 1966 года, также подтвердил продолжение начатого Тольятти курса. Более четко, чем раньше, прозвучали требования проведения структурных реформ, в том числе земельной реформы и реформы системы народного образования, реформы строительного дела и землепользования. Кроме того, было выдвинуто требование автономии отдельных областей и независимости экономического планирования. Одновременно было заявлено, что подобные реформы могут быть осуществлены только с помощью новой политической группировки. Впервые было указано на то, что речь идет не только об ином пути, но и об иной цели. Новое социалистическое общество «будет не только таким, каким его хотят видеть

коммунисты, но и таким, каким его хотят видеть все те, кто готов помогать строить такое общество»²⁴.

Существенную роль в теоретическом обосновании нового курса сыграл международный конгресс, посвященный Грамши. Он состоялся в Кальяри в апреле 1967 года и был приурочен к 30-й годовщине со дня смерти Грамши. В отличие от аналогичных идеологических конгрессов, проводимых в странах Восточного блока, на конгрессе в Кальяри имела место совершенно свободная научная дискуссия, в которой приняли участие 250 историков, социологов, философов и педагогов из десяти стран. В работе конгресса участвовали специалисты, принадлежащие к различным мировоззренческим и политическим направлениям, среди них профессора самых знаменитых университетов Европы (Оксфорд, Лондон, Эдинбург, Сорбонна, Гренобль, Франкфурт). Из Федеративной Республики Германии прибыл политолог профессор Иринг Фетчер, из Будапешта — Дьердь Лукач, из Варшавы — Адам Шафф. В специальных критических комментариях итальянские коммунисты отметили, что руководство ГДР не выдало выездных виз некоторым из приглашенных на конгресс, в том числе профессору Роберту Хавеману. Работа конгресса подробно освещалась всей итальянской прессой²⁵.

Осенью 1967 года Луиджи Лонго опубликовал свой знаменитый меморандум о единстве в многообразии, в котором хотя и заявил о готовности итальянских коммунистов принять участие в международной коммунистической конференции, но одновременно выдвинул конкретные предложения относительно того, как и в каком направлении должен быть изменен характер мирового коммунистического движения²⁶.

1968 год прошел для итальянских коммунистов под знаком «пражской весны». Уже 12 января 1968 года, еще до знаменитого январского пленума ЦК КПЧ, Итальянская компартия приветствовала начавшееся в Чехословакии развитие, поскольку, как считала ИКП, там на практике велись поиски приемлемых форм руководства социалистическим обществом, что важно не для одной только Чехословакии²⁷. В начале апреля 1968 года Луиджи Лонго заявил на одной из пресс-конференций: «Мы — за плюралистическое государство, которое явилось бы продуктом сотрудничества всех демократических сил, желающих участвовать в деле построения социализма... Социализм в Италии будет таким, каким его хотят видеть те силы, которые принимают участие в его построении... Мы — за самую широкую демократию, в том числе и для тех партий, которые в период построения социализма выражают свое несогласие не только с тем или иным конкретным мероприятием, но и по основным вопросам». В речи на пленуме ЦК ИКП от 27 августа 1968 года Лонго от имени ИКП резко и безоговорочно осудил советскую оккупацию

ЧССР Несколько дней спустя один советский журнал назвал представляемую итальянскими коммунистами концепцию полицентризма «буржуазной концепцией», главное назначение которой состоит в том, чтобы «внести раскол в лагерь социализма»²⁸. Но просоветское направление в мировом коммунистическом движении не ограничивалось одной лишь полемикой в прессе, но и допускало прямое вмешательство. Имели место операции по засылке писем в адрес функционеров и низовых организаций ИКП, практиковалась рассылка функционерам просоветских по своему содержанию брошюр на итальянском языке, которые печатались в Дрездене и в которых приукрашивалась и оправдывалась военная интервенция в Чехословакии²⁹.

XII съезд ИКП (февраль 1969 года)

Решающее значение для дальнейшего развития имел XII съезд партии, состоявшийся в Болонье с 8 по 15 февраля 1969 года. Луиджи Лонго был вновь избран генеральным секретарем, Энрико Берлингуэр стал заместителем генерального секретаря. Большие отклики во всем мире на работу съезда отражали тот факт, что ИКП превратилась в значительную силу в своей стране. А это последнее обстоятельство рассматривалось как особенно многозначительное перед лицом переживавшегося тогда Италией глубокого социального, экономического и политического кризиса.

В своем отчетном докладе на съезде Луиджи Лонго более ясно, чем это делалось ранее, подчеркнул, что ИКП выступает за равноправные отношения внутри мирового коммунистического движения. Он заявил: «Критиковать и отвергать те мнения, которые мы не разделяем, — наше право и наша обязанность. Но мы уже давно перестали без разбора отвергать все, что не соответствует нашим взглядам». Отметив, что различия во взглядах есть отражение многообразия движения и что признание различных точек зрения, а также автономии различных движений в рамках политического союза не является для итальянских коммунистов всего лишь тактическим вопросом, Лонго сказал затем: «Мы стремимся к дальнейшему развитию внутривнутрипартийной демократии. Мы хотим модернизировать и обновить организацию партии, побуждения, влияющие на ее внутреннюю жизнь, методы ее работы и руководства». Демократический характер будущего социалистического общества, резюмировал Лонго, определяется прежде всего нынешней внутривнутрипартийной демократией и теми путями и методами, которые используются сегодня для борьбы за социализм.

Сравнительно большое внимание было уделено на этом съезде также внешнеполитическим вопросам. ИКП подтвер-

дила свое отрицательное отношение к НАТО, однако одновременно отвергла и советскую теорию «ограниченного суверенитета», заявив, что «сила как отдельной социалистической страны, так и сообщества в целом не может основываться на одной только военной мощи», что она должна зиждиться прежде всего на поддержке народных масс и на развитии социалистической демократии. Съезд подтвердил осуждение военной интервенции в Чехословакии и вновь выдвинул требование о восстановлении суверенитета этой страны.

Берлингуэр выступил за «критическую и объективную историческую оценку» положения в социалистических странах, подчеркнув, что наряду с успехами должны открыто обсуждаться также негативные аспекты и выявившиеся противоречия. Развитие в социалистических странах необходимо рассматривать объективно, «охватывая все противоречивые и динамические элементы». Было бы действительно странным, отметил Берлингуэр, если бы марксизм, возникший сто лет назад, когда были преодолены утопические представления, теперь в своей оценке социалистического общества сам возвратился на утопические позиции: «Вера в социализм покоится на правде, на серьезном и критическом историческом анализе»³⁰.

В 1970 году ИКП сделала множество заявлений против мер подавления, предпринимавшихся в Чехословакии, причем это неоднократно приводило к разногласиям между руководством Гусака и ИКП. Анализировала и критиковала ИКП также события в Польше конца 1970—начала 1971 года, знаменитое восстание рабочих и смену руководства (замену Гомулки Гереком). Как уже отмечалось ранее, Энрико Берлингуэр и на XXIV съезде КПСС указывал на то, что международная солидарность ИКП не означает полной и безоговорочной поддержки любых действий каждого социалистического государства³¹.

Начиная с 1971 года в ИКП стало все заметнее проявляться новое отношение к развитию обстановки в Китае. ИКП отказалась от участия в развернутой Москвой кампании общего осуждения Китая, в различных партийных публикациях находили выражение отличающиеся от советских взгляды на положение в Китайской Народной Республике и не скрывалось желание «восстановить прерванные ранее отношения с Коммунистической партией Китая»³².

ИКП и «исторический компромисс»

В результате усиления экономических трудностей Италии в январе 1972 года дело дошло до отставки правительства левоцентристской коалиции, состоявшей из демохристиан, со-

циал-демократов, республиканцев и социалистов, и образования демохристианского правительства меньшинства, которое, однако, не получило вотума в парламенте. и на май 1972 года были назначены новые выборы. В этих условиях с 13 по 17 марта 1972 года в Милане состоялся XIII съезд ИКП, на котором Энрико Берлингуэр был избран генеральным секретарем, в то время как Луиджи Лонго занял вновь созданный пост председателя партии.

На этом съезде был провозглашен «демократический сдвиг», главной целью которого было открыть перед страной новую политическую перспективу путем переориентации на сотрудничество трех больших народных течений — коммунистов, социалистов и католиков. Съезд определил, что участие коммунистов в итальянском правительстве возможно только при двух условиях: либо если возникнет необходимость дать отпор наступлению реакционных сил, которое создаст угрозу демократии, либо если появятся предпосылки для осуществления программы обновления, опирающейся на активную поддержку большинства. По мнению Берлингуэра, при реально существующей в Италии обстановке оба названных условия могут оказаться в наличии. Начиная с этого съезда партии возможность участия ИКП в правительстве стала все более часто обсуждаться, в том числе и открыто. Впервые более дифференцированно, чем прежде, высказался Берлингуэр на XIII съезде и о НАТО, заявив, что отношение к НАТО «в настоящее время не может более рассматриваться в статическом соотношении с холодной войной», что эту проблему нельзя уже «сводить к простым высказываниям за или против военного пакта»³³.

На последовавших вскоре парламентских выборах компартии удалось даже превзойти тот успех, которого она добилась на выборах 1968 года. Она получила более 9 миллионов голосов, то есть 27,2 процента всех поданных голосов избирателей. Теперь ИКП была представлена в парламенте уже 179 депутатами, и возможность ее участия в итальянском правительстве перестала быть утопией. Этим и объясняется тот факт, что на протяжении 1972 и особенно 1973 года ИКП выступала со все более конкретными политическими предложениями относительно деятельности правительства. В конце июля 1973 года Берлингуэр заявил, что в качестве автономной оппозиции итальянские коммунисты стремятся к положительному разрешению наиболее острых экономических и политических проблем. В этот же период ИКП предложила среди прочего децентрализацию государственного аппарата, передачу важных полномочий областям и провинциям, реформу государственного управления с целью преодоления некомпетентности и бюрократии, реформу системы народного образования и школ, а также демо-

кратизацию общественного контроля над средствами массовой информации.

Усиливающееся подчеркивание своего положения де-факто почти правительственной партии проявилось и во внешне-политическом плане, прежде всего в более положительном отношении партии к Европейскому сообществу. В феврале 1973 года ЦК ИКП впервые выразил в своей резолюции об отношении к Европейскому сообществу готовность содействовать объединению Западной Европы и одновременно выступил за далеко идущие демократические преобразования в самом сообществе. Целью, заявила ИКП, должно быть создание независимой Европы, не являющейся ни антисоветской, ни антиамериканской, Европы, которая поддерживала бы дружественные отношения как с Советским Союзом и социалистическими странами, так и с Соединенными Штатами и, кроме того, установила бы новые отношения с развивающимися странами.

В своей европейской политике ИКП ориентировалась на две целевые установки: с одной стороны, на сотрудничество и демократизацию в рамках институтов сообщества, а с другой — на сотрудничество и диалог с социалистическими, социал-демократическими и другими прогрессивными силами Европы, причем особо подчеркивалось среди прочего также сотрудничество с католическими силами.

Новые аспекты выявились осенью 1973 года под воздействием уроков событий в Чили. Предпринятый в сентябре 1973 года реакционный путч против правительства Народного единства, возглавлявшегося Альенде, явился для Берлингуэра поводом к тому, чтобы сделать и для Италии далеко идущие выводы. В своих руководящих статьях «Мысли об Италии после событий в Чили», «Демократический путь и реакционное насилие» и «Социальные союзы и политические группировки»³⁴ Берлингуэр дал цельное изложение концепции «исторического компромисса».

Каковы же основные идеи концепции «исторического компромисса»? В статьях Берлингуэра указывалось, что события в Чили должны в еще большей степени побудить итальянских коммунистов к тому, чтобы в любом случае предотвратить вертикальный раскол страны. Теперь необходимо с еще большей решимостью, умением и терпением стремиться изолировать реакционные группы и искать любые возможные формы взаимопонимания и сотрудничества со всеми прогрессивными силами. Однако решимость вести борьбу на почве демократической легальности не означает легковесного увлечения иллюзией легальности. Наоборот, речь идет о том, чтобы постоянно проявлять инициативу, направленную на обновление в демократическом смысле законов, структуры государственного аппарата. После трагического опыта Чили

в Италии следует проводить политику, которая объединила бы общественные и политические силы в поддержке ими глубокого демократического обновления: «Даже если бы левые партии и левые силы и смогли получить 51 процент голосов избирателей и мест в парламенте, что само по себе уже означало бы значительный прогресс в соотношении сил между партиями в Италии, все равно было бы совершенно иллюзорным предполагать, что сам этот факт гарантировал бы длительное существование правительства левых партий и левых сил, опирающегося на указанный 51 процент». Демократическое обновление возможно только в том случае, если правительство и парламент будут опираться на широкое большинство, которое будет обладать достаточной силой, чтобы защитить страну от любой реакционной авантюры³⁵. Поэтому политика «исторического компромисса» представляет собой нечто большее, чем просто новую формулу правительственной власти. Она подразумевает, что руководство страны опирается на взаимопонимание между тремя самыми крупными демократическими составными частями итальянского общества. Только такая политика может открыть путь к социализму в Италии.

Проблематика «исторического компромисса» находилась в центре внимания XIV съезда ИКП, состоявшегося в Риме 18—23 марта 1975 года. В своем установочном докладе Берлингуэр заявил, что «исторический компромисс» есть нечто большее, чем просто новое парламентское большинство с включением компартии. Экономический и институциональный кризис, переживаемый Италией, настоятельно требует солидаризации всех демократических сил. Хотя участие ИКП в правительстве и является решающим вопросом, отметил Берлингуэр, однако речь идет не о министерских постах, а о новой линии, направленной на то, чтобы разрешить насущные проблемы страны, о новой стратегии, нацеленной на преодоление кризиса, обеспечение и обновление демократии. Развернувшаяся на этом съезде бурная дискуссия велась на высоком уровне и характеризовалась широким спектром высказываемых точек зрения. Это отчетливо показало, как далеко ИКП уже отстоит от монолитных партий Востока. Некоторые ораторы, например Амендола, видели в «историческом компромиссе» актуальную задачу, которая должна быть решена в кратчайшие сроки. Другие подчеркивали, что речь идет о том, чтобы помочь прогрессивным элементам среди христианских демократов совершить прорыв. Они указывали на многослойный характер ХДП, в которой представлены как трудящиеся слои, так и консервативные и реакционные группировки. А потому, утверждали сторонники этой точки зрения, об осуществлении «исторического компромисса» в ближайшее время не может быть и речи.

В ходе дискуссии обсуждению подверглись не только внутриполитические аспекты «исторического компромисса», но и его воздействие на внешнюю политику, поскольку его осуществление усилило бы международные позиции Италии. ведь страна всегда в своей истории обладала наибольшим весом именно тогда, когда ее правительство опиралось на наиболее широкую поддержку населения. В вопросе об отношении к НАТО появились новые акценты. ИКП заявила о своей готовности поддержать советско-американский диалог, добавив, что она не будет занимать враждебных позиций ни в отношении Советского Союза, ни в отношении Соединенных Штатов. Берлингуэр говорил теперь о преодолении блоков, которое на практике может быть достигнуто не в результате одностороннего выхода из НАТО, а на путях содействия международной разрядке. Он предостерегал от постановки вопроса о выходе Италии из НАТО, поскольку это, по его словам, привело бы к образованию пропасти внутри самой Италии и затормозило бы ставшие теперь неизбежно необходимыми расширение и усиление демократических сил страны.

Дальнейший рост влияния ИКП (1975—1977)

На выборах в местные органы власти 15 июня 1975 года — они состоялись в 15 областях из 20, 92 провинциях из 93 и в 7727 коммунах из 8065 — ИКП получила 33,5 процента всех голосов избирателей против 27,2 процента в мае 1972 года. Таким образом, всего лишь за три года влияние ИКП резко возросло. Эта победа на выборах послужила партии поводом к тому, чтобы еще больше конкретизировать некоторые внешнеполитические и внутриполитические моменты. В частности, еще более точно было сформулировано отношение к Европейскому сообществу и НАТО. Так, Джованни Черветти, член Секретариата ИКП, заявил, что ИКП не только отвергает односторонний выход Италии из НАТО, но и не будет выступать против нынешнего объема расходов на военные нужды до тех пор, пока не будет достигнуто обоюдное сокращение вооруженных сил НАТО и государств Варшавского Договора. В случае своего участия в правительстве коммунисты не будут также требовать для себя постов министров обороны и иностранных дел.

Относительно внутриполитической обстановки Берлингуэр заявил в мае 1976 года, что перед лицом кризисной ситуации в стране ИКП готова, по крайней мере в течение нескольких лет — периода, необходимого для того, чтобы вывести Италию из кризиса, — участвовать в правительстве большой коалиции, которая объединяла бы все демократические партии, включая ИКП. Этим предложением, пояснил

он, ИКП не отказывается от долгосрочного «исторического компромисса». Данное предложение, по его словам, является ответом на насущные запросы текущего момента. Оно имеет целью создание правительства, которое должно опираться на широчайшую поддержку всех демократических сил и действовать только в течение ограниченного периода времени.

На парламентских выборах, состоявшихся в июне 1976 года, ИКП добилась наилучшего до сих пор показателя: получила 34,4 процента голосов избирателей. Хотя христианские демократы и остались сильнейшей партией, но они уже не были в состоянии образовать правительство, опирающееся на большинство. Число депутатов-коммунистов в парламенте выросло со 179 до 227. Даже в Риме ИКП стала сильнейшей партией. Коммунист Пьетро Инграо был избран председателем палаты депутатов. Кроме того, коммунисты получили посты председателей в семи парламентских комитетах, обладающих в Италии законодательными правами. После того как коммунисты заняли посты глав финансовой комиссии палаты депутатов и бюджетной комиссии сената, ИКП получила возможность оказывать определяющее влияние на всю финансово-бюджетную политику страны.

Во время голосования по вопросу о вотуме доверия демократическому правительству меньшинства, возглавлявшемуся Андреотти, депутаты-коммунисты воздержались от голосования. «Мы не находимся более в оппозиции, но мы еще и не в правительстве. — заявил Берлингуэр в связи с новой обстановкой. — Мы поддерживаем не правительство, мы поддерживаем лишь те мероприятия, которые кажутся нам оправданными». ИКП заявила о своей готовности поддержать определенные мероприятия, направленные на экономию, если одновременно будут осуществлены изменения в политической и социальной жизни страны. Она подчеркнула, что все мероприятия по экономии должны быть справедливыми и дифференцированными, прежде всего увязанными с мероприятиями против утечки капиталов и уклонения от уплаты налогов, что они не должны проводиться за счет рабочих и что, наконец, они могут пользоваться поддержкой только в том случае, если одновременно будут способствовать обеспечению и созданию новых рабочих мест.

Когда внутри партии стали раздаваться голоса, что ИКП находится на пути превращения в партию социал-демократического типа, Берлингуэр, выступая 20 сентября 1976 года в Неаполе на празднике газеты «Унита», заявил, что ИКП останется верной принципам, сформулированным в 1944 году Тольятти, другими словами, останется национальной массовой партией, которая отвергает устаревшие схемы и борется с ними, но остается и будет оставаться коммунистичес-

кой партией. В любой сиюминутной ситуации, подчеркнул Берлингуэр, ни при каких обстоятельствах и ни на одно мгновение нельзя забывать о цели — освобождении рабочих и всего общества, построении общества, значительно более передового по сравнению с буржуазным. Однако верность этим принципам надо выражать не декларациями. Необходимо действовать, и задача коммунистов — неуклонно добиваться постепенных конкретных изменений экономической и социальной структуры, пока не будет достигнута смена руководящего класса страны. Перестройка итальянского общества, резюмировал Берлингуэр, должна осуществляться в условиях полной свободы и демократии, определяемых рамками республиканской конституции, при уважении и расширении региональной автономии и плюрализма, а также при постоянном сотрудничестве трех основных народных сил.

В начале мая 1977 года в связи с изменением соотношения сил в стране состоялась первая официальная встреча руководителей ХДП и ИКП. Орган ИКП еженедельник «Ринашита» отмечал в связи с этим, что впервые за 30 лет принята попытка достичь принципиальной договоренности в качестве основы для деятельности правительства. Сегодня путем регулярных переговоров между партиями, «действующими в рамках конституции», к которым следует относить все политические партии Италии, за исключением неофашистского ИСД, основные направления политики согласовываются заранее. С тех пор как это вошло в практику, ИКП фактически стала партией, разделяющей вместе с другими партиями правительственную ответственность.

Причины успехов ИКП

Усиление влияния ИКП обусловлено прежде всего ростом популярности партии и ослаблением антикоммунистических течений в стране. Среди множества результатов опросов общественного мнения по этой проблематике особенно важными мне представляются такие данные: еще в 1970 году 45 процентов опрошенных выражали мнение, что ИКП представляет собой значительную угрозу свободе и с ней невозможен никакой союз, а в 1974 году подобное отрицательное суждение высказывалось уже лишь 25 процентами опрошенных. Как менялось на протяжении последнего десятилетия представление итальянского населения об облике ИКП, видно из приводимой на следующей странице таблицы, которая составлена на основе опросов общественного мнения³⁶.

Успехи ИКП предопределены рядом факторов. Во-первых, 50-е, 60-е и начало 70-х годов в Италии характеризовались интенсивным процессом модернизации и урбанизации, который вел к подрыву традиционного и зачастую консерватив-

Мнение о коммунистах	Часть населения (%)			
	1967 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.
«Являются честными людьми»	22	28	29	45
«Имеют много хороших идей»	21	34	45	60
«Вызывают чувство симпатии»	15	24	27	34
«Выступают против насилия»	16	26	31	43
«Являются компетентными людьми»	—	43	44	65

ного мировоззрения и к росту интереса к новым идеям и целям.

Во-вторых, население во все большей степени выражало свое недовольство коррупцией, расколом и борьбой клик внутри партии христианских демократов.

В-третьих, неспособность поначалу рождавшей большие надежды левоцентристской коалиции подойти к важнейшим проблемам страны и успешно их решить убеждала все более широкие слои итальянцев в том, что добиться успехов можно только при активном участии сильной компартии.

В-четвертых, усилившийся процесс секуляризации итальянского общества, его освобождения от влияния клерикализма, привел к тому, что все меньшее число итальянцев выражало готовность следовать в политических вопросах предписаниям церкви. Влияние церкви на политические результаты выборов сокращалось, а внутри самой церкви постепенно ослабевал антикоммунизм.

Наконец, в-пятых, необходимо отметить также возрасставшее значение молодых избирателей, которые не прошли через холодную войну и конфронтацию между христианскими демократами и коммунистами в период с конца 40-х до конца 50-х годов и выросли в совершенно иной обстановке.

Однако одних этих объективных причин было бы недостаточно для успеха ИКП. Понадобилась еще и решающая субъективная предпосылка — способность итальянских коммунистов повернуться лицом к новым проблемам. Нижеследующие факторы, мероприятия и факты могут дополнительно пояснить сказанное.

1. ИКП нередко в течение многих лет, а в некоторых случаях даже в течение более двух десятилетий с успехом осуществляла руководство рядом поселков, городов и районов. Так, например, она с 1946 года без перерыва стояла во главе городского самоуправления Болоньи.

2. ИКП разрабатывала реалистическую политику и выдвигала конструктивные предложения, что позволяло коммунистам распространять свое влияние на служащих, представителей средних слоев и даже на мелких и средних предпринимателей.

3. В ИКП отмечаются сравнительно слабые тенденции к внутреннему дроблению и образованию фракций. В этом отношении она контрастирует с другими партиями, для которых подобные тенденции — зачастую прямо-таки нормальное явление.

4. ИКП может рассчитывать на сравнительно широкую поддержку со стороны интеллигенции и оказывать воздействие на мнения и суждения влиятельных лиц и группировок.

5. ИКП стремится к установлению конструктивных взаимоотношений с католической церковью и верующими. Если еще в 1953 году, по данным опросов населения, лишь несколько более 20 процентов итальянцев высказывали мнение, что коммунизм и католицизм совместимы, то в середине 70-х годов процент придерживающихся подобного мнения достиг уже 60.

6. Все более отчетливо проявляющиеся самостоятельность ИКП и ее критическое отношение к Советскому Союзу и государствам Восточного блока фактически не позволяют возлагать вину за негативные аспекты развития в восточноевропейских странах и на итальянских коммунистов.

7. ИКП придерживалась реалистического внешнеполитического курса, который нашел свое выражение также в ее отношении к Европейскому сообществу и НАТО.

8. ИКП отвергла понятие марксизма-ленинизма, заняла критическую позицию по отношению к некоторым тезисам Ленина и вновь стала руководствоваться идеями Антонио Грамши. Для нее характерен широкий спектр публикаций, среди которых были также и многие произведения авторов, запрещенных в странах Восточного блока, например работы Роберта Хавемана, Эрнста Блоха, Роя Медведева, Сантьяго Каррильо, югославских философов и даже (хотя и с критическими комментариями) Льва Троцкого.

9. ИКП готова принять участие в большой коалиции без претензии на руководящую роль. С помощью «исторического компромисса» она намерена осуществлять перестройку общества, одобряемую большинством населения.

10. ИКП выступает за новую модель социализма, предполагающую соблюдение всех демократических свобод, в частности она признает право на организованную политическую оппозицию и выражает готовность отказаться от власти в случае поражения на выборах.

11. ИКП проводила чрезвычайно успешную политику в отношении средств массовой информации, притом не только в

собственных партийных публикациях, которые, между прочим, носят открытый и живой характер, но и в комментариях, интервью и статьях, публикуемых в печатных органах иных направлений, в том числе даже консервативных.

12. ИКП обнаруживает высокую квалификацию как своего высшего руководства, так и своих функционеров.

13. ИКП конкретно подходит к специфическим итальянским проблемам, действует как итальянская партия и убедительно представляет национальные интересы страны, не впадая при этом в национализм. Она выступает за поиски решений совместно со всеми индустриальными странами Западной Европы.

Глава 2

Французская коммунистическая партия: запоздалый «социализм цветов Франции»

Французская коммунистическая партия является наряду с ИКП сильнейшей коммунистической партией Западной Европы. Однако из всех еврокоммунистических партий ФКП дольше всего придерживалась просоветского курса. Только в последние годы наметилась переориентация. Но и в настоящее время отличие ФКП от ИКП в этом отношении весьма ощутимо. В августе 1977 года Вилли Брандт следующим образом высказался о французских коммунистах: «Между прочим, я придаю больше веса словам руководителя итальянских коммунистов, чем словам руководителя французских коммунистов Марше. Я не могу избавиться от подозрения, что у значительной части руководителей Французской компартии тактические соображения играют гораздо большую роль, чем у значительной части руководителей Итальянской компартии»³⁷. Такие сомнения в подлинности переориентации кажутся более чем обоснованными в свете отношения Французской компартии к почти безнадежно погрязшему с сентября 1977 года в распрях новому союзу левых сил и прежде всего перед лицом отказа ФКП от совместной правительственной программы за несколько месяцев до выборов, намеченных на весну 1978 года.

Период просоветского развития (1945—1967)

Непосредственно после окончания войны ФКП оказывала значительное влияние на политическую жизнь Франции, так как до этого принимала очень активное участие в движении Сопротивления. В период освобождения страны она насчитывала почти миллион членов. Ее руководителем в то время был возвратившийся в октябре 1944 года из Советского Союза Морис Торез. На первых послевоенных выборах, состоявшихся 21 октября 1945 года, ФКП получила свыше пяти миллионов голосов избирателей, что составляло 26 процентов всех поданных голосов, и соответственно 155 мест в парламенте (из общего числа 545). Морис Торез стал государственным министром без портфеля, а Шарль Тийон возглавил министерство вооружения. Кроме того, коммунистические политические деятели возглавили министерства промышленного производства,

труда и экономики. В целом в 1945 году ФКП была значительно сильнее, чем тогдашняя Итальянская компартия.

После выборов 10 ноября 1946 года ФКП, получившая 28,2 процента всех голосов избирателей и 166 мест в парламенте, была даже бесспорно сильнейшей партией Франции. Однако ей не удалось в таковом качестве добиться постов президента и премьер-министра. Тем не менее она и в дальнейшем участвовала в ряде кабинетов, в том числе также с января 1947 года в правительстве социалиста Рамадье.

С началом холодной войны премьер-министр Рамадье 5 мая 1947 года исключил функционеров ФКП из состава своего правительства. После основания в сентябре 1947 года Коминформа ФКП под воздействием связанной с этим резкой критики Кремля в ее адрес круто изменила свой курс. Она занялась самокритикой, и начался период политических стачек и волнений, которые в свою очередь провоцировали контрмеры правительства. Внутриполитические проблемы, однако, все больше отступали на задний план. Вместо них главным аспектом политики ФКП стала антиамериканская политика в интересах Советского Союза. Уже в то время появилось отчетливое различие между ФКП и Итальянской компартией. После того как 25 февраля 1949 года ФКП сделала официальное заявление о своей лояльности по отношению к Советскому Союзу, в ее истории начался период промосковской политики, ознаменовавшийся резким сокращением численности партии — с 800 тысяч членов в 1946 году до менее чем 300 тысяч в 1953 году.

После смерти Сталина стали предприниматься первые попытки преодоления изоляции, прежде всего путем изменения отношения к социалистам. На выборах, состоявшихся в январе 1956 года, ФКП получила 25,6 процента голосов избирателей и направила в парламент 145 своих депутатов, которые стали там поддерживать правительство социалиста Ги Молле.

В отличие от Тольятти Торез после XX съезда КПСС пытался преуменьшать последствия десталинизации, однако после подавления венгерской революции первые громкие голоса протеста стали раздаваться и в ФКП. После этого некоторые видные коммунисты, среди них Анри Лефевр и Анни Крижель, были исключены из партии. Официально партия по-прежнему придерживалась безусловной лояльности по отношению к Советскому Союзу и потому безоговорочно поддерживала русскую интервенцию.

После того как в 1958 году де Голль вновь возглавил правительство, в которое вошли также социалисты, началась изоляция коммунистов. На выборах, состоявшихся в ноябре 1958 года, ФКП получила только 18,9 процента голосов и в соответствии с новым избирательным законом смогла послать в парламент всего 10 своих представителей. Численность пар-

тии сократилась к началу 1959 года до 225 тысяч человек. В период Пятой республики политика ФКП продолжала оставаться несколько противоречивой. В области внутренней политики ФКП выступала против главы государства и осуждала его режим как режим личной власти и монополий. Наряду с этим ФКП — явно с согласия Москвы — поддерживала де Голля во внешнеполитическом плане, поскольку его национальная политика и его критическая позиция по отношению к НАТО и к США соответствовали внешнеполитическим интересам Советского Союза.

Как в конфликте между Москвой и Пекином, так и в полемике против Тольятти и итальянских коммунистов, развернувшейся поздней осенью 1961 года, ФКП по-прежнему занимала абсолютно просоветскую позицию. В течение 1962—1963 годов внутри ФКП предпринимались, правда, попытки пойти по «итальянскому пути», как это проявилось на конгрессе французских студентов-коммунистов, состоявшемся в апреле 1963 года, однако они были резко отвергнуты руководством партии. На XVII съезде партии, который состоялся в мае 1964 года, руководство партии ясно и недвусмысленно заявило о своей приверженности «диктатуре пролетариата» как решающей цели ФКП. В то время уже больной Морис Торез был заменен на посту генерального секретаря Вальдеком Роше. 11 июля 1964 года Торез умер, находясь на отдыхе в Советском Союзе.

Только с конца 1965 года, когда во время выборов ФКП поддержала социалиста Миттерана, в политической линии партии стали намечаться некоторые робкие изменения. Теперь ФКП заявляла, что необходимо в новом свете рассматривать проблемы перехода от капитализма к социализму, что во Франции следует стремиться к мирному пути к социализму и что партия выступает за долговременный союз с социалистами³⁸. В этой атмосфере 20 сентября 1966 года был заключен первый избирательный союз французских левых. В соответствии с ним на следующих выборах каждая партия в первом туре голосования должна была выставлять своих собственных кандидатов и выступать со своими собственными программами, а во втором туре левые силы всех партий должны были голосовать за того кандидата левых сил, который в первом туре получит наибольшее количество голосов избирателей.

Избирательный союз имел целью устранение голлистского режима, а в дальнейшем — реформу конституции с отменой всех узаконивавших личную власть президента статей, достижение независимости органов юстиции, обеспечение свободы информации, установление демократического статута для радиовещания и телевидения, гарантирование местной автономии и права на забастовки и признание профсоюзных организаций на предприятиях. В экономической сфере совместная

избирательная программа провозглашала в качестве целевых установок национализацию военной промышленности и банков, демократическое руководство национализированными предприятиями, а также развитие социального законодательства, налоговую реформу и новую политику в области сельского хозяйства, основывающуюся на сельскохозяйственных товариществах и на модернизации сельского хозяйства³⁹ На XVIII съезде ФКП, состоявшемся в январе 1967 года, эти решения были одобрены и Вальдек Роше официально утвержден на посту генерального секретаря. Однако, несмотря на поддержку первого избирательного союза французских левых, готовность ФКП к сотрудничеству сразу же оказалась снова ослабленной, когда на том же XVIII съезде Вальдек Роше выступил с похвалами в адрес коммунистов как единственных подлинных марксистов и революционеров, а в адрес социалистов бросил упрек в том, что они продолжают руководствоваться реформистской идеологией. Придерживаясь старого стиля, Вальдек Роше вновь отметил великие заслуги Советского Союза, которые, по его словам, наглядно показали, как можно устранить капитализм и построить социалистическое общество. Вожди же социал-демократии во всех странах, в которых они находятся у власти, неизменно «довольствуются тем, что поддерживают бизнес капитализма»⁴⁰ Подобные высказывания о социал-демократии не могли не осложнить тогдашнего союза с социалистом Миттераном.

Первые проявления внутривнутриполитической гибкости на фоне прежней позиции, ориентированной на верность по отношению к Москве (1967—1970)

1968 год прошел для ФКП под знаком майских революционных событий во Франции и «пражской весны» в Чехословакии.

В отношении студенческих волнений ФКП на первом этапе, с 3 по 11 мая 1968 года, занимала весьма критическую позицию. В официальных заявлениях она говорила о «безответственной агитации» и «политическом авантюризме» и особо подчеркивала отрицательную роль «германского анархиста» Кон-Бендита. Только когда это революционное движение стало расширяться, партия попыталась приблизиться к нему. 11 мая 1968 года крупнейшие профсоюзные объединения, в том числе и ориентирующаяся на коммунистов Всеобщая конфедерация труда, совместно призвали к проведению 13 мая всеобщей двадцатичетырехчасовой забастовки. Политбюро ФКП дало на это свое согласие и поддержало всеобщую забастовку, но в то же время сдержанно отнеслось к осуществленному в некоторых районах захвату предприятий рабочими.

Чем больше затем волнения втягивали в свою орбиту и рабочий класс, тем активнее ФКП пыталась возглавить движение и направить его в определенное русло. На этом этапе она стала добиваться отставки де Голля и формирования правительства левого большинства или «народного правительства демократического единства». Во время массовых демонстраций 29 мая 1968 года руководство партии выдвинуло требование о создании народного правительства с участием коммунистов, соответствующим влиянию и авторитету ФКП.

Когда же позднее революционное движение в результате жесткой реакции генерала де Голля пошло на убыль, ФКП вновь изменила свою позицию. Теперь она объявила, что является партией порядка и будет принимать участие в предстоящих выборах, с тем чтобы бороться за программу социального прогресса, мира и единства всех демократических сил. Однако на выборах, состоявшихся 23 и 30 июня 1968 года, напуганные граждане отдали де Голлю 43,65 процента голосов, а коммунисты понесли серьезные потери. Число поданных за них голосов сократилось до 20,14 процента, и в новом французском парламенте всего лишь 34 депутата были коммунистами.

В отношении «пражской весны» ФКП заняла весьма сдержанную позицию, а генеральный секретарь Вальдек Роше сыграл в середине июля крайне двойственную роль. После своих переговоров с Сусловым, состоявшихся в Москве, он и руководство ФКП 17 июля 1968 года неожиданно выступили с предложением о срочном проведении в ближайшие дни встречи коммунистических партий Европы для рассмотрения «чехословацкого вопроса». Затем 19 июля Вальдек Роше в сопровождении Жана Канапа, занимавшегося в ЦК ФКП внешнеполитическими вопросами, вылетел в Прагу, с тем чтобы там высказать Дубчеку и другим руководителям «пражской весны» свои сомнения относительно проводимой ими политики реформ и указать на возможные последствия. Все это предпринималось явно по советскому желанию, по крайней мере с советского согласия. Тогда еще имелось намерение путем усиленного политического давления на представителей «пражской весны» предотвратить военную интервенцию. Однако переговоры Вальдека Роше в Праге проходили не так, как первоначально предполагалось, и после его возвращения в Париж ФКП пересмотрела свое заявление от 17 июля. Она заявила, что проведение конференции европейских коммунистических партий нецелесообразно. Впоследствии протокол переговоров между Вальдеком Роше и Дубчеком был использован Гусаком для полного устранения из политической жизни руководителей пражского движения за реформы⁴¹.

После оккупации Чехословакии 21 августа 1968 года ФКП в мягкой форме выразила определенное неодобрение. Она заявила, что проблемы, возникающие между коммунистическими партиями, должны решаться в рамках дискуссий, путем двух- или многосторонних встреч, причем должны уважаться как суверенитет каждой страны и свобода каждой партии принимать решения, так и дух пролетарского интернационализма. Для Жанетт Торез-Вермерш, вдовы Мориса Тореза, даже это неодобрение показалось, по-видимому, слишком резким, поскольку она, стопроцентная защитница советского курса, 21 октября 1968 года в знак протеста отказалась от своего поста в Политбюро ФКП. В тот же день Плиссонье, также являвшийся членом Политбюро ФКП, выразил свое удивление тем, что во Франции допускается массовое распространение печатных изданий из Советского Союза и ГДР, в которых оправдывается оккупация Чехословакии. Подобные критические голоса остались, однако, исключениями, так как вскоре после этого ФКП приветствовала «нормализацию» в Чехословакии.

С осени 1968 года ФКП пыталась сидеть на двух стульях. С одной стороны, она хотела сохранить безоговорочную верность советскому руководству и не реформировать окостеневший централизованный организационный аппарат, а с другой — проводила «политику раскрытия» с целью завоевать как можно больше союзников. Эта «политика раскрытия» являлась краеугольным камнем программного «манифеста Шампиньи» — манифеста под названием «За передовую демократию, за социалистическую Францию», который был принят в декабре 1968 года и опубликован в начале 1969 года. В этом манифесте, на который ФКП с тех пор постоянно ссылается, Жорж Марше, как раз тогда все больше перенимавший руководство партией от болеевшего Вальдека Роше, выдвинул в качестве предпосылки социалистического преобразования Франции требование объединения французского народа с целью завоевания его большинства. В качестве предварительного этапа социализма была провозглашена «передовая демократия», характерными чертами которой должны были являться суверенность избранного путем всеобщих выборов парламента и гарантирование таких свобод, как свобода мысли и слова, свобода собраний и коалиций, свобода профсоюзной деятельности и участия в забастовках, а также свобода вероисповедания и отправления религиозных обрядов. Однако из-за одновременно подчеркивавшегося абсолютно просоветского курса партии воздействие манифеста оказалось сравнительно слабым. ФКП настолько твердо и бесслесно придерживалась просоветского курса, что даже не осмелилась послать в марте 1969 года свою делегацию на съезд Союза коммунистов Югославии. Она направила туда

всего одного делегата, да и тот, едва прибыв в Белград, неожиданно заявил, что никакой он не делегат, а просто наблюдатель.

В рамках своей промосковской линии ФКП поддерживала подготовку Кремлем третьего международного коммунистического совещания (июнь 1969 года), а на самом совещании выступила в абсолютно просоветском духе и подписала без каких-либо оговорок все принятые там документы. Особенно же обращал на себя внимание тот факт, что ФКП продолжала поддерживать ресталинизацию в Чехословакии. 21 августа 1969 года, в первую годовщину оккупации, в Праге состоялись переговоры между сталинистски настроенным членом Политбюро ФКП Этьеном Фажоном и членом Политбюро КПЧ сталинистом Василем Биляком. Во время этих переговоров Фажон передал руководству Гусака уже упоминавшийся ранее протокол переговоров между Вальдеком Роше и Александром Дубчеком от 19 июля 1968 года. Тем самым Французская компартия снабдила чехословацких сталинистов средством давления, позволившим усилить кампанию против уже лишенных власти реформистов, и прежде всего против самого Дубчека.

Эти действия ФКП натолкнулись на определенное осуждение со стороны многих компартий. Голоса осуждения раздавались и в рядах ФКП, руководство которой с начала 1970 года испытывало растущее давление с двух сторон. С одной стороны, членская масса выступала за изменение курса партии, за демократизацию ее структуры, за более критический подход к оценке положения на Востоке и за разработку новых концепций в духе «итальянского направления». С другой стороны, перед руководящими функционерами стояла проблема: каким образом, несмотря на свой просоветский курс, представить себя в качестве достойных партнеров социалистов во время новых, насущно необходимых переговоров с ними. В условиях такого давления с двух сторон руководство ФКП начало в весьма противоречивых формах и зачастую не вполне искренне приспосабливаться к новой обстановке.

Влияние критически настроенных коммунистов на официальную линию ФКП

Уже с января 1967 года стала выходить независимая коммунистическая газета «Юни-деба» — преемница издававшейся сначала с марта 1952 года газеты «Юнир пур ле соснализм», а затем с марта 1962 года — «Ле деба коммюнист». Новая критически настроенная газета мыслила себя как форум для свободных дискуссий о политике ФКП и о международном коммунистическом движении и выступала прежде

всего за проведение свободной дискуссии в партии. С января 1969 года к этим органам добавилась еще одна новая независимая коммунистическая газета — «Политик ожурдюи», которую возглавил в качестве редактора бывший член ЦК ФКП Поль Нуаро. Одновременно все больше заставлял говорить о себе также Роже Гароди, выступавший с критическими статьями и книгами.

Роже Гароди был членом ФКП с 1933 года. Во время войны он действовал в подполье, а с 1945 года входил в состав ЦК ФКП. С 1945 по 1951 год он являлся депутатом парламента от ФКП, в 1951—1955 годах был корреспондентом органа ФКП «Юманите» в Советском Союзе. В 1953 году он получил докторскую степень в Сорбонне, а затем и в Московском университете. С 1956 года он являлся членом Политбюро ФКП и был основателем Центра марксистских исследований ФКП, а также несколько раз занимал пост главного редактора теоретического журнала ФКП «Кайе дю коммунизм». Достигнув такого положения в партии, Гароди в 1964 году издал книгу «От анафемы к диалогу», в которой выступил за диалог между коммунистами и христианами. На конференциях «общества св. Павла» (1965—1967) Гароди выступал за плюралистическую модель социализма и за «раскрытие» марксизма. В марте 1966 года на заседании ЦК ФКП его книга подверглась резкой критике, но Гароди не изменил своих позиций. Несколько месяцев спустя, в октябре 1966 года, он опубликовал свою новую книгу — «Марксизм XX века», в которой содержалась критика сталинистских искривлений в развитии Советского Союза. Эта книга тоже подверглась нападкам со стороны руководства ФКП. Такая же судьба постигла и его опубликованную в 1967 году книгу «Китайская проблема», в которой он призывал не ограничиваться осуждением маоизма, а разобраться в корнях маоизма и китайской революции. После оккупации Чехословакии Гароди опубликовал антологию важнейших заявлений «пражской весны» и снабдил ее собственным предисловием, в котором ясно заявил о своей солидарности с «пражской весной».

Еще через год увидела свет его книга «За французскую модель социализма», в которой он, указав на значение научно-технической революции, отметил, что выводы из научно-технической революции еще недостаточно учитываются в странах Восточного блока, что попытка сделать подобные выводы во время «пражской весны» была пресечена при помощи силы, хотя между тем разрыв в области современного индустриального развития между Советским Союзом и Западом постоянно увеличивался. Перед Советским Союзом, считал Гароди, стоит альтернатива: либо пойти по пути необонапартизма или военной диктатуры, либо стремиться к подлинному

обновлению, которое придаст социализму его подлинное лицо, а именно: приведет к освобождению человека и его труда от всех форм отчуждения. Гароди призывал компартии промышленно развитых стран не закрывать глаза на возникающие проблемы, ибо в противном случае они превратятся в малочисленные секты, упрямо продолжающие цепляться за советскую модель как единственную модель социализма. По его мнению, ФКП должна признать опыт и результаты социалистического самоуправления югославского образца и учитывать их в своей деятельности. Организационная структура партии должна быть в корне изменена. В условиях научно-технической революции бюрократический централизм является пережитком. Решающими задачами партии должны быть развитие инициативы и выработка ориентиров; аппарат должен быть сокращен до минимума, система ротации кадров должна обеспечивать постоянную смену функционеров, внутрипартийная демократия должна осуществляться в условиях открытых и публичных дискуссий. Но прежде всего ФКП должна четко заявить, что социализм, который ФКП стремится построить во Франции, не будет тем социализмом, который сегодня СССР навязывает Чехословакии ⁴²

Осенью 1969 года во время пребывания в Югославии Гароди заявил, что для французских коммунистов исключительно важны как «пражская весна» 1968 года, так и опыт Югославии в области самоуправления. Он потребовал отказа ФКП от централистской, авторитарной и бюрократической системы. О трудностях французских коммунистов он сказал, что они частично объясняются национальной традицией. Ведь идея революции всегда была связана во Франции с централизмом. Да и марксизм пришел во Францию в своей догматическо-авторитарной и централистской форме. Может быть, именно поэтому, резюмировал Гароди, сталинизм с такой легкостью пустил свои корни в среде французских коммунистов ⁴³.

Постепенно работы Гароди и деятельность его сторонников, а также новые критически настроенные газеты стали оказывать все более заметное влияние на ФКП. В период между 10 декабря 1968 года и 31 января 1969 года в связи с предстоявшим XIX съездом ФКП в партии состоялась дискуссия, которая в значительной мере была предопределена разногласиями с Гароди. Во всяком случае, эта дискуссия была заранее направлена партийным руководством в соответствующее русло, поскольку еще до ее начала Политбюро осудило концепции Гароди как «ревизионистские», «ликвидаторские» и «антисоветские». На XIX съезде ФКП, состоявшемся в Нантере 4—9 февраля 1970 года, Жорж Марше уже не говорил о Гароди как о товарище. После 36-летнего пребывания в партии Гароди был безоговорочно осужден. Марше заявил:

«Гароди пошел по пути, который ведет от оппортунизма к ликвидаторству». Гароди разрешили в последний раз выступить на партийном съезде. Он заявил: «Я отвергаю аргумент, в соответствии с которым любая попытка открытой дискуссии или политического анализа должна рассматриваться как призыв к образованию фракций. Надо менять методы, надо решать проблемы. И к этому мы придем»⁴⁴. Но этот призыв оказался напрасным. Гароди был отстранен от всех выполнявшихся им функций и 5 мая исключен из партии.

Как бы важна, однако, ни была роль Гароди в ФКП, он был не одинок. В начале января 1970 года из членов и бывших членов компартии образовался комитет, который выступил за свободу Чехословакии и потребовал, чтобы партия открыто осудила мероприятия по подавлению, проводимые руководством Гусака. В мае 1970 года состоялась общенациональная конференция так называемых центров коммунистических инициатив, среди участников которых одну треть составляли члены партии и почти две трети — бывшие члены. Эти центры организовали сбор подписей, причем более половины подписей принадлежало членам партии. Оппозиция внутри партии усилилась еще больше, когда в июле 1970 года из ФКП был исключен Шарль Тийон. Тийон был одним из наиболее выдающихся деятелей французского коммунистического движения. Уже в 1919 году он вместе с Андре Марти создавал революционные организации для защиты Советского Союза. Отбыв шестилетнюю каторгу в Африке, Тийон возвратился во Францию и в 1932 году вошел в состав Центрального Комитета ФКП. С 1936 года он являлся членом Политбюро, принимал участие в войне в Испании в составе Интернациональных бригад, во время второй мировой войны занимал руководящие посты в движении Сопротивления и затем входил в состав первого послевоенного французского правительства. После оккупации Чехословакии и последовавшей за ней «нормализации» он говорил своим товарищам: «Если идут на каторгу для того, чтобы защищать свободу, то нельзя допустить, чтобы ЧССР потеряла свою свободу во имя какого-либо принципа. Я был сталинистом, но это неплохо, если ты однажды был сталинистом. Плохо, если ты им останешься, хотя знаешь, что такое сталинизм»⁴⁵.

Наряду с уже упомянутыми печатными органами с 1971 года в поборника критического обновления превратился также и еженедельник «Леттр франсэз», которым руководил в качестве главного редактора Луи Арагон. В январе 1971 года Арагон опубликовал на страницах «Леттр франсэз» новогодние пожелания арестованным в Советском Союзе евреям, а также всем тем, кого подавляют в Чехословакии и Польше. Социализм, заявил тогда Луи Арагон, только в том случае имеет положительный смысл в борьбе против капиталистиче-

ского угнетения, когда нынешние обещания о человечности будут сдерживаться после прихода к власти⁴⁶. С тех пор представители усиливающейся оппозиции и центров коммунистических инициатив стали проводить регулярные встречи и наконец в мае 1971 года избрали общий руководящий орган из 60 человек. Луи Арагон повторил при этом свои протесты против оккупации Чехословакии. «Юни-деба», заявив, что поддержка жертв «пражской весны» является задачей всех подлинно независимых коммунистических газет, стала выпускать французское издание социалистической чехословацкой эмигрантской газеты «Листы». В начале октября 1972 года издание руководимого Луи Арагоном коммунистического еженедельника по вопросам культуры «Леттр франсэз» прекратилось. До этого распространение «Леттр франсэз» было запрещено в Советском Союзе и Чехословакии. В связи с прекращением издания этого печатного органа Итальянская коммунистическая партия выступила с заявлением, в котором отметила, что «Леттр франсэз» являлся ценным инструментом великой духовной борьбы, что он неоднократно указывал руководству ФКП на необходимость борьбы против проявления самодовольного и некритического оптимизма, против догматизма и конформизма.

Разработка совместной программы французских коммунистов и социалистов (1970—1972)

После поражения социалистов на майских выборах 1969 года, когда они смогли собрать только 5 процентов голосов в пользу своего кандидата Деффера, в июне 1969 года съезд Социалистической партии принял решение вновь начать переговоры с коммунистами. В декабре 1969 года состоялись первые встречи между представителями двух партий, а в июне 1971 года генеральным секретарем Социалистической партии был избран Миттеран.

До этого и коммунисты предпринимали некоторые попытки к сближению. ФКП все еще не готова была отойти от своей полностью просоветской политики. Она рассчитывала лишь на то, что в рамках коалиции с социалистами ей удастся доминировать в Едином фронте. В связи с этим на переговорах в мае 1970 года возникли неизбежные трудности. Они касались прежде всего принципа плюрализма, который руководство ФКП не хотело принять. Дело дошло здесь до серьезных разногласий. Французские социалисты заявили, что они не могут согласиться на совместное правление с такой политической партией, которая не готова поставить правительство под постоянный контроль парламента и которая ни сегодня, ни в будущем не намерена уважать плюрализм политических партий и независимость профсоюзов.

Наконец, 22 июня 1970 года Жорж Марше впервые заявил, что политика ФКП будет определяться не в Лондоне или Вашингтоне и не в Москве, а в Париже. Но когда в июле 1971 года во время возобновившихся переговоров социалисты потребовали от ФКП, чтобы она четко отмежевалась от политических процессов в Чехословакии, руководители ФКП ограничились лишь уклончивыми ответами. В январе 1972 года между участниками переговоров возникли споры по вопросу самоуправления: социалисты выступали за самоуправление, в то время как ФКП предложила национализацию по образцу восточноевропейских государств. Различие в подходе выявилось также по вопросу об отношении к европейской интеграции и к НАТО⁴⁸.

22 марта 1972 года, после более чем двухлетних зондирующих контактов, социалисты и коммунисты приступили к переговорам о совместной правительственной программе. Утром 27 июня 1972 года переговоры успешно завершились: делегации ФКП и Социалистической партии Франции подписали текст совместной программы. Жорж Марше заявил в связи с этим о «политическом событии первостепенного значения». Хотя, сказал он, совместная программа и не является программой построения социализма, но она должна способствовать проведению мероприятий, «открывающих путь к социализму», причем обе партии сохранят свою независимость.

Программа носила явно компромиссный характер. ФКП пошла на пересмотр в более позитивную сторону своего отношения к Европейскому сообществу, а социалисты дали свое согласие на национализацию значительной части предприятий и учреждений (банков, страховых компаний и т. д.). При этом социалисты по крайней мере несколько более открыто высказывали свои мысли о прямой демократии и самоуправлении, в то время как коммунисты все еще настаивали на национализации. Несмотря на компромиссные формулировки и непреодоленные разногласия, значение документа не вызывало никаких сомнений, так как впервые в истории социалисты и коммунисты одной из промышленно развитых стран совместно обнародовали комплексную и конкретную по содержанию правительственную программу.

Однако определение этого союза левых сил термином «Народный фронт» представляется довольно неточным. Народный фронт 30-х годов явился результатом широкого массового движения, в то время как соглашение между социалистами и коммунистами от июня 1972 года хотя и отражало настроения населения, но не основывалось ни на каком движении. Речь шла о трудном компромиссе, выработанном в ходе длительных переговоров между руководящими инстанциями двух левых партий. Через несколько дней к правительственной программе левых сил присоединилась группировка так

называемых радикал-социалистов (в действительности умеренная леволиберальная партия) во главе с Робером Фабром⁴⁹

Основные пункты совместной правительственной программы

В преамбуле совместной правительственной программы, подписанной в июне 1972 года, заявлялось, что речь идет о программе действий и что для того, чтобы открыть путь к социализму, необходимы глубокие изменения в политической, экономической и социальной жизни Франции. Обе партии обязались придерживаться данной программы действий, подчеркнув, что, несмотря на некоторые различия в политических позициях партнеров, они не ставят под вопрос свою способность совместно осуществлять власть.

Правительственная программа изложена на 63 страницах убоистого текста. В сжатом виде основные затрагиваемые в ней проблемы можно резюмировать следующим образом.

Национализация. Основной принцип капиталистической экономики — получение максимальных прибылей — ведет к неравномерному росту и в результате, не удовлетворяя насущных потребностей народа, углубляет социальное неравенство. На смену такому положению должен прийти уравновешенный экономический рост в интересах большинства населения. Это должно повести к соответствующему подъему жизненного уровня и в первую очередь пойти на пользу наименее имущим слоям населения. Полностью национализированы будут природные богатства, военная промышленность, отрасли, связанные с освоением космоса, самолетостроение, атомная и фармацевтическая промышленность. Это же касается частных банков и страховых обществ. Электротехническая промышленность (производство компьютеров) и химическая промышленность будут национализированы в преобладающей своей части. В чугунолитейной, сталелитейной и нефтяной промышленности, а также в предприятиях воздушного и морского транспорта государство будет принимать финансовое участие — вплоть до контроля над большей частью капиталов. Национализация имеет целью сломить господство монополистического капитала и сделать возможным проведение новой экономической и социальной политики. Государственный сектор будет расширен, демократизирован и структурно преобразован. Но по-прежнему будет существовать и значительный частный сектор. Держатели акций национализируемых предприятий получают компенсацию, причем будет проводиться различие между мелкими и средними держателями акций (живущими на свои сбережения) и крупными держателями акций.

Руководство национализированными предприятиями Оно

будет осуществляться комитетами предприятий, которые будут определять политику предприятия, разрабатывать и проводить в жизнь все мероприятия, связанные с финансированием и производством, причем это будет происходить в рамках демократического планирования. Рабочие и служащие должны в большей степени участвовать в руководстве предприятий и информироваться по всем проблемам. Экономика подлежит демократическому планированию.

Сельское хозяйство. В кантонах и департаментах будут созданы земельные управления, руководимые выбранными фермерами совместно с представителями государства и представителями местных сельскохозяйственных союзов. Продажа любых используемых для производства сельскохозяйственной продукции земельных участков может осуществляться только через данные земельные управления. Будет поддерживаться, развиваться и демократизироваться кооперативное сотрудничество в области производства, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции.

Торговля и ремесло. Для мелких торговцев и мелких ремесленных предприятий будут введены налоговые льготы. Центры по закупке продукции и сырья, развитие которых до сих пор проходило анархически, будут поставлены под контроль. В рамках содействия развитию торговли и ремесла будут практиковаться также мероприятия по оздоровлению, которые должны будут проводиться при участии всех заинтересованных сторон (торговцы, потребители и представители местных объединений). Параллельно с этим будет особо поощряться создание товариществ потребителей.

Контроль за ценами. Государственные и частные предприятия должны сами определять цены на свою продукцию. Государство берет на себя строгий контроль над ценообразованием, в первую очередь над ценами на товары повседневного спроса, а также на предметы, используемые в целях народного образования и повышения культуры.

Внешняя торговля, валютная и финансовая политика. Правительство установит усиленный контроль над валютными операциями и особо жесткий контроль над передвижением капиталов многонациональных компаний между Францией и заграницей. Размеры прямых иностранных вкладов во Франции, а также французских вкладов за границей будут определяться и контролироваться в рамках государственного планирования и экономической политики. Финансирование большей части промышленных предприятий будет входить в функции Национального инвестиционного банка. Французский эмиссионный банк будет осуществлять усиленный контроль над внешнеторговыми кредитами.

Заработная плата, рабочие места и условия труда Для всех профессий будет установлена новая минимальная за

рабочная плата, размеры которой будут регулярно пересматриваться на основе определяемого с одобрения профсоюзов индекса цен. На основе этого индекса цен будет разработана скользящая шкала заработной платы. Пенсионный возраст для мужчин будет снижен до 60, а для женщин — до 55 лет. Длительность пятидневной рабочей недели будет сокращена до 40 часов с сохранением полных заработков. Постепенно должно быть введено бесплатное медицинское обслуживание.

Школьное образование. После проведения реформы народного образования интегрированная начальная школа образует единую систему, в рамках которой совместно будут обучаться и воспитываться мальчики и девочки. В интегрированной начальной школе все ученики будут получать одинаковые основы знаний. Кроме того, им будет предоставлен широкий выбор возможностей продолжать образование в зависимости от личных интересов и наклонностей. Частные учебные заведения, работающие на частной или конфессиональной основе и получающие общественные ассигнования, будут национализированы. Во всей системе народного образования из представителей государства, педагогического персонала и групп обучающихся на основе трехстороннего паритета будут созданы демократические наблюдательные советы, которые будут сотрудничать между собою на различных уровнях. Этим, однако, не будут ущемляться принадлежащие в конечном счете правительству общая компетенция и право принятия основополагающих решений.

Университеты, наука и научные исследования. Студенты будут принимать участие в выработке решений во всех областях, касающихся внутренних проблем университетов. Университеты не будут иметь права навязывать студентам нежелательный для них вид обучения. В области научных исследований ученые, представители экономики, потребителей и общественности будут сотрудничать в государственных учреждениях. В университетах и школах студенты и старшие школьники будут наделены правом принимать участие в принятии решений.

Право на индивидуальные и коллективные свободы. Будут гарантированы права на свободу убеждений, свободу выражения мнений, неприкосновенность жилищ, тайну переписки и телефонных переговоров. Гражданин будет защищен от любого вмешательства в его личную жизнь, в том числе от вмешательства, до которого могло бы дойти в результате развития техники информации и обработки информационных данных. Свобода убеждений и религии будет гарантирована путем отделения церкви от государства. Расовая и антисемитская дискриминация и ее распространение будут преследоваться законом. Все законы и административные распоря-

жения, препятствующие осуществлению права на забастовку, будут отменены. Парламент будет каждые три года избирать парламентского уполномоченного по вопросам защиты гражданских прав, который должен будет проводить расследование ставших ему известными случаев нарушения гражданских прав и передавать соответствующие материалы парламенту.

Партии и государственные институты. Будут признаны многопартийная система и право на политические объединения. Не будет существовать никаких ограничений ни для основания, ни для деятельности партий и политических группировок. Срачивания между партиями и государственным аппаратом не будут допускаться. Регулярно будут проводиться всеобщие тайные и прямые выборы. Как партии большинства, так и оппозиционные партии должны признавать результаты всеобщих выборов. Если избиратели откажут в своем доверии партиям большинства, они должны будут выйти из состава правительства и продолжать свою борьбу в качестве оппозиционных партий. Положения конституции, которые способствовали злоупотреблению системой личной власти (президент Республики), будут отменены или изменены.

Децентрализация и демократизация государственного аппарата. Будет осуществлена далеко идущая децентрализация государственного аппарата. Функции планирования, принятия решений и управления, а также средства для финансирования будут переданы в распоряжение автономизированных территориальных учреждений. Будет развиваться демократия на местном уровне с тем, чтобы предоставить гражданам более широкие возможности участия в будущем развитии своих общин. У префектов будут отобраны функции надзора за местным самоуправлением. Независимость общин будет расширена путем предоставления им дополнительных средств. Демократическое участие граждан в делах местного самоуправления будет гарантировано регулярными опросами представительных объединений всех групп жителей и потребителей, включая иностранцев, однако правила, касающиеся таких опросов, должны быть разработаны позднее. Будет осуществлена демократическая реформа чиновников, направленная на то, чтобы обеспечить полноту права чиновников на участие в процессе деятельности государственных органов управления. Ни одно частное предприятие не будет иметь права принимать на руководящие должности бывших государственных чиновников или служащих, осуществлявших контроль за деятельностью данного частного предприятия, если со дня их ухода с государственной службы прошло менее четырех лет.

Пресса и информация. Службы информации не будут более зависимыми от капитала. Будет учрежден фонд помощи

органам печати. Помощь газетам и журналам будет оказываться в виде освобождения от налогов, дотаций на приобретение бумаги и предпочтительных тарифов. Эти преимущества не будут распространяться на органы печати, издающиеся различными союзами предпринимателей, а также финансовыми, промышленными и торговыми обществами. Все передатчики на французской территории будут переданы в распоряжение государственной службы радиовещания и телевидения, которая будет возглавляться административным советом, состоящим в основном из представителей парламента, служащих самого этого учреждения и квалифицированных представителей радиослушателей и телезрителей. Частные радио- и телевизионные компании, ведущие передачи из-за границы на Францию, должны будут, помимо налога на рекламу, платить еще дополнительный налог.

Внешняя политика и отношение к НАТО. В интересах разоружения Франция откажется от любой формы стратегических ядерных сил. Производство атомного оружия будет во Франции немедленно прекращено. Будут запрещены любые формы продажи оружия и военных материалов расистским, фашистским и колониалистским правительствам. Продажа оружия за границу будет строго регламентироваться. Образованное социалистами и коммунистами правительство выскажется за одновременный роспуск Североатлантического союза и Варшавского Договора и выступит в поддержку всех мероприятий, которые будут рассчитаны на постепенное достижение этой цели. Франция откажется от повторной интеграции в НАТО, однако в случае необходимости без промедления пойдет на заключение как оборонительных союзов, так и договоров о ненападении. Правительство будет стремиться к тому, чтобы сделать страну независимой от любого военно-политического блока. В этом духе будут решаться все проблемы, вытекающие из союзнических обязательств Франции в рамках Атлантического союза.

Отношение к ЕЭС. Франция будет принимать участие в дальнейшем развитии ЕЭС и его институтов, но в то же время будет выступать за то, чтобы «освободить сообщество от господства крупного капитала, демократизировать его институты, поддерживать требования трудящихся и привести деятельность сообщества в соответствие с интересами трудящихся». Франция будет следить за тем, чтобы внутри Общего рынка обеспечивалась свобода действий для осуществления политических, экономических и социальных программ. Экономический и социальный комитет ЕЭС должен подвергнуться демократизации, в частности, путем увеличения представительств рабочих и расширения компетенций. Комитет должен наполовину состоять из представителей профсоюзов, назначаемых представительными национальными организациями

в соответствии с полученным этими организациями количеством голосов на профсоюзных выборах. Другую половину членов комитета должны составлять представители прочих социальных групп и назначенные правительством лица. Принадлежность к ЕЭС не будет, однако, служить препятствием для самого широкого экономического и политического сотрудничества со всеми странами вне зависимости от их экономического и общественного строя. Франция выступит за «всеобъемлющее и всестороннее раскрытие» в отношении стран—членов Совета Экономической Взаимопомощи.

Сотрудничество. Помощь Франции развивающимся странам будет увеличена с целью удовлетворения национальных потребностей стран—получателей этой помощи, но отнюдь не для того, чтобы обеспечивать прибыли действующих там предприятий⁵⁰.

Предполагается, что в результате осуществления этой программы общественный сектор будет охватывать 14 процентов внутрифранцузского производства, 13 процентов занятой в стране рабочей силы и от 40 до 50 процентов инвестиций, вкладываемых в промышленность. Дискуссия о масштабах и границах предполагаемых мероприятий по национализации все еще продолжается. Вопрос о национализации превратился между тем в пробный камень возможности дальнейшего существования союза французских левых. К моменту завершения работы над данной книгой конца дискуссии еще не было видно.

Фаза перехода к самостоятельности (1972—1975)

С принятием совместной правительственной программы противоречие между заявлениями ФКП о солидарности с Советским Союзом, с одной стороны, и демократическими принципами совместной программы—с другой, стало очевидным. «Заверениям ФКП о том, что она поддерживает существующие институты, можно было бы легче поверить,—отмечала 30 июня 1972 года, вскоре после подписания вышеуказанной программы, газета «Монд»,—если бы ФКП отмежеввалась от тех режимов, в которых, несомненно, лишь немногие французы видят желательную для себя модель социализма».

Однако именно это трудно давалось руководству ФКП. Вначале оно пыталось демонстрировать и солидарность по отношению к Советскому Союзу, и собственную автономию. Например, член Политбюро ФКП Ролан Леруа в середине ноября 1972 года заявил, что для французских коммунистов не существует никакой модели социализма, а имеются только общие принципы, которые должны применяться в каждой стране в соответствии с ее особенностями и традициями. На этом, по его словам, основывается солидарность ФКП с коммуни-

тическими партиями, социалистическими государствами и с Советским Союзом⁵¹. Несколько дальше пошел Жорж Марше, который 17 ноября 1972 года впервые заявил, что в будущей социалистической Франции будет существовать многопартийная система. Кроме того, он сказал: «Мы придерживаемся мнения, что хотя и имеются определенные общие принципы строительства социалистического общества, но нет модели, которая может быть перенесена из одной страны в другую»⁵².

13—17 декабря 1972 года состоялся XX съезд ФКП, на котором вместо Вальдека Роше в качестве нового генерального секретаря был официально утвержден Жорж Марше. Съезд зажег зеленый свет для политики «раскрытия» в отношении социалистов и левых буржуазных группировок. Однако еще более важным фактором был проявившийся на съезде радикальный процесс омоложения внутри партии, который облегчил переориентацию ФКП. Средний возраст делегатов XX съезда составлял 33 года.

В своем отчетном докладе Марше, солидаризируясь с представлениями Итальянской коммунистической партии, указал на то, что при построении социализма необходим плюрализм автономных политических партий. В условиях будущего социализма будут гарантированы организационная свобода для профсоюзов, включая право на забастовки, свобода личности, свобода культурной и творческой деятельности. Не будет существовать никакой официальной государственной идеологии, а организационный принцип «демократического централизма» не может быть распространен на все общество.

На выборах, состоявшихся 4 марта 1973 года, ФКП получила 21,3 процента голосов и смогла направить в парламент 73 своих представителя (общее число членов парламента составляло 490 человек). Социалисты, получившие 19 процентов голосов, добились наибольшего с 1946 года успеха. Франсуа Миттеран с гордостью заявил, что достиг своей цели: ФКП и социалисты теперь примерно одинаково сильны и тем самым «достигнуто внутреннее равновесие левых сил»⁵³.

В связи с этим успехом социалистов руководство ФКП стало более отчетливо подчеркивать свою самостоятельность. В конце апреля 1973 года Марше, выступая на дискуссионном собрании ФКП в Тулузе, заявил перед пятитысячной аудиторией: «Советский Союз — это Советский Союз, Венгрия — это Венгрия, Чехословакия — это Чехословакия, Франция — это Франция. Путь, который мы избрали, иной, подобно тому как иными являются наша страна, наш народ, наши обычаи, и иной он также постольку, поскольку мы живем в 1973, а не в 1917 году. Самым верным путем к социализму является расширение демократии»⁵⁴.

В мае 1973 года Марше и Берлингуэр выступили на мас-

совом митинге в Болонье, где заявили, что отношения между двумя партиями «вступили в новую фазу». Несколько дней спустя Марше высказался в пользу совместных инициатив коммунистов, социалистов и католиков во всех капиталистических странах Европы⁵⁵. Сползание на «итальянскую линию» стало проявляться все явственнее. В июле 1973 года образовалась коммунистическая фракция в Европейском парламенте в Страсбурге, после того как три французских представителя-коммуниста дали наконец свое согласие на участие в ней. А в сентябре 1973 года вышла в свет книга Жоржа Марше «Демократический вызов», в которой он, а в его лице, следовательно, и ФКП впервые открыто заявили о своей приверженности модели плюралистического общества. Марше писал, что невозможно себе представить, чтобы социализм во Франции нашел свое выражение в однопартийной системе. Однако эти заявления в значительной мере обесценивались утверждениями о том, что в Польше, ГДР и Болгарии «влиятельные организованные некоммунистические партии» совместно с коммунистами принимают участие в руководстве государством, а в Советском Союзе все более возрастает значение «образованных на основе всеобщих выборов органов на всех уровнях»⁵⁶.

Содержавшееся даже в этой книге оправдание восточно-европейских систем ни в коей мере не отвечало мнению французского населения. Большинство французов связывает свое представление о социализме не с «реальным социализмом» стран Восточного блока. Так, центральный орган ФКП газета «Юманите» опубликовала результаты опроса, в котором читатели должны были определить понятие социализма. Лишь один процент опрошенных связал понятие социализма с системой, существующей в Советском Союзе и восточноевропейских странах, а все остальные говорили о собственных представлениях, которые по своему содержанию значительно отличались от представлений о системах, существующих на Востоке⁵⁷. Стало совершенно ясным, что балласт сталинистского прошлого в значительной мере затруднял процесс переориентации ФКП.

Решающей пробой сил союза левых явились президентские выборы, состоявшиеся в мае 1974 года. Во время первого тура выборов кандидат левых сил Франсуа Миттеран получил 43,3 процента голосов, Жискара д'Эстэн — 32,9 а кандидат голлистов — 14,6 процента. Все теперь решалось во втором туре голосования, состоявшемся 19 мая 1974 года. В нем баллотировалось всего два кандидата — Миттеран и Жискара д'Эстэн. Незадолго до 19 мая, в условиях исключительно острой внутриполитической обстановки, советский посол посетил консервативного кандидата Жискара. ФКП оценила этот визит как «неуместный». И вот во втором туре

голосования Миттеран получил 49,33 процента голосов, а Жискара.— 50,67 процента! Перевес Жискара был самым минимальным, и смена власти на выборах, намеченных на начало 1978 года, казалась весьма вероятной. После 16 лет господства голлистов французское население все больше стало выражать свое стремление к изменениям. Царило подлинное недовольство, которое еще более усиливалось ухудшением экономического положения и резкими социальными контрастами.

Тот факт, однако, что, несмотря на все это, левые силы не смогли одержать победы, был явно связан с тем, что ФКП ограничилась лишь частичным отмежеванием от Советского Союза. Подобного отмежевания, пусть и важного, было явно недостаточно. Необходимо было предложить в качестве альтернативы демократический социализм, который отвечал бы условиям и традициям западноевропейских стран и прежде всего был бы подлинным социализмом, освобожденным от любого патерналистского бюрократизма и оживленным подлинной внутрипартийной демократией⁵⁸.

Постепенно партийное руководство преисполнилось решимости отвечать на эти требования времени. В конце июня 1974 года ФКП развернула кампанию по вербовке новых членов под необычным лозунгом «Коммунистическая партия с открытым сердцем». Во время этой кампании любой француз мог принимать участие в любых совещаниях, проводившихся партией, включая совещания в высших партийных органах. Газета «Юманите» с лета 1974 года стала поддерживать эти акции публикацией комментариев, содержащих гораздо больший спектр мнений: теперь на ее страницах появлялись также критические материалы по отдельным аспектам политики и деятельности партии.

Согласно данным опросов общественного мнения, проведенных в октябре 1974 года, 50 процентов французов считали возможным, что коммунисты войдут в правительство в ближайшие пять лет, 59 процентов высказывались за участие коммунистических министров в левом правительстве. Что же касается характера компартии, то 49 процентов заявили, что ФКП уже не является более революционной партией, а 38 процентов по-прежнему считали ее революционной партией⁵⁹.

В октябре 1974 года отношение к социалистам вновь стало для руководства ФКП центральной проблемой. Во время дополнительных выборов в пяти избирательных округах (конец сентября — начало октября 1974 года) социалисты в отличие от коммунистов вновь добились значительного прироста голосов в свою пользу. В этих условиях партийное руководство пошло на необычный шаг, приняв решение о созыве XXI чрезвычайного съезда. Съезд этот состоялся

26—28 октября 1974 года и полностью прошел под знаком противоречий с Социалистической партией. Некоторые делегаты заявляли, что социалисты намерены стать первой партией народа и стремятся обогнать ФКП.

Причины быстрого усиления социалистов по сравнению с коммунистами были ясны. Во-первых, они считались более серьезными, более умеренными и более независимыми. Во-вторых, они в большей степени привлекали к себе левых избирателей, поскольку в партии проводились более свободные дискуссии. Помимо этого, социалисты по крайней мере несколько более открыто выступали за концепции прямой демократии и самоуправления, в то время как коммунисты все еще продолжали придерживаться концепции национализации⁶⁰.

На чрезвычайном съезде Марше поставил перед ФКП задачу получить 25 процентов голосов избирателей. С одной стороны, было заявлено о стремлении к единству с социалистами, но одновременно высказывалось намерение любой ценой усилить свою партию в рамках союза с социалистами. Тем самым трудности внутри союза левых сил стали совершенно очевидными.

Курс на переориентацию, взятый с 1975 года

17 мая 1975 года ЦК ФКП опубликовал в качестве основы для дискуссии «Заявление о свободе», которое было распространено по всей стране. Этот «каталог свобод» совершенно явно был направлен на отмежевание от коммунистических режимов в Восточной Европе. Вот лишь некоторые из свобод, содержащихся в каталоге.

Не может быть слияния между партиями и государством.

Члены политической партии не могут пользоваться никакими привилегиями.

Каждый может свободно высказываться, писать, печатать, издавать, распространять, цитировать.

Любое правительство обязано подчиниться результатам всеобщих выборов.

Смертная казнь должна быть отменена.

Лица, отказывающиеся нести воинскую повинность в силу своих убеждений, должны освобождаться от военного обучения и от ношения оружия. Они должны привлекаться к отбыванию службы в общественно полезных институтах и не должны ни подвергаться дискриминации, ни получать каких-либо преимуществ по сравнению с остальной молодежью.

Каждый имеет право на свободу убеждений и свободу придерживаться той или иной религии; места отправления религиозных обрядов неприкосновенны.

Ни один французский гражданин не может быть ни сослан, ни лишен гражданства.

Каждый гражданин имеет право знакомиться с собранными на него материалами, протестовать против их содержания и быть информированным об их использовании.

Должна быть установлена защита по закону от произвольного помещения людей в психиатрические лечебные заведения. Никто не может помещаться в подобные заведения против своей воли⁶¹.

Одно лишь перечисление этих свобод не оставляет сомнений в том, что имеются в виду именно те свободы, которые отсутствуют или ущемляются в странах Восточного блока.

Несмотря на это, процесс отмежевания от Востока был все еще противоречивым. Хотя партийное руководство и признавало его необходимость, однако оно не желало заходить «слишком далеко». Лишь в августе 1975 года ФКП более определенно подчеркнула свою самостоятельность. После появления в «Правде» от 6 августа уже упоминавшейся статьи Зародова Марше 9 августа 1975 года заявил на пресс-конференции: «Политика ФКП определяется в Париже, а не в Москве. Стратегия французских коммунистов заключается в том, чтобы прийти к социализму по пути свободы и демократии. Она основывается на единстве левых, осуществляемом на почве совместной правительственной программы».

Отказ от прежних представлений был облегчен уходом из жизни двух сталинистских руководителей ФКП: в конце апреля 1975 года умер Жак Дюкло, а в августе того же года — Бенуа Фрашон. В октябре 1975 года ФКП стала на сторону осужденного и в течение двух лет находившегося в особой психиатрической больнице украинского математика-марксиста Леонида Плюща, а 15 ноября жена Плюща передала представителям иностранной прессы свое письмо на имя Марше, в котором благодарила генерального секретаря ФКП за поддержку ее мужа.

Решающий поворот в сторону переориентации был сделан в ноябре 1975 года, когда была принята знаменитая совместная декларация французской и итальянской компартий. В декларации было подчеркнуто, что обе страны имеют много общего, и указано на то, что целью обеих партий является развитие и закрепление в условиях социализма всех личных и коллективных свобод, в том числе таких, как плюрализм политических партий и право на существование и дея-

тельность оппозиционных партий. Эти положения, было отмечено в декларации, продиктованы анализом объективных и специфических исторических условий, существующих во Франции и в Италии. ФКП здесь впервые заявила о своей готовности сотрудничать в Европейском сообществе и поддерживать мероприятия, направленные на его демократизацию, а также выступать за постепенное становление демократической, миролюбивой и независимой Европы⁶².

С подписанием этой совместной декларации ФКП — по крайней мере в соответствии с логикой официальных заявлений — вошла в лагерь еврокоммунизма. Начиная с осени 1975 года руководство ФКП стало быстро и последовательно демонстрировать свое отмежевание от Советского Союза. 11 декабря французское телевидение показало тайно заснятый при помощи скрытой камеры фильм о советском лагере. Фильм показывал поверку перед выходом на работу заключенных в исправительно-трудовом лагере ОЦ-78, расположенном на территории Советской Латвии. Политбюро ФКП 12 декабря 1975 года заявило, что этот фильм «показывает невыносимые условия жизни в этом трудовом лагере», и осудило то, что сегодня в Советском Союзе люди предаются суду за свои политические убеждения. Политбюро отметило, что такие факты, которые ничем невозможно оправдать, могут лишь наносить вред социализму. На это «Правда» 19 декабря возразила, что фильм является грубой антисоветской фальшивкой, и упрекнула ФКП в том, что, одобritельно отнесясь к этой провокации, она оказала поддержку антикоммунизму. «Юманите» выступила 20 декабря с ответом, указав на то, что ФКП всегда боролась против антикоммунизма и будет бороться против него и впредь, но она не может согласиться с таким положением, когда политическая борьба заменяется репрессиями.

Неделю спустя, 28 декабря, ФКП вновь высказалась за неограниченную свободу в условиях социализма. Против идей, подчеркнула она, следует бороться при помощи идей, а не при помощи репрессий. Ложь нужно пресекать при помощи фактов, клевету — при помощи доказательств, но не путем административных мер. ФКП заявила, что считает ненормальным то, что в социалистической стране есть политические заключенные, которых заточают в лагеря принудительного труда.

XXII съезд ФКП

Эта полемика велась в период подготовки к XXII съезду ФКП, который намечено было провести 4—8 февраля 1976 года. Подготовка к съезду ясно показала, что руководство

партии готовит далеко идущий поворот. Уже в проекте резолюции съезда, озаглавленной «Чего коммунисты хотят для Франции», в качестве главных положений фигурировали отстаивание демократических свобод, отказ от диктатуры пролетариата и выступление в пользу идеи «социализма цветов Франции».

ХХII съезд, состоявшийся в одном из парижских пригородов, проходил под девизом «Демократический путь к социализму, социализм для Франции». 1522 делегата представляли полмиллиона членов партии, из которых более 93 тысяч вступили в партию в течение 1975 года. Большинство делегатов составляла молодежь: средний возраст делегатов равнялся 32,5 года, и 48,5 процента делегатов были моложе 30 лет. Около 46,5 процента делегатов были зарегистрированы как рабочие. Тем самым ФКП представила себя обществу молодой, динамичной и имеющей корни в рабочем классе партией. В работе съезда принимало участие много делегаций от зарубежных коммунистических партий, в том числе и советская делегация, возглавлявшаяся членом Политбюро Андреем Кириленко. Однако иностранным делегациям не предоставлялось права выступать на съезде.

В своем отчетном докладе, лейтмотивом которого стала формула «французского пути к социализму», генеральный секретарь Жорж Марше выдвинул на первый план три темы: отказ от диктатуры пролетариата, критическое отмежевание от некоторых явлений в Советском Союзе и провозглашение собственного, французского пути к социализму, основывающегося на союзе левых сил.

Марше заявил, что диктатура пролетариата «не отвечает реальностям нашей политики». Социалистическое переустройство общества должно опираться на волю большинства народа, выражаемую посредством свободных выборов, и иметь своим содержанием далеко идущую демократизацию всей экономической, социальной и политической жизни. Поэтому необходимо отграничить себя от диктатуры пролетариата, ибо «диктатура в противоположность всему этому неизбежно заставляет вспомнить о фашистских режимах Гитлера, Муссолини, Салазара и Франко, то есть об отрицании демократии. А это совсем не то, чего мы хотим».

Бросалось в глаза то, что Марше отмежевывался только от фашистских диктатур, но не от сталинизма. Да и обоснование им причин отказа от диктатуры пролетариата тоже прозвучало весьма неопределенно.

Провозглашенное Марше отмежевание от Советского Союза также носило довольно осторожный характер. Подобную осторожность Марше явно считал необходимой, поскольку в партии все еще имелось много просоветских ил-

люзий, что проявилось также и на самом съезде партии. Из 88 делегаций, которых приветствовали на съезде, советская делегация во главе с членом Политбюро Кириленко была встречена наиболее продолжительными аплодисментами⁶³.

Марше заявил, что у ФКП общие с правящими партиями стран Восточного блока доктрины, общий противник и общее стремление к социализму, что в Советском Союзе социализм добился огромного исторического прогресса, в том числе ликвидации эксплуатации человека человеком, а также создания экономики, развивающейся без кризисов, безработицы и без непрерывного роста цен. К этим словам Марше добавил, что ФКП будет со всей решительностью бороться против антисоветизма и разоблачать ложь и клевету. И только после этого он высказался в том смысле, что необходимо сдерживать себя от искушения подменять репрессиями демократическую работу по переубеждению, идейную борьбу, отметил, что ФКП не согласна с некоторыми репрессивными мерами, практикуемыми в социалистических государствах, и что нельзя допустить, чтобы коммунистический идеал «был замаран несправедливыми и неоправданными действиями».

По третьему пункту повестки дня, то есть по вопросу об обосновании собственного, французского, демократического пути к социализму, Марше заявил: «Международное коммунистическое движение не является ни церковью, ни централизованной организацией, подчиняющей каждого и всякого обязательным правилам и единому закону». По его словам, переход к социализму будет неизбежно происходить в самых различных формах: «Не существует и не может вообще существовать модели социализма, которую можно было бы переносить из одной страны в другую и которую можно было бы копировать. Поэтому мы предлагаем нашему народу демократический путь, который приведет к социализму цветов Франции».

Марше сделал сильный акцент на национальном вопросе и французском суверенитете. Он подчеркнул, что важнейшая боевая цель ФКП — сделать все возможное, чтобы «обеспечить Франции независимость и суверенитет, то есть гарантировать ее народу возможность принимать свободное решение и совершать действенные международные акции». Далее Марше заявил: «Национальная независимость отнюдь не отжившее понятие. Она — великое требование нашего времени». И поскольку, резюмировал он, ничего не может быть более актуального и более современного, чем борьба за независимость, суверенитет и расцвет Франции, то ФКП призывает всех демократов и патриотов Франции «внести свой вклад в эту национальную борьбу»⁶⁴.

XXII съезд ФКП был, несомненно, большим шагом вперед. Однако по сравнению с другими еврокоммунистическими партиями — такими, как компартии Италии, Испании, Японии, Австралии и Швеции, — ФКП пришла на этом своем съезде к результатам не столь далеко идущим. Критика ФКП в адрес Советского Союза ограничивалась лишь констатацией некоторых негативных аспектов при одновременном приукрашивании общего положения и отсутствии какого-либо общего анализа. Политика союза с другими демократическими силами хотя и подчеркивалась, но не обосновывалась в такой мере аргументированно, как это делала, например, ИКП. В отличие от других еврокоммунистических партий европейская концепция, общность компартий промышленно развитых государств, почти не упоминалась и, наоборот, сильно выпячивались национальные тенденции. При том, что декларировался отказ от диктатуры пролетариата, отсутствовал сколько-нибудь глубокий анализ новой позиции. Не прозвучало также никакой самокритики относительно того, почему еще XVII съезд ФКП, состоявшийся в 1964 году, решительно высказался за диктатуру пролетариата.

На фоне всего этого перемена курса, предпринятая на XXII съезде, выглядела в глазах многих наблюдателей — и притом отнюдь не только из вражеского лагеря! — шагом, скорее предписанным сверху, чем продиктованным убеждениями и волей широкого большинства. Неоднократно обращалось также внимание на то, что не было дано никакой самокритической оценки прошлого и отсутствовал всякий научный анализ. Тем не менее было бы ошибкой недооценивать решающее значение XXII съезда ФКП для дальнейшего развития партии⁶⁵.

После съезда напряженность в отношениях между французскими и советскими коммунистами продолжала нарастать. В своей информации о съезде «Правда» умолчала о решении исключить формулировку о диктатуре пролетариата⁶⁶. Несколько дней спустя главный советский партийный орган выразил свою озабоченность тем, что ради единства левых выдвигались сомнительные аргументы, которые могут означать идеологическую «социал-демократизацию» коммунистических партий⁶⁷. На XXV съезд КПСС, состоявшийся в феврале — марте 1976 года, вместо генерального секретаря Марше поехал член Политбюро Плиссонье, который в своем выступлении затронул новые тезисы ФКП, что было также замечено критически настроенными советскими гражданами. Выступая после советского партийного съезда, борец за гражданские права, лауреат Нобелевской премии Андрей Сахаров заявил, что пока еще трудно говорить что-то конкретное о Французской компартии, так как ее пово-

рот был столь неожиданным и произошел в самое последнее время, а потому выглядит еще не окончательным. Однако если новая линия будет сохранена и упрочена, то французский феномен будет иметь очень большое, даже революционное значение в контексте всего мирового коммунистического движения⁶⁸. Французские коммунисты со своей стороны весьма критически анализировали XXV съезд советской компартии. По мнению «Нувель критик», близко стоящей к ФКП, на съезде не обсуждалась ни одна из важных политических проблем и не рассматривался ни один из новых вопросов. Все происходило так, будто политическая дискуссия была намеренно заморожена. Чувствовалось стремление оставить все так, как было раньше⁶⁹.

Решающую роль сыграл провозглашенный на XXII съезде ФКП поворот в ходе коммунальных выборов, состоявшихся 7 и 14 марта 1976 года. Здесь произошел разительный сдвиг. Если на выборах 1971 года из 39 французских крупных городов с населением более 100 тысяч жителей союз левых сил завоевал 12, то теперь это число увеличилось до 22. Если в 1971 году из 182 городов с населением от 30 до 100 тысяч человек левые, получив большинство, поставили под свой контроль 86, то теперь это количество возросло до 133. Даже такие оплоты консерватизма во Франции, как Брест, Шербур, Нант и Ренн, перешли в руки левых.

Однако во втором туре голосования, состоявшемся 14 марта, коммунисты столкнулись с тревожным для себя развитием событий. В то время как 85 процентов всех коммунистов отдали свои голоса за выдвинутых в качестве единых кандидатов левых сил социалистов, почти треть социалистов отказалась голосовать за единых кандидатов от ФКП. Перед лицом таких фактов коммунисты вскоре после выборов впервые выступили за то, чтобы в дальнейшем выставлять совместных кандидатов левых сил уже в первом туре голосования. Но это предложение было отклонено социалистами⁷⁰.

Коммунальные выборы показали, что весной 1978 года победа союза левых сил была вполне возможной, но что при такой победе социалисты получили бы значительно больше голосов, чем коммунисты, и коммунисты в лучшем случае могли бы стать младшими партнерами в правительстве левых. Понимание этого побудило ФКП уже вскоре после выборов более четко выделить два новых акцента в своей политике: подчеркнуть, с одной стороны, еще более резкое отмежевание от советского коммунизма с целью привлечения на свою сторону более широких слоев избирателей, а с другой — более самостоятельную политику в рамках союза левых сил, с тем чтобы более четко оттепить свой вес внутри союза. Эта политика неизбежно должна была уже вскоре привести к разногласиям с социалистами.

Усиление процесса отмежевания было продемонстрировано уже в апреле 1976 года поездкой делегации Французской компартии в Японию и совместной декларацией ФКП и КПЯ, у которой как раз в это время проявлялись резкие противоречия с Советским Союзом. Более критическое по сравнению с прежним отношение к Советскому Союзу было выражено также Марше на состоявшейся в июне 1976 года в Восточном Берлине конференции европейских коммунистических партий, причем генеральный секретарь ФКП применил настолько резкие формулировки, что, за исключением газеты «Нойес Дойчланд», все другие партийные органы стран Восточного блока опубликовали только подвергшийся значительной цензуре вариант его речи.

С лета 1976 года стали проявляться признаки солидаризации с советскими диссидентами. Уже упоминавшийся ранее математик-марксист Леонид Плющ после своей высылки из СССР и лишения советского гражданства был принят ФКП, а в середине октября 1976 года член ЦК Пьер Жюкен принял участие в одном из митингов основанного Плющом комитета и разъяснил на нем точку зрения ФКП. Сразу же после этого советское телеграфное агентство (ТАСС) высказало свое недоумение по поводу того, что французские коммунисты принимают участие в подобных «грязных демонстрациях». Но ФКП не отказалась от своей позиции и вскоре опубликовала текст речи Жюкена тиражом 6 миллионов экземпляров.

В декабре 1976 года партийная газета «Юманите» со всей резкостью выступила против лишения прав гражданства и выдворения из ГДР Вольфа Бирмана. «Мы, — заявила она, — считаем недопустимым, чтобы человек, борющийся за идеи, которые он считает правильными, ставился перед невыносимым выбором между тюрьмой и высылкой»⁷¹. Решающее значение, однако, для формирования облика ФКП в глазах общественности имел состоявшийся в середине декабря новый показ по телевидению кинофильма «Признание». Этот фильм был заснят по автобиографическому произведению Артура Лондона — одного из трех не приговоренных к смертной казни обвиняемых на процессе Сланского в Чехословакии в декабре 1952 года. Когда этот фильм впервые был показан, газета «Юманите» его резко отвергла. На этот раз, однако, состоялась телевизионная дискуссия, в которой приняли участие Артур Лондон, его жена Лиза, член Политбюро ФКП Жан Канапа и бывший директор чехословацкого телевидения во время «пражской весны» Иржи Пеликан. Во время дискуссии Жан Канапа заявил, что фильм является произведением, отличающимся полной аутентич-

ностью, и служит подспорьем всем тем, кто борется за социализм⁷². В ответ на это чехословацкая партийная газета «Руде право» выступила с нападками на ФКП. Она писала, что речь идет о «хламе из антикоммунистического арсенала», вытаскиваемом из небытия ради «антикоммунистической провокации»⁷³. В рамках всей этой кампании ФКП в январе 1977 года выразила протест против мероприятий по подавлению, проводившихся в Чехословакии в связи с «хартией-77»⁷⁴.

Наконец, первые шаги на пути к *принципиальному* размежеванию сделал своими книгами «История сталинизма» и «История Французской коммунистической партии» историк Жан Элленстейн, заместитель директора Центра марксистских исследований ФКП. В конце января 1977 года советский еженедельник «Новое время» обвинил его в том, что он непомерно раздул негативные аспекты и степень нарушения социалистической законности. Его суждения о беженцах и эмигрантах, о слабостях демократии и отсутствии свободы, а также о преследованиях диссидентов в Советском Союзе «позаимствованы у антикоммунистической пропаганды»⁷⁵. «Юманите» ответила на это цитатой из резолюции конференции европейских коммунистических партий от июня 1976 года: «Коммунистические партии не рассматривают как антикоммунистов всех, кто не согласен с их политикой или выступает с критических позиций по отношению к их деятельности».

22 февраля 1977 года генеральный секретарь Жорж Марше выступил по французскому телевидению в рамках дискуссии с советским историком и диссидентом Андреем Амальриком. Хотя слушатели и почувствовали определенную разницу между позициями Марше и Амальрика, обращало на себя внимание то, что Марше во время дискуссии заявил, что для французских коммунистов «свобода неделима» и что поэтому «мы не можем согласиться с арестами и преследованиями за убеждения в любой стране, включая Советский Союз». Однако, тут же добавил Марше, свободу необходимо защищать не только в социалистических, но и в капиталистических странах⁷⁶.

В начале марта 1977 года Жан Элленстейн дал интервью, в котором коснулся еще одного щекотливого вопроса — вопроса о возможности перемен в Советском Союзе в будущем и о роли правозащитных движений. Он высказал мнение, что главное для советского руководства в проводимой им политике разрядки — следить за тем, чтобы она не привела к социализму с человеческим лицом, к «пражской весне». Поэтому, добавил Элленстейн, Москве очень неприятно то, что в Восточной Европе развивается оппозиционное движение, не выступающее против социализма, а стремящееся его демо-

кратизировать, как это проявилось в движении «хартии-77» в Чехословакии, в действиях некоторых советских диссидентов и в движении польских рабочих и интеллигентов.

На вопрос о возможности в будущем изменений в Советском Союзе и других социалистических странах Элленстейн ответил, что этих изменений нельзя добиться международными действиями, что они возможны только на путях внутренней модификации, диктуемой собственным развитием каждой из этих стран. Отметив, что разрядка хотя и может повлиять на такое развитие, но только в ограниченных масштабах, он добавил, что демократический социализм во Франции мог бы с успехом стать притягательным примером для всех тех людей в Советском Союзе и в других социалистических странах Европы, которые стремятся к большей демократии в рамках существующего социализма⁷⁷.

В начале июня 1977 года, когда стало известно о предстоящем визите во Францию генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, Марше заявил, что исключено, чтобы французские коммунисты стали обсуждать с советским генеральным секретарем свои нынешние политические принципы. Он подчеркнул, что времена, когда имелся единый центр, в котором решались все проблемы коммунизма, навсегда прошли и что еще даже не известно, встретится ли он с Брежневым во время официального визита последнего во Францию в конце июня. В конце концов, резюмировал Марше, вовсе не обязательно, чтобы руководство ФКП встречалось с советским партийным лидером при каждом его приезде в Париж⁷⁸. И руководство ФКП действительно сдержало свое слово: во время визита Брежнева во Францию в конце июня 1977 года встречи с французскими коммунистами у него не было.

Усиление конфликтов между ФКП и социалистами

Со времени коммунальных выборов, состоявшихся в марте 1976 года, становилось все более очевидным стремление ФКП активнее разыгрывать национальную карту и более резко подчеркивать свою самостоятельность по отношению к усилившимся социалистам. Это стало заметным уже в конце марта 1976 года, когда ЦК ФКП решил по национальным соображениям выступить в защиту французского сверхзвукового пассажирского самолета «Конкорд». ФКП призвала не только рабочих авиационной промышленности, но и всех трудящихся «защищать национальное достояние». Коммунисты, заявил на заседании ЦК Марше, «чувствуют себя обязанными укреплять национальную независимость»⁷⁹. Необходимо, сказал он, сделать все для продолжения работ над «Конкордом». Он заверил, что ФКП преисполнена решимости возглавить

борьбу против «политики ликвидации и распродажи интересов нации»⁸⁰.

Следующий шаг был сделан в июне 1976 года, когда ФКП выступила с требованием изменить совместную правительственную программу от июня 1972 года и привести ее в соответствие с новыми условиями. К мероприятиям, призванным подчеркнуть переориентацию собственной партии, можно, пожалуй, отнести и предложение коммунистов от 12 ноября 1976 года о том, чтобы призвать левое крыло голлистской партии ЮДР присоединиться к союзу левых. Марше заявил, что все те, кто выступает за независимость Франции, ее экономический расцвет и социальный прогресс, но еще не готов вступить в ФКП, могли бы образовать наряду с коммунистами, социалистами и левыми либералами четвертый компонент в рамках союза левых сил. Это предложение было, однако, отвергнуто социалистами.

Наряду с этим весной 1977 года существовали также определенные признаки того, что ФКП в интересах укрепления союза левых сил решила пойти навстречу некоторым предложениям социалистов. Это стало ясно 19 апреля 1977 года, когда Жорж Марше в интервью по радио объявил о намерении своей партии отказаться — при условии определенных гарантий — от высказывавшихся ранее сомнений в отношении прямых выборов французских представителей в Европейский парламент. Социалисты постоянно выступали за такие прямые выборы, а коммунисты всегда высказывались против подобных выборов, поскольку они усматривали в них акцию, ограничивающую суверенитет национальных парламентов. Теперь Марше заявил, что коммунисты пересмотрят свое отношение к вопросу о прямых выборах, если в законе о ратификации будут предусмотрены ясные обязательные и обязующие статьи относительно полномочий Европейского парламента, которые не будут выходить за положения, зафиксированные в Римских договорах, и тем самым будет исключена возможность выхолащивания прав французского парламента и положений французской конституции⁸¹. Это заявление Марше было положительно встречено социалистами, и стало казаться, что разногласия между двумя крупнейшими левыми партиями по вопросу о европейской политике уже преодолены. Но вскоре обнаружилось, что это не так, поскольку с мая 1977 года уже невозможно было не замечать дальнейшего роста противоречий между коммунистами и социалистами.

Новые расхождения начались с того, что 11 мая 1977 года Жан Канапа высказался в пользу французской ядерной ударной силы. Свою позицию Канапа обосновывал тем, что обычные вооруженные силы неуклонно теряют свое значение и не могут более обеспечить эффективную оборону страны. На том же самом заседании ЦК Жорж Марше в своем

заключительном слове подчеркнул, что возникла новая обстановка, поскольку атомное оружие стало единственным эффективным средством обороны, и поэтому от него нельзя отказываться. Заявив, что правительство объединенных левых сил будет преисполнено решимости защищать независимость Франции любыми средствами, Марше сказал далее: «Мы хотим, чтобы завтра ни одна держава не могла испытывать ни малейшего сомнения в нашей решимости всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами защищать суверенитет нашей страны, неприкосновенность ее территории и мирный труд ее народа». Было подчеркнуто, что, в то время как для режима Жискара атомное оружие является элементом стратегии НАТО, для ФКП оно будет средством устрашения, призванным обеспечить безопасность Франции от любой угрозы, с какой бы стороны такая угроза ни исходила⁸². Тем самым ФКП недвусмысленно отошла от совместной правительственной программы левых, принятой в июне 1972 года, поскольку та программа содержала пункт: «Отказ от стратегических ядерных ударных сил в любой их форме, прекращение создания французских ударных сил».

В этих условиях 17—18 мая 1977 года состоялась так называемая встреча в верхах союза левых, на которой три партии договорились об актуализации правительственной программы от июня 1972 года. Была создана рабочая группа, в которую вошли по пяти представителей от каждой партии и на которую была возложена обязанность привести совместную правительственную программу в соответствие с новыми экономическими и социальными реальностями⁸³.

В течение лета 1977 года между социалистами и коммунистами возникли дальнейшие разногласия — прежде всего по вопросу о подлежащих национализации предприятиях и фирмах. Совместная программа 1972 года предусматривала национализацию девяти групп промышленных предприятий, а также банков и страховых компаний. О филиалах этих предприятий тогда не было достигнуто точной договоренности. Теперь коммунисты потребовали национализации всех предприятий, в которых указанные девять групп промышленных предприятий (или государство) обладают более чем половиной всех акций, и дополнительно выступили за национализацию металлургической промышленности. Социалисты высказали свою готовность к национализации только таких предприятий, в которых указанные девять промышленных групп (или государство) владеют 94 процентами всех акций. Вопрос о возможности национализации металлургической промышленности, а также заводов «Ситроен» и «Пежо», относительно будущего которых шла дискуссия, по мнению социалистов, подлежал обсуждению только после формирования правительства.

Хотя точки зрения и все более сближались, оставались также определенные различия в позициях. Но объективно эти различия не были столь велики, чтобы соответствовать накалу вспыхнувших вокруг них горячих дискуссий. С точки зрения коммунистов, национализации подлежали 729 французских предприятий с общей численностью занятых на них рабочих и служащих, равной 600—650 тысячам человек, в то время как предложения социалистов сводились к национализации 227 предприятий, на которых занято примерно 500 тысяч человек. Наконец, имелись еще различия по вопросу о минимальной заработной плате. В правительственной программе от июня 1972 года минимальная заработная плата предусматривалась в размере 2200 франков. Теперь ФКП со ссылкой на инфляцию предлагала установить минимальную заработную плату в размере 2400 франков, тогда как социалисты настаивали на сохранении ранее согласованного минимума, равного 2200 франкам, и намеревались только после формирования правительства вести переговоры с профсоюзами о повышении заработной платы.

Подлинной причиной внезапного обострения отношений между партнерами было очевидное опасение коммунистов, что они не смогут более угнаться за своими все усиливающимися партнерами по союзу — социалистами. Поэтому-то после прекращения переговоров коммунисты все больше подчеркивали силу собственной партии, а не значение союза левых сил. ФКП явно опасалась, что положительные для нее результаты участия в победоносном союзе левых — такие, как выход из изоляции, доказательство ее способности принимать участие в правительстве, получение важных министерских портфелей в экономической и социальной сферах, — не смогут уравновесить некоторые отрицательные последствия, а именно: потерю идеологической субстанции, снижение боевистости и угрозу «социал-демократизации». В свою очередь социалисты с прекращением переговоров связывали надежду на то, что без слишком тесного союза с коммунистами им удастся завоевать на свою сторону новые слои избирателей внутри буржуазного центра, с тем чтобы по возможности перешагнуть границу 40 процентов голосов и превратиться в сильнейшую партию Франции, что по французскому избирательному закону означает получение абсолютного большинства в Национальном собрании.

Конфликты внутри союза левых сил породили немалое смятение и разочарование в массах левых избирателей. Согласно данным проведенного всего несколько недель назад опроса общественного мнения, на вопрос, останется ли и в дальнейшем Миттеран в союзе левых, 47 процентов опрошенных ответили «да», 29 процентов — «нет», а 24 процента опрошенных заявили, что они не знают. На вопрос о будущем

социалистов 37 процентов опрошенных ответили, что социалисты будут стремиться к новому сближению с ФКП, 29 процентов предположили возможность установления контактов с частью буржуазных избирателей, а 24 процента заявили, что не верят ни в одну из подобных возможностей, или вовсе не высказали своего мнения⁸⁴.

В настоящее время почти все комментаторы единодушно высказывают мнение, что у ФКП процесс переориентации зашел отнюдь не так далеко, как у коммунистов Испании и Италии. Хотя ФКП и движется к еврокоммунизму, но она при этом делает более сильный акцент на национальных интересах. Некоторые специалисты рассматривают ее как олицетворение голлистского коммунизма. И все же с точки зрения политики дальнего прицела союз левых является для ФКП единственным выходом из положения. Однако ее руководство все еще колеблется между надеждой на соответствующую долю участия во власти после победы союза левых сил и опасениями, что после выборов она будет отвергнута, как тот самый мавр, который сделал свое дело⁸⁵.

Дальнейшая политическая судьба французских коммунистов будет зависеть от глубины и степени достоверности и убедительности начавшегося процесса преобразования их партии. Процесс этот привлекает к себе пристальное внимание французской общественности, и не в последнюю очередь критические взоры 500 тысяч членов ФКП и почти пяти миллионов голосующих за нее избирателей.

Глава 3

Коммунистическая партия Испании: новые пути, новые цели в борьбе против просоветской осколочной группы

Наряду с Итальянской коммунистической партией Коммунистическая партия Испании наиболее отчетливо и ясно представляет новые концепции еврокоммунизма, частично идя даже дальше ИКП. Это имеет тем большее значение, что отказ от старых советских шаблонов происходил не в условиях парламентской демократии, как в Италии, а в ходе нелегальной борьбы при доживавшем свой век франкистском режиме.

Сантьяго Каррильо, являющийся с 1960 года генеральным секретарем Коммунистической партии Испании, сам охарактеризовал развитие испанского коммунизма следующими словами: «Наша история с 1939 по 1975 год — это были тридцать шесть лет подполья и гонений, из них тридцать лет деятельности в темном туннеле, в котором главным делом было спасти подвергавшиеся преследованиям организации: со старыми кадрами, уставшими или находившимися в эмиграции, с молодыми кадрами, родившимися за границей и не имевшими никаких связей со страной и никаких корней в ее прошлом. Сохранить партию было в таких условиях трудной задачей, поскольку было и много ошибок, и много заблуждений... Это был сизифов труд, который приносил мало удовлетворения. Только год или два года назад мы увидели свет в конце туннеля, и для нас это было то же, что для растения теплые дни после зимы. Сегодня партия — это важный фактор, это протагонист, это великое дело»⁸⁶.

Развитие Коммунистической партии Испании в первый послевоенный период (1945—1949)

Надежды испанских коммунистов на то, что после окончания второй мировой войны и поражения фашизма союзники будут содействовать устранению также режима Франко, не оправдались. Уже до этого испанские коммунисты начали в Алжире подготовку партизанских групп для последующего восстания. Во время второй мировой войны более 12 тысяч испанских коммунистов принимало участие в вооруженной борьбе движения Сопротивления во Франции. Большинство из них входило в организацию «Объединение испанских партизан». В самой Испании коммунисты участвовали в движении

Сопротивления совместно с социалистами, социал-демократами, республиканцами и другими противниками Франко. Поэтому в мае 1945 года руководство Коммунистической партии Испании состояло из различных центров. В Москве партией руководила генеральный секретарь КПИ Долорес Ибаррури (Пасионария). На этом посту она была преемницей Хосе Диаса, который скончался в Москве в марте 1942 года при еще не совсем ясных обстоятельствах. Она являлась членом Коммунистической партии Испании с момента ее основания, много раз подвергалась тюремному заключению, избиралась после победы Народного фронта в 1936 году депутатом кортесов и возглавляла испанскую делегацию на VII конгрессе Коминтерна в 1935 году. Второй центр находился в Мексике и возглавлялся Висенте Урибой, который во время Гражданской войны был министром сельского хозяйства в правительстве Народного фронта. Наконец, в Аргентине существовал еще и третий организационный центр во главе с членом Политбюро Фернандо Клаудином.

Еще во время войны отношения между этими центрами характеризовались внутренними конфликтами. В мае 1943 года из Москвы в Мехико был направлен Хесус Эрнандес — член Политбюро КПИ, который во время Гражданской войны был генеральным комиссаром войск Центрального и Южного фронтов и министром народного просвещения в правительстве Народного фронта. В 1945 году он порвал с партией и высказался за независимый социалистический курс, выдвинув при этом такие концепции, которые сегодня, 30 лет спустя, являются частью общего еврокоммунистического достояния Коммунистической партии Испании.

В самой Испании находившаяся на нелегальном положении компартия готовила в конце войны национальное восстание с целью освобождения страны силой оружия. В этом восстании должны были принять участие проживавшие во Франции испанские партизаны, которые концентрировались в районах, прилегающих к франко-испанской границе. Они должны были мелкими группами проникнуть в Испанию и организовать там восстание. Между отдельными партизанскими группами была налажена радиосвязь. Поддерживаемые нелегальной Коммунистической партией Испании, эти партизанские группы действовали в течение трех с лишним лет — с 1945 по 1948 год. Примером для них являлась борьба Югославии под руководством Тито. В мае 1948 года — всего за месяц до разрыва между Югославией и Москвой — делегация КПИ во главе с Сантьяго Каррильо отправилась к Тито с довольно необычной просьбой — помочь организовать высадку парашютистов на территории Испании. Тито тогда ответил, что этот вопрос следовало бы вначале обсудить с Советским Союзом. Через несколько месяцев руководство Ком-

мунистической партии Испании, в том числе Долорес Ибарри и Сантьяго Каррильо, было приглашено в Кремль к Сталину. В переговорах, кроме Сталина, принимали участие также Суслов и Молотов. Сталин предложил руководителям КПИ в более широких масштабах проводить работу в легальных массовых организациях. Необходимо, считал Сталин, засылать как можно больше своих людей в фашистские профсоюзы и другие массовые организации, чтобы действительно представлять в них свои концепции. Партизаны же в противовес этому впредь должны будут использоваться только для защиты политического руководства, чтобы гарантировать его безопасность⁸⁷. Партизаны в это время стали обнаруживать признаки все большей деморализации. Их единственной целью было сохранить свою жизнь. В дополнение к этому испанской полиции удалось заслать своих агентов и провокаторов в партизанские группы. Несмотря на это, партизанская борьба продолжалась до 1949 года, но ее результатом было лишь то, что испанские коммунисты потеряли в ходе ее около 15 тысяч человек. Поэтому решение партийного руководства о прекращении партизанской борьбы было встречено с одобрением; оно положило начало новому этапу в развитии Коммунистической партии Испании.

После разрыва Югославии с Москвой руководство испанской компартии еще поддерживало осуждение Югославии Коминформом, что позднее было охарактеризовано Сантьяго Каррильо как «непростительная ошибка»⁸⁸. Однако разрыв Югославии с Москвой привел также к тому, что сотни членов партии, среди них Феликс Монтиель, в течение многих лет являвшийся главным редактором партийной газеты «Мундо обреро», и Хосе дель Баррио, входивший в состав партийного руководства Объединенной социалистической партии Каталонии и руководства Коммунистического Интернационала, вышли тогда из партии и высказались за независимое социалистическое развитие по примеру Югославии. Хесус Эрнандес, который, как уже указывалось выше, в начале 1945 года порвал с партией, в 1950 году приехал в Белград, где выступил с лекцией в югославской Высшей партийной школе. В своем официальном заявлении Хесус Эрнандес назвал себя титоистом: «Хотя коминформисты и хотят обругать нас выражением «титоист», мы воспринимаем это выражение с удовлетворением, так как нас таким путем можно отличить от тех коммунистов, которые танцуют под дудку Москвы»⁸⁹. Вышедшие в 1948 году из партии или исключенные из нее испанские коммунисты основали группировку «Аксон сосиалиста», чьи устремления во многом напоминали концепции, которые в Италии в то время отстаивали Альдо Куччи и Вальдо Маньяни.

В конце 40-х годов Компартия Испании попыталась по желанию Сталина легализовать свою подпольную деятельность и усилить сотрудничество с другими политическими силами, прежде всего в профсоюзах. Партия начала развертывать работу среди находящихся вне партии сил, включая студентов и особенно интеллигенцию. Первым успехом этой концепции явилась всеобщая забастовка в Барселоне в 1951 году.

На V съезде Компартии Испании, состоявшемся в Праге, Долорес Ибаррури была вновь утверждена в качестве генерального секретаря, а в Политбюро были введены несколько представителей более молодого поколения, среди них Сантьяго Каррильо, Фернандо Клаудин и Энрико Листер. Партия все еще рассматривала себя в качестве представительницы бывший Испанской республики, и ведущие испанские коммунисты входили в состав испанских эмигрантских правительств: так, Висенте Урибе входил в состав правительства Негрина, а позднее Сантьяго Каррильо был членом эмигрантского правительства Хираля. Однако поддерживать фикцию Испанской республики в эмиграции становилось все труднее, так как после 1945 года сама Испания все больше изменялась. Поколение, жившее во время Гражданской войны, понесло значительные потери, устало и во все большей мере старело. Нужно было сближаться с новыми силами, которые вырастали в легальных организациях Испании. В конце апреля 1956 года после длительных дебатов на пленуме испанского партийного руководства была одобрена новая политика — политика «национального примирения». Целью этой политики было открыть партию для представителей более молодых поколений и объединить для борьбы против Франко все силы, независимо от того, на чьей стороне они находились в период Гражданской войны.

В разгар этой развернувшейся в Компартии Испании внутривластной дискуссии громом среди ясного неба прозвучал секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС. Позднее Каррильо писал о своих тогдашних переживаниях: «Сразу после этого во мне как бы оборвалось нечто такое, что можно было бы назвать идеалистической верой в Сталина, и в то же время я был рад, что теперь окажется возможным осуществить те изменения, к которым я стремился». Каррильо, однако, самокритично признал, что в отличие от Тольятти он не сумел уже тогда увидеть и проанализировать существо проблемы. Для него XX съезд КПСС и секретный доклад Хрущева послужили напоминанием о том, что «мы должны были начать мыслить нашими собственными головами»⁹⁰. В своей речи на пленуме ЦК КПИ в августе 1956 года Кар-

рильо занялся самокритикой, отметив, что частичной причиной ошибок, допущенных испанскими коммунистами, было то, что и они некритически перенимали советский опыт.

В сентябре 1957 года политика «национального примирения» была подтверждена, но не в качестве политики классового примирения или сентиментальной реакции на трагедию Гражданской войны, а в качестве решительной политики наступления на прогнивший террористический режим. Было решено объявить 5 мая 1958 года Днем «национального примирения» и провести его под девизом «Против повышения стоимости жизни, против экономической политики диктатуры, за амнистию политических заключенных и эмигрантов, за политические права». Выступая в марте 1959 года с заявлением по случаю двадцатой годовщины со дня окончания Гражданской войны, Компартия Испании выразила готовность заключить соглашение с другими оппозиционными партиями о правительственной программе, рассчитанной на переходный период после свержения диктатуры. Она изъявила согласие принять участие в таком правительстве, пока оно будет соблюдать гарантии демократических свобод и пока КПИ сможет в нем сотрудничать в качестве равноправного партнера. Компартия Испании готова была также пойти на признание королевского наместника, если народ позднее получит возможность свободно избрать свой политический строй — республику или монархию⁹¹.

Первый, хотя и осторожный шаг к отмежеванию от КПСС был сделан на VI съезде КПИ, проходившем с 28 по 31 января 1960 года. Впервые было заявлено, что благоприятной международной ситуации Испания сможет прийти к социализму мирным, парламентским путем. Образование широкой коалиции предопределило бы менее болезненные формы перехода к социализму, чем те, «к которым пришлось прибегнуть в других странах». Было признано, что в результате этого появится возможность привлечь без серьезных потрясений и значительных конфликтов большинство населения к строительству нового общества⁹². Одновременно съезд принял решение об изменениях в структуре партии. В частности, было определено, что член партии не обязательно должен состоять в первичной организации, как это предписывается большевистским учением о партии, а что возможно даже и индивидуальное сотрудничество с партией. Термин «Политбюро» был заменен термином «Исполнительный комитет», поскольку это, как отметил съезд, больше соответствует испанским политическим традициям. Наряду с постом генерального секретаря был учрежден также пост председателя партии. На пост генерального секретаря был назначен Каррильо, а пост председателя партии заняла Долорес Ибаррури.

Жизненный путь родившегося в 1916 году нового генераль-

ного секретаря Сантьяго Каррильо имеет много общего с жизненным путем Тито, хотя Каррильо почти на четверть века моложе, чем родившийся в 1892 году югославский лидер. В такой же мере, в какой Тито олицетворяет собой югославскую революцию, разрыв с Москвой и собственный югославский путь, превращение Компартии Испании в самостоятельную партию неразрывно связано с именем Сантьяго Каррильо. Оба руководителя — выходцы из среды рабочего класса, оба вначале являлись членами социал-демократической партии, оба приобрели богатый международный революционный опыт в самых различных странах, оба принимали участие в крупных революционных движениях.

Сантьяго Каррильо — сын рабочего-литейщика. Его отец играл видную роль в Социалистической партии, был депутатом парламента и даже заместителем министра в период Республики. Каррильо вначале работал в типографии, а затем стал учеником редактора в социалистической газете «Сосиалиста». В 1930 году четырнадцатилетним юношей он вступил в Федерацию социалистической молодежи и вскоре был избран в состав ее мадридского комитета. К тому времени, когда ему исполнилось восемнадцать лет, он уже успел дважды побывать в тюрьме и был назначен на пост генерального секретаря Федерации социалистической молодежи Испании. С 1934 по 1936 год Федерация социалистической молодежи выросла с 20 до 50 тысяч членов. Каррильо принадлежал к ее левому крылу, вел постоянные переговоры с аналогичной организацией коммунистической молодежи и подготавливал слияние обеих организаций, которое произошло после победы Народного фронта в начале 1936 года. Во время своего краткого пребывания в Москве он познакомился с болгарским ветераном коммунистического движения Димитровым, который, как он писал об этом позднее, произвел на него глубокое впечатление⁹³.

18 июля 1936 года, когда начался франкистский путч, Каррильо как раз находился в пути, перебираясь из Москвы в Париж. Из Парижа он пробился в Мадрид, где 6 ноября 1936 года стал членом Хунты обороны города. К этому времени Мадрид был почти полностью окружен, и, как писал сам Каррильо, «у нас не было почти ничего, чем мы могли защищать город». Когда положение в Мадриде вновь упрочилось, Каррильо опять возглавил организацию молодежи, так называемый Объединенный союз социалистической молодежи, вначале в Мадриде, а с конца 1936 по январь 1938 года — в Валенсии. Здесь Каррильо официально вступил в коммунистическую партию. Московские процессы 1936—1938 годов не поколебали Каррильо: «Я должен сказать, что тогда я был убежден, что они соответствовали правде». Он не мог себе представить, что признания были вырваны силой. «Я, таким

образом, принадлежал к числу тех, кто действительно был убежден, что эти люди являлись контрреволюционерами и агентами врага». Во время Гражданской войны Каррильо часто встречался с Тольятти, которого он позднее характеризовал как выдающуюся личность и как самого образованного и эрудированного вождя мирового коммунистического движения.

Последние месяцы Гражданской войны в Испании Каррильо провел в Барселоне. Вместе с Тольятти он бежал из города в тот день, когда туда вошли войска Франко. По указанию руководства партии Каррильо вместе с другими функционерами перебрался в Париж и оставался там до конца сентября 1939 года, но не мог проводить легальную работу, так как не имел необходимых документов. Он переехал в Бельгию, где получил приказ из Москвы незамедлительно прибыть в Советский Союз. В декабре 1939 года он прибыл в Москву, где в течение шести месяцев работал в качестве секретаря Коммунистического Интернационала Молодежи и принимал участие в заседаниях Исполнительного комитета Коминтерна. Здесь он неоднократно встречался с Чжоу Эньлаем.

В 1940 году по указанию руководства Коминтерна Каррильо поехал в США, после этого на шесть месяцев на Кубу и, наконец, в Мексику, где издавал журнал для латиноамериканской молодежи под названием «Борьба молодежи»: В первую очередь, однако, он работал там на испанскую компартию и поддерживал связи с подпольными партийными организациями, находящимися в Испании. По уругвайскому паспорту он поехал в Лиссабон, где познакомился с тогдашним и нынешним руководителем португальских коммунистов Алваро Куньялом. Наконец, из Португалии Каррильо нелегально прибыл в Алжир.

Практически Каррильо все эти годы действовал как уполномоченный Коминтерна. Вспоминая этот период, он отмечал, что вначале Коммунистический Интернационал играл весьма положительную роль, однако со смертью Ленина и возвышением Сталина он превратился всего лишь в инструмент советской политики. Позднее Каррильо назвал чрезмерный централизм особенно пагубным для Коминтерна. Кроме того, отрицательную роль, по его мнению, сыграло то, что слишком поздно была осознана опасность фашизма и для борьбы против него не было выработано соответствующей стратегии. Вместе с тем Каррильо положительно оценивает VII конгресс Коммунистического Интернационала, состоявшийся летом 1935 года, поскольку он привел к отказу от догматических позиций и выработке концепции для борьбы против фашизма.

До 1944 года Каррильо оставался в Алжире, затем неле-

гально прибыл в Тулон. После этого он постоянно находился в эмиграции и состоял в руководящих органах испанской компартии, пока на VI съезде КПИ не был избран генеральным секретарем.

Первые шаги на пути к самостоятельности (1961—1967)

Одной из первых инициатив Каррильо на новом для него посту генерального секретаря — и одновременно первым шагом на пути обретения партией независимости — было опубликование в апреле 1961 года самокритической статьи, в которой он прямо признал, что после окончания Гражданской войны КПИ совершила ряд ошибок и придерживалась неправильных концепций, поскольку не были сделаны надлежащие выводы из поражения. Вначале недооценивалась необходимая связь между нелегальной и легальной деятельностью, и лишь с переходом к политике «национального примирения» партия, как подчеркнул Каррильо, стала играть большую роль⁹⁴.

До этого общая политика КПИ в основном недвусмысленно соответствовала политике КПСС. Однако после свержения Хрущева в октябре 1964 года партийная газета КПИ «Мундо обреро» не ограничилась перепечаткой краткого сообщения «Правды» об этом событии, а впервые добавила к нему собственный комментарий, содержащий положительную оценку деятельности свергнутого партийного лидера. В январе 1966 года КПИ также заняла критическую позицию относительно процесса над советскими писателями Даниэлем и Синявским⁹⁵.

С 1966 года начались все более интенсивные контакты между испанской и итальянской компартиями, а в начале 1966 года делегация Компартии Испании, возглавляемая Каррильо, посетила Румынию, где вела с Чаушеску обстоятельные переговоры, увенчавшиеся опубликованием совместного заявления

«Пражская весна»: «капля, переполнившая чашу»

Решающим стимулом к переходу испанской партии на путь обретения самостоятельности послужила, однако, «пражская весна», которая стихийно приветствовалась испанскими коммунистами. Сильное впечатление на Каррильо произвела массовая первомайская демонстрация 1968 года в Праге: здесь он смог лично убедиться, как велико было подлинное воодушевление народа, что, кстати, подтверждалось во всех иностранных сообщениях. Именно в этот день, 1 мая 1968 года, Сантьяго Альварес, который стоял тогда на четвертом месте в партийном руководстве — после Долорес Ибаррури,

Каррильо и Листера, — выразил в своей статье глубокую симпатию испанских коммунистов к «пражской весне», подчеркнув, что она может рассматриваться в качестве модели для будущего развития и в Испании.

Уже летом 1968 года среди ведущих испанских коммунистов имели место дискуссии относительно опасности возможной военной интервенции в Чехословакию. Руководство испанской партии заявило тогда в Париже советским представителям: «Если вы нападете на Чехословакию, то впервые за всю историю наших отношений мы вас открыто осудим. Было бы лучше, если бы вы помогли чешским руководителям. Дайте им возможность самостоятельно приобретать опыт»⁹⁶.

В день вторжения советских войск в ЧССР (21 августа 1968 года) Долорес Ибаррури, Сантьяго Каррильо и большинство руководителей испанской партии находились в Крыму. Они сразу же отправились в Москву и в течение двух дней вели дискуссии с советскими руководителями. Позднее Каррильо сообщал о тогдашних опасениях, что советские руководители решат отдать приказ о вторжении своих войск также в Румынию и Югославию. После переговоров с советскими лидерами Каррильо сразу же отправился в Бухарест и провел там переговоры с руководителями Румынской коммунистической партии⁹⁷.

В своей последней книге, «Еврокоммунизм и государство», сам Сантьяго Каррильо отмечает, что оккупация Чехословакии сыграла решающую роль в дальнейшей эволюции Коммунистической партии Испании: «Для нас, для Коммунистической партии Испании, кульминационным пунктом в завоевании независимости стала оккупация Чехословакии в 1968 году. Эта операция готовилась почти теми же методами, что и судебные процессы 1936 года (о последнем говорилось на XX съезде КПСС) или осуждение Югославии. Безапелляционно утверждалось, что Чехословакия находится на грани реставрации капитализма, на основе чего создавались версии и подгонялись факты. Такое мы уже не могли проглотить. Оккупация Чехословакии была каплей, переполнившей чашу. Наши партии решили сказать: нет! Подобный «интернационализм» перестал существовать для нас навсегда»⁹⁸.

Через несколько дней после 21 августа 1968 года руководство Коммунистической партии Испании однозначно осудило интервенцию, заявив, что проблемы Чехословакии являются делом чехословацкой партии и чехословацкого народа. Еще до этого Каррильо в Париже ознакомил с позицией партийного руководства функционеров партии. Позднее он писал об этом: «Я еще не мог прийти в себя от того, что пережил. Я начал свой доклад словами: «Я прошу вас не аплодировать и не протестовать, если вы не будете со мной согласны, а вначале просто выслушать меня». После этого я

сделал краткий обзор развития событий и рассказал, как мы на них реагировали. В заключение я сказал: «Если бы мы находились у власти и войска социалистической страны перешли наши границы, то я в интересах самозащиты, несомненно, мобилизовал бы против них армию». Сказать нечто подобное внутри партии было в то время чем-то ужасным. Некоторые товарищи спрашивали: «Не заходим ли мы слишком далеко? Не боишься ли ты, что можешь внезапно оказаться в меньшинстве?» Я был готов пойти на такой риск. Но после длительной дискуссии наша партия все поняла, и она нас поддержала, так что сегодня я могу сказать, что в отношении принципа независимости в нашей партии существует полное согласие. Но платой за это была идеологическая и политическая борьба»⁹⁹.

Борьба против просоветской группы Гарсиа — Гомеса — Листера

В Коммунистической партии Испании — в отличие от ИКП или совершенно иначе развивавшейся ФКП — процесс обретения самостоятельности и переориентации проходил в условиях серьезных внутривнутриполитических разногласий. После того как в октябре 1968 года на расширенном пленуме ЦК КПИ, состоявшемся в парижском изгнании, решение об осуждении оккупации Чехословакии было принято 66 голосами против пяти, стала формироваться группировка противников этого решения. Среди этих пяти функционеров был Эдуардо Гарсиа, секретарь партии по организационным вопросам и член состоящего из пяти человек Секретариата партии. К числу противников этого решения принадлежал также Хуан Гомес, который в январе 1960 года на VI съезде партии был избран членом Исполнительного комитета (Политбюро) и являлся тогда председателем баскской секции Коммунистической партии Испании. Оба проживали в то время в Советском Союзе и сразу же после указанного пленума начали сколачивать просоветскую фракцию. А в дальнейшем, по мере того как возрастала независимость испанской партии, они тоже наращивали свои усилия.

Между тем в феврале 1969 года Каррильо принял участие в работе XII съезда Итальянской коммунистической партии и, выступая там, высказался за независимость и суверенитет Чехословакии. Затем в марте 1969 года он вместе с другими руководителями Компартии Испании принял участие в работе IX съезда Союза коммунистов Югославии. На третьем международном совещании компартий, проходившем в Москве в июне 1969 года, Коммунистическая партия Испании выступила против существования центра движения, который был бы правомочен давать всем партиям директив-

ные указания, и подвергла критике такое положение. когда некоторые важные компартии, в том числе прежде всего Коммунистическая партия Китая, не принимали участия во всемирном форуме коммунистов. Наконец, КПИ была одной из немногих партий, которые уже тогда подписали резолюцию международного совещания лишь с оговорками.

В июле 1969 года Хуан Гомес был исключен из состава руководства партии, а Эдуардо Гарсиа сам отказался от своего поста. Несколько месяцев спустя в открытом письме ко всем членам партии они потребовали отмены решения, осуждавшего оккупацию Чехословакии. После длительной полемики они в конце декабря 1969 года были исключены из партии как руководители фракционной группировки. В начале 1970 года они распространили брошюру «О деформации Коммунистической партии Испании», в которой обвинили руководство партии в крайнем антисоветизме и в ревизионизме во внутренней политике и потребовали созыва нового съезда партии.

В связи с этим в июне — июле 1970 года состоялся ряд конференций испанских коммунистов-эмигрантов, в том числе в Москве и Праге. Руководство партии было поддержано абсолютным большинством голосов, а деятельность Гарсиа и Гомеса подверглась осуждению. В сентябре 1970 года на расширенном пленуме ЦК было объявлено, что просоветская оппозиция может опираться на поддержку лишь 100 из более чем 1000 испанских коммунистов, проживающих в Советском Союзе, и лишь 60 из 10 тысяч испанских коммунистов, нашедших прибежище во Франции, в то время как в Мексике и на Кубе приверженцев фракции Гарсиа — Гомеса вообще нет. На этом пленуме пять просоветски настроенных членов партии, в том числе также Энрико Листер, были исключены из партии. Листер входил в состав партийного руководства с 1947 года и пользовался сравнительно большим авторитетом как генерал времен Гражданской войны. С октября 1970 года просоветская оппозиция стала издавать свою собственную газету. Как и официальный партийный орган, эта газета стала выходить под названием «Мундо обреро», но в отличие от него заголовок новой газеты печатался красной краской. Было ясно, что тем самым оппозиция начала подготовку к созданию своей собственной партии.

В середине мая 1971 года на Ассамблее Всемирного Совета Мира в Будапеште дело дошло до стычки между двумя приглашенными на Ассамблею делегациями Коммунистической партии Испании: одной — от официальной партии и одной — от фракции Листера. Делегация официальной Компартии Испании в знак протеста покинула Ассамблею. Однако место, отведенное для испанских делегатов, осталось свободным, так как Всемирный Совет Мира не отважился при-

знать делегацию возглавляемой Листером мини-фракции в качестве делегации Компартии Испании.

В дальнейшем развитии событий мини-фракция Листера почти не играла никакой роли. Ее незначительное влияние предопределил ряд факторов.

Во-первых, слишком явная просоветская позиция. Так, например, орган фракции Листера заявлял: «Мы, испанские коммунисты, сегодня более чем когда-либо подчеркиваем, что отношение к КПСС и к Советскому Союзу является пробным камнем пролетарского интернационализма». Руководство Компартии Испании упрекалось за осуждение акций стран Варшавского Договора против Чехословакии; утверждалось, что в результате этого оно превратилось в «пятую колонну внутри мирового коммунистического движения»¹⁰⁰.

Во-вторых, то, что эта группа смогла опереться лишь на незначительное меньшинство в ЦК. А в этом решающую роль сыграло то, что Долорес Ибаррури недвусмысленно высказалась в пользу независимого пути.

В-третьих, то, что Компартия Испании была поддержана итальянской, югославской, румынской и другими партиями, которые сегодня известны как еврокоммунистические партии.

Позиция Долорес Ибаррури была тем более удивительной, что эта руководительница КПИ почти все время после окончания Гражданской войны находилась в Москве и тесно сотрудничала с советскими функционерами. Ее сын погиб под Сталинградом, а ее дочь Амайя, которая вместе со мной занималась в школе Коминтерна, была замужем за советским генералом. В Москве для Долорес Ибаррури было особенно тяжело решить этот основной вопрос по велению своей совести.

Фаза критической переориентации (1969—1973)

В последнее десятилетие существования режима Франко испанские коммунисты располагали своими сильнейшими опорными пунктами в промышленных зонах вокруг Мадрида, Барселоны и Валенсии, а также в промышленных районах Каталонии, Астурии и Страны Басков. Особенную активность проявляли при этом нелегальные рабочие комиссии. Кроме того, Компартия Испании была представлена во многих органах оппозиционной Испании. За границей проживало примерно 600 тысяч испанцев, среди них насчитывалось 25 тысяч членов компартии. Большинство из них — примерно 10 тысяч — проживало во Франции. Изменения в социальной структуре партии повлияли также на ее основополагающие представления, и, наоборот, новые концепции в свою очередь оказали растущее притягательное воздействие на такие слои населения, как служащие и интеллигенция¹⁰¹.

Наряду с изменениями в самой Испании важную роль в процессе переориентации партии сыграло усиление международных контактов КПИ. Так, в январе 1970 года делегация КПИ, возглавлявшаяся Каррильо, имела встречу с руководством Итальянской компартии. В сентябре 1970 и в сентябре 1971 года состоялись переговоры с руководством Румынской компартии во главе с Чаушеску, а в апреле 1971 года — встреча с руководством компартии Швеции, в рамках которой имела место продолжительная беседа с Карлом-Хенриком Хермансоном. Эти контакты усилили решимость руководителей Компартии Испании продолжать движение по самостоятельному пути и неоднократно сопровождалось их критическими высказываниями о странах Восточной Европы. В июле 1970 года испанские коммунисты выступили с протестом против исключения Дубчека из партии, а в августе 1970 года — с новым протестом против антисоциалистического характера оккупации ЧССР. В декабре 1970 года испанские коммунисты, комментируя польские события, указали на то, что речь здесь идет о бюрократических извращениях в строительстве социализма. Компартия Испании отказалась также принять участие в состоявшемся в июне 1971 года XIV съезде Компартии Чехословакии.

Во время своего второго посещения Румынии Сантьяго Каррильо, выступая на дружеском приеме в присутствии руководителя румынской партии Чаушеску, заявил: «Коммунистическое движение не церковь со своими апостолами и папами, со своими догмами и своими непогрешимыми центрами. Оно представляет собой революционное классовое движение, которому в процессе борьбы за социализм надлежит решить множество исторически различных проблем в соответствии с развитием и условиями каждой отдельной страны. Стремление сузить это многообразие путем вмешательства было бы равносильно попытке остановить солнце в его движении»¹⁰².

Во время обеих поездок в Румынию, как можно заключить из последних публикаций Каррильо, косвенно подготавливались также контакты с Коммунистической партией Китая. В конце ноября 1971 года центральный орган КПИ объявил, что между компартиями Испании и Китая восстановлены отношения. Каррильо и секретарь Объединенной социалистической партии Кагалонии Лопес Раймундо подписали тогда в Пекине соответствующее соглашение¹⁰³. До настоящего времени это пока единственное соглашение между еврокоммунистической партией и Китаем. В декабре 1971 года испанский партийный орган опубликовал подробный отчет Каррильо о поездке делегации КПИ в Китай. Этот отчет отличался самостоятельными суждениями об особенностях Китая и о роли КПК, а также пониманием таких новых форм,

как народные коммуны, и значения культурной революции. Интерес представляло то, что руководители КПК заявили членам испанской делегации, что культурная революция является внутренним делом Китая и не рассматривается китайскими коммунистами как некий универсальный рецепт.

Насколько делегация Компартии Испании проявляла понимание в отношении происходящего в Китае, настолько же откровенно она выражала свое несогласие с китайской позицией по тем или иным вопросам. Так, члены делегации КПИ выступили против китайского тезиса о том, что в Советском Союзе наблюдается развитие в сторону капитализма и фашизма. Китайские функционеры на это ответили: «Ну что же, не имеет смысла дальше обсуждать этот вопрос. Мы придерживаемся иного взгляда. История покажет, кто был прав. Но это не помеха для наших отношений». Каррильо отметил в своем отчете, что у испанской делегации создалось впечатление, что китайские коммунисты с трудом воспринимают европейскую действительность, поскольку состав общества и классовая структура в странах Европы значительно отличаются от того, что имеет место в Китае. Однако Каррильо подчеркнул в качестве положительного факта, что руководители КПК всегда внимательно слушают то, что им говорят, анализируют услышанное и стремятся разобраться в проблемах¹⁰⁴.

В октябре 1972 года состоялся VIII съезд КПИ, который подтвердил переориентацию партии. Съезд указал на рост сил внутрииспанской оппозиции, подчеркнул значение рабочих комиссий и одобрил так называемый «пакт свободы», то есть союз всех оппозиционных сил — коммунистов, социалистов, католиков и различных буржуазных группировок — с целью свергнуть Франко. Съезд партии вновь высказался за автономию Каталонии, Страны Басков и Галисии. Политика разрядки и сосуществования приветствовалась, но одновременно было также заявлено, что это не означает признания или сохранения статус-кво, поскольку революционный процесс будет продолжаться. Как и прежде, на съезде нашло отражение критическое отношение к ЕЭС как к капиталистическо-монополистской организации, но компартия заявила, что, после того как придет конец правлению Франко, ассоциация с ЕЭС окажется вполне возможной для Испании. В этом случае Компартия Испании совместно с другими прогрессивными силами попытается демократизировать ЕЭС и превратить Европу монополий в социалистическую Европу. Долорес Ибаррури была вновь утверждена на посту председателя партии, а Сантьяго Каррильо — на посту генерального секретаря.

Важную роль в дальнейшем процессе переориентации сыграли расхождения с внешней политикой стран Восточного

блока. С начала 1973 года страны Восточного блока стали предпринимать попытки улучшить свои отношения с режимом Франко. В феврале 1973 года режим Франко был признан ГДР, а в марте того же года — Китайской Народной Республикой. КПИ протестовала против обеих этих дипломатических акций, поскольку считала, что таким путем франкистскому режиму оказывалась помощь в то самое время, когда он уже обнаруживал явные признаки распада. Тот факт, что перед этими дипломатическими шагами не были проведены консультации с испанскими коммунистами, Компартия Испании расценила как непонятное нарушение солидарности¹⁰⁵.

1973 год ознаменовался также рядом теоретических дискуссий, в которых наряду с Сантьяго Каррильо особенно проявил себя партийный теоретик Мануэль Аскарате. К уже обычным для еврокоммунизма концепциям — таким, как отклонение всемирного коммунистического центра, право на собственный путь к социализму, приверженность демократическому процессу преобразований и плюралистической модели социализма, — у испанских коммунистов добавились и некоторые национальные аспекты. Самым важным здесь был вопрос о возникших в Испании рабочих комиссиях. Эти рабочие комиссии, как заявил Аскарате, должны не только быть профсоюзами, но и представлять собой новые формы социалистической демократии.

В отличие от других еврокоммунистических партий испанцы придавали особое значение детальному анализу советской государственной системы. В ходе теоретических дискуссий ведущие функционеры КПИ высказывали мнение, что государство в Советском Союзе обнаруживает пережитки буржуазных и даже феодальных черт, обусловленные историческими причинами. Они подчеркивали, что если там не будет установлена подлинная демократия, подлинная власть масс, то это может привести к опасным последствиям. Аскарате заявлял: «У нас создается впечатление, что в некоторых аспектах политики социалистических государств господствуют консервативные тенденции... Поэтому мы поддерживаем социалистические государства в их борьбе против империализма, но в то же время выступаем с более открытой и более четкой критикой, когда их политика отражает позицию, противоречащую интересам нашей революции или всего движения»¹⁰⁶.

Эти дискуссии подготовили обнародованную в декабре 1973 года в виде проекта новую программу КПИ, которая вскоре стала причисляться к важнейшим документам еврокоммунизма. Текст проекта программы передавался с 11 по 18 декабря и затем 26 декабря 1973 года радиопередатчиком испанской оппозиции «Радио независимой Испании».

Программа Коммунистической партии Испании от декабря 1973 года

Программный манифест — такое официальное название получила программа КПИ — насчитывает примерно 60 страниц типографского текста и, несомненно, является самой детальной программой из всех когда-либо обнародовавшихся западными партиями. Этот документ может в известной степени рассматриваться как дополнение к «Программе действий КПЧ» от апреля 1968 года. В то время как чехословацкая «Программа действий» затрагивает различные аспекты перехода от бюрократическо-диктаторской системы к «социализму с человеческим лицом» и излагает целевые установки этого нового социализма, программа Компартии Испании исходит из обстановки в стране развитого капитализма и намечает необходимые переходные формы и переходные этапы на пути осуществления плюралистического социализма, одновременно критически освещая опыт социалистического строительства в государствах Восточной Европы.

В нашем изложении мы коснемся лишь некоторых разделов программы, которые представляются особенно важными под углом зрения развития еврокоммунизма

1. *Опыт социалистического строительства на Востоке.* Программа КПИ исходит из положения, что социалистические революции вначале побеждали в тех странах, в которых еще не имелось достаточных экономических предпосылок для успешной социальной перестройки. По этой причине перед этими первыми победившими революциями сразу же вставала задача в сравнительно короткие сроки индустриализировать страну и одновременно осуществить необходимые преобразования в политической, социальной и культурной сферах. Все это проходило в условиях, когда — как это имело место прежде всего в Советском Союзе — громадные средства должны были выделяться на нужды обороны. К этим трудным условиям добавились ошибочные концепции, прежде всего курс на слияние партии и государства, что постепенно привело к авторитаризму, бюрократизму и удушению демократии. Вот почему опыт этих стран хотя, несомненно, и ценен для всех революций, но не может рассматриваться как единственно возможная универсальная модель.

2. *Социализм в промышленно развитых государствах.* Марксизм не знает обязательной для всех модели социализма. Ленин постоянно подчеркивал разнообразие форм перехода к социализму в различных странах. С учетом реалистичности сегодняшнего дня отсюда следует сделать вывод, что «социализм, который победит в развитых странах, будет во многих отношениях отличаться от социализма, победившего в отсталых странах». В развитых странах победоносная рево-

люция будет в состоянии путем рационального использования имеющихся средств производства и наличного потенциала сферы услуг немедленно обеспечить распределение, способное удовлетворить потребности населения и преодолеть социальное неравенство. Наряду с высоким уровнем материального развития при продвижении к социализму решающую роль будут играть демократические традиции, развитие культуры и освоение массами индивидуальных свобод. Тем самым победа социализма в развитых странах не приведет к ошибкам, проявившимся в государствах Восточного блока. Победа социализма в развитых странах с их высоким уровнем производства даст возможность удовлетворить потребности всего своего населения и включиться в борьбу за преодоление экономической и культурной отсталости в остальном мире, против разрушения окружающей среды, за широкое развитие науки и культуры. Таким путем будут созданы также предпосылки для сокращения государственного аппарата и тем самым для устранения бюрократизма и всех барьеров, мешающих массам принимать участие в руководстве обществом.

Отказ от однопартийного господства и от обязательной для всех государственной философии обосновывается в программе испанских коммунистов марксизмом. Он находит свое выражение в следующем решительном заявлении:

«Ни один из основоположников марксизма не рассматривал теоретически ни концепцию существования единой партии, ни даже концепцию существования коммунистической партии, которая по закону пользовалась бы привилегиями по сравнению с другими партиями. Это же относится к таким проблемам, как превращение марксизма в официальную государственную философию, подчинение культуры и искусства административным предписаниям и монополия государства на информацию. Это же относится и к проблеме существования единственной модели социализма».

3. *Коммунистическая партия Испании и интернационализм.* Компартия Испании заявляет, что должны развиваться специфические новые формы социализма. Победа социализма в одной или нескольких странах капитализма принесет с собой более развитые формы социализма и тем самым поднимет весь социализм на «более высокий, более развитый уровень». Социализм не может быть навязан другим странам извне — он есть результат разрешения противоречий, господствующих внутри каждой страны. Поэтому необходимо, чтобы коммунистическая партия была тесно связана с собственным народом и с конкретной ситуацией, переживаемой этим народом, и чтобы коммунистические партии в глазах народных масс своих стран были полностью независимы от любого другого государства, даже социалистического.

Международному коммунистическому движению необходимы новые формы интернационализма, «единство в многообразии». Это предполагает сочетание помощи и критики, уважение к имеющимся расхождениям во мнениях, признание многообразия форм и моделей социализма, отказ от любых методов давления или вмешательства, а также широчайшую демократию внутри мирового коммунистического движения.

4. *Компартия Испании и Европа.* В силу своего экономического развития страны Европы стоят перед необходимостью совместно отвечать на многие экономические и политические вопросы. Лучшая координация на европейском уровне нужна уже для того, чтобы демократизировать ЕЭС. Поэтому Компартия Испании выступает за такую Европу, которая будет стремиться к внесению своего собственного вклада в дело мира, преодолению деления континента на военные блоки, ликвидации иностранных военных баз и к выводу иностранных войск. Такая Европа должна быть в состоянии установить и развивать равноправные отношения с СССР и США. Внешняя политика Испании должна носить миролюбивый, независимый и суверенный характер, а сама Испания не должна входить ни в какой военный блок. Компартия Испании выступает за координацию деятельности компартий Европы, а также за сотрудничество между коммунистическими и социалистическими партиями, христианскими и иными демократическими группировками Европейского континента. Это необходимо прежде всего для того, чтобы в развитых государствах Европы восторжествовала такая форма социализма, при которой будут сохранены ценности индивидуальных и коллективных свобод и будет проявляться стремление к созданию демократического и децентрализованного содружества с плюрализмом политических партий, автономией профсоюзов и религиозной свободой.

5. *Переходная стадия.* Переходная стадия от капитализма к социализму определяется как «этап политической и социальной демократии». Согласно концепции испанских коммунистов, задачей этого этапа является проведение политических, экономических, социальных и культурных преобразований, которые создадут условия для последующего перехода к социализму. Задачи, которые должны быть решены на этой переходной стадии, излагаются в тридцати одном пункте программы.

В сфере экономики предусматривается национализация крупных монополистических предприятий, частных банков и страховых обществ, раздел крупных земельных владений и передача земли тем, кто ее обрабатывает, частично для индивидуального, а частично для коллективного пользования. Национализация имеет целью вытеснение власти монополис-

тического капитала и крупных землевладельцев, в то время как интересы мелких держателей акций и мелких собственников из числа монополистической буржуазии будут уважаться. В качестве экономической основы этой переходной стадии предусматривается демократическое планирование. Такое планирование призвано, с одной стороны, гарантировать диктуемую глобальными целями экономического развития централизацию, а с другой — в должной мере практиковать широкую регионализацию и тем самым учитывать местные особенности. Руководство национализированными монополистическими предприятиями должно подлежать контролю и прямому воздействию со стороны работающих на данном предприятии лиц через избираемые ими на демократических началах комиссии — другими словами, оно «примет формы самоуправления». Демократические комиссии, избираемые трудящимися соответствующего предприятия, должны действовать также и на частных предприятиях.

На этой переходной стадии наряду с гарантированием всеобщих демократических свобод, всеобщего избирательного права, независимости аппарата юстиции и реформы судебной системы особое внимание будет обращено на осуществление права на самоопределение Каталонии, Страны Басков и Галисии и на свободное объединение всех народов Испании в рамках федеративной республики. На этой переходной стадии должна также быть демократизирована система народного образования, повышен общий уровень образования, объединены теоретическое и профессиональное образование, обеспечено участие учителей, учащихся и родителей в руководстве учебными заведениями и выработке новых методов обучения, а также осуществлено приведение учебных программ и методов обучения в соответствие с требованиями современного общества.

6. *Значение переходного периода.* Не менее важным, чем изложение конкретных мероприятий, является теоретический анализ переходного периода, который в программе КПИ более детален, чем в документах других еврокоммунистических партий. На этапе политической и социальной демократии подавляющее большинство нынешних буржуазных собственников, как таковых, должно будет сохраниться, как должен будет уцелеть и оказывать значительное влияние на все общество также класс буржуазии со всеми своими социальными, политическими и идеологическими признаками. В рамках политической и социальной демократии имеется возможность весьма широкого союза между рабочим классом и буржуазными средними слоями. Подобный союз потребует взаимных уступок. Рабочий класс примет на себя обязательство уважать монополистическую собственность и тем самым получит поддержку других общественных сил в целях ликвидации

крупной монополистической собственности. Переход к социализму может быть постепенно начат лишь в той мере, в какой будут развернуты производительные силы и увеличено предложение товаров и услуг.

Таким образом, этап политической и социальной демократии должен создать максимально благоприятные экономические предпосылки для перехода к социализму. Важным политическим аспектом здесь является демократический характер этого процесса преобразований, призванный предотвратить опасность бюрократизации.

Без такого переходного периода на пути к социализму нехватка товаров и трудности в снабжении населения или даже политическое сопротивление могут вынудить новую власть «принимать более строгие меры принуждения, которые ограничат демократические свободы и будут способствовать возникновению бюрократических аппаратов». А это способно привести к кризисам и развитию в ошибочном направлении. Поэтому принципиально важно, чтобы развитие в направлении социализма проходило в таких формах, которые были бы понятны подавляющему большинству народа, пользовались бы максимальной общественной поддержкой и опирались бы на участие и ответственность большинства народа.

7. Модель основанного на многопартийности демократического социализма. Демократическому характеру процесса преобразований должна соответствовать демократическая модель социализма. В программе это не только декларируется, но и объясняется. В отличие от остальных стран, в которых побеждает социалистическая революция, в промышленно развитых странах имеются, кроме главных ее носителей, и многообразные иные силы — социал-демократия, католическое движение и другие демократические группы, которые справедливо требуют своего права на участие в построении нового социалистического общества. Все эти силы и течения, которые стремятся к социализму, отталкиваясь от различных мировоззренческих позиций, невозможно объединить в одной партии. Поэтому в социалистическом обществе неизбежно существование и функционирование различных партий. Речь, таким образом, идет о том, чтобы «стремиться к модели основанного на многопартийности демократического социализма, в котором все завоеванные на предыдущем этапе личные и политические свободы будут не только сохранены, но и подняты на более высокий уровень». А это означает существование различных философских и мировоззренческих течений. Вот почему социалистическое общество не может иметь официальной философии. Идеологическая борьба в социалистическом обществе будет вестись — свободно и открыто — даже между самими социалистическими силами, придерживающимися сходных концепций.

8. *Преобразование коммунистической партии.* Исходя из указанных целей — необходимости переходного этапа и стремления к плюралистическому многопартийному социализму, — авторы программы в заключение останавливаются на проблеме преобразования самой партии. Задача партии состоит прежде всего в том, чтобы предотвратить превращение устаревших тезисов в догмы, препятствующие развитию, и преодолеть остатки окостенения и догматизма прошлого. Речь идет о том, чтобы преодолеть то время, «когда коммунизм являлся чем-то вроде церкви со своими богами и своими догмами, чем-то вроде замкнутой секты, хранителем окостенелых и неизблемых истин». Коммунисты должны быть глубоко связаны со своим народом, они не должны позволять загонять себя в «гетто».

В программе высказывается также уже и желание выйти за рамки партии: выражается стремление к созданию нового политического объединения, в рамках которого смогут сосуществовать без отказа от своих собственных идеологических особенностей, своих специфических форм существования, своей независимости и конкретной деятельности все социалистические направления. Такое «новое политическое структурное образование» может представить собой реальную альтернативу капиталистическому обществу и явиться гарантией того, что будущее социалистическое общество будет иметь демократический, многопартийный характер. В известной мере она явится политической конкретизацией союза сил труда и культуры.

Особенность данной программы Компартии Испании¹⁰⁷ состоит, на мой взгляд, в том, что в ней переходные формы и модели не только риторически называются, но и исторически объясняются и обосновываются. Это касается прежде всего различия путей к социализму в отсталых странах и в развитых капиталистических странах, а также переходного периода политической и социальной демократии. Впервые в программе коммунистической партии содержатся предостережения относительно трудностей и опасностей этого периода в случае слишком быстрого перехода к социализму. Важными представляются также указания на роль партии и мысли относительно будущего «нового политического структурного образования».

Усиление независимости Компартии Испании до момента ее легализации

Дальнейшее развитие Компартии Испании характеризовалось как постепенным переходом ее на положение легально действующей партии в процессе усиливавшегося распада

режима Франко, так и новыми разногласиями с Восточным блоком.

В странах Восточного блока программа КПИ от декабря 1973 года не только не критиковалась, но даже и не упоминалась. Вместо этого советское руководство выступило с нападками на члена Политбюро КПИ Мануэля Аскарате в десятистраничной статье, опубликованной в журнале «Партийная жизнь». Конечно, это были нападки не на Аскарате, а на Компартию Испании и на ее новую программу. В Москве, по-видимому, надеялись на то, что с помощью выпадов лично против Аскарате удастся расколоть Компартию Испании или по крайней мере посеять сомнения в ее рядах. В этой публикации, озаглавленной «По поводу статьи руководящего деятеля Компартии Испании М. Аскарате» (без слова «товарища!»), советский партийный журнал обвинял соавтора программы Коммунистической партии Испании в том, что он фальсифицировал сущность внешней политики Советского Союза и «произвольно» заявил, что якобы существует противоречие между интересами социалистических государств и интересами революционного движения. Далее партийный журнал полемизировал против концепции демократической социалистической Европы без привязывания ее к существующему содружеству социалистических государств. Наконец, Аскарате упрекали в том, что он неправильно представил советскую демократию¹⁰⁸.

Только слабость уже упоминавшейся группы Листера, которая между тем даже оформилась в самостоятельную партию, вынудила советское руководство занять примирительную позицию. Поэтому в октябре 1974 года состоялись новые переговоры между делегацией Компартии Испании во главе с Долорес Ибаррури и Сантьяго Каррильо и членами советского Политбюро Сусловым и Пельше, а также членом Секретариата ЦК и кандидатом в члены Политбюро Пономаревым. В итоговом коммюнике было указано, что обе стороны основывают свои отношения на принципах уважения равноправия и самостоятельности, а также невмешательства во внутренние дела друг друга. Обе стороны осудили «любую раскольническую деятельность, направленную на подрыв единства рядов братских партий»¹⁰⁹. Этим заявлением, однако, разногласия не были устранены.

Усиление самостоятельности Компартии Испании отразилось не только на ее отношениях с Востоком, но также на ее отношениях с просоветскими коммунистическими партиями Запада, в первую очередь с Португальской коммунистической партией, возглавляемой Алваро Куньялом. После свержения в апреле 1974 года режима Каэтано Португальская компартия избрала курс, который находился в растущем противоречии как с курсом Итальянской компартии, так и—

в еще большей степени — с курсом Компартии Испании. Сантьяго Каррильо не устал подчеркивать различие между развитием в Португалии и развитием в Испании. Еще в июне 1974 года он указал на то, что испанские коммунисты стремятся к восстановлению демократии, а не к военному восстанию, как в Португалии¹¹⁰. В апреле 1975 года он к этому добавил, что если в Португалии диктатуру свергла армия, то в Испании это сделают политические силы, и что будущий демократический режим в Испании будет гражданским, а не военным. По его словам, в Испании будут представлены все существующие в Европе партии, а решение о дальнейшем развитии страны впредь будет приниматься на всеобщих выборах: «Если Компартия Испании получит 10 процентов голосов, мы будем готовы войти в состав правительства, равно как мы будем готовы и бороться в рядах оппозиции»¹¹¹.

Изменение отношения КПИ к Европе и к США

По мере усиления распада режима Франко и улучшения перспектив на переход в скором времени на легальное положение Компартия Испании стала все больше внимания уделять внешнеполитическим проблемам. В течение 1975—1976 годов она неоднократно подчеркивала, что усиливающееся переплетение экономических организмов европейских государств является необратимым процессом и что поэтому следует не выступать против ЕЭС, как такового, а демократизировать это сообщество, тем более что сегодня 60 процентов внешней торговли Испании приходится именно на ЕЭС.

Не ограничиваясь проблематикой все большего вовлечения Испании в европейские дела, испанские коммунисты в июле 1975 года дали понять, что они не хотят «превращать такое мощное государство, как Соединенные Штаты, в своего врага». Компартия Испании, заявил тогда Каррильо, по-прежнему является противницей вступления Испании в НАТО и исходит из того, что рано или поздно США уйдут со своих военных баз в Испании. Однако она считает, что это может произойти только в результате проведения политики разрядки и одновременного роспуска военных блоков как на Востоке, так и на Западе. Можно было бы, например, поставить вопрос об эвакуации американских войск с военных баз в Испании, если бы «Советы вывели свои войска из Чехословакии»¹¹².

В конце 1975 года этот новый внешнеполитический курс нашел свое подтверждение в большой статье Мануэля Аскарате. В статье отмечалось, что хотя испанские коммунисты и поддерживают ряд внешнеполитических позиций Советского Союза, но одновременно они также твердо придерживаются

независимой политической линии, которая по некоторым аспектам не совпадает с советской политикой. Испанские коммунисты, подчеркнул Аскарате, выступают за присоединение демократической Испании к ЕЭС, а также за политическое единство Западной Европы, если тем самым будет усилена роль народов и рабочего класса. Эти заявления имеют тем большее значение, что Советский Союз позднее упрекал Каррильо в том, что он выступает за включение Испании в НАТО. В действительности невозможно обнаружить ни одного заявления, в котором испанские коммунисты разделяли бы подобные взгляды.

В июле 1976 года Каррильо еще больше уточнил отношение КПИ к американским военным базам в Испании, заявив: «Коммунисты против существования иностранных военных баз в Испании, так же как и против существования иностранных баз во всех других странах мира, включая социалистические страны». Военные базы, подчеркнул он, должны одновременно исчезнуть как на Западе, так и на Востоке, и это должно быть достигнуто путем международных переговоров. Поэтому Компартия Испании не выступает против существования американских военных баз в Испании, но «для нас невыносимо, когда Киссинджер использует это присутствие американской военной силы для того, чтобы вести в нашей стране большую политику». По вопросу о вступлении Испании в ЕЭС Каррильо заявил, что Компартия Испании за вступление страны в Европейское сообщество, если там будут демократические правила игры, хотя в то же время и отметил, что до сих пор от сотрудничества с ЕЭС Испания терпела только большой ущерб, не получая никаких преимуществ. Европейские левые, сказал он, должны неустанно бороться за то, чтобы ЕЭС превратилось из наднационального объединения корпораций и правительств в подлинное сообщество народов¹¹³. На первой, еще нелегальной, пресс-конференции, состоявшейся в Мадриде в декабре 1976 года, Каррильо еще раз ясно и четко подчеркнул: «Мы — за неприсоединение к блокам и против вступления в НАТО, равно как и против вступления в Варшавский пакт»¹¹⁴.

Компартия Испании после своей легализации

В начале 1977 года процесс перехода от диктатуры к демократическим условиям уже невозможно было затормозить. На упоминавшейся первой пресс-конференции, которая состоялась в Мадриде в декабре 1976 года, Каррильо говорил уже о предстоящих выборах. Компартия, заявил он тогда, предпочла бы широкий избирательный союз левых в форме демократического фронта, но если это не удастся осущест-

вить, то она будет участвовать в выборах в качестве самостоятельной партии ¹¹⁵.

Неоднократно излагала Компартия Испании также свою позицию по вопросу о профсоюзах. Она заявляла, что выступает за единство профсоюзного движения. Но одновременно она подчеркивала, что такое единство не должно быть результатом ни законодательных мер, ни декретирования, и ратовала за право рабочих свободно объединяться и самим принимать об этом решения. Современное массовое движение, отмечала КПИ, весьма многогранно, и его невозможно втиснуть в рамки какой-либо искусственной схемы или организационной программы. Рабочие комиссии как стихийно возникшее движение, обладающее своим собственным стилем и своими характерными чертами, должны, по мнению КПИ, сохраниться и получить дальнейшее развитие в рамках испанских профсоюзов.

Несмотря на пока еще остававшееся в силе запрещение действовать, компартия все чаще выступала перед общественностью. При этом уже самой своей структурой она с самого начала не оставила сомнений в том, что выступает за федеральное государство: наряду с КПИ существовала Объединенная социалистическая партия Каталонии, а также самостоятельные организации компартии в Галисии, Стране Басков, Валенсии и даже на Канарских островах ¹¹⁶.

Выступление Каррильо на нелегальной пресс-конференции в декабре 1976 года имело следствием то, что он вместе с семью другими видными функционерами КПИ был на некоторое время арестован. Произошло это 22 декабря 1976 года, а неделю спустя все арестованные уже снова были на свободе. Каррильо выказал удивление и удовлетворение: «Я должен сказать, что испанское правительство проявило высокую степень понимания реальностей сегодняшнего дня и основных тенденций политического развития в Испании». Подчеркнув, что освобождение арестованных является важным шагом на пути к неминуемой легализации компартии, он выразил надежду на то, что вскоре также Долорес Ибаррури возвратится в Испанию и Компартия Испании откроет пленарное заседание своего ЦК в Мадриде ¹¹⁷.

11 февраля 1977 года Компартия Испании официально потребовала отмены запрета на ее деятельность. Через два дня было объявлено, что Долорес Ибаррури, известная под именем Пасионарии, возвратится из Советского Союза в Испанию. Две тысячи проживавших в Советском Союзе испанских коммунистов уже вернулись на свою родину после смерти Франко, а еще две тысячи ожидали в это время разрешения на въезд ¹¹⁸.

Последний толчок к окончательной легализации Компартии Испании дала состоявшаяся в начале марта 1977 года в

Мадриде встреча еврокоммунистов Марше и Берлингуэра с Каррильо. В заявлении о солидарности участники встречи высказались за быструю легализацию Компартии Испании. Уже в течение марта 1977 года испанские коммунисты, хотя они еще и не были официально легализованы, выставили во многих провинциях списки своих кандидатов. В горняцкой провинции Астурии должна была баллотироваться Долорес Ибаррури, в Мадриде на первом месте стоял Каррильо, а на втором — известный руководитель рабочих Камачо, стоявший во главе рабочих комиссий. 12 апреля 1977 года Коммунистическая партия Испании была наконец легализована, в связи с чем Каррильо заявил, что это слишком долго откладывавшееся решение соответствует элементарной справедливости. Он добавил, что отныне в Испании уже не будет считаться преступлением быть коммунистом: «Никто не будет нам больше угрожать или пытаться терроризировать тех, кто выступает за нашу партию». Руководитель КПИ потребовал разработки новой конституции, однако признал, что придется еще долго бороться, прежде чем «демократия превратится в могучее дерево, которое не сможет свалить никакая гроза»¹⁹.

Легализация компартии приветствовалась большинством населения. Социалисты заявили, что без легализации компартии демократизация Испании была бы крайне затруднена. Христианские демократы охарактеризовали решение как вполне справедливое и правильное. Только правые партии были против. Один из опросов общественного мнения показал, что 55 процентов опрошенных испанцев высказались за легализацию компартии и только 12 процентов — против, 22 процента заявили, что им это безразлично, а 11 процентов не дали никакого ответа²⁰.

В мае 1977 года возвратилась из Москвы Долорес Ибаррури. 15 июня 1977 года во время первых свободных выборов Компартия Испании получила 9,4 процента голосов избирателей и смогла направить 19 депутатов в испанский парламент. В начале июля прекратил свою работу подпольный коммунистический радиопередатчик «Радио независимой Испании». В начале ноября 1977 года состоялись учредительные съезды Компартии Страны Басков и Объединенной социалистической партии Каталонии. Впервые в истории коммунизма в Испании руководящие кадры избирались не путем поднятия рук, а тайно, путем подачи бюллетеней. На пост генерального секретаря Компартии Страны Басков был избран Лертксунди, а прежний руководитель и долголетний участник движения Сопротивления Ормасабаль получил пост председателя партии. В Объединенной социалистической партии Каталонии, насчитывающей более 40 тысяч членов и поэтому являющейся крупнейшей партией Каталонии, но-

вым генеральным секретарем стал Гутьеррес. а прежний руководитель Лопес Раймундо — новым председателем. На съездах был недвусмысленно подтвержден еврокоммунистический курс обеих группировок.

В отличие от аналогичных процессов в других еврокоммунистических партиях процесс переориентации Компартии Испании характеризуется, как мне кажется, следующими особенностями.

1. Речь идет о процессе, протекавшем в условиях, когда партия находилась на нелегальном положении, то есть при отсутствии тех легальных возможностей, которыми располагали все другие компартии для осуществления переориентации (за исключением, может быть, Коммунистической партии Греции).

2. Идя по этому пути, Компартия Испании вынуждена была в течение ряда лет вести острые дискуссии с просоветской осколочной группой, что, с одной стороны, увеличивало трудности, а с другой — все же привело к тому, что просоветские элементы были исключены из партии и тем самым было облегчено дальнейшее развитие.

3. Процесс обретения самостоятельности и переориентации произошел в Компартии Испании позднее, чем в итальянской партии. Первые признаки его появились в КПИ лишь в середине 60-х годов, а решающими событиями, определившими развитие по новому пути, явились «пражская весна» и военная интервенция стран Варшавского Договора в Чехословакию.

4. В процессе переориентации испанским коммунистам удалось выработать детальную партийную программу, которая принадлежит к числу важнейших документов еврокоммунизма и в которой зафиксированы и обоснованы все решающие целевые установки.

5. В процессе обретения самостоятельности в Компартии Испании теоретические проблемы играли гораздо большую роль, чем в большинстве других еврокоммунистических партий, причем испанские коммунисты в отличие от итальянских не могли ссылаться на своего национального предтечу, как, например, итальянцы на Грамши.

6. Процесс обретения самостоятельности протекал в Компартии Испании более глубоко, чем почти во всех других еврокоммунистических партиях; в известной мере Компартия Испании стоит во главе еврокоммунизма.

Следует, однако, отметить, что хотя в Компартии Испании и начался самокритический пересмотр истории собственной партии, но он все же протекает медленно и еще не достиг того объема, который был бы необходим для еврокоммунистической партии.

Глава 4

Еврокоммунистические партии в других странах Европы

Наряду с тремя самыми значительными еврокоммунистическими партиями Западной Европы — Итальянской компартией, Компартией Испании и Французской компартией — имеется еще ряд других компартий, которые или полностью принадлежат к еврокоммунизму, или расколоты на еврокоммунистическое и просоветское крылья. Правда, эти партии оказывают лишь незначительное влияние на политическую жизнь своих стран. Но поскольку данная книга рассматривает еврокоммунизм как течение и не ограничивается рассмотрением только тех вопросов, которые имеют важное значение с точки зрения воздействия на распределение политической власти, мне представляется целесообразным по крайней мере кратко остановиться на возникновении еврокоммунистических тенденций и в менее крупных компартиях Европы.

Дания: еврокоммунистическая Социалистическая народная партия и просоветские коммунисты

Вслед за югославскими и итальянскими коммунистами большинство датских коммунистов уже в 1957—1958 годах выступило за самостоятельность, вышло из существующей Коммунистической партии Дании и с созданием Социалистической народной партии (СНП) образовало политическое направление, которое сегодня считается еврокоммунистическим. Основанная тогда Социалистическая народная партия явилась первой попыткой избрания еврокоммунистического курса в Северной Европе. Сегодня она представлена одним депутатом в Европейском парламенте — во фракции «Коммунисты и им сочувствующие».

Как и в других странах Европы, в Дании исходными моментами для самостоятельного развития коммунизма тоже явились опыт позднего сталинизма и возникшие после XX съезда КПСС надежды на десталинизацию. Активное участие датских коммунистов в движении Сопротивления в годы германской оккупации, в котором важную роль играл председатель партии Аксель Ларсен, привело после окончания войны к значительному росту влияния и авторитета Компартии Дании. Так, на выборах 1945 года она получила 12,5 процента

всех голосов, и два датских коммуниста — Аксель Ларсен и Альфред Енсен — вошли в правительство. Ларсен стал министром без портфеля, а Енсен — министром транспорта.

Период холодной войны и позднего сталинизма, когда коммунисты на Западе должны были одобрять любой шаг, принимаемый в Советском Союзе и странах Восточной Европы, привел к тому, что в Дании произошло резкое сокращение подаваемых за коммунистов голосов — до 6,8 процента в 1947 году и затем — под впечатлением кровавого подавления венгерской революции — в конечном счете даже до 3,1 процента в 1957 году.

После XX съезда КПСС и секретного доклада Хрущева все больше членов КПД стали выступать за самостоятельный путь по итальянскому примеру. На чрезвычайном съезде партии, состоявшемся в январе 1957 года, появились первые признаки переориентации. Съезд впервые высказался за строительство социализма на основе датских демократических традиций. Однако по вопросу об осуществлении решений съезда в партии возникли резкие разногласия. Реформисты, возглавляемые председателем партии Акселем Ларсеном, столкнулись со значительными сталинистскими силами. Дошло до гротескного положения, когда председатель партии Ларсен не мог, не испытывая помех со стороны и не подвергаясь цензуре, писать для собственного партийного органа газеты «Ланд ог фолк». Так, сталинистские силы не допустили опубликования в партийной газете заявления Ларсена, в котором он критиковал арест Имре Надя. Конфликт между реформистами и сталинистами обострился после того, как в марте 1958 года Аксель Ларсен принял участие в съезде Союза коммунистов Югославии. Хотя в конце мая 1958 года на заседании датского ЦК Аксель Ларсен и критиковал некоторые аспекты целей, которые поставили перед собой югославы, он резко выступил против осуждения югославских коммунистов, как того желала Москва. Ларсен и его друзья остались, однако, в меньшинстве, большинство же в партийном руководстве осудило югославских коммунистов как «ревизионистов».

Отношение к Югославии стало для Ларсена и его сторонников пробным камнем независимости их взглядов: в июле 1958 года руководитель КПД писал, что московские заявления не являются «папскими буллами об отлучении от церкви, которыми должны все руководствоваться, если не хотят быть низвергнутыми в бездну проклятия»¹²¹.

Тогда же, летом 1958 года, Ларсен составил подробный меморандум под названием «Где мы находимся? Что делать?», в котором изложил свои соображения относительно будущего развития Коммунистической партии Дании. В нем он указал на то, что, несмотря на XX съезд КПСС, старые

некритические традиции живы и Компартия Дании по инерции продолжает поддерживать все, что исходит из Советского Союза. «Мы должны, — писал Ларсен в своем меморандуме, — без малейшего отказа от международной солидарности освободиться от традиционной привычки, так сказать, механически или автоматически соглашаться со всем, что исходит от социалистических стран». В партии, продолжал он, почти забыли о том, что борьба за социализм должна вестись прежде всего в самой Дании, и для Коммунистической партии Дании настало время проводить демократическую самостоятельную политику, с тем чтобы завоевать доверие датских рабочих. В качестве существенного недостатка он отметил то, что по-прежнему существует тенденция ориентировать действительность на догмы. Далее он указал на то, что должны быть заново проанализированы также организация, методы работы и стиль руководства партией. Хотя партия и является борющимся организмом, она все же не военная организация. Нельзя в интересах какого-то абсолютного «единства» бояться ни теоретических, ни политических разногласий. Поэтому должен быть демократизирован и устав партии, который в настоящее время все еще напоминает советский устав. Между тем назрела необходимость отказаться от централизма и стремиться к тому, чтобы все руководящие органы регулярно отчитывались перед членами партии, а также чтобы руководство партии избиралось демократически. Но особенно резко потребовал Ларсен в своем меморандуме большей независимости партии от Советского Союза: «Важнейшее пропагандистское оружие наших противников — это, как мы знаем, утверждение, что мы не являемся датской и самостоятельной партией, что датские коммунисты получают приказы из Москвы... Пожалуй, не имеет смысла клясться всеми святыми, что мы являемся датской и самостоятельной партией. Даже самый серьезный вклад с нашей стороны во внутреннюю и внешнюю политику Дании не гарантирует нам доверия датского народа до тех пор, пока большинство думает: «Да, конечно, все это так... Но тем не менее мы не можем доверять коммунистам, поскольку их идеи и их политика диктуются из Москвы». Однако в таком положении вещей виноваты мы сами. Наш собственный образ действий... помогает нашим противникам подозревать нас»¹²².

После длительного закрытого обсуждения в ЦК 28 августа 1958 года партийная газета «Ланд ог фюльк» опубликовала наконец меморандум Акселя Ларсена, играющий в истории еврокоммунизма примерно такую же роль, как интервью Тольятти от июня 1956 года. После этого в КПД развернулась организованная большинством партийного руководства кампания против председателя партии. Несмотря на то что Ларсен завоевывал на свою сторону все больше сторонников

и пользовался поддержкой со стороны ряда партийных функционеров, в частности видных датских профсоюзных руководителей Вилли Брауэра и Карло Хермансена, ему не дали возможности выступить на собраниях партийных организаций трех крупнейших провинциальных городов.

На чрезвычайный XX съезд Коммунистической партии Дании, проходивший с 31 октября по 2 ноября 1958 года в пригороде Копенгагена Кристианборге, в подмогу датским сталинистам прибыло подкрепление из Москвы в лице такой видной фигуры, как Петр Поспелов, который отвечал тогда в советском партийном руководстве за вопросы международного коммунизма. На этом съезде Ларсен был смещен с поста председателя партии, и его место занял Кнуд Есперсен. Вскоре Ларсен был исключен из партии. За этим последовала большая кампания по исключению из партии сторонников Ларсена, во время которой КПД лишилась многих своих лучших профсоюзных деятелей, членов местных самоуправлений и представителей в других организациях. Однако на этот раз в отличие от прежних подобных событий в мировом коммунистическом движении вышедшие из партии и исключенные не остались бездеятельными. Во многих районах они создали так называемые социалистические объединения в качестве основы новой, независимой от Москвы партии.

Уже в ноябре 1958 года 76 представителей прежних коммунистических партийных организаций выступили за то, чтобы подготовить основание новой партии — Социалистической народной партии (СНП). Ведущие профсоюзные функционеры призывали к поддержке новой партии, а Аксель Ларсен получил приглашение временно представлять новую партию в датском парламенте. Был избран учредительный рабочий комитет, который в своем первом заявлении обосновал необходимость создания новой партии тем, что социал-демократия потеряла из виду свою социалистическую цель, в то время как Компартия Дании изолирована от масс и не оказывает никакого влияния на датское население. Указав на необходимость добиваться большего доверия рабочих к социализму, авторы заявления подчеркнули, что построение социализма в Дании является делом датского народа и что однопартийная система является продуктом особого советского развития, тогда как в Дании переход к социализму может и должен быть осуществлен при условии использования парламентских возможностей и сохранения многопартийной системы.

15 февраля 1959 года в Видувре под Копенгагеном в присутствии 174 делегатов была основана Социалистическая народная партия. На следующий день новая партия провела свое первое открытое собрание, на котором представила себя общественности. Перед почти четырьмя тысячами присутствовавших Могенс Фог выступил с программной речью, в кото-

рой еще раз подробно остановился на причинах создания и целях новой партии.

Ядро Социалистической народной партии первоначально составили бывшие коммунисты, особенно те, которые поддерживали Ларсена во время его полемики со сталинистами. Но партия получила также пополнение со стороны левого крыла социал-демократии и из пацифистских кругов. Уже 1 мая 1959 года тиражом 15 тысяч экземпляров был выпущен первый номер партийной газеты «СФ». Первый съезд партии состоялся 3—5 июня 1959 года. Он принял новый устав партии и программное заявление. В новом уставе партии была принята попытка обеспечить внутрипартийную демократию путем принятия демократической организационной структуры. Из 25 членов правления самое большее шесть функционеров могли находиться в прямой или иной экономической зависимости от партии. Из девяти членов исполнительного правления могло быть не более трех оплачиваемых партийных функционеров. В программном заявлении отстаивалась точка зрения, что Дания может прийти к социализму мирным путем в условиях многопартийной структуры и с помощью парламентских органов. Вместе с тем в программном заявлении указывалось, что одного лишь парламентаризма недостаточно, что в еще большей степени необходимы новые демократические органы вне парламента, а рабочие и служащие должны оказывать решающее воздействие на деятельность предприятий.

На парламентских выборах в ноябре 1960 года вновь образованной партии удалось, несмотря на короткий подготовительный период, собрать почти 150 тысяч голосов (6,1 процента) и получить 11 мест в парламенте. Просоветская Компартия Дании смогла получить лишь 1,1 процента голосов и в результате впервые оказалась не представленной в парламенте. Анализ результатов выборов показал, что из почти 150 тысяч голосов, полученных СНП, более половины — 52 процента — это голоса бывших социал-демократических избирателей, почти 30 процентов — голоса коммунистов, а остальные — голоса приверженцев левodemократических или пацифистских организаций. Большой процент избирателей, отдавших свои голоса за СНП, составила молодежь из рядов движения против атомного оружия.

Свою первую программу СНП приняла — после длительных дискуссий — на III съезде, состоявшемся в октябре 1963 года. Программа содержала идеи, которые сегодня причисляются к незыблемым основным тезисам еврокоммунизма. Так, например, в ней заявляется, что, несмотря на социальные и другие благотворительные мероприятия государства, общественные, экономические и социальные проблемы Дании не могут быть разрешены в рамках капиталистического обще-

ства. Поэтому СНП заявила, что выступает за построение в Дании социалистического общества. При этом, подчеркнула она, обязательно уважение «фундаментальных прав человека» как в процессе перестройки, так и в будущем социалистическом обществе. Социализм в Дании должен базироваться на основных буржуазных правах (свобода мнений, свобода слова, свобода передвижения, равенство перед законом, уважение к неприкосновенности личности, гарантия от произвольного ареста, экономическая безопасность и право на воспитание, труд и жилище). Диктатура пролетариата и однопартийная система во избежание опасности бюрократизации были отклонены. Однако СНП отмежеввалась не только от восточного коммунизма, но и от социал-демократических концепций, согласно которым изменения в обществе могут быть достигнуты только на путях совершенствования законодательного процесса. В противовес этому она подчеркнула необходимость активного участия большинства населения в социалистическом преобразовании общества, отметив, что в силу исторических и общественных условий и в соответствии с парламентскими традициями страны революция может быть осуществлена мирным путем, но что условием для этого является активное участие подавляющего большинства народа, которое приведет к созданию новых институтов и демократизации старых. Поэтому, резюмировала СНП, главная задача сейчас — расширить нынешнюю политическую демократию до экономической и индустриальной демократии, дабы обеспечить народу решающее слово в области экономики, и в частности занятым на производстве — право принимать участие в руководстве соответствующими предприятиями.

В одной важной статье Герт Петерсен, ближайший сподвижник Акселя Ларсена, указал на отношение СНП к марксизму. Он заявил, что необходимо привести марксизм «в соответствие с нынешним временем и на основе конкретного анализа применить его теоретические достижения к конкретной датской действительности». Социалистическая народная партия, подчеркнул он, отвергает любых «священных коров» и выступает за то, чтобы критически переоценивать любые явления. Это касается отношений как с капиталистическими странами, так и с социалистическими государствами — тем более что «анализ фактов показывает, как это выглядит, когда социализм нигде не существует в высокоразвитой форме»¹²³.

В статье отмечалась необходимость переосмысления взаимосвязи и соотношения между конкретными реформами и долговременными социалистическими целями. По мнению Петерсена, ориентация на долговременные цели социализма не должна означать, что можно пренебрегать текущими задачами улучшения жизненного положения трудя-

щихся. Поэтому СНП выступает за демократизацию руководства предприятиями и за право рабочих участвовать в принятии решений. Она отклоняет политику словесных демонстраций в парламенте, а потому не предлагает никаких законов, которых в настоящее время нельзя провести. Она ориентируется на практическую политику в рамках существующих возможностей, но в этих рамках намерена добиваться максимума возможного. Такая реалистическая политика является исходным пунктом для выдвижения новых требований в соответствии с возникающими новыми возможностями. Оппозиционная политика СНП не должна быть реструктивной политикой, а должна иметь целью оказание воздействия на социал-демократов с тем, чтобы они отказались от своего сотрудничества с буржуазными или правыми партиями. Только таким путем, резюмировалось в статье Петерсена, можно достичь главной цели — завоевать большинство в рабочем движении, которое само может проложить себе путь к важным внутриполитическим реформам.

Эти принципы были вознаграждены избирателями. На выборах, состоявшихся осенью 1966 года, СНП добилась еще большего успеха, получив 10,9 процента голосов и 20 мандатов, в то время как старая Компартия Дании, собравшая всего 0,8 процента голосов, осталась без единого своего представителя в датском парламенте. В Копенгагене СНП стала даже второй по величине партией, и после выборов 1964 года социал-демократы были в состоянии формировать правительство лишь при поддержке депутатов от Социалистической народной партии. Тем самым СНП смогла реализовать целый ряд своих программных установок. Однако эта конструктивная позиция Социалистической народной партии натолкнулась в ее собственных рядах на противодействие слева, и под давлением этих левых — к их числу принадлежали также Карл Мольтке и Вилли Брауэр — в июне 1967 года был созван чрезвычайный съезд СНП.

Эти трудности были встречены в Москве и Восточном Берлине с определенными надеждами. Так, центральный орган СЕПГ газета «Нойес Дойчланд» тогда писала: «В этой обстановке должны сказать свое слово левые силы!»¹²⁴ Тем не менее новые левые в СНП и перед лицом этой поддержки из Восточного блока, над причинами которой им следовало бы задуматься, продолжали свою фракционную деятельность. В частности, 15 декабря 1967 года шесть из 20 депутатов от Социалистической народной партии проголосовали в парламенте против законопроекта, внесенного совместно социал-демократами и СНП. На непосредственно последовавшем за этим VI съезде СНП дело дошло до раскола. Из 159 делегатов съезда 76 левых, в том числе шесть из общего числа 20 депутатов парламента от СНП, покинули съезд. Эти шестеро

17 декабря 1967 года основали новую партию, которая назвала себя Социалистической левой партией.

Раскол, конечно же, ослабил Социалистическую народную партию. С 1968 года в Дании имеются три партии, стоящие левее социал-демократов. Несмотря на то что эти левые социалисты не играли существенной роли в дальнейшей политике, раскол все же явился тяжелым ударом для Акселя Ларсена, который позднее, в декабре 1968 года, когда состоялся следующий съезд СНП, отказался от поста председателя партии. Его место занял его ближайший сподвижник Сигурд Эман. В конце января 1972 года Аксель Ларсен скончался. Его неоднократно сравнивали с Тито, поскольку он тоже с успехом противостоял советскому давлению.

Значение Социалистической народной партии выходит далеко за рамки государственных границ Дании. Со своей новой, самостоятельной программой Социалистическая народная партия Дании стала чем-то вроде модели для стремящихся к самостоятельности коммунистов в западноевропейских — и прежде всего скандинавских — странах. Так, по примеру датской Социалистической народной партии в 1961 году аналогичная партия образовалась в Норвегии, а с 1964 года аналогичная переориентация наблюдается также среди шведских коммунистов.

Швеция: напряженность между еврокоммунистами и сталинистами ведет к расколу

Роль шведских коммунистов в развитии еврокоммунизма часто недооценивается. Нельзя, однако, упускать из виду, что в начале и середине 60-х годов шведские коммунисты вместе с итальянскими решительно высказались в пользу переориентации.

До того как в начале 60-х годов в шведской коммунистической газете «Ню даг» прозвучали первые критические голоса относительно политики шведских коммунистов, Компартия Швеции непрерывно теряла свое влияние. Если на парламентских выборах 1944 года коммунистам удалось еще получить 10,5 процента голосов, то на протяжении последующих пятнадцати лет количество голосов, поданных избирателями за партию, которую возглавлял сталинист Хильдинг Хадберг, неуклонно падало, снизившись до 6,3 процента в сентябре 1948 года, до 4,3 — в 1952 году и, наконец, до 3,8 процента — осенью 1962 года. Железная хватка сталинистского вождя партии Хильдинга Хадберга была настолько сильна, что даже воздействие XX съезда и начавшаяся десталинизация могли лишь с трудом прокладывать себе дорогу в шведской партии, тем более что КПШ, как и некоторые другие скандинавские партии, находилась под влиянием восточ-

ногерманской СЕПГ, а шведские партийные функционеры проходили обучение в партийной школе СЕПГ в Бад-Доберане (ГДР).

В начале 60-х годов критические голоса усилились, и партийная газета «Ню даг» не могла не учитывать этого. Один из читателей писал тогда в «Ню даг»: «Мы преданно защищаем все, что происходит в социалистическом лагере, и занимаем крайне одностороннюю позицию по спорным международным вопросам». Другие читатели высказывали на страницах «Ню даг» сомнение, что революция в Венгрии являлась контрреволюцией, и осуждали то, что Компартия Швеции игнорирует национальные предпосылки своей политики. Все чаще критике стали подвергаться также диктаторское построение партии и авторитарные методы руководства ею. Читатели «Ню даг» констатировали, что отклики на сооружение Берлинской стены были в Швеции более сильными, чем в других западноевропейских странах: «Ни одно другое явление или мероприятие в социалистических странах не вызывало в Швеции такой негативной реакции среди рабочих, как Берлинская стена». Призывы к радикальному обновлению партии становились все громче. В разгар все расширявшейся дискуссии Хильдинг Хадберг ушел с поста руководителя Коммунистической партии Швеции¹²⁵.

XX съезд Коммунистической партии Швеции, состоявшийся в январе 1964 года, явился для шведских коммунистов решительным поворотным пунктом. Новым руководителем партии вместо Хадберга стал Карл-Хенрик Херманссон, который по праву принадлежит к числу основоположников еврокоммунизма. Несмотря на то что в правлении партии и после XX съезда по-прежнему восседали сталинистские догматики, Херманссону быстро удалось внедрить свои популярные среди членов партии концепции при одновременном неуклонном оттеснении сталинистов на задний план. На первой же пресс-конференции, проведенной в ранге председателя партии, Херманссон осудил сооружение Берлинской стены и потребовал прекратить подготовку функционеров КПШ в восточногерманском городе Бад-Доберане. В сентябре 1964 года, выступая в ходе избирательной кампании по радио и телевидению, Херманссон отмежевывался от советского нападения на Финляндию в 1939 году, пражского пугча 1948 года, подавления народного восстания в ГДР в июне 1953 года, а также от разгрома венгерской революции в ноябре 1956 года. Он заявил тогда: «Мы, шведские коммунисты, не считаем положение в других странах, например в Советском Союзе или в так называемых народных демократиях, идеальным для нашей партии. Мы не стремимся идти к такой же цели. Существующая там обстановка не может служить ориентиром для Компартии Швеции»¹²⁶.

В своих критических комментариях по поводу происшедшего в середине октября 1964 года свержения Хрущева Компартия Швеции пошла дальше всех других компартий, включая Итальянскую компартию. Херманссон не ограничился только критикой методов свержения, но и недвусмысленно указал на то, что оно находится в противоречии и с советским партийным уставом, и с советской конституцией. Он призвал советское руководство впредь при смене таких важных должностных лиц брать за образец демократическую процедуру Скандинавских стран или Англии ¹²⁷.

Вскоре после этого, в январе 1965 года, Карл-Хенрик Херманссон стал первым руководителем европейской компартии, который недвусмысленно отказался от термина «пролетарский интернационализм» (всегда предполагающего подчинение советскому руководству) и предложил вместо него тем временем уже достаточно широко внедрившееся в еврокоммунизме понятие «международная солидарность». При этом он заявил, что международное сотрудничество не должно ограничиваться одними только коммунистами: «Мы хотим сотрудничать не только с коммунистическими партиями, но и с национально-освободительными движениями, левыми социал-демократами или левыми социалистическими партиями и даже с социал-демократическими партиями, насколько это окажется возможным применительно к конкретным вопросам» ¹²⁸.

В апреле 1965 года в пространным интервью Херманссон уточнил свои представления об обновлении партии и ее целях. По его концепции, шведские коммунисты должны поддерживать политику социальных реформ, но одновременно требовать также проведения структурных реформ, которые способствовали бы изменению отношений власти и собственности. Но, добавил Херманссон, это окажется возможным только в том случае, если и в самой партии будут происходить изменения в духе социалистического обновления. Партия должна стать более открытой в отношении всего, что происходит в мире. Коммунистические партии, еще раз подчеркнул Херманссон, не могут оставаться закрытыми организациями, они должны быть открытыми в отношении всего рабочего движения и всех подлинных народных движений ¹²⁹.

Наконец, 1 мая 1965 года Херманссон первым из руководителей европейских компартий выступил за плюралистическую модель социализма, а также первым заявил, что его партия будет подчиняться вотуму большинства также и в социалистическом обществе: «Если нам зададут вопрос о том, подчинится ли наша партия, парламентским путем войдя в правительство и потом потерпев поражение в риксдаге или на всеобщих выборах, традиционной процедуре и подаст ли в отставку, мы должны ответить решительным «да». Наше от-

ношение к этим вопросам не может определяться тактически или какими-либо иными подобными соображениями, а должно опираться на признание права выражать доверие, принадлежащее по закону всем гражданам государства»¹³⁰

В конце октября 1965 года с опубликованием проекта нового устава впервые был провозглашен далеко идущий отказ от ленинской доктрины партии. Если до сих пор членам партии вменялось в обязанность безоговорочно следовать всякий раз меняющейся партийной линии, то новый устав предусматривал лишь обязательство членов партии признавать программу и устав. Отныне представители компартии в парламентских органах должны были получать лишь рекомендации относительно того, как они должны голосовать по конкретным вопросам, а не директивные указания. Новый устав содержал также детальные предписания о порядке проведения выборов и порядке принятия решений. Любой случай исключения из партии мог теперь опротестовываться перед съездом партии. Все функционеры — как в правлении партии, так и в других органах — должны были теперь избираться только путем тайного голосования. Представители партии в профсоюзах не должны были больше получать предписания, как им следовало голосовать. Было также предусмотрено, что в дальнейшем все съезды партии будут проводиться открыто, а протоколы и другие официальные документы должны быть доступны общественности¹³¹.

В начале 1967 года Компартия Швеции опубликовала проект новой программы. С января по май по этому проекту велась общепартийная дискуссия, и, наконец, на XXI съезде КПШ, состоявшемся 13—16 мая 1967 года, он был утвержден. В качестве гостей на съезд были приглашены только представители коммунистических и левосоциалистических партий Скандинавских стран. По-видимому, такое решение было предопределено желанием избежать затруднений с представителями компартий Востока. После оживленной дискуссии была принята состоящая из 37 пунктов программа «социалистической альтернативы», в которой впервые отсутствовали заявления о верности Советскому Союзу, не было ссылок ни на Ленина, ни на ленинизм и не упоминались такие важные для советского направления понятия, как «диктатура пролетариата», «пролетарский интернационализм» и «демократический централизм».

В программе 1967 года заявлялось о приверженности демократического пути к социализму, указывалось, что завоеванные демократические права и свободы должны защищаться, а демократия — расширяться и развиваться. Национализация по советскому образцу отвергалась. Сырьевая промышленность, банки, кредитные учреждения и страховые компании, а также крупные предприятия должны перейти в обще-

ственную собственность, причем управлять предприятиями должны сами занятые на них рабочие и служащие (21-й пункт программы). В качестве цели в программе провозглашено создание социалистической Швеции, в которой население путем свободных дискуссий и демократическими методами будет определять свои собственные жизненные условия и развитие страны. В условиях шведского социализма не будет возникать застойных, бесконфликтных ситуаций, но все противоречия между интересами различных групп населения, идеями и притязаниями будут свободно обсуждаться. Основополагающими принципами, регламентирующими существование социалистической Швеции, будут многопартийная система и свобода организаций, собраний и печати¹³².

На XXI съезде партии, состоявшемся в мае 1967 года, Херманссон и его сторонники предложили переименовать компартию в Левую партию. Херманссон обосновывал это предложение тем, что шведские коммунисты признают в качестве братских партий не только коммунистические партии, но и народно-социалистические партии соседних северных стран, а также тем, что в рядах шведскойлевой партии должны чувствовать себя как дома не только коммунисты, но и левые и другие социалисты. Однако вопрос о переименовании партии натолкнулся на сопротивление со стороны делегатов от промышленных районов Северной Швеции, где в рядах КПШ доминировали сталинисты. Был достигнут компромисс, в соответствии с которым партия должна была впредь называться «Левая партия — коммунисты» (ЛПК). В результате XXI съезда КПШ, итоги которого были особенно положительно оценены итальянскими коммунистами¹³³, шведские коммунисты тогда наряду с итальянскими наиболее далеко продвинулись в процессе обновления своей партии.

Но после этого съезда усилилось сопротивление сталинистов, главными очагами которого были сталинистские бастионы на севере страны с центром в Кируне, а также газета «Норшенсфламман». Одновременно шведские реформисты натолкнулись на сопротивление левых революционеров и маоистов, которые упрекали партийное руководство в том, что оно является слишком реформистским. Еще больше разногласия в шведской партии усилились после оккупации Чехословакии, которая особенно сильно осуждалась ЛПК. Херманссон в интервью по телевидению потребовал, чтобы шведское правительство разорвало все отношения с теми государствами, которые принимали участие в оккупации Чехословакии. Сталинистская же газета «Норшенсфламман», наоборот, оправдывала оккупацию.

На парламентских выборах, состоявшихся 20 сентября 1970 года, Левая партия — коммунисты получила 4,8 процента голосов. На этих же выборах социал-демократы лишились

своего большинства и могли сформировать правительство только совместно с ЛПК (социал-демократы получили 163 места в парламенте, ЛПК — 17, буржуазные партии — 170). В этих условиях роль ЛПК сильно возросла.

Летом 1972 года Карл-Хенрик Херманссон выступил с необычным предложением, призвав к сотрудничеству со своей партией эмигрантов и беженцев из стран Восточного блока: «Мы резко критиковали и продолжаем критиковать обстановку, которая сложилась в Советском Союзе в период культа Сталина. Мы знаем, что эта обстановка имела и продолжает иметь тяжелые последствия и для других стран, таких, как Польша, Чехословакия и Венгрия. Я убежден, что мы можем проводить открытые дискуссии с теми восточноевропейскими коммунистами и социалистами, которые именно потому эмигрировали к нам, в Швецию, что критически относятся к развитию обстановки в их странах. Мы, шведские коммунисты, очень заинтересованы в таком диалоге»¹³⁴.

На XXII съезде партии, состоявшемся 26—29 октября 1972 года, противоборствующие течения вновь столкнулись между собой. Сопrotивление просталинистских сил Севера было поддержано также из Гётеборга. Несмотря на все это, Карл-Хенрик Херманссон был утвержден на посту председателя партии, но был вынужден пойти на уступки сталинистам. Новая программная декларация была менее прогрессивной по сравнению с программой 1967 года¹³⁵.

В основу своего доклада на съезде Херманссон положил отношение к шведской социал-демократии. С одной стороны, Херманссон подверг социал-демократическое правительство критике за то, что оно управляет капиталистическим обществом, не стремясь при этом добиться серьезных изменений в сфере производственных отношений и отношений власти. С другой стороны; он заявил, что коммунисты ни в коем случае не будут содействовать свержению социал-демократического правительства. Эта позиция ЛПК была в условиях Швеции исключительно важной, поскольку социал-демократическое правительство могло управлять страной только при поддержке коммунистов-реформистов.

После выборов 1973 года критическая оппозиционная политика ЛПК стала приобретать еще большее значение, так как в результате этих выборов количество голосов, поданных за социал-демократов, снизилось до 43,5 процента, в то время как ЛПК улучшила свои позиции, добившись увеличения количества поданных за нее голосов до 5,3 процента по сравнению с 4,8 процента в 1970 году. Теперь в парламенте депутаты от социал-демократов и ЛПК (в общей сложности 175) противостояли также 175 депутатам от буржуазных партий. После выборов Херманссон вновь заявил, что его партия будет стремиться к проведению радикальной политики, но не

намерена добиваться падения рабочего правительства. В беседе с корреспондентом газеты «Франкфургер альгемайне цайтунг» ведущие представители ЛПК указали на то, что в Швеции социал-демократы вот уже в течение сорока лет находятся у власти и поэтому перед ЛПК стоит задача усилить прогрессивные и левые силы внутри социал-демократии¹³⁶. Было заявлено, что шведские коммунисты решительно несогласны с лозунгом СЕПГ «Партия всегда права», поскольку ни правление партии, ни ее члены не могут быть всегда правы. Для шведских коммунистов, было подчеркнуто в интервью, важна свободная атмосфера, в которой есть место для различных мнений, и было бы хорошо, если бы больше свободы мнений существовало и в Советском Союзе¹³⁷.

На XXIV съезде партии (12—16 марта 1975 года) Херманссон обвинил просоветское меньшинство и его газету «Норшенсфламман» во фракционной деятельности и призвал их подчиниться большинству. Представители просоветского меньшинства возразили на это, что партийное руководство настроено антисоветски и отказывается поддерживать политику Москвы, направленную против маоизма. Просоветское меньшинство упорно сопротивлялось усилению независимости партии от Советского Союза, осуждению оккупации Чехословакии и выражению протестов против высылки Солженицына.

На этом съезде Карл-Хенрик Херманссон ушел с поста председателя партии. Он руководил партией с 1964 года и добился ее переориентации на курс реформ. Во время выборов его преемника возникла необычная для съезда коммунистической партии ситуация, когда не было заведомо известной кандидатуры номер один и любой из претендентов на пост руководителя партии имел равные шансы быть избранным. Все же Ларс Вернер, который до этого являлся заместителем Херманссона и, как и он, представлял реформистское направление, получил 162 голоса, а его просоветский соперник Рольф Хагель из Гётеборга — 64.

Новый председатель партии, Ларс Вернер — рабочий, получивший техническое образование и ставший инженером, а затем профсоюзным функционером, — состоит в партии с 1953 года. Перед ним возникла неразрешимая задача — преодолеть глубокий раскол партии¹³⁸. Принятая съездом партии резолюция о единстве, указывавшая на необходимость подчиняться всем принятым на съезде решениям, лишь замаскировала продолжающийся конфликт. «Норшенсфламман» продолжала свою кампанию против большинства и требовала возврата к советскому курсу.

Летом и осенью 1975 года конфликт обострился. Просоветские функционеры на севере страны и в Гётеборге отказались распространять партийную газету «Ню даг» и стали выдавать «Норшенсфламман» за партийную газету для всей

Швеции. Газетная война стала решающим фактором в разногласиях, тем более что был также затронут вопрос о том, кто финансирует просоветскую «Норшенсфламман». Атмосфера еще больше накалилась, когда осенью 1975 года во многих населенных пунктах и некоторых округах Швеции стали создавать собственную контрорганизацию¹⁸⁹. Наконец, незадолго до новых парламентских выборов, назначенных на 19 сентября 1976 года, от состоявшейся из 19 депутатов парламентской группы ЛПК в риксдаге откололись три просоветских депутата. На самих выборах некоторые просоветские местные группы и районные организации даже выставили отдельные списки кандидатов. В результате выборов социал-демократы впервые после 40 лет пребывания у власти оказались в оппозиции. ЛПК также понесла потери, получив 4,8 процента голосов (по сравнению с 5,3 процента в 1973 году), и обусловлено это было в первую очередь усилением внутрипартийных разногласий между еврокоммунистическим большинством и сталинистским меньшинством.

После того как в январе 1977 года шведские еврокоммунисты поддержали пражское движение вокруг «хартии-77», а сталинисты стали оправдывать его подавление, дело дошло до того, что 1 марта 1977 года в рядах шведских коммунистов произошел окончательный раскол. Группа просоветских раскольников, которая вышла из ЛПК, основала новую партию под названием «Рабочая партия — коммунисты Швеции» (РПКШ). Определенную роль в расколе сыграло также и то, что председатель партии Ларс Вернер осудил действия властей ГДР, лишивших гражданства Бирмана. Отныне в риксдаге имелись представители двух коммунистических партий. 16 депутатов представляли, как и прежде, ЛПК, а трое — вновь созданную просоветскую РПКШ, возглавляемую Рольфом Хагелем. Для шведской общественности это открылось во время дебатов в риксдаге, состоявшихся 30 марта 1977 года. Рольф Хагель от имени своей новой партии заявил в риксдаге, что демократия в социалистических государствах Восточной Европы является высшей формой демократии, а критика мнимого отсутствия там свобод является лишь попыткой отвлечь внимание от недемократических условий, существующих в собственной стране. На том же заседании риксдага Ларс Вернер от имени ЛПК ратовал за связь своей партии с еврокоммунистами: «Не мы изобрели этот термин, но мы его и не стыдимся». Подчеркнув, что еврокоммунизм не является каким-то особым блоком, направленным против других коммунистических партий, он вместе с тем отметил как неоспоримый факт, что некоторые партии в промышленно развитых капиталистических странах Европы, а также партии Австралии и Японии дают схожие ответы на вопросы по проблематике социализма и демократии. «Шведские ком-

мунисты хранят демократические свободы и права, которые завоевали для себя люди труда. Эти права и свободы должны развиваться дальше и привести к социалистической демократии, в условиях которой демократизм охватит все области социальной жизни, профсоюзы останутся самостоятельной силой, обладающей правом на забастовки, и все демократические свободы будут гарантированы также и для оппозиции»¹⁴⁰.

В результате раскола ЛПК потеряла примерно 1500 своих членов. Но она одновременно заявила, что потери уже восполнены в результате притока новых членов, которые именно потому вступили в ЛПК, что она избавилась от зависимости от Москвы фракции.

Раскол в среде шведских коммунистов может, однако, вызвать серьезные последствия в связи с предстоящими выборами. Опрос общественного мнения, проведенный в начале 1977 года, показал, что предположительно лишь 3,5 процента избирателей отдадут свои голоса за ЛПК. Это может привести к тому, что ЛПК не будет представлена в парламенте, поскольку в Швеции существует ценз на представительство в парламенте, составляющий четыре процента от общего количества голосов.

Поведение сталинистов в Швеции совершенно явно направляется Москвой. В 1977 году советское руководство осознало, что перспективы на «обуздание» еврокоммунистов в Швеции весьма слабы, и поэтому, конечно, решило, что лучший выход из положения — опереться пусть и на небольшую, совершенно недейственную и сектантскую, но зато преданную Москве группировку. Ведь просоветская Рабочая партия — коммунисты Швеции и в самом деле никогда не сможет получить больше одного процента голосов избирателей.

Раскол партии в Швеции можно со всей очевидностью рассматривать как предостережение Москвы в адрес всех компартий Запада: везде, где еврокоммунистические идеи будут побеждать, Москва будет стремиться к созданию просоветских коммунистических группировок, даже несмотря на то, что в результате этого коммунистическое движение в отдельных странах окажется ослабленным и будет поставлено под вопрос его представительство в парламентах.

Следуя этой тактике, советское руководство пригласило на торжества по случаю шестидесятилетия Октябрьской революции две делегации из Швеции — одну от ЛПК во главе с Ларсом Вернером и Карлом-Хенриком Херманссоном и другую — за ее спиной — от вновь созданной просоветской РПКШ, дабы придать последней последний международный вес. Подобную тактику Москва уже раньше применила в Испании и Австралии, где также были созданы просоветские осколочные группы.

В Коммунистической партии Норвегии разногласия привели к тому крайне парадоксальному результату, что треть функционеров и руководителей, включая председателя партии, перешла в Социалистическую левую партию. в то время как остаток партии продолжает существовать в качестве просоветской партии, не оказывая ни малейшего влияния на политику страны.

До 1962 года Компартия Норвегии придерживалась просоветского курса со всеми вытекающими отсюда — как обычно, катастрофическими — последствиями. Если в октябре 1945 года Компартии Норвегии удалось получить 11,8 процента голосов избирателей и даже на некоторое время послать в правительство двух коммунистов в качестве министров, то в 1961 году она смогла собрать всего лишь 2,9 процента голосов и оказалась вообще не представленной в парламенте. Особенностью ситуации в Компартии Норвегии в период ее заката после второй мировой войны были разногласия между участником движения Сопротивления Педером Фурнботном, с одной стороны, и сталинистом Лёвлиеном — с другой. Лёвлиен, являвшийся тогда председателем партии, в октябре 1949 года обвинил своего генерального секретаря Фурнботна, который в годы войны возглавлял на севере Норвегии движение Сопротивления против германской оккупации, в том, что он является титоистом и империалистическим агентом. Вскоре после этого Фурнботн и значительное число его приверженцев были исключены из партии. В дальнейшем руководству, возглавляемому Лёвлиеном, удалось так крепко зажать в своих руках партию, что ни смерть Сталина, ни даже XX съезд КПСС и разоблачения Сталина Хрущевым не привели хотя бы к мало-мальски значительной дискуссии в партии.

Только с возникновением конфликта между Москвой и Пекином наметились некоторые перемены. Руководство Компартии Норвегии заняло в этом конфликте самостоятельную позицию и 20 декабря 1962 года опубликовало настолько независимый комментарий, что он был даже перепечатан пекинской «Жэньминь жибао». Однако часто высказывавшееся в то время мнение, что Компартия Норвегии перешла на прокитайские позиции, оказалось неправильным. Стремясь подчеркнуть свою независимость, она продемонстрировала тогда приверженность своего рода румынскому курсу.

Эта первая претензия на самостоятельность позиции вскоре распространилась и на другие области политики партии, особенно после того, как главным редактором партийной газеты «Фрихетен» стал Рейдар Ларсен. Правда, у Рейдара

Ларсена было довольно явное сталинистское прошлое, и до 60-х годов он занимал абсолютно промосковскую позицию, сумев в 1949 году, когда Фурнботн и его сторонники были исключены из партии как титоисты, даже стать во главе молодежной организации компартии. Его можно, однако, отнести к тем «правоверным сталинистам», на которых дальнейшие события повлияли как исцеляющий шок. Во всяком случае, при главном редакторе Ларсене начиная с 1964 года на страницах партийной газеты развернулась открытая дискуссия, в ходе которой раздавались и критические голоса. Так, в статье «Не непогрешимы» «Фрихетен» критиковала смещение Хрущева, а еще в одной статье указывала на то, что механизм смены руководства и существующие для этого правила в Советском Союзе в высшей степени неясны¹⁴¹. В критическом читательском письме, опубликованном в «Фрихетен», один из членов партии заявлял, что большинство людей в Норвегии считают, «что мы являемся мертвой партией, полностью окостеневшей в догматических формах». Автор письма добавлял, что в Норвегии мало кто «верит в возможность процесса обновления в Компартии Норвегии»¹⁴². Лишь на XI съезде Компартии Норвегии, состоявшемся 26—28 марта 1965 года, горячие дебаты возвестили о начале поворота. Вместо сталиниста Лёвлиена председателем партии был избран Рейдар Ларсен. Съезд заявил, что Компартия Норвегии не будет больше принимать никаких указаний извне, и Ларсен попытался на съезде придать партии новый облик по образцу, поданному шведскими коммунистами под руководством Херманссона. Однако он должен был при этом считаться с консервативными сталинистскими силами в партии. В новое Центральное правление партии были избраны представители как прогрессивного направления, возглавляемого Рейдаром Ларсеном, так и просоветского курса.

Важным для последующего развития оказалось то обстоятельство, что на выборах, состоявшихся 12—13 сентября 1965 года, Компартия Норвегии собрала 1,4 процента голосов, тогда как основанная в 1961 году Социалистическая народная партия, возглавляемая динамичным левым социалистом Финном Густавсеном, смогла получить шесть процентов поданных голосов и тем самым намного опередила компартию. Успех левых социалистов на выборах, по-видимому, усилил также и внутри компартии те группировавшиеся вокруг Ларсена силы, которые хотели идти новыми путями. На протяжении 1966—1967 годов в Компартии Норвегии стали все громче раздаваться критические голоса по адресу Советского Союза. Партийное руководство официально заявило, что оно будет обсуждать события в социалистических странах, соблюдая полную независимость, что Компартия Норвегии не является провинциальной организацией социалисти-

ческой страны, что подобное положение — всего лишь традиция канувших в прошлое времен Коминтерна. В заявлении также положительно оценивался опыт шведской и румынской компартий.

Как и в Компартии Швеции, поворот происходил в условиях серьезных внутренних разногласий. Просоветская фракция меньшинства под руководством Йоргена Фогта пыталась тормозить везде, где только можно было, пока в конце концов не вышла в знак протеста из состава руководства.

В апреле 1967 года Компартия Норвегии объявила о намерении разработать новую программу, которую предстояло обсудить и принять на намеченном на март 1968 года XII съезде партии¹⁴³. Было заявлено, что в новой программе партии не будет высокопарных формулировок прошлых времен¹⁴⁴. Партия демонстративно подчеркнула свою независимую позицию в конфликте между Москвой и Пекином, и 1 октября 1967 года председатель партии Ларсен присутствовал на официальном приеме в китайском посольстве в Осло по случаю годовщины Китайской Народной Республики. Это было нечто новое в дипломатической практике европейских компартий.

Борьба между сторонниками обновления курса и просоветским направлением продолжалась на XII съезде Коммунистической партии Норвегии, который состоялся 22—24 марта 1968 года и впервые проводился в Норвегии открыто. Рейдар Ларсен был вновь избран председателем партии. Резолюция, осуждающая фракционную деятельность просоветского меньшинства, была принята большинством в 71 голос против 22. Приближаясь к позиции итальянских коммунистов, Ларсен выступил за «единство в многообразии» мирового коммунистического движения. В области внутренней политики съезд постановил сотрудничать с Социалистической народной партией, а в области внешней политики выступил за нейтралитет Норвегии, роспуск военных и экономических блоков и — в качестве последующей цели — за создание пояса из нейтральных государств европейского Севера.

Съезд еще раз выразил протест против оккупации Чехословакии и потребовал вывода оттуда иностранных войск. Были также приняты меры к углублению отношений с Румынской компартией. Неоднократно имели место переговоры руководства Компартии Норвегии с Чаушеску в Бухаресте, и в свою очередь румынские партийные делегации были гостями руководства Компартии Норвегии.

XIII съезд Компартии Норвегии, состоявшийся 23—25 апреля 1971 года, также подчеркнул нейтральную позицию партии в конфликте между Москвой и Пекином и декларировал право на критические высказывания в отношении негативных явлений в социалистическом лагере. Во время декабрьских

волнений 1970 года в Польше Компартия Норвегии выступила против бюрократического перерождения и недостаточной демократизации в Польше. Нельзя, подчеркнула она, в подобных явлениях обвинять социализм, поскольку они, наоборот, свидетельствуют о нарушениях социалистических принципов. В августе 1972 года Компартия Норвегии совместно с другими еврокоммунистическими партиями выступила с протестом против политических процессов в Праге. В последующий период в центре внимания находились разногласия по вопросу о вступлении Норвегии в ЕЭС. Во время референдума, проведенного в сентябре 1972 года, большинство населения Норвегии высказалось против вступления страны в ЕЭС, причем влияние коммунистов и других левых, прежде всего Социалистической народной партии, на формирование такого мнения у большинства было отнюдь не незначительным. Эта совместная кампания, проведенная перед референдумом с целью добиться отклонения вступления Норвегии в ЕЭС, привела к тому, что после длительных переговоров образовался Социалистический избирательный союз (СИС) во главе с председателем Социалистической народной партии Финном Густавсенем. В этот Социалистический избирательный союз наряду с Социалистической народной партией вошли две группы выступавших против ЕЭС социал-демократов — «Демократические социалисты» и «Независимые социалисты», а также Компартия Норвегии. Социалистический избирательный союз выступил за национальное самоопределение, за снижение расходов на оборону, за экономическую демократию и международную солидарность. В качестве долгосрочной цели Социалистический избирательный союз провозгласил создание социалистической Норвегии. Образование СИС Рейдар Ларсен расценил как реализацию тех идей, за которые он и его единомышленники «всегда выступали». Затем на выборах 9—10 сентября 1973 года произошла сенсация: Социалистический избирательный союз получил 11,6 процента всех поданных голосов и смог направить в норвежский парламент 16 своих депутатов, из которых девять представляли Социалистическую народную партию, шесть — две группы настроенных против ЕЭС социал-демократов и один — Рейдар Ларсен — Компартию Норвегии. Победа Социалистического избирательного союза была тем более значительной, что социал-демократическое правительство Брателли могло далее управлять страной только при поддержке депутатов от СИС. Отныне и вопрос о сотрудничестве в рамках этого избирательного союза стоял в центре всех соображений, особенно у коммунистов. Состоявшийся два месяца спустя (1—4 ноября 1973 года) XIV съезд Компартии Норвегии, на котором Рейдар Ларсен был утвержден на посту председателя партии, высказался за усиление Социалистического избирательного

союза. После успеха на выборах все четыре партнера по СИС стали взвешивать возможность перехода от избирательного союза к единой левой партии. Тем самым впервые в истории коммунизма должно было состояться добровольное слияние коммунистической партии с другими партиями в целях образования широкой социалистической группировки. При этом с самого начала было ясно, что Компартия Норвегии может стать внутри этой новой группировки лишь *одним* из четырех партнеров и что у нее нет никаких шансов играть там «ведущую роль». Среди норвежских коммунистов за основание левой партии выступал прежде всего Рейдар Ларсен, тогда как заместитель председателя партии Гуннар Кнутсен представлял то крыло, которое было критически настроено в отношении такого шага. Но после того как на заседании ЦК, состоявшемся в январе 1974 года, была принята резолюция в пользу присоединения к новой левой партии, стало очевидным, что большинство на стороне Ларсена.

20—21 апреля 1974 года 300 делегатов от четырех партий собрались в Тронхейме для содействующих переговоров и постановили основать новую партию — Социалистическую левую партию. Тем самым основные трудности, как казалось, были преодолены. Единая социалистическая партия должна была быть основана 15 марта 1975 года и выступить уже на предстоявших в сентябре 1975 года коммунальных выборах, причем все входящие в нее партии должны были быть распушены только к концу 1975 года¹⁴⁵

Но внутри Компартии Норвегии обострились разногласия между крылом, возглавляемым Ларсеном, и во все большей степени возражавшими против новой партии оппозиционными догматическо-сталинистскими силами. На состоявшемся в середине марта 1975 года в Тронхейме съезде Социалистического избирательного союза в совместном проекте программы понятие «ленинизм» больше не применялось, а говорилось о марксистско-революционной социалистической партии. Социалисты намеревались решительно осудить в программе партии недостаток свободы в Советском Союзе и оккупацию Чехословакии. В результате сопротивления со стороны просоветского крыла, пригрозившего уйти с объединительной конференции, эти критические параграфы были вычеркнуты из программы и была принята выдержанная в общих словах резолюция. К концу конференции возглавляемые Кнутсеном коммунисты просталинистского направления указали также на то, что только собственный съезд Компартии Норвегии может принять окончательное решение о роспуске партии¹⁴⁶

Разногласия продолжались и после того, как 25 марта «Правда» опубликовала выдержанную в критических тонах информацию о съезде в Тронхейме, отметив при этом, что конференция отказалась включить в программу партии важ-

нейшие, принципиальные положения марксизма-ленинизма. Тем самым было ясно показано, что советское руководство отрицательно относится к вопросу об объединении в рамках новой левой партии. Сразу же после появления указанной публикации в «Правде» Гуннар Кнутсен также заявил, что решения, принятые в Тронхейме, для него «равны нулю и недействительны». В отличие от Кнутсена председатель партии Рейдар Ларсен высказался в том смысле, что чувствует себя в равной мере и коммунистом, и членом Социалистической левой партии.

В июне 1975 года Кнутсен во главе делегации просоветских функционеров поехал в Москву и вел там переговоры с Суловым и Пономаревым. В коммюнике было подчеркнуто, что Коммунистическая партия Норвегии будет и впредь последовательно осуществлять свою деятельность на марксистско-ленинской основе.

На состоявшихся вскоре, в сентябре 1975 года, коммунальных выборах вновь созданная Социалистическая левая партия получила всего 5,7 процента голосов, то есть смогла добиться лишь половинного успеха Социалистического избирательного союза в сентябре 1973 года. Это послужило просоветским коммунистам еще одним основанием для того, чтобы отказаться от создания единой левой партии и сохранить свою собственную партию.

В ноябре 1975 года на XV съезде Коммунистической партии Норвегии произошло наконец окончательное размежевание. Под давлением Кнутсена и под воздействием прозрачных намеков из Москвы большинство делегатов постановило сохранить Компартию Норвегии в качестве самостоятельной организации. Это должно было привести к расколу в партии. Меньшинство примерно в одну треть, возглавляемое бывшим председателем партии Рейдаром Ларсеном, перешло во вновь образованную Социалистическую левую партию. Остальная часть компартии, возглавляемая новым просоветским председателем Гуннаром Кнутсеном, вновь пошла по откровенно просоветскому пути¹⁴⁷.

В уже неоднократно упоминавшейся конференции европейских компартий, состоявшейся в июне 1976 года в Восточном Берлине, Рейдар Ларсен, к тому времени ставший членом Социалистической левой партии, участия не принимал. Гуннар Кнутсен в качестве представителя норвежских коммунистов заявил там, что решение сохранить Компартию Норвегии было правильным.

Ответ на вопрос о действительном соотношении сил внутри группировки социалистических левых дали парламентские выборы, состоявшиеся в сентябре 1977 года. Вновь созданная Социалистическая левая партия получила четыре процента голосов и смогла послать в парламент двух своих представи-

телей. Просоветская Компартия Норвегии, возглавляемая Гуннаром Кнутсенем, получила лишь 0,4 процента голосов избирателей, что явилось самым низким результатом за всю историю партии с момента ее основания в ноябре 1923 года. Это свидетельствовало о том, что в сентябре 1977 года большинство избирателей, прежде голосовавших за коммунистов, отдали свои голоса не компартии, а Социалистической левой партии. Таким образом, Компартия Норвегии существует сегодня лишь для того, чтобы иметь возможность отдавать свой просоветский голос на организуемых Москвой международных коммунистических совещаниях.

Коммунисты Исландии: самостоятельная роль Народного союза

По численности своих рядов, взятой в процентном отношении к численности всего населения, исландская партия, действующая, правда, в стране, где всего около 220 тысяч жителей, стоит на четвертом месте в Европе после компартий Италии, Франции и Финляндии. Она более часто, чем любая другая компартия, участвовала в правительстве, а с 1968 года исландские коммунисты порвали все контакты с просоветским направлением мирового коммунизма.

Коммунисты Исландии, объединившиеся в октябре 1938 года с некоторыми группами из левого крыла социал-демократии и называвшие с этого времени свою партию Единой социалистической партией, уже во время войны на выборах, состоявшихся в 1942 году, получили 19,5 процента голосов. Под руководством генерального секретаря Брийолафура Бьярнассона (с 1938 года) и председателя партии Эйнара Ольгейрссона (с 1939 года) партия шла самостоятельным политическим курсом. Оба руководителя партии стали коммунистами в начале 20-х годов, когда они обучались в Берлине. В 1944 году в Исландии было образовано коалиционное правительство, состоящее из социал-демократов, консерваторов и Единой социалистической партии, которая была представлена в этом коалиционном правительстве двумя министрами: Бьярнассон был министром народного просвещения, а Якобссон — министром труда. Участие коммунистов в правительстве продолжалось до начала 1947 года. Потом возникли разногласия по вопросу о методах борьбы с продолжавшейся инфляцией и об отношении к американским военным базам в Кеблавике. Единая социалистическая партия выступила против американских военных баз, но была единственной компартией в мире, которая не приняла участия в антиюгославской кампании¹⁴⁸.

Единая социалистическая партия заключила с левыми социал-демократами избирательный блок, известный под названием «Народный союз». В 1956—1958 годах этот блок вновь

вошел в состав исландского правительства. С конца 50-х годов наметилось усиление отмежевания исландских коммунистов от международного коммунистического движения. Они еще присылали делегацию на празднование пятидесятилетия Октябрьской революции в ноябре 1967 года, но участия в официальных международных коммунистических совещаниях уже больше не принимали, ограничиваясь лишь тем, что время от времени посылали по нескольку общих приветственных слов по случаю съездов партий Восточного блока.

Свое главное внимание исландские коммунисты концентрировали на внутренних проблемах собственной страны. На выборах в июне 1963 года исландский Народный союз собрал 16 процентов голосов и благодаря этому получил девять — из общего числа 52 — мест в парламенте. В том же году он принял новую партийную программу, в которой среди прочего была провозглашена идея мирного перехода к социализму.

После длительных внутренних разногласий в декабре 1967 года было решено превратить Народный союз из избирательного блока в политическую партию. Уже в августе 1968 года исландские коммунисты резко осудили оккупацию Чехословакии и заявили, что они будут рассматривать любые связи с правящими партиями государств Восточного блока, принявших участие в оккупации Чехословакии, как несовместимые с членством в Народном союзе. На XVI съезде партии (ноябрь 1961 года) Эйнар Ольгейрссон, бывший в течение 30 лет председателем партии, передал свой пост новому руководителю Народного союза, Рагнару Арнальдсу, который продолжал независимую политику своего предшественника. Проект нового устава партии содержал далеко идущие предложения относительно демократизации: партийные съезды должны были отныне проводиться открыто, меньшинству предполагалось предоставить возможность беспрепятственно отстаивать свои взгляды также и перед руководством партии, вводилась система замены кадров, при которой ни один функционер не мог избираться на один и тот же пост свыше трех раз подряд, то есть оставаться на одном и том же посту более девяти лет.

После неоднократного подтверждения исландскими коммунистами своего осуждения оккупации ЧССР в конце концов и в Исландии образовалась маленькая просоветская группировка, которая назвала себя Объединением исландских социалистов и начала издавать собственную газету под названием «Ню дагобунд». Однако роль этой просоветской группы была совершенно незначительной.

На выборах, состоявшихся в июне 1971 года, Народный союз получил 17,2 процента голосов и тем самым превзошел социал-демократов (10,5 процента). С июня 1971 по лето 1974 года исландские коммунисты Йозефосон (министр рыбо-

ловства и торговли) и Кьяртанссон (министр промышленности, здравоохранения и социального обеспечения) вновь были в составе правительства. В 1971—1972 годах исландские коммунисты еще раз протестовали против подавления оппозиции в Чехословакии и критиковали смертные приговоры, вынесенные на ленинградском процессе по делу лиц, якобы угнавших самолет.

На съезде партии в середине ноября 1971 года Рагнар Арнальдс был вновь утвержден в должности председателя партии, а г-жа Адда Бара Зигфусдоттир избрана заместителем председателя партии. Она занимала в правительстве пост заместителя министра здравоохранения и социального обеспечения.

Участие исландских коммунистов в правительстве кончилось после выборов, проходивших 30 июня 1974 года. Правда, Народный союз сумел даже увеличить число поданных за него голосов (18,4 процента), что принесло ему 11 мест в парламенте, но поражение социал-демократов, получивших всего 9,1 процента голосов, привело к тому, что в конце августа 1974 года левоцентристское правительство вышло в отставку.

Как во времена участия в правительстве, так и после перехода в оппозицию Народный союз твердо придерживался и продолжает придерживаться независимой политики. Исландские коммунисты не принимали участия ни в Брюссельском совещании западноевропейских партий в январе 1974 года, ни в каких-либо других региональных или международных коммунистических конференциях. Даже на конференции европейских коммунистических партий, проходившей в Восточном Берлине в июне 1976 года, Народный союз не был представлен, так как постепенно превратился в левосоциалистическую партию. Только с Румынией, Югославией и некоторыми другими еврокоммунистическими партиями он еще поддерживает кое-какие связи. Присутствовали представители Народного союза также на съездах еврокоммунистических партий Европы.

Коммунистическая партия Греции: еврокоммунистическая внутренняя партия и просоветская зарубежная партия

В ходе дискуссий по проблемам еврокоммунизма о коммунистах Греции упоминают лишь изредка. Об этом можно только сожалеть, потому что еврокоммунистические тенденции играют важную роль также и в Греции. В Компартии Греции дело дошло до острых внутренних разногласий, приведших к тому, что коммунисты с весны 1968 года раскололись на просоветскую зарубежную КПГ и еврокоммунистическую КПГ (внутреннюю). Последняя тесно связана с пар-

тней социалистов — Единой демократической левой партией (ЭДА).

Истоки такого развития событий восходят к периоду гражданской войны 1946—1949 годов. Во время этой войны было убито более 50 тысяч человек, 750 тысяч потеряли родину, обширные территории были опустошены. После трех лет боев Компартия Греции была разгромлена. Ее поражение было следствием недостаточно энергичной поддержки со стороны греческого населения, уставшего от войн, и прежде всего со стороны рабочего класса. К этому нужно добавить еще и то, что восстание открыто направлялось Советским Союзом и Болгарией. Осенью 1949 года Компартия Греции после своего поражения ушла в подполье. Десятки тысяч греческих коммунистов бежали в страны Восточного блока. Считают, что примерно 75 тысяч беженцев, в том числе около 20 тысяч членов партии, живут с тех пор в странах Восточного блока.

Значительное большинство членов и функционеров Компартии Греции вступили в партию только во времена немецкой оккупации, они не знали никаких других форм борьбы, кроме вооруженного сопротивления. Термин «политическая борьба» был им неизвестен, экономические и социальные проблемы они разрешали зачастую в чрезвычайно примитивном и догматическом духе. Вдобавок тяжелые последствия для многих греческих коммунистов, живших в эмиграции, имели жесткая политическая структура государств Восточного блока и произвол сталинизма. В недрах эмигрантской КПГ постоянно происходили распри между различными кланами и фракциями, многие функционеры этой партии были в государствах Восточного блока арестованы, некоторые расстреляны. Но самое главное — эмигрантская компартия совершенно оторвалась от условий, существовавших в Греции. Уже в 50-х годах все чаще возникали разногласия между теми коммунистами, которые оставались в Греции, и теми, которые жили в эмиграции.

С середины 50-х годов левые силы вновь получили возможность работать в собственной стране легально — правда, не называясь коммунистической партией. Была создана Единая демократическая левая партия (ЭДА), состоявшая из членов и функционеров компартии, но включавшая также и многих сочувствующих и левых некоммунистов. Во время выборов ЭДА получала значительную долю голосов: в 1958 году — 24,4 процента, в 1961 — 14,8, в 1963 — 14,5, в 1964 — 11,8 процента.

В вопросе об отношении к ЭДА между греческими коммунистами существовали разногласия. Одни считали, что ЭДА должна превратиться в самостоятельную марксистскую партию и фактически взять на себя роль второй компартии. Другие хотели сохранить ЭДА в качестве левой легальной

верхушечной организации, причем коммунисты должны были создать собственные нелегальные партийные организации параллельно с ЭДА. Споры вызвал также вопрос о том, где должно находиться руководство греческих коммунистов — внутри страны или за рубежом.

В результате военного путча 1967 года положение обострилось. И компартия, и ЭДА оказались на нелегальном положении, их члены были объявлены заговорщиками, начались массовые аресты. 6500 коммунистов и сочувствующих очутились в тюрьмах и в печально знаменитых островных лагерях.

После того как начался военный путч, из 38 членов ЦК Компартии Греции десять человек оказались в тюрьме. Партией руководил из-за рубежа генеральный секретарь Колияннис, настроенный просоветски и в значительной степени сталинистски. Спустя несколько недель после установления военной диктатуры Колияннис сделал попытку отыскать козлов отпущения, виновных в поражении партии. В ноябре 1967 года, выступая на заседании Политбюро, находившегося за рубежом, он заявил, что виновниками поражения партии после путча полковников являются члены Политбюро Парцалидис, Димитриу и Зографос, тесно сотрудничавшие с ЭДА. Этих более прогрессивных функционеров предполагалось сместить. Однако здесь Колияннис натолкнулся на сопротивление большинства греческих коммунистов. Тогда он созвал за границей так называемый XII расширенный пленум ЦК — разумеется, без приглашения представителей партии, работающих нелегально в Греции. На этом пленуме ЦК, проходившем с 3 по 14 февраля 1968 года — без Парцалидиса и его сторонников, — двенадцатью голосами против девяти было решено исключить трех названных членов из состава Политбюро. В ответ на это 17 февраля 1968 года трое исключенных решили образовать новый ЦК. Через радиостанцию «Голос правды», находившуюся в Бухаресте, они выступили с осуждением XII пленума ЦК, заявив, что решения группы Колиянниса являются открытым нарушением устава партии и что эта группа состоит из сторонников консервативного и догматического курса. После этого группа Колиянниса объявила в радиопередаче из Москвы, что три члена Политбюро — Парцалидис, Зографос и Димитриу — не только сняты со своих постов, но и исключены из партии. Тогда под руководством Парцалидиса, Димитриу и Зографоса был образован новый Центральный комитет единства с целью как можно быстрее созвать представительный съезд партии. На этот призыв широко откликнулись также коммунисты, живущие в Греции. Особенно сильное воздействие на умы оказало письмо 22 видных функционеров компартии, находившихся в тюрьме Эгины. Они выступили против Колиянниса, заявив: «Коммунисты

Греции не намерены больше мириться с таким положением. Трагедия, которую мы переживаем, обязывает нас заявить открыто: товарищи, вы вот уже два десятилетия находитесь вдали от родины — конечно, не по своей вине. Вы не можете больше руководить движением в Греции. Руководство Компартии Греции может состоять только из членов ЦК, стоящих во главе движения в самой Греции».

После этого группа Колиянниса в марте 1968 года решила перевести радиостанцию «Голос правды» и весь ее редакционный штаб из Румынии в ГДР. Просоветское руководство также переселилось в ГДР. Тем самым партия раскололась на отечественное направление, или КПП (внутреннюю), и на руководимое Колияннисом иностранное направление (зарубежную КПП). Руководство ЭДА заявило после этого, что оно поддерживает отечественное направление.

Когда отечественное крыло КПП и руководство ЭДА осудили советскую интервенцию в ЧССР, раскол еще больше углубился. 90 известных коммунистов, находившихся в заключении в тюрьме на Леросе, в том числе и Манолис Глезос, тоже осудили советскую интервенцию и потребовали отвода иностранных войск, чтобы предоставить чехословацкому народу возможность свободно решить свою судьбу. Просоветское руководство зарубежной КПП, напротив, одобрило оккупацию Чехословакии.

С начала 1969 года фракция Колиянниса действовала почти исключительно в Восточном Берлине. Она провела многочисленные пленарные заседания и опубликовала проекты программы, но ей не удалось создать сколько-нибудь солидную базу для своего направления в самой Греции. В октябре 1971 года Парцалидис и Дракополус, ведущие представители внутреннего направления КПП, были арестованы режимом полковников. Просоветское направление не оказало им никакой поддержки. В противоположность этому румынский партийный лидер Чаушеску в ноябре 1971 года принял делегацию внутреннего направления КПП и официально выразил озабоченность румынского государственного руководства в связи с арестом Парцалидиса и Дракополуса. Все другие государства Восточного блока обошли арест греческих коммунистических лидеров полным молчанием.

В декабре 1972 года на так называемом XVII пленуме ЦК просоветского направления произошли изменения в руководстве, не приведшие, однако, к сглаживанию разногласий между обоими направлениями. Колияннис и несколько ближайших его сотрудников, которые сами себя дискредитировали, были сняты с постов, новым генеральным секретарем был назначен Флоракис, один из немногих просоветских функционеров, работавших нелегально в самой Греции и проводивших много лет в тюрьмах. Но и Флоракис действовал явно в ка-

честве представителя государств Восточного блока. В январе 1973 года он вел переговоры с Сусловым и Пономаревым в Москве, в феврале посетил Венгрию, в марте — Болгарию и, наконец, в мае 1973 года — Чехословакию, где совещался с чехословацким сталинистом Биляком.

Тем временем внутреннее направление Компартии Греции активизировало свою деятельность в Греции, где в конце января 1973 года руководители внутреннего направления Парцалидис и Дракополус вместе с пятнадцатью другими функционерами были осуждены на длительные сроки заключения. На специальном суде в Афинах Парцалидис и Дракополус подчеркнули, что они ставили своей целью объединение всех демократических сил для борьбы против режима полковников, что Греции нужна партия, прочно связанная с народным движением Сопротивления и представляющая собой единый центр всех левых сил, и что поэтому коммунисты, поддерживающие внутреннее направление, борются за свержение военного режима и за возвращение к демократии, выступают за создание правительства национального единства, которое освободит страну от всех антидемократических законов и объявит свободные выборы. Отметив затем, что в Греции есть условия для мирного пути к социализму, они дословно заявили на процессе: «Наша цель — социализм, имеющий корни в греческой действительности и находящий свое выражение в плюралистическом обществе».

В результате все нараставшего внутреннего сопротивления и акций протеста, которые, как, например, крупная студенческая демонстрация в ноябре 1973 года, приводили даже к вооруженным столкновениям, 23 июля 1974 года последовало наконец столь долго ожидавшееся населением и коммунистами свержение режима полковников. Уже 24 июля 1974 года образовалось правительство Караманлиса. Банкротство диктатуры и народное сопротивление, в котором принимали участие также и некоторые буржуазные круги, тоже содействовали восстановлению демократии. 4 августа 1974 года орган ЭДА и внутреннего направления КПГ газета «Авги» стала выходить легально, а 21 августа 1974 года в Грецию вернулся просоветски настроенный лидер КПГ Флоракис. Вскоре после этого просоветская Компартия Греции открыла свое бюро в Афинах и стала выпустить газету «Ризоспастис».

Теперь оба направления — КПГ (внутренняя) и ЭДА, с одной стороны, и просоветская Компартия Греции — с другой, работали легально. Несмотря на то что раскол по-прежнему сохранялся, оба направления приняли 11 октября 1974 года решение о том, что на предстоящих парламентских выборах они будут действовать сообща на основе избирательной платформы единого блока левых. В качестве целей этого блока левых выдвигались защита и укрепление национальной незави-

симости, демократизация страны и борьба за права рабочих. Предвыборным блоком левых руководил комитет, в который вошли представители просоветской КПП, ЭДА и КПП (внутренней).

Предвыборная борьба, предшествовавшая первым свободным выборам 17 ноября 1974 года, велась в тяжелейших условиях. Оба направления компартии и ЭДА только что стали работать легально. Настоящего единства левых не получилось, поскольку Андреас Папандреу выступил со своей собственной партией, так называемым Всегреческим социалистическим движением (ПАСОК), и сумел повести за собой большинство левых. Решающую роль сыграла, кроме того, популярность Караманлиса, которого считали символом освобождения от диктатуры полковников. Наконец, избирательный блок страдал от раскола в среде коммунистов, потому что, несмотря на предвыборное соглашение и общую программу, расхождения оставались и в ходе предвыборной борьбы это приносило выгоды другим участвовавшим в ней партиям¹⁴⁹. При таких предпосылках избирательный блок получил на первых свободных выборах в Греции всего 9,45 процента всех поданных голосов, в то время как Всегреческое социалистическое движение собрало 13 процентов голосов.

Действуя в рамках единого избирательного блока левых, зарубежное направление Компартии Греции продолжало свою фракционную деятельность и кампанию клеветы против ЭДА и внутреннего направления КПП. Из восьми депутатов, направленных блоком левых в парламент, пятеро представляли просоветскую КПП и только двое — КПП (внутреннюю). Один депутат представлял ЭДА. Во время выборов просоветская партия рекомендовала своим членам голосовать за избирательный блок левых в целом, но не за кандидатов других группировок внутри блока. В результате этого председатель ЭДА Илиу, например, получил всего 24 077 голосов, хотя ЭДА удалось завоевать 48 065 голосов. Как сообщала тогда французская газета «Монд», было много признаков, свидетельствовавших о том, что партии скоро покончат с этим недолговечным сотрудничеством и отдельные течения, участвующие в нем, обретут самостоятельность. 23 февраля 1975 года внутреннее направление КПП заявило, что оно выступает за создание массовой партии и за преодоление сектантской линии прошлого. Оно известило также о намерении созвать в ноябре 1975 года собственный съезд.

Во время муниципальных выборов 1 апреля 1975 года во многих населенных пунктах Греции оппозиционные партии — КПП (внутренняя), просоветская КПП, ЭДА, ПАСОК, а также часть Союза центра — впервые выступили совместно против правительственных кандидатов. Благодаря этому оппозиции удалось завоевать большинство в муниципалитетах Афин,

Салоник и других важных городов Греции. Вскоре, однако, союз снова распался.

Важную роль в переходе КППГ (внутренней) на еврокоммунистический путь сыграло то, что она опубликовала в 1975 году вместе с Компартией Испании общую декларацию, в которой обе партии подчеркнули свою приверженность плюралистической модели социализма, обязательному уважению демократических, религиозных и культурных свобод и принципу отказа от официальной государственной идеологии и заявили, что выступают за единство демократических сил Европы, прежде всего коммунистов и социалистов, и за реформу Европейского сообщества.

Шестого июля 1976 года в Афинах открылся первый съезд КППГ (внутренней). Он собрался непосредственно после состоявшейся в конце июня 1976 года в Восточном Берлине конференции европейских коммунистических партий, на которой КППГ (внутренняя) не была представлена, а лидер просоветской КППГ Флоракис выступал в качестве представителя всех греческих коммунистов. На афинском съезде КППГ (внутренней) была провозглашена новая линия, в соответствии с которой партия, исходя из конкретной ситуации в стране, выступала за политику демократического пути к социализму. Одновременно было подчеркнуто, что КППГ (внутренняя), выступая с критикой негативных сторон деятельности правительства Караманлиса, тем не менее не желает возникновения правительственного кризиса, который только ухудшил бы положение Греции. В документах партийного съезда содержались также требования относительно политического плюрализма и права граждан на свободу. Съезд горячо приветствовал представителей компартий Испании, Югославии, Румынии и делегацию норвежских левых. Ряд других коммунистических партий, в том числе компартии Великобритании, Италии, Австралии и Швейцарии, прислали приветствия. Просоветские партии съезд бойкотировали.

Съезд партии ясно показал, что КППГ (внутренняя) и ЭДА намерены играть роль конструктивной оппозиции. В сентябре 1977 года глава греческого правительства Константин Караманлис решил распустить парламент и провести новые выборы в ноябре 1977 года, то есть на год раньше предусмотренного срока. Перед лицом серьезных внутри- и внешнеполитических проблем (Кипр, переговоры о вступлении в Европейское сообщество, конфликт с Турцией и тяжелое экономическое положение) Караманлису было важно получить неограниченную свободу действий и доказать как отечественной, так и зарубежной общественности, что большинство девятимиллионного населения Греции все еще доверяет ему.

И действительно, выборы, состоявшиеся в ноябре 1977 года, подтвердили согласие избирателей с политикой Караман-

лиса. Его партия получила 42 процента голосов, хотя, правда, и доля ПАСОК увеличилась с 13 до 25 процентов. Просоветская Компартия Греции собрала 9,4 процента голосов и послала в парламент 11 депутатов, еврокоммунисты получили всего 2,7 процента и соответственно два места в парламенте.

Тем самым Греция стала единственной страной, где просоветские коммунисты значительно сильнее, нежели еврокоммунисты. Это явно связано с тем, что в Греции особенно сильна неприязнь к НАТО и Европейскому сообществу, а еврокоммунисты выступают за реалистические отношения с Европейским сообществом. Оказала свое влияние также значительная материальная помощь Восточного блока просоветской компартии во время предвыборной борьбы.

Коммунистическая партия Великобритании: коллизии вокруг «британского пути к социализму»

Компартия Великобритании с ее 26 тысячами членов — небольшая партия. Во время выборов она не играет почти никакой роли. Поскольку в Англии голоса подаются за определенных деятелей, а не за партии, у КПВ нет никаких шансов на представительство в парламенте, и вот уже более тридцати лет она не имеет своих депутатов. Тем не менее она оказывает определенное влияние на левое крыло рабочего движения, не без успеха действует на предприятиях, в профсоюзах и в некоторых кругах английской интеллигенции.

Характерной чертой руководства партии является прочная преемственность. С 1929 по 1956 год Коммунистической партией Великобритании руководил Гарри Поллит, с 1956 по 1975 год — Джон Голлан, а с 1975 года ее возглавляет Гордон Макленнан. Переход Компартии Великобритании на еврокоммунистические позиции начался в основном с 1968 года и протекал в условиях постоянно возникавших разногласий с просоветским меньшинством.

Первые же признаки перемен стали заметны еще после XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 года. Начиная с этого времени, в партии, до тех пор сохранявшей абсолютную верность Москве, вошли в практику довольно откровенные диалоги и многие английские коммунисты солидаризировались с концепцией Тольятти о полицентризме в коммунистическом движении. Настоящий шок в КПВ вызвало подавление венгерской революции: более семи тысяч членов, то есть почти треть тогдашнего состава партии, вышли из ее рядов. В числе порвавших с партией было много функционеров и интеллигентов, которые стали издавать собственный журнал под названием «Нью ризонер». Эта группа имела общие черты с «кружком Петефи» в Венгрии.

Ближе к концу 60-х годов Компартия Великобритании

стала постепенно переходить на «итальянскую линию». На XXX партийном съезде (национальном конгрессе) в ноябре 1967 года было впервые подчеркнуто, что каждая компартия должна выработать собственную политику и найти собственные методы борьбы, соответствующие условиям в данной стране. Компартия Великобритании стала открыто выступать против руководящего центра, уже тогда заявив, что проблемы мирового коммунистического движения не могут более разрешаться только на базе международных совещаний. При всем том, однако, Компартия Великобритании еще выступала тогда за выход Великобритании из НАТО и за подписание договора о дружбе с СССР, а также за признание ГДР.

Настоящий поворот и соответственно решающие разногласия в Компартии Великобритании, как и во многих других европейских компартиях, были связаны с «пражской весной» и с последовавшей за ней оккупацией ЧССР. В обнародованном в начале октября 1968 года новом варианте программного документа «Британский путь к социализму», который впервые был опубликован в 1967 году, наряду с довольно-таки догматичной оценкой международной ситуации наметился поворот в отношении собственной страны: был высказан целый ряд прогрессивных идей относительно британского пути к социализму с главной целью построения демократическо-социалистического общества. Себя Компартия Великобритании определяла как марксистскую партию (указание на ленинизм отсутствовало), борющуюся за торжество научного социализма и за единство рабочего класса. Она заявляла, что вовсе не заинтересована в том, чтобы подрывать позиции лейбористской партии и тем более добиваться ее раскола, а, наоборот, выступает за усиление всех левых элементов внутри лейбористской партии. В качестве важнейшего мероприятия, направленного на изменение общества, Компартия Великобритании требовала значительного расширения национализированного сектора в экономике. Согласно ее представлениям, руководящие органы национализированных предприятий должны были состоять из рабочих и инженеров соответствующих отраслей промышленности, причем профсоюзы должны были иметь непосредственное представительство на всех уровнях администрации и руководства. Средствами массовой информации — прежде всего радио и телевидением — должен был руководить национальный совет, в котором были бы представлены все демократические организации. Тем самым была бы обеспечена более широкая, чем в настоящее время, свобода дискуссий на разнообразные темы. КПВ высказывалась за введение представительной избирательной системы на муниципальном и общенациональном уровнях. Верхнюю палату парламента предлагалось упразднить, полицию поставить под контроль населения, осуществляемый через демократические

комитеты. Народам Шотландии и Уэльса предполагалось предоставить право национального самоопределения, а из Северной Ирландии вывести английские войска.

В области внешней политики программа Компартии Великобритании предусматривала сохранение тесных связей с Советским Союзом, осуждала американский империализм как наиболее агрессивного противника демократии, национального освобождения и социализма, в связи с чем выдвигалось требование выхода Великобритании из-под опеки США. НАТО и другие империалистические союзы надлежало распустить и заменить системой европейской безопасности. Предлагалось обуздать западногерманский милитаризм и вывести все английские войска из других стран и все иностранные войска — из Великобритании. Общий рынок был охарактеризован в программе как концентрация крупнейших концернов капиталистической Европы. Было указано, что он представляет опасность как для демократии в Западной Европе, так и для международного рабочего класса, для Советского Союза и других социалистических стран.

Путь к самобытному социализму авторы документа «Британский путь к социализму» представляли себе следующим образом: все демократические партии могут свободно существовать и принимать участие в выборах — даже и те, которые относятся к социализму враждебно. Профсоюзы не зависят от государства, они только защищают интересы своих членов и одновременно выполняют важные функции в области экономического планирования. Государственное управление и планирование децентрализуются, избранные демократическим путем региональные советы планируют экономическое, социальное и политическое развитие своих регионов. В условиях социализма обеспечиваются и расширяются все свободы, в том числе право на забастовки, выбор рабочего места, свобода убеждений, передвижения и религии. Запрещается только расовая ненависть. Правосудие независимо от исполнительной власти.

Коммунистическая партия и левое крыло лейбористской партии представляют собой в социалистическом обществе важнейшие политические организации рабочего класса и как таковые несут ответственность за развитие социалистического общества. Марксизм не является в социалистическом обществе государственной идеологией, марксистские идеи не навязываются членам партии.

Английские коммунисты, говорится в заключительной части программы, никогда не будут копировать опыт других стран, а пойдут к социализму своим, британским путем.¹⁵⁰

Таким образом, в этой программе от 1968 года сочетались уже доминировавшие в области внутренней политики евроком-

мунистические представления о пути к социализму с концепциями в области внешней политики, еще в значительной степени носившими просоветский характер. Правда, партийная газета «Морнинг стар» в номере от 22 августа 1968 года называла вторжение в Чехословакию «трагической ошибкой», а всю акцию — незаконной. Компартия Великобритании, говорилось в статье, выступает за немедленный отвод войск государств Варшавского пакта из ЧССР и за восстановление нормальных отношений между государствами и коммунистическими партиями. Два дня спустя руководство КПВ еще раз выступило с осуждением военного вмешательства¹⁵¹. В качестве ответа «Правда» опубликовала статью, критиковавшую точку зрения английских коммунистов¹⁵².

Большинство членов Компартии Великобритании было согласно с решением партийного руководства. Некоторые статистические данные по этому вопросу не лишены интереса. Так, например, в районных организациях партии в Лондоне было подано 152 голоса за и 72 —против решения (при семи воздержавшихся). В Йоркшире решение было одобрено 64 голосами, 20 человек голосовали против, шесть воздержались от голосования. В Мидлсексе 50 были за, 25 —против, трое воздержались. В Южном Мидленде 24 человека голосовали за, 13 —против. Только в графстве Суррей решение партийного руководства было отклонено 53 голосами против 11, поданных за него¹⁵³. К числу наиболее известных защитников советской интервенции в Чехословакии принадлежал Палм Датт, ветеран партии, еще в 30-е годы представлявший Компартию Великобритании в Коминтерне. Датта поддержал Сид Френч, председатель партии в графстве Суррей.

На третьем международном коммунистическом совещании, состоявшемся в Москве в июне 1969 года, Компартия Великобритании была представлена Джоном Голланом и Джеком Уоддисом, отвечавшим в партии за международные дела. Там Голлан заявил, что недостаточно подкреплять отношения между социалистическими странами и коммунистическими партиями высказыванием общих тезисов, а следует провести дискуссию по вопросу о том, почему не удалось сделать реальностью основополагающие принципы¹⁵⁴. На XXXI съезде КПВ, состоявшемся вскоре после этого (15—18 ноября 1969 года), решение о том, что оккупация Чехословакии должна быть осуждена, приветствовали 295 делегатов из 413, то есть более чем 70 процентов делегатов; заявление Голлана на третьем международном коммунистическом совещании тоже было одобрено подавляющим большинством.

В июне 1970 года английские коммунисты протестовали против вывода Дубчека из ЦК КПЧ¹⁵⁵. Это усилило напряженность в отношениях между Москвой и КПВ, хотя председатель партии Голлан в августе 1970 года встречался и вел

переговоры с советскими лидерами Андреем Кириленко и Борисом Пonomаревым. В коммюнике, сообщавшем об «откровенном обмене мнениями», относительно единства взглядов ничего не говорилось¹⁵⁶. В развернувшейся затем с 1971 года свободной дискуссии на страницах партийной газеты «Морнинг стар» — эта дискуссия в значительной степени содействовала переориентации партии — приняли участие не только коммунисты, но и сторонники лейбористской партии, профсоюзные лидеры, а также писатели и публицисты левого направления. Печатались при этом и такие отзывы, которые отнюдь не были лестными для Компартии Великобритании. Один ведущий функционер английского профсоюза горняков, например, открыто поставил вопрос: почему КПВ за 50 лет своего существования сумела только закрепиться в профсоюзах, а в политической жизни не завоевала вообще никаких позиций. Его мнение сводилось к тому, что тысячи убежденных коммунистов пользуются уважением в среде рабочих, многих из них принимают как профсоюзных функционеров, а вот к компартии рабочие по-прежнему питают глубокое недоверие, так как последовательная защита сталинизма в течение более чем трех десятилетий привела большинство английского рабочего класса к мысли о том, что компартия, придя она к власти, создаст в Англии такой же режим. Поэтому, резюмировал упомянутый функционер, рабочий класс должен убедиться в том, что левые выступают за социалистическую программу, которая предусматривает расширение демократических прав, а не их ограничение¹⁵⁷.

В 1971 году делегация Компартии Великобритании во главе с Джеком Уоддисом посетила Югославию и договорилась об укреплении контактов между обеими партиями. В конце мая 1971 года Компартия Великобритании объявила, что она не примет участия в работе XIV съезда КПЧ, поскольку пражское руководство не разрешило английскому представителю выступить с речью, в которой он намеревался высказаться против оккупации. В июле 1971 года генеральный секретарь Джон Голлан ездил в Советский Союз, где вел переговоры с членом Политбюро ЦК КПСС Арвидом Пельше. В опубликованном после этого коммюнике опять не отмечалось единства взглядов. Внесенная Сидом Френчем на XXXII съезде партии (13—16 ноября 1971 года) резолюция, в которой приветствовалась оккупация Чехословакии, встретила поддержку только у 18 процентов делегатов.

В области внешней политики партия с 1970 года усилила кампанию против вступления Англии в Европейское сообщество, обосновывая свою позицию тем, что английский парламент в результате этого шага якобы утратит свой суверенитет. Те же возражения выдвигались и в 1972 году. Одновременно партия протестовала против процессов по делам участ-

ников «пражской весны», которые проводились в это время в ЧССР.

В феврале 1973 года генеральный секретарь Итальянской компартии Берлингуэр беседовал во время своего визита в Англию как с руководителями компартии, так и с лидерами лейбористов. Было решено усилить сотрудничество между ИКП и КПВ. Однако в то же самое время делегация Компартии Великобритании во главе с Гордоном Макленнаном посетила Советский Союз. На XXXIII партийном съезде (10—12 ноября 1973 года) стало ясно, что оппозиция сталинистов в ходе этих зигзагов курса усилилась. Сид Френч опять выступил с требованием отменить решения, направленные против оккупации ЧССР, и в этом его поддержал Джон Тарвер из Южного Мидленда, который даже предложил партийному съезду демонстративно направить Кремлю приглашение прислать советскую делегацию на съезд КПВ.

На выборах в октябре 1974 года Компартия Великобритании выдвинула своих кандидатов в 29 избирательных округах и получила 0,5 процента голосов. После отставки (по возрасту) Джона Голлана 11 марта 1975 года его преемником был избран пятидесятилетний Гордон Макленнан, который продолжал политику последовательного укрепления самостоятельности. Это выявилось уже на XXXIV съезде партии (15—18 ноября 1975 года), на котором не только—как и прежде—чехословацкий вопрос оказался в центре дискуссии, но и впервые была задета также проблема диссидентов в Советском Союзе. В резолюции съезда было заявлено, что с антимарксистскими идеями можно бороться только методом политических дискуссий, но не с помощью административных мер.

Несмотря на упорную кампанию КПВ и многочисленных лейбористских политиков против членства Великобритании в Европейском сообществе, 15 июля 1975 года 67,2 процента английских избирателей, участвовавших в референдуме, высказались за сохранение этого членства.

В дальнейшем критику в адрес Советского Союза усилил бывший генеральный секретарь партии Голлан в своей брошюре «Социализм в Великобритании», вышедшей в феврале 1976 года. Прочитывая в ней Брежнева, который говорил, что каждый советский писатель, занимающийся клеветой на советскую действительность, заслуживает общественного осуждения, Джон Голлан заметил по этому поводу, что для такого осуждения общественность должна прежде всего ознакомиться с произведением, вызывающим споры. В своей брошюре Голлан также углубил программу 1968 года положением об установлении в будущем демократического социализма.

В 1976 году, в преддверии XXXV съезда партии, назначенного на ноябрь 1977 года, дискуссии по принципиальным во-

просам обострились. Была пересмотрена программа, которая должна была прежде всего учесть уроки недавнего прошлого. В противоположность этому сталинисты начали теперь наступление на всю политику партии в целом, и это наступление особенно энергично поддержал председатель партии в графстве Суррей Сид Френч. Оппозиция все более явственно угрожала открытым расколом.

Летом 1977 года сталинисты решили создать собственную организацию. Дискуссия вокруг измененного проекта программы КПВ явно послужила здесь лишь предлогом, потому что все члены партии имели в данном случае возможность открыто выступать и возражать. Но сталинисты не жаждали политической дискуссии: ведь они знали, что на XXXV съезде партии их вновь ждет поражение, когда дело дойдет до голосования.

В середине июня 1977 года произошел политический и организационный раскол Компартии Великобритании. Под руководством Сиды Френча была создана так называемая Новая коммунистическая партия. Сколько членов КПВ присоединилось к новой партии, не сообщалось, однако общее мнение таково, что их было лишь несколько сотен¹⁵⁸. Предполагают, что Кремль, если он сочтет это удобным, в один прекрасный день объявит данную осколочную группу «настоящей Коммунистической партией Великобритании» и узаконит ее на международной арене.

На XXXV съезде партии, состоявшемся в середине ноября 1977 года, еврокоммунистическая программа «Британский путь к социализму» была принята 330 голосами против 40. Антисталинистские положения, и прежде всего верность принципам демократических свобод, были выражены более отчетливо. Было заявлено, что и в условиях социалистического общества английское правительство будет готово без всякого сопротивления сложить с себя полномочия, если не получит большинства голосов избирателей. В присутствии советского представителя, члена Политбюро Кунаева, генеральный секретарь Макленнан заявил, что Компартия Великобритании независима, однако во многих вопросах согласна с еврокоммунистическими партиями. Касаясь Восточного блока, он критически заметил, что нельзя попросту запретить политические партии, что в социалистическом обществе народу должно быть предоставлено право выбора между различными воззрениями.

Коммунисты Финляндии: система пропорциональности между сторонниками реформ и сталинистами

Переориентация финских коммунистов происходила в особых условиях. Тенденция к самостоятельности по отношению

к Советскому Союзу уже в силу географических и политических причин играла здесь лишь очень небольшую роль. Разногласия между реформаторами и сталинистами концентрировались главным образом на сфере внутренней политики, причем важное значение имело каждый раз участие в правительстве. Эти разногласия касались, однако, не только самой Компартии Финляндии, насчитывающей 50 тысяч членов, но и ее отношений с Демократическим союзом народа Финляндии, который объединяет в своих рядах 150 тысяч человек. В Финляндии в отличие от большинства других стран Европы не отмечалось резкого спада влияния компартии в период позднего сталинизма, то есть в 1945—1953 годах. Финские коммунисты, которые во время парламентских выборов всегда предстают перед избирателями в рамках Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ), сумели сохранить свою — весьма значительную — долю голосов: 20 процентов в июле 1948 года и 23,1 процента в июле 1958 года. Смерть Сталина, XX съезд советской партии, состоявшийся в феврале 1956 года, десталинизация и подавление венгерской революции сначала почти не отразились на деятельности Компартии Финляндии.

Критические голоса стали слышны только в начале 60-х годов. Особую роль сыграл при этом журнал «Тиланне». Издавала этот журнал группа интеллигентов-коммунистов, вышедших или исключенных из партии, а возглавлял его писатель и бывший участник антифашистского Сопротивления Яно Пеннане. Журнал, носивший подзаголовок «Независимый, социалистический, гуманистический», критиковал коммунистов капиталистических стран за то, что они механически копируют путь развития восточноевропейских стран народной демократии. Важно, подчеркивалось на его страницах, развивать собственную инициативу и стремиться к независимости, развивать собственные идеи социализма и строить будущее социалистическое общество, но для этого нужна свободная дискуссия. Журнал недвусмысленно приветствовал Социалистическую народную партию Дании¹⁵⁹. Вскоре эти тезисы были обсуждены в КПФ и в Демократическом союзе народа Финляндии. В партийной газете «Кансан уутисет» члены партии жаловались на то, что Компартия Финляндии «управляется на расстоянии» и «лишена самостоятельности». Поскольку, говорилось там, члены партии боятся, что их обявят недостаточно преданными партийному делу, открытая дискуссия невозможна. Высказывалось мнение, что в дальнейшем партия должна занимать самостоятельные позиции также и в вопросах, касающихся Советского Союза, что ее методы работы устарели и не подходят больше для деятельности в рамках изменяющегося общества¹⁶⁰.

С середины 60-х годов началось обновление финского ком-

мунизма одновременно в двух плоскостях: во-первых, все возрастала независимость Демократического союза народа Финляндии от Компартии Финляндии и, во-вторых, все более отчетливо вырисовывался раскол внутри КПФ на прогрессивное большинство сторонников реформ и на состоящее из сталинистов меньшинство.

В ДСНФ с конца 1964 года становятся заметными тенденции к освобождению от опеки со стороны компартии. В феврале 1965 года сменили занимавшего пост генерального секретаря ДСНФ коммуниста Мауно Тамминена. Его место занял независимый социалист доктор Эле Аленуус, до сих пор стоящий у руководства ДСНФ. Новый руководитель ДСНФ с самого начала выступил за мирный путь к социализму, соответствующий финским условиям. С тех пор ДСНФ, все еще, правда, являющийся более широкой организацией, в рамках которой осуществляется деятельность коммунистов, все больше превращается в самостоятельное объединение. На конгрессе, состоявшемся в мае 1970 года, ДСНФ принял новый устав, в котором более широкая независимость была зафиксирована уже и формально. В своей речи на этом конгрессе Аленуус защищал более широкую самостоятельность и свободу мнений, но в то же время и подчеркивал особо важную роль Советского Союза. Советский гость на этом конгрессе, секретарь партийной организации Ленинграда Григорий Романов, указал в своей приветственной речи на то, что КПФ должна остаться ведущей политической силой в Демократическом союзе народа Финляндии. После этого в 1970 году в руководство ДСНФ, состоящее из 25 человек, были избраны 17 коммунистов и 8 некоммунистов, однако большинство избранных коммунистов принадлежало к группе сторонников реформ. В апреле 1973 года сталинисты утратили почти все позиции в ДСНФ. Разногласия на очередном конгрессе ДСНФ обострились настолько, что возникла ситуация, когда оба кандидата имели одинаковые шансы на избрание. Все же голосование выявило перевес независимого социалиста Аленууса, которому противостоял кандидат сталинистов Энцио Лайне: он был переизбран на пост председателя 185 голосами против 48 голосов, поданных за его соперника.

Так в 1965 году начался продолжающийся и поныне процесс обретения Демократическим союзом народа Финляндии самостоятельности по отношению к Компартии Финляндии.

Одновременно нарастали разногласия и внутри самой КПФ. Начиная с середины 60-х годов и в недрах партии стали критиковаться авторитарный стиль руководства, отсутствие внутрипартийной демократии и недостаточно радикальная борьба со сталинизмом.

Решающий поворот произошел на XIV съезде Компартии Финляндии, состоявшемся 29 января — 1 февраля 1966 года.

Это был первый съезд КПФ, работа которого не была полностью регламентирована и на котором имели место серьезные дискуссии и обсуждались различные точки зрения. Съезд принял решение о разработке новой программы партии. Место сталиниста Аалтонена, руководившего партией в течение двух десятилетий, занял сторонник реформ Аарне Сааринен, который остается председателем партии и по сей день. Сталинист Вилле Песси, правда, был опять утвержден на посту генерального секретаря партии, однако еще один реформатор, Эркки Саломя, стал заместителем председателя партии.

Успех левых сил на выборах в марте 1966 года, когда социал-демократы получили 27,2 процента голосов, ДСНФ — 21,2 процента, привел к образованию в Финляндии коалиционного правительства с участием коммунистов. Коммунисты получили посты министров социального обеспечения и транспорта, а доктор Алениус стал заместителем министра финансов. Сталинисты выступали против участия ДСНФ в правительстве и одновременно вели кампанию против заместителя председателя КПФ Эркки Саломя, который в начале июля 1966 года заявил, что в Финляндии путь рабочего класса к власти будет не таким, как в России в 1917 году.

Проект программы КПФ, разработанный в соответствии с решением XIV съезда партии, был опубликован осенью 1967 года и в течение последующего периода вызывал горячие споры между реформаторами и сталинистами. Главными в нем были следующие тезисы.

1. Материальные предпосылки социализма в Финляндии созрели уже настолько, что любая значительная реформа является одновременно и шагом к социализму.

2. Компартия Финляндии стремится к осуществлению социализма мирным и демократическим путем.

3. Переход к социализму может быть совершен только при поддержке значительного большинства финского народа, а осуществление мероприятий по обновлению общества в социалистическом духе требует достаточно сильного большинства в парламенте.

4. Переход к социализму возможен только в том случае, если ему будут активно содействовать политические и профсоюзные организации трудящихся и другие крупные массовые организации.

5. Наряду с накопленным доныне опытом социалистических стран должны учитываться также финский опыт, национальные традиции, особенности, обычаи и нравы.

6. Социалистическая демократия не означает ликвидации демократических институтов, а, наоборот, предполагает их дальнейшее развитие.

7. Решения и постановления социалистического общества зависят от воли большинства народа. Оппозиция, уважающая

конституцию социалистического государства и действующие правовые нормы, имеет право на собственную деятельность.

8. В условиях Финляндии в социалистическом обществе наряду с общественной собственностью должна играть значительную роль также собственность коммунальных и кооперативных организаций.

9. В интересах достижения социалистических целей Компартия Финляндии выступает за тесное и конструктивное сотрудничество между всеми демократическими партиями как в условиях капитализма, так и в период перехода к социализму и в самом социалистическом обществе¹⁶¹.

В этом проекте программы КПФ от 1967 года отсутствовало понятие «диктатура пролетариата», а вместо бывшего до сих пор привычным термина «марксизм-ленинизм» употреблялись выражения «марксистская теория» или «теоретические принципы Маркса, Энгельса и Ленина». Значительное большинство членов партии приветствовало проект программы, сталинистское же меньшинство выступило против него. Это меньшинство было широко представлено прежде всего в портовом городе Турку, расположенном на юго-западе страны, и в Куопио (центральная часть Финляндии). Во главе его стоял сталинист Аалтонен, смещенный в феврале 1966 года.

Сталинистская оппозиция все настойчивее требовала отмены решений XIV съезда партии и изменения проекта программы, который подвергался критике как «ревизионистский». Противоречия принимали все более острые формы, так что на чрезвычайном заседании ЦК в декабре 1967 года пришлось обсуждать вопрос о мерах по преодолению грозящего раскола и образовать комиссию по восстановлению единства партии.

Но даже и эта комиссия не смогла смягчить противоречия, тем более что с весны 1968 года активность сталинистской оппозиции еще больше возросла. Поэтому в апреле 1968 года руководство КПФ призвало всех членов партии начать открытую дискуссию, чтобы покончить с закулисной фракционной борьбой.

С новой силой противоречия в партии проявились в связи с оккупацией Чехословакии. Политбюро отклонило оккупацию девятью голосами против четырех, ЦК — 24 голосами против одного. После этого руководство КПФ официально отмежевалось — правда, в сравнительно мягкой форме — от оккупации Чехословакии. Только комитеты районных организаций Турку, находившиеся в руках сталинистов, высказались за оккупацию Чехословакии. Московская «Правда» опубликовала лишь заявление сталинистов из Турку — поступок, который председатель партии Сааринен назвал «достойным сожаления и бестактным».

XV съезд КПФ, на котором предполагалось принять опубли-

ликованный в октябре 1967 года проект программы, был назначен на апрель 1969 года. В период подготовки к нему противоречия между реформаторами во главе с Саариненом и Саломея и сталинистским меньшинством, руководимым Аалтоненом и Синисало, обострились еще больше. В конце марта 1969 года сталинисты созвали собственную конференцию, в которой приняли участие 165 функционеров. На ней было заявлено, что предстоящий XV съезд партии должен недвусмысленно отмежеваться от ревизионизма и удалить сторонника реформ Эрkki Саломея из состава руководства.

В таких условиях XV съезд партии (3—6 апреля 1969 года) не мог не протекать бурно. Разногласия давали о себе знать уже в то время, когда приветствовали иностранных делегатов. Сталинисты аплодировали только при упоминании просоветских иностранных делегаций и хранили молчание, когда назывались делегации партий, которые они считали ревизионистскими. Значительным большинством голосов программа партии была окончательно принята. Тем самым партия обязывалась идти к социализму мирным, демократическим путем и был зафиксирован отход от диктатуры пролетариата. Одновременно съезд принял также новый устав, в котором за членами партии впервые признавалось право на свободу религиозных убеждений, объем партийных обязанностей уменьшался, а власть ЦК несколько ограничивалась.

В ходе выборов в руководящие партийные органы имели место такие острые столкновения, что пришлось прибегать к редкой для съездов коммунистических партий практике — на равных выдвигать по две кандидатуры. Сталинистская оппозиция потребовала для себя более широкого представительства в ЦК и выдвинула на пост председателя партии кандидатуру Энцио Лайне, который, однако, при голосовании уступил Сааринену (214 голосов за и 263 — против). Новым генеральным секретарем стал 37-летний Аалто, который до этого был секретарем парторганизации в Лапландии. При голосовании он получил несколько больше голосов, нежели Вилле Песси. Эрkki Саломея, несмотря на сопротивление сталинистов, остался заместителем председателя партии. Съезд постановил, что окружная партийная газета сталинистов «Тиедонантая» должна распространяться только в пределах собственного округа, а не рассылаться по всей Финляндии в качестве органа, враждебного официальной партийной газете «Кансан уутисет».

Когда затем в конце апреля 1969 года сталинисты созвали свой собственный съезд и начали проводить соответствующие мероприятия (создание собственных окружных комитетов и т. д.), так что раскол партии казался неотвратимым, в конфликт вмешалось советское руководство. Направленный в Финляндию функционер А. С. Беляков пытался сыграть роль

посредника между обоими направлениями в партии, однако переговоры становились все более затруднительными, поскольку сталинистская оппозиция выдвигала все более широкие требования, добиваясь, в частности, поста заместителя председателя партии для Тайсто Синисало. В середине сентября 1969 года сталинисты пригрозили, что на предстоявших в марте 1970 года парламентских выборах выступят с собственными списками. В результате к концу 1969 года был заключен временный компромисс. Руководство КПФ заявило о своей готовности включить в число членов ЦК Айно Аалтонена, одного из двух лидеров сталинистской фракции. Однако в вопросе о заместителе председателя партии никакого соглашения добиться не удалось. Нажим сталинистов тем не менее оставался столь сильным, что руководство партии созвало в середине февраля 1970 года чрезвычайный съезд КПФ, в ходе которого было предпринято распределение важнейших постов в руководящих органах. Теперь ЦК, состоящий из 35 членов, включал 20 представителей реформаторского направления Сааринена и 15 сторонников сталинистской линии Синисало. Реформатор Сааринен был, правда, утвержден на посту председателя партии, но получил двух равноправных заместителей — реформатора Саломея и сталиниста Синисало. Число членов Политбюро было увеличено до шестнадцати, десять мест в нем заняли сторонники реформ, шесть — сталинисты. В секретариат ЦК были избраны пять реформаторов и три сталиниста. Съезд решил также, что члены ЦК обязаны придерживаться решений, принятых большинством, хотя и могут выступать перед общественностью с изложением различных мнений.

Эти серьезные внутрипартийные распри привели к тому, что на парламентских выборах 1970 года количество полученных голосов снизилось с 21,2 процента в 1966 году до всего лишь 16,6 процента. Вместо 41 депутата, представлявших после выборов 1966 года Демократический союз народа Финляндии в финском парламенте, теперь там было всего 36 его депутатов, из которых 18 принадлежали к крылу реформаторов, 15 придерживались сталинистского направления, трое были лекоммунисты. К тому же и участие в новом правительстве (три министерства) длилось недолго: в результате постоянно возраставшего нажима сталинистов ДСНФ в марте 1971 года опять вышел из правительства. Внутри КПФ вновь начала усиливаться конфронтация между реформаторами и сталинистами. Председатель партии Сааринен констатировал на XVI съезде КПФ (31 марта — 2 апреля 1972 года), что партия фактически раскололась. Система пропорционального представительства реформаторов и сталинистов в партийном руководстве была на этом съезде утверждена.

Эта система пропорционального представительства стро-

го соблюдалась также и во время переговоров с советским руководством, которые имели место довольно часто. Так, в составе делегаций КПФ, посещавших Москву в июне и октябре 1973 года, а также в феврале 1974 года, всегда были Сааринен как представитель реформаторского направления и Синисало как представитель сталинистской фракции.

Соблюдение пропорциональности между направлениями реформаторов и сталинистов во время юбилейных торжеств КПФ летом 1974 года было доведено даже до того, что сторонники Сааринена появились на митинге в красных сорочках, а приверженцы Синисало — в голубых. В присутствии советского секретаря ЦК Капитонова Сааринен заявил, что финские коммунисты намерены сотрудничать с другими партиями страны как в период перехода к социализму, так и после его построения. В то же время сталинист Синисало резко нападал на социал-демократов и упрекал социал-демократическое правительство в том, что оно смазывает механизм капитализма и направляет свою политику на удушение борьбы рабочего класса¹⁶²

Не удалось преодолеть внутренний раскол в Компартии Финляндии и в 1975 году, хотя в середине марта этого года состоявшая из 10 человек делегация КПФ (шесть реформаторов и четыре сталиниста) вновь совещалась с советским руководством в Москве. После этого на XVII съезде КП Финляндии (16—18 мая 1975 года) вновь обсуждался вопрос о возможности участия коммунистов в правительстве. В области внутренней политики в качестве условия вхождения в правительство среди прочего выдвигались требования об усилении контроля над ценами и квартирной платой и о национализации банков и крупных промышленных предприятий. В области внешней политики предлагалось сократить импорт Финляндии с Запада, расширить экономическое сотрудничество со странами социализма и расторгнуть торговый договор с Европейским сообществом. В одной из резолюций съезда, касающейся необходимости сохранения единства партии, было записано гротескное требование о том, чтобы сталинистское меньшинство не смело больше именовать сторонников большинства «правыми ревизионистами», а реформаторскому большинству запрещалось называть сторонников меньшинства «левыми сектантами». Одновременно вновь подтверждалась существовавшая с 1970 года система пропорционального представительства обоих направлений в руководящих органах партии.

После выборов 1975 года, на которых Демократический союз народа Финляндии получил 19 процентов голосов и послал в парламент 40 депутатов, в повестку дня вновь встало участие в правительстве. В ЦК КПФ 20 реформаторов голосовали за участие, 14 сталинистов — против. При формировании

нии правительства в конце ноября 1975 года в правительство были включены три представителя ДСНФ, все они принадлежали к крылу реформаторов. Однако участие в правительстве затруднялось тем обстоятельством, что по-прежнему оставалась расколотой парламентская фракция. В феврале 1976 года фракция сталинистского меньшинства голосовала в парламенте против решений правительства, хотя эти решения были согласованы с ДСНФ (то есть, следовательно, и с коммунистами). Раскол парламентской фракции и постоянные внутрипартийные распри оказали в 1976 году свое влияние также на профсоюзы, и очень скоро в некоторых профсоюзных организациях социал-демократы и коммунисты-реформаторы, с одной стороны, и сталинисты — с другой, образовали непримиримо противостоявшие друг другу группы.

Система пропорциональности сохранилась в Компартии Финляндии до сих пор. Таким образом, особенность финского коммунизма состоит в том, что раскол между реформаторским большинством и сталинистским меньшинством вот уже в течение целого десятилетия организационно закреплён тщательно соблюдаемой системой пропорциональности между обоими направлениями. Реформаторское большинство — хотя и с известными ограничениями — может быть отнесено к еврокоммунизму, прежде всего на основании декларированных им идеологических целей, избранной партийной структуры и провозглашённой ориентации на плюралистическую модель социализма, но, конечно, не на основании его внешнеполитических концепций.

Советское руководство пока заинтересовано в том, чтобы сохранить — единственную в истории коммунистического движения — систему пропорциональности в Компартии Финляндии и предотвратить открытый раскол. Для Москвы внешнеполитическое благонаравие Финляндии, а следовательно, и участие тамошней компартии в правительстве важнее, нежели внедрение своих концепций в КПФ. Однако в случае, если эта заинтересованность ослабнет, раскол будет неизбежен, что приведет в Финляндии к образованию реформаторской компартии на одном полюсе и сталинистской — на другом.

Глава 5

Еврокоммунисты за пределами Европы: компартии Японии и Австралии и МАС в Венесуэле

Коммунистическая партия Японии: еврокоммунистическая массовая партия на Дальнем Востоке

Особое значение Компартии Японии неоднократно подчеркивалось самими еврокоммунистами. Сантьяго Каррильо заявил, что термин «еврокоммунизм» неправилен хотя бы уже потому, что в таком случае из рамок этого понятия выпадает столь важная партия, как Компартия Японии. Председатель шведской Левой партии—коммунисты Ларс Вернер так же заявил в марте 1977 года, выступая с речью в риксдаге, что в число еврокоммунистических партий, безусловно, должны включаться также компартии Японии и Австралии.

Компартия Японии насчитывает свыше 370 тысяч членов и на последних парламентских выборах получила более 10 процентов голосов. Она представлена в парламенте, и мэры многих крупных японских городов избраны от блоков, в которых участвовала КПЯ. Газета КПЯ «Акахата», имеющая тираж более полумиллиона (воскресное издание более двух миллионов), принадлежит к числу самых крупнотиражных коммунистических газет мира.

В КПЯ — в отличие от других партий — процесс обретения самостоятельности и переориентации прошел три ступени. В 1963—1965 годах партия освободилась от советской опеки. Начиная с 1966 года происходило все более резкое отмежевание от китайских коммунистов, вылившееся затем в полный разрыв с ними. Наконец с 1968 года японские коммунисты стали сближаться с западным еврокоммунизмом, что с началом 70-х годов привело к переходу КПЯ на четкие еврокоммунистические позиции.

После окончания второй мировой войны деятельность коммунистов была легализована, и в октябре 1945 года Компартия Японии была заново основана несколькими ветеранами. К их числу относились прежде всего Токуда, освобожденный после многолетнего заключения в японских тюрьмах, и Носака, который провел много лет у китайских коммунистов в их тогдашней партизанской столице Яньани, а в январе 1946 года вернулся в Японию и до сих пор занимает пост председателя ЦК КПЯ.

С 1946 по начало 1950 года Компартия Японии придерживалась умеренного политического курса. Официальной целью было завершение буржуазно-демократической революции. Вы-

ступления в пользу земельной реформы, улучшения условий труда и деятельности в рамках демократической конституции сочетались с ориентацией на мирный путь к социализму. На выборах 1946 года Компартия Японии получила около четырех процентов голосов, в 1949 году количество полученных голосов возросло почти до 10 процентов (35 депутатов в парламенте). Но незадолго до корейской войны этот процесс внезапно прервался. По личной инициативе Сталина в январе 1950 года Компартию Японии подвергли через Коминформ резкой критике и ультимативно потребовали от нее, чтобы она проводила более жесткую линию¹⁶³. Японские коммунисты учли это указание, партийная линия резко ужесточилась — прежде всего благодаря жесткому антиамериканскому курсу и открытому стремлению к революционному свержению правительства. Следствием было то, что КПЯ потеряла более половины своих членов, партийный орган газета «Акахата» в 1950—1952 годах не выходила и во время выборов 1952 года число голосов, собранных партией, уменьшилось с 10 до 2,5 процента, в результате чего партия лишилась представительства в парламенте.

Этот ультрареволюционный курс был смягчен только в 1955—1956 годах. На VII съезде партии в 1958 году председателем партии был избран Носака, а генеральным секретарем — Кендзи Миямото, которому позже, в период переориентации, суждено было сыграть важную роль. Миямото родился в 1908 году, окончил Токийский университет, в 1931 году вступил в КПЯ, а уже в 1933 году руководил отделом пропаганды. С 1933 по 1945 год находился в заключении; после своего освобождения в 1946 году стал членом ЦК, а с декабря 1947 года — и членом Политбюро.

Решающим толчком для переориентации Компартии Японии послужило обострение конфликта между Москвой и Пекином. Поначалу КПЯ еще старалась — подобно Румынии — проводить нейтральный курс между Москвой и Пекином. Но высказанное Хрущевым в октябре 1961 года настойчивое требование о том, чтобы японские коммунисты присоединились наконец к советской линии и недвусмысленно выступили против Китая и Албании, усилило сопротивление японцев. С 1963 года Компартия Японии стала приближаться к прокитайскому курсу. Она печатала китайские и албанские статьи, однако никогда не солидаризировалась полностью с маоизмом. В этой ситуации Советский Союз начал через своих дипломатических представителей, партийных функционеров и журналистов вмешиваться во внутренние дела Компартии Японии — прежде всего путем установления контактов с просоветски настроенными функционерами внутри КПЯ. Уже в 1963 году КПЯ неоднократно жаловалась на это в Москве. Внимание общественности к этим разногласиям между Моск-

вой и КПЯ впервые было привлечено статьей видного советского публициста Жукова в «Правде»¹⁶⁴.

Со 2 по 11 марта 1964 года в Москве проходили переговоры между руководством Компартии Японии и Брежневым, Сусловым и Пономаревым, в ходе которых представители КПЯ — согласно позднейшим советским публикациям — жаловались на «вмешательство во внутренние дела Компартии Японии» и угрожали разрывом отношений между обеими партиями. Дальнейшая дискуссия велась главным образом в форме возобновившегося обмена письмами между Москвой и Компартией Японии, причем КПЯ публиковала все письма, советские же органы печати — только советские послания¹⁶⁵.

Так, в официальном письме от 15 июля 1964 года Компартия Японии заявила протест кремлевскому руководству против постоянных и необоснованных обвинений с его стороны и упрекнула советских лидеров в том, что во время переговоров между делегациями советской и японской компартий в Москве они за спиной делегации КПЯ установили контакты с антипартийной группировкой, сплотившейся вокруг Иосино Сиги и Итидзо Судзуки. Кроме того, было указано на одностороннее информирование советского населения относительно положения дел в КПЯ, поскольку в СССР публикуются только советские обвинения, а ответы КПЯ не печатаются. Письмо содержало фразу, в которой впервые указывалось на принцип независимости Компартии Японии: «Как независимая политическая партия, следующая принципам марксизма-ленинизма, наша партия решительно отвергает Ваши несправедливые и беспринципные требования»¹⁶⁶. В другом письме кремлевскому руководству — оно датировано августом 1964 года — Компартия Японии впервые официально подтвердила принцип своей независимости: «Наша партия не намерена безоговорочно следовать за какой-либо другой партией или слепо ей повиноваться. Она решает вопрос о своей позиции во всех областях, включая и полемику внутри мирового коммунистического движения, независимо и в соответствии с марксистско-ленинскими принципами»¹⁶⁷.

В период, когда происходил этот обмен письмами, Сига и Судзуки, поддерживавшие с советскими лидерами сепаратные связи, в мае 1964 года были исключены из состава Президиума ЦК КПЯ. В июне и в октябре 1964 года то же самое произошло с другими известными активистами партии. В середине июля 1964 года просоветская группировка выпустила первый номер своей газеты под названием «Нихон-но коэ» («Голос Японии»), который был восторженно встречен «Правдой» 16 июля.

С 24 по 30 ноября 1964 года в Токио состоялся IX съезд теперь уже независимой Компартии Японии. Вскоре после этого оформилась просоветская контргруппа под названием

«Коммунистическая партия Японии — голос Японии», однако она и поныне остается небольшой осколочной группой.

С началом культурной революции в Китае Компартия Японии стала все больше отходить от Пекина, что в свою очередь подтолкнуло советских лидеров на возобновление связей с КПЯ в надежде, что удастся перетянуть ее на свою сторону. Поэтому в июне 1966 года член советского Политбюро Гришин беседовал в Токио с руководством КПЯ, а несколько месяцев спустя, в мае 1967 года, состоялись переговоры руководства КПЯ с членом ЦК КПСС Коваленко. Однако и те, и другие переговоры были прерваны, не принеся никаких результатов. Они ясно показали, что Компартия Японии не для того отмежеввалась от Пекина, чтобы вновь попасть в зависимость от Москвы.

На X съезде КПЯ (24—30 октября 1966 года) впервые было решено поставить своей целью создание единого широкого фронта с социалистами, Комэйто (буддистская партия) и социал-демократами. Во время выборов в январе 1967 года Компартии Японии удалось увеличить число собранных ею голосов до 4,76 процента (по сравнению с 4,01 процента в 1963 году). В 1968 году Москва возобновила свой зондаж — после того как Компартия Японии выступила с еще более резкой критикой китайских событий и культа личности Мао, а также некоторых тезисов Мао о насильственной революции и народной войне. В конце января — начале февраля 1968 года в Токио вновь происходили переговоры между делегацией КПЯ во главе с Миямото и советской партийной делегацией, которую возглавлял Сулов. В опубликованном после переговоров коммюнике впервые были зафиксированы принципы независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела¹⁶⁸. Сулов обещал тогда воздерживаться от всякой поддержки контрпартии, созданной Сигой. Однако надежды советского руководства на то, что после этих переговоров Компартия Японии примет участие в подготовке к третьему международному совещанию коммунистических партий, намеченному на июнь 1969 года, не сбылись: КПЯ не участвовала ни в подготовительных встречах, ни в работе самого международного совещания.

В период «пражской весны» и после нее напряженность в отношениях с КПСС вновь усилилась. В июле 1968 года Компартия Японии направила ведущим деятелям «пражской весны» приветственное послание и опубликовала ряд статей, в которых пражская модель изображалась с величайшей симпатией. В августе 1968 года во время переговоров в Москве имели место бурные дискуссии между японцем Хакамадой, возглавлявшим делегацию КПЯ, и партийным идеологом Суловым относительно ситуации в Чехословакии, причем Хакамада резко протестовал против вмешательства во внут-

ренные дела братского социалистического государства. Пролетарская осколочная группа Сиги приветствовала оккупацию ЧССР; Компартия Японии выступила с тщательно обоснованным и далеко идущим осуждением оккупации¹⁶⁹. Предпринятые позже советским руководством попытки узаконить задним числом оккупацию были отклонены Компартией Японии со всей последовательностью, что повело к острой полемике в прессе между Москвой и Токио¹⁷⁰.

После освобождения как от советского, так и от китайского главенства КПЯ стала проявлять всевозрастающую заинтересованность в расширении своих связей с западноевропейскими компартиями. Осенью 1968 года представительная делегация во главе с Хакамадой нанесла визиты французской, затем итальянской и, наконец, румынской партиям. В Румынии делегация была принята Чаушеску. Повсюду японские коммунисты подчеркивали, что они выступают за то, чтобы отношения внутри мирового коммунистического движения строились на принципах равенства, независимости и невмешательства.

Дальнейшие расхождения с Москвой обнаружились в связи с торжествами по случаю столетия со дня рождения Ленина в апреле 1970 года. Официальному представителю КПЯ в Москве не разрешили выступить на международной конференции по ленинской тематике. Он смог только произнести речь на одном собрании локального характера, где не присутствовали иностранные делегации. Те места речи, где японский представитель указывал на принцип независимости своей партии и требовал невмешательства во внутренние дела других партий, не были воспроизведены в «Правде» дословно. В то же самое время советские дипломаты официально приняли участие в торжествах в честь Ленина, организованных просоветской группой Сиги в Токио, Осаке и Киото, что вызвало новый протест со стороны Компартии Японии¹⁷¹.

Наряду с перечисленными проблемами все более важную роль в спорах стал играть вопрос о Курильских островах. Еще во время работы внеочередного XXI съезда КПСС, состоявшегося в Москве в конце января 1959 года, Хрущев, беседуя с японскими коммунистами на эту тему, заявил, что Курильские острова, присоединенные после 1945 года к Советскому Союзу, якобы будут возвращены Японии, когда она станет независимой, мирной и нейтральной страной. Этот аспект разногласий послужил фоном для особенно резких нападок на Компартию Японии, которые содержались в статье «Скользкий путь», помещенной в советском журнале «Партийная жизнь» летом 1970 года¹⁷². В этом советском журнале, имеющем тираж 900 тысяч экземпляров, Компартию Японии упрекали в том, что она якобы отошла от советского пролетарского интернационализма, а ее требование

о возвращении Курильских островов трактовалось как реваншистское и антисоветское. Японская партийная газета «Акахата» опубликовала полный текст советских обвинений, и в напечатанном одновременно с ним заявлении КПЯ опровергла пункт за пунктом все упреки, причем Советскому Союзу вновь было поставлено в вину вмешательство в дела КПЯ (поддержка — вопреки данному обещанию — группы Сиги), осуществление политики великодержавного шовинизма (интервенция в ЧССР, упорство в вопросе о Курильских островах) и нарушение ленинских принципов¹⁷³.

Впервые проводившийся открыто XI съезд партии (1—7 июля 1970 года) знаменовал собой начало недвусмысленной переориентации партии в направлении еврокоммунизма. Из-за рубежа на съезд прибыли только делегации итальянской и австралийской партий. Представителей советской и китайской компартий не пригласили. Переориентация нашла свое выражение в программном документе «Перспективы на 70-е годы и задачи Коммунистической партии Японии». В качестве цели в нем называлось создание демократического коалиционного правительства, образованного широким единым фронтом на основе мира, нейтралитета и демократии. Заявлялось также, что Компартия Японии будет пытаться осуществлять свои цели легально — через выборы и парламентскую деятельность, что коалиционное правительство не будет однопартийным правительством, что будет предоставлена возможность свободной деятельности всем партиям, в том числе и оппозиционным. В одновременно принятом новом партийном уставе была вычеркнута формулировка, согласно которой марксизм-ленинизм является «руководством к действию». Активность партии, сказано в новом уставе, будет служить реальным интересам населения и соответствовать нормам морали. Тем самым впервые в устав коммунистической партии было введено понятие морали.

После XI съезда КПЯ ее связи с европейскими партиями, слывшими сейчас еврокоммунистическими, стали более интенсивными. Последняя попытка КПЯ добиться нормализации отношений с Советским Союзом была предпринята во время двусторонних переговоров, состоявшихся в сентябре 1971 года в Москве. В итоговом коммюнике обе партии подчеркивали свою самостоятельность, равноправие и принцип невмешательства во внутренние дела. Несмотря на расхождение во мнениях по ряду вопросов, говорилось там, обе партии будут стремиться к нормализации отношений¹⁷⁴. Однако в связи с пятидесятилетием КПЯ, исполнившимся в июле 1972 года, разногласия возобновились. Компартия Японии решила изменить свой герб (вместо серпа и молота в качестве символа была взята гора Фудзи), чтобы он больше соответствовал самосознанию японцев, а на юбилейной церемонии

были подтверждены положения, в которых выражалась приверженность парламентскому пути к социализму, осуждалось насилие и провозглашалось в качестве цели создание демократического коалиционного правительства. «Правда» (в номере от 15 июля 1972 года), а также, конечно, советский журнал «Вопросы истории КПСС» использовали этот юбилей для того, чтобы представить Компартию Японии крайне односторонне. При этом период Коминтерна трактовался как чрезвычайно положительный, и даже роковое высказывание Сталина от января 1950 года о левоавантюристическом курсе КПЯ оправдывалось как «здоровая критика», в то время как начатый в 1964 году переход КПЯ на путь самостоятельности был изображен в совершенно неправильном свете¹⁷⁵. Газета «Акахата» в подробной статье доказала, что советский журнал искажил историю Компартии Японии.

Независимая позиция и все более усиливавшаяся переориентация партии в сторону еврокоммунизма имели следствием быстрый рост ее авторитета и влияния среди японского населения. На выборах 10 декабря 1972 года КПЯ получила 5,7 миллиона голосов (по сравнению с 3,2 миллиона в 1969 году) и могла теперь послать в японский парламент 38 своих депутатов, став тем самым третьей партией в стране — после правящей либерально-демократической партии и находящихся в оппозиции социалистов. В этих новых условиях стало возрастать стремление оппозиционных партий — социалистов, коммунистов, Комэйто и социал-демократов — выступать в дальнейшем совместно. Эти четыре оппозиционные партии приняли весной 1973 года решение совместно бороться против диктуемой крупным капиталом экономической политики, против коррупции и спекуляции, против вооружения и одновременно защищать жизненный уровень населения, сопротивляясь всяким попыткам ухудшить систему социального обеспечения, добиваться повышения пенсий и проведения других мероприятий в социальной области. Тем самым, как подчеркивала с одобрением Итальянская компартия, был сделан важный шаг вперед в деле выработки альтернативы политике находившегося у власти консервативного правительства¹⁷⁶. Эта активная деятельность оппозиционных партий оказала свое влияние на исход муниципальных выборов, во время которых указанные четыре партии все чаще выдвигали совместных кандидатов и благодаря этому добивались заметных успехов в избирательной кампании. В 1973 году кандидаты оппозиционных партий одерживали победы в Нагое (апрель), Осаке (июнь), Токио (июль), где КПЯ получила даже более 20 процентов голосов, и, наконец, в Кобе (октябрь). Эта серия успехов нашла свое отражение и в материалах XII съезда КПЯ, состоявшегося 14—21 ноября 1973 года. Число членов КПЯ за период обретения ею самостоятельности возрос-

ло со 140 тысяч в 1964 году до 300 тысяч в 1970 и до 330 тысяч — к моменту созыва в ноябре 1973 года XII съезда. Созданием собственного Института общественных наук, в котором сотрудничали известные ученые — политологи и социологи, в том числе и не состоявшие в партии, — КПЯ укрепила свои связи с общественностью. На XII съезде партии Миямото вновь был утвержден на посту председателя Президиума ЦК, а Носака — на посту председателя ЦК партии. Среди иностранных делегаций на съезде присутствовали представители итальянской, французской, испанской и австралийской партий, делегаций от КПСС и КПК не было.

В принятой съездом «Платформе для деятельности будущего демократического коалиционного правительства» закреплялись соблюдение и защита конституции. Правда, в этом новом программном документе КПЯ ратовала за расторжение пакта безопасности, подписанного с Соединенными Штатами, но одновременно она выступала за равноправные отношения с США и подчеркивала положительные аспекты японо-американских экономических отношений, которые предлагалось сохранять и расширять. Демократическое коалиционное правительство, говорилось в документе, будет уважать любой исход выборов и в случае поражения на выборах выйдет в отставку. В экономической области провозглашался принцип национализации энергетического сектора (электричество, уголь, газ, нефть, ядерная энергия), однако уже не было речи о плановом хозяйстве, а заявлялось только о стремлении установить демократический контроль. Советский Союз уже не назывался «передовым отрядом мирового коммунистического движения», а термин «диктатура пролетариата» был заменен формулировкой «господство рабочего класса». Политические требования к членам партии были смягчены, подчеркивалась идея парламентско-демократического пути к созданию независимой, мирной и нейтральной Японии.

Реакция на XII съезд Компартии Японии была не везде одинаковой. В то время как итальянские коммунисты одобрительно отзывались о новой линии¹⁷⁷, «Правда» жаловалась на то, что японские коммунисты якобы произвольно истолковывают внешнюю политику Советского Союза; высказывалась также критика по поводу позиции КПЯ в вопросе о Курильских островах¹⁷⁸. В мае 1974 года советский журнал «Партийная жизнь» вновь опубликовал статью с резкими нападками на Компартию Японии в связи с решениями ее XII съезда. Официально автором статьи был секретарь ЦК Компартии Аргентины Атос Фава. Однако в ней слишком отчетливо были изложены взгляды советского руководства: заявлялось, что выступления КПЯ за возврат Курильских островов — это беспримерный случай в истории мирового коммунистического движения, что трудно понять, как мог

съезд коммунистической партии выдвинуть территориальные требования к социалистическому государству. Далее японское партийное руководство упрекали в том, что оно ставит советское руководство на одну доску с китайским, чтобы тем самым подчеркнуть свою собственную независимость¹⁷⁹. Статья, написанная явно по заказу, была после своего опубликования перепечатана также в других изданиях просоветских партий, что имело целью обеспечить односторонней информацией все мировое коммунистическое движение. Японская партийная газета «Акахата» писала по этому поводу, что статья явно инспирирована Советами, что даже японские фамилии там даны в русской транскрипции. Газета защищала законное требование относительно Курильских островов и требовала, чтобы Советский Союз подписал наконец мирный договор с Японией и после создания демократического коалиционного правительства вернул Японии Курильские острова. В связи с этим «Акахата» опубликовала текст договоренности между советской и японской компартиями, достигнутой в начале 1959 года во время внеочередного XXI съезда КПСС и вновь подтвержденной в 1971 году¹⁸⁰.

Перемены, происходившие в Компартии Японии, все больше привлекали к себе внимание европейской общественности. Так, летом 1974 года «Монд» опубликовала большую статью, в которой указывала, что Компартии Японии удалось создать новое соотношение сил в политической жизни островного государства. Тем самым, писала газета, все более отчетливо вырисовываются контуры возможной альтернативы консервативному правительству Японии. По мнению «Монд» этому содействовал прежде всего тот факт, что КПЯ отмежевывалась от Москвы и Пекина, отдав предпочтение собственному национальному курсу. Благодаря значительной эластичности своих структур, силе убеждения и реалистической умеренной политике Компартия Японии смогла обеспечить себе всевозрастающее понимание народа и таким образом привлечь на свою сторону многих японцев, стремящихся к изменениям. Однако ее мощь, подчеркивалось в статье «Монд», опирается не только на арифметические показатели, ибо в результате своей новой политики она открыла также новые возможности для сотрудничества между оппозиционными партиями¹⁸¹.

В 1975 году Компартия Японии тоже удалось выставить на муниципальных выборах совместных кандидатов с другими оппозиционными партиями и таким путем добиться значительных успехов — например, в Осаке. С тех пор второй по величине город Японии с населением свыше восьми миллионов управляется представителем левых. Даже в столице оппозиционным партиям удалось обеспечить своим кандидатам победу.

Советского приглашения на XXV съезд КПСС (конец

февраля — начало марта 1976 года) КПЯ не приняла, но зато продолжала еще больше укреплять свои связи с еврокоммунистами. Особенно значительным был в этом отношении состоявшийся в марте 1976 года визит в Токио делегации Компартии Испании во главе с Сантьяго Каррильо. Визит завершился тем, что обе партии провозгласили свою верность идее построения социалистического общества в соответствии с историческими и общественными условиями отдельных стран¹⁸². Несколько недель спустя, в апреле 1976 года, в Токио побывала также делегация ФКП во главе с генеральным секретарем Марше. И на сей раз в аналогичном духе была подчеркнута общность взглядов обеих партий. Особую же важность в качестве основополагающего документа представлял манифест КПЯ, опубликованный в июне 1976 года. В нем отчетливее, чем когда-либо прежде, подчеркивалась идея плюрализма партий, говорилось о необходимости уважать результаты выборов даже в том случае, если они будут неблагоприятными, декларировалась свобода слова, печати, религии и искусства. Одновременно содержалось обещание, что собственности мелких и средних частных предприятий не только будет терпима, но ей даже будет оказываться поддержка и что в собственность государства перейдут только крупные предприятия ключевых отраслей промышленности. Термин «национализация» в манифесте не употреблялся, говорилось только о демократическом контроле.

Наряду с этим начиная с 1976 года КПЯ развернула кампанию против морального и духовного декаданса. Это новшество в области коммунистических акций заключалось в борьбе против роста преступности и насилий, особенно в среде молодежи, против наркомании, алкоголизма, тунеядства, пристрастия к азартным играм, сексуального вырождения и порнографии, внедряемых в массы кино и телевидением. Тем самым важным аспектом программы действий КПЯ во все большей мере становилась также строгая моральная атмосфера в будничной жизни японского народа.

На последних выборах в парламент — они состоялись в декабре 1976 года — КПЯ получила 10,38 процента голосов (по сравнению с 10,49 процента в декабре 1972 года), однако в соответствии с новым избирательным законом смогла послать в парламент не 38, как прежде, а всего 17 депутатов. Но одновременно утратила свое абсолютное большинство также правящая либерально-демократическая партия. Получив около 42 процентов голосов, она оказалась лицом к лицу с оппозицией, в лагере которой были социалисты (20,7 процента), Комэйто (10,9), коммунисты (10,3) и социал-демократы (6,3 процента). Остальная часть голосов распределась между неолибералами (4,2 процента) и другими, еще более мелкими осколочными группами.

Последний период в истории КПЯ ознаменовался новым обострением полемики между Советским Союзом и японскими коммунистами. 12 июня 1977 года «Правда» опубликовала статью, озаглавленную «Вопреки интересам мира и добрососедства» и содержащую небывало резкую критику в адрес КПЯ. На этот раз в центре полемики оказались «незаконные», как писала «Правда», притязания КПЯ на Курильские острова. «Правда» отвергла заявления Компартии Японии, связанные с разрешением этого вопроса «на основе так называемой международной справедливости», указав при этом, что нельзя забывать, что понятие справедливости «носит классовый характер» и что не может быть абстрактной справедливости. По словам «Правды», такая позиция КПЯ идет вразрез с процессом разрядки международной напряженности.

Тем не менее Компартия Японии стояла на своем. Как заявил один из ее ведущих деятелей, Сталин потребовал на Ялтинской конференции передать Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова, то есть часть традиционной японской территории, в качестве цены за вступление СССР в войну против Японии. Нынешняя позиция «Правды», по словам упомянутого деятеля, выражает позицию Советского Союза, повторяющую ошибки Сталина ¹⁸³.

Таким образом, внутренняя эволюция Компартии Японии обнаруживает множество аналогий с еврокоммунизмом в индустриальных государствах Западной Европы. Сходные ситуации в экономической области, в социальной проблематике и в соотношении политических сил привели в Японии к выводам, аналогичным тем, которые были сделаны в Западной Европе.

Компартия Японии в большей мере, нежели все другие еврокоммунистические партии, была предметом постоянной советской полемики в прессе. Но и здесь, точно так же как и в других странах, советскому руководству не удалось создать из сформированной им осколочной группы настоящую контрпартию.

Австралия: еврокоммунисты и просоветская Социалистическая партия

В свете разногласий между еврокоммунистами и просоветскими партиями коммунистическое движение в Австралии являет миру особенно оригинальную картину. Исходным пунктом для переориентации австралийских коммунистов было сильное потрясение, вызванное XX съездом КПСС. Несмотря на это, в первое время изменилось немного — отчасти благодаря тому, что партию возглавлял абсолютно преданный Москве генеральный секретарь Лоренс Шарки. отчасти

же в связи с тем, что поначалу в партии еще питали надежду на то, что после откровенных заявлений, сделанных на XX съезде, сами советские коммунисты преодолеют собственные ошибки и в результате появится возможность общей пероориентации всего движения.

В 60-х годах особенно сильно повлиял на Компартию Австралии конфликт между Москвой и Пекином. Между китайскими и австралийскими коммунистами еще в 50-х годах установились тесные связи. Функционеры австралийской партии обучались в китайской высшей партийной школе. Начиная с 1963 года в Компартии Австралии стали заметны промаонистские настроения, а весной 1964 года под руководством Э. Ф. Хилла возникла маонистская Коммунистическая марксистско-ленинская партия, которая, однако, не играла заметной роли в левых политических кругах страны. Тем не менее разногласия, имевшие место до и после этого раскола, породили широкую дискуссию относительно внутрипартийной линии Компартии Австралии, тем более что с 1963 года в рядах партии стали все активнее заявлять о себе сторонники «китайского направления». Их роль стала особенно заметной, когда в июне 1964 года Шарки был смещен и новым генеральным секретарем стал Лоренс Ааронз. Уже в октябре 1964 года Компартия Австралии опубликовала собственное заявление по поводу смещения Хрущева, а с начала 1965 года этот самостоятельный курс стал выявляться все более отчетливо. Этому содействовало среди прочего и то, что после падения Хрущева процесс десталинизации в Советском Союзе приостановился и даже пошел в обратном направлении. В результате надежды на последовательные реформы в Советском Союзе рассеялись и необходимость обеспечить свою самостоятельность стала еще более насущной.

В апреле 1965 года в Австралии вышла книга мельбурнского политолога Лейблера под названием «Советское еврейство и права человека». Сначала политический комитет (так именуется Политбюро Компартии Австралии) отверг утверждение автора, будто в Советском Союзе наблюдается антисемитизм, инспирированный официальными инстанциями. Но автор книги Лейблер направил генеральному секретарю Ааронзу письмо, в котором выражал готовность провести с представителями Компартии Австралии дискуссию по вопросам, затронутым в его работе. И обстоятельный диалог между политологом и руководителями Компартии Австралии состоялся. В конце концов Ааронз заявил, что готов во время своего предстоящего визита в Советский Союз обсудить с кремлевскими руководителями и проблему антисемитизма.

Когда в декабре 1965 года ведущие представители Компартии Австралии были с визитом в Москве, советские лидеры заверили их, что иногда появляющиеся в советской прес-

се антисемитские статьи не отражают официальной точки зрения. В конце московского визита делегации Эрику Ааронзу, брату генерального секретаря Компартии Австралии, предложили, чтобы партия опубликовала подробную официальную статью, которая будет направлена против КПК и текст которой будет предоставлен руководством КПСС. Эрик Ааронз сообщал об этом позже: «Тогдашний образ действий ясно показывал, что таким способом уже и прежде размещались обширные статьи»¹⁸⁴.

В связи с подготовкой к XXI съезду партии в 1966 году была проведена дискуссия по документам, опубликованным к этому съезду. В ходе дискуссии был затронут прежде всего вопрос о коалиции левых сил, в составе которой компартия должна была действовать как равноправный участник. При этом была признана необходимость свободных дискуссий внутри левого блока, а также внутри самой Компартии Австралии. С этого времени термин «демократический централизм» больше не употреблялся, и названия руководящих органов были приспособлены к австралийским условиям: генеральный секретарь был переименован и стал называться национальным секретарем, а Центральный комитет — Национальным комитетом.

Решающий поворот произошел на XXI съезде Компартии Австралии, состоявшемся в июне 1967 года. Съезд проходил под знаком одобрения идеи коалиции левых сил и демократизации партийной структуры. Левая коалиция должна была выйти далеко за рамки народного фронта. Необходимость ее создания обосновывалась комплексной природой современного общества, многообразием вступающих на общественную арену социальных сил и множеством возникающих проблем. Были сделаны недвусмысленные ссылки на негативный опыт прошлого, на чрезмерную централизацию и на идеологический конформизм. Коалиция левых должна была исходить из наличия в Австралии нескольких группировок, единодушных в своей общей ориентации на социалистическое переустройство общества, но придерживающихся различных мнений по важным пунктам идеологических, программных и организационных установок. В качестве партнеров по коалиции левых рассматривались такие силы, как растущее левое течение в лейбористской партии, течения внутри профсоюзов, в студенческой среде, среди интеллигентов и борцов за гражданские права. Эта коалиция левых — некая австралийская разновидность «исторического компромисса» — должна была использовать самые различные формы совместных акций и сотрудничества различных групп. В деятельности такой коалиции должны были вовлекаться также силы, которые сосредоточивали свое внимание на разрешении сугубо частных проблем — например, вели борьбу за гражданские свободы, за

реформу системы социального обеспечения и здравоохранения или школьного дела. Наконец, левая коалиция должна была стать средоточием дискуссий по теоретическим, программным и организационным вопросам, содействовать борьбе мнений, опираясь на «взаимное уважение, терпимость и открытость в отношениях между различными группами и партиями». Это мыслилось как важная гарантия «подлинной демократии в социалистическом обществе будущего»¹⁸⁵

В ходе дискуссий на XXI съезде выдвигалось также предложение вычеркнуть из названия партии определение «коммунистическая». Предлагалось также отказаться от самостоятельной партии и действовать внутри лейбористской партии в качестве отдельной организации. Однако эти предложения были отклонены большинством участников съезда.

Одновременно XXI съезд Компартии Австралии в принятой «Хартии демократических свобод» декларировал свою преданность демократии. Все это происходило в июне 1967 года, то есть еще до «пражской весны». Уже на этом съезде Компартия Австралии отказалась от принципов «демократического централизма» и от тезиса о ведущей роли монолитной коммунистической партии, указывая на то, что условия, существующие в Австралии, нельзя было сравнивать с теми, в которых происходили прежние социалистические революции, сопровождавшиеся насилиями и гражданскими войнами. В документах съезда подчеркивалось, что в Австралии социалистическое общество может быть создано без применения силы и что освобождение от сталинизма и восстановление моральных принципов имеют в данной связи особое значение.

В организационном отношении XXI съезд тоже принес Компартии Австралии демократические перемены. Все выборы в партийные органы отныне проводились путем тайного голосования. Были образованы особые апелляционные комиссии, где можно было обсуждать персональные дела и внутрипартийные разногласия. В эти выборные апелляционные комиссии должны были входить только такие члены партии, которые не принадлежали к составу местных и региональных руководящих органов партии. Национальный комитет был обязан во всех случаях, когда возникала неясность в отношении политических проблем или обнаруживались разногласия, информировать об этом всю партию. Новым председателем партии был избран Ричард Диксон, национальным секретарем вновь стал Лоренс Ааронз, заместителями председателя съезд избрал Клода Джонса и Джона Алана Энди.

В итоге XXI съезд официально закрепил независимый курс Компартии Австралии. В январе 1968 года Компартия Австралии протестовала против проходившего в Москве процесса по делу четырех молодых советских писателей. Орган

партии газета «Трибюн» выражала сожаление в связи с тем, что во время этого московского процесса не публиковались факты, а советские сообщения о нем были неясными и противоречивыми. Поэтому Национальный комитет решил направить на Будапештскую консультативную встречу (февраль—март 1968 года) делегацию, которая должна была провести дискуссию с представителями КПСС по проблематике так называемой «антисоветской деятельности». В Будапеште, где Компартия Австралии была представлена Клодом Джонсом и Бернардом Тафтом, последний встретился также с философом Дьердем Лукачем, который очень подробно изложил ему свои взгляды на Советский Союз, сталинизм и «пражскую весну». В этой беседе с австралийским коммунистом Лукач тогда впервые упомянул, что он сам провел некоторое время в советской тюрьме. Лукач выразил пожелание, чтобы запись этой беседы была опубликована только после его смерти, и руководство Компартии Австралии так и поступило. В 1968 году Тафт ездил также в Чехословакию, был свидетелем «пражской весны» и поместил в газете австралийских коммунистов восторженную статью об этих событиях¹⁸⁶. Таким образом, Компартия Австралии приветствовала развитие событий в Чехословакии уже во время «пражской весны» более откровенно и решительно, нежели какая-либо другая коммунистическая партия. В июле 1968 года она организовала во всех крупных городах Австралии массовые митинги в поддержку «пражской весны».

После оккупации Чехословакии в августе 1968 года Компартия Австралии не только поместила в своем печатном органе протест против этого мероприятия, но и делегировала своих представителей для выражения протеста посольствам стран Варшавского пакта в Сиднее, а кроме того, высказалась в пользу совместной инициативы всех компартий, возражавших против интервенции в ЧССР. Свою критику по поводу оккупации ЧССР Компартия Австралии связывала с анализом внутреннего положения в Советском Союзе. При этом заявлялось, что чрезмерная концентрация власти в руках советской бюрократии настолько ограничила там демократические принципы, что каждое выступление в пользу демократических реформ рассматривается в Советском Союзе уже как отход от принципов социализма¹⁸⁷.

В таких условиях никого не удивило, что во время выборов делегатов на XXII съезд партии просоветские силы понесли серьезное поражение, получив в среднем лишь четверть поданных голосов. XXII съезд Компартии Австралии (весна 1970 года) подтвердил независимую линию партии. На съезде состоялась также дискуссия по вопросу о положении в социалистических странах, в ходе которой указывалось на необходимость сделать объективный анализ социалистическо-

го развития этих стран, и особенно Советского Союза. Во время дискуссии было принято предложение впредь не именовать Советский Союз «социалистическим государством», а называть его страной «с социалистическим базисом»¹⁸⁸.

Вскоре после XXII съезда Компартии Австралии Москва начала контрнаступление. «Правда» свела информацию о съезде к опубликованию лишь выдержек из предложений небольшой просоветской группы меньшинства¹⁸⁹. Чехословацкая партийная газета «Руде право» напечатала резкую статью против курса Компартии Австралии¹⁹⁰. Газета австралийских коммунистов «Трибюн» перепечатала эту статью слово в слово и добавила свой ответ, одновременно предложив, чтобы «Руде право» в свою очередь опубликовала его в Чехословакии. В этом ответе Компартии Австралии, в частности, говорилось: «Социализм не привлечет на свою сторону членов профсоюзов, если профсоюзных представителей, избранных рабочими, будут снимать с постов по решению низовых партийных органов. Социализм не привлечет на свою сторону демократов, если депутатов парламента будут отзывать по решению более высоких партийных инстанций, не предоставляя населению возможности изъяснить свою волю посредством новых выборов. Социализм не привлечет на свою сторону коммунистов, если регистрация в качестве члена партии будет зависеть от одобрения иностранной оккупации и если намеченная руководством политика будет осуществляться без обсуждения на съезде и при этом из партии будет исключена половина ее членов».

«Руде право», конечно, не опубликовала австралийского ответа, но советский еженедельник «Новое время» использовал нападки «Руде право» на Компартию Австралии, даже не упоминая об ответе последней. И вот под театральный гром этой газетной кампании в Австралии была образована просоветская контрпартия. В июне 1970 года два бывших ведущих функционера Компартии Австралии Эдгар Росс и Альф Уотт основали просоветское издательство «Соушеллист пабликейшенз» и стали издавать журнал «Острэлиан соушеллист». Осенью 1971 года просоветская группировка меньшинства объединилась в рамках «постоянного комитета», а в начале декабря 1971 года состоялась наконец учредительная конференция просоветски настроенных коммунистов Австралии. По иронии судьбы новая партия приняла название «Социалистическая партия Австралии» (СПА).

На XXIII съезде Компартии Австралии, состоявшемся 31 марта — 4 апреля 1972 года, просоветские силы уже не затевали больше никаких ссор, а все просоветские компартии мира бойкотировали его. Только компартии Японии и Испании прислали делегации, а от еврокоммунистических партий Италии, Румынии, Югославии, Великобритании и Греции

(внутреннее направление) поступили приветственные телеграммы. Съезд партии подтвердил провозглашенную ранее цель создания «коалиции левых» и главное внимание уделил стилю дискуссий. Национальный секретарь Ааронз заявил, что для левых важно не осуждение, а убедительные аргументы, что взаимные обвинения в виде кличек «ревизионист», «сталинист», «маоист» или «бюрократ» должны отойти в прошлое и что Компартия Австралии — это открытая и демократическая партия. Было решено провести дальнейшую демократизацию структуры партии (на посту национального секретаря отныне можно было оставаться максимум шесть лет), по образцу «пражской весны» в качестве цели ставилось создание «социализма с человеческим лицом» и более энергично, нежели это делали другие еврокоммунистические партии, была подчеркнута важность аспекта рабочего контроля и самоуправления в экономике и в обществе¹⁹¹. После съезда делегация Компартии Австралии посетила еврокоммунистические партии Испании, Италии, Франции, Румынии и Югославии.

Организовав бойкот XXIII съезда просоветскими компартиями и создав в Австралии просоветскую социалистическую контрпартию, советское руководство в своих мероприятиях пошло здесь дальше, нежели это было типично для его отношений со всеми другими еврокоммунистическими партиями. В декабре 1972 года Москва пригласила на празднование пятидесятилетия основания СССР ведущих представителей обеих компартий Австралии, но радио и телевидение уделяли больше внимания представителю просоветской СПА Патрику Кленси. «Правда» тоже писала только о Кленси, как о представителе австралийских коммунистов. Поскольку на главной церемонии в Кремле было зарезервировано два места, Джон Сэнди, председатель еврокоммунистической партии Австралии, в знак протеста покинул зал и позже информировал Пономарева, что считает неправомерными попытки ставить вновь созданную СПА на одну доску с Компартией Австралии.

Последние по времени переговоры представителей Компартии Австралии с советским руководством состоялись в Москве в период с 28 сентября по 3 октября 1973 года. С австралийской стороны в них участвовал в числе других национальный секретарь Лоренс Ааронз, с советской стороны — Пономарев со своими ближайшими сотрудниками. Ааронз вновь указал на совершенно законное право всех компартий дискутировать в дружественном духе относительно политики и акций социалистических стран. Он отметил, что в борьбе за социализм в развитых капиталистических индустриальных странах — таких, как Италия, Франция, Великобритания и Австралия, — необходимо установить новые отношения меж-

ду демократией и социализмом, нужно доказать, что борьба за социализм имеет целью также освобождение человека. Поэтому идеологические споры в социалистических странах никогда не должны вестись с помощью административных мер. Акции советских властей против таких людей, как Андрей Сахаров и генерал-майор Григоренко, пойдут во вред как Советскому Союзу, так и делу социализма вообще. Ааронз добавил, что Компартия Австралии и впредь оставляет за собой право критиковать ошибочные мероприятия КПСС. Наконец, Ааронз призвал КПСС отказаться от поддержки СПА, и тогда, сказал он, ничто не будет больше мешать нормализации отношений с КПСС. Пономарев от имени советской стороны заявил, что вопрос о нормализации отношений зависит от Компартии Австралии и от ее «антисоветской позиции», что Советский Союз готов к нормализации, если «Трибюн» не будет больше публиковать антисоветских статей. Наконец, советская сторона потребовала, чтобы Компартия Австралии взяла обратно формулировку, согласно которой Советский Союз якобы является страной «с социалистическим базисом», и снова официально именовала СССР «социалистическим государством» («Трибюн», 20—26 ноября 1973 года). Эти на первый взгляд мелочные споры вокруг формулировок имели, однако, серьезную подоплеку: признание Советского Союза социалистическим государством автоматически предполагало ассоциирование понятия социализма с формой государственного и общественного устройства, все более нестерпимой для еврокоммунистов.

После отказа австралийских коммунистов подчиниться советским требованиям — в ЦК за этот отказ голосовало большинство — кампания в печати разгорелась с новой силой. В ноябре 1973 года в советском журнале «Вопросы философии» была напечатана статья, направленная против Компартии Австралии, в феврале 1974 года последовали выпады в журнале «Партийная жизнь», и, наконец, Москва инспирировала выступление просоветской Компартии Соединенных Штатов Америки с резкой критикой по адресу австралийской партии¹⁹².

Бойкотируемая в настоящее время всем просоветским направлением в мировом коммунизме, Компартия Австралии сохранила связи только с еврокоммунистами, причем она особенно заметно предпочитает общественное самоуправление, осуществляемое в Югославии, и вообще во многих отношениях больше интересуется югославской моделью социализма. Именно поэтому в ноябре 1973 года она опубликовала официальное извинение за свои прежние — относящиеся к клету 1948 года — заявления, в которых содержались оскорбительные нападки на президента Тито и других югославских коммунистов¹⁹³. И именно поэтому она направила X съезду

Союза коммунистов Югославии особенно сердечную приветственную телеграмму, в которой развитие самоуправления и борьба против нарушения демократических норм расценивались как крупный вклад югославских коммунистов в революционную теорию и в международное движение¹⁹⁴. Весной 1975 года делегация Компартии Австралии посетила Румынию, а потом Югославию и Италию. В ноябре 1975 года состоялись дружеские беседы с ведущими представителями Компартии Испании.

Компартия Австралии сравнительно невелика: число ее членов в последние годы колебалось в пределах от трех до пяти тысяч, и она не имеет своих представителей в парламенте. Но в области политического развития еврокоммунизма Компартия Австралии играет тем не менее важную роль.

Коммунисты Венесуэлы: независимое Движение за социализм и просоветская компартия

Тридцатого марта 1971 года руководитель КПСС Брежнев, выступая с отчетным докладом на XXIV съезде партии, говорил среди прочего о ренегатах «типа Гароди во Франции. Фишера — в Австрии, Петкова — в Венесуэле»¹⁹⁵. Его слушатели насторожились. Петков? Венесуэла? Значит, и в Венесуэле были «уклонисты»? Они есть и сейчас. Это — Движение за социализм (МАС), возникшее в январе 1971 года после двух лет внутренней борьбы в Компартии Венесуэлы. Как и Социалистическая народная партия Дании, венесуэльское Движение за социализм образовалось в результате выхода из КПВ целой руководящей группы вместе с большинством членов партии. Оно не только провозглашает новые пути и цели, но даже создало совершенно новый тип организации в рамках мирового коммунистического движения.

Компартия Венесуэлы, основанная в мае 1931 года, почти всегда находилась на нелегальном положении или в лучшем случае имела полулегальный статус. Только после свержения диктатуры Переса Хименеса в 1958 году она начала играть какую-то роль и быстро обрела значительное влияние в рядах организованного рабочего движения. На выборах в декабре 1958 года Компартия Венесуэлы получила 6,3 процента всех голосов. В главном городе Каракасе она стала даже второй партией по количеству полученных голосов. Но этот легальный период продолжался недолго. После победы Кастро на Кубе в начале 1959 года Венесуэла также пережила резкий подъем левореволюционного движения. Одновременно внутри компартии началось проявление разочарования легальными формами борьбы, и с конца 1960 года стали все чаще раздаваться голоса в пользу перехода к вооруженной борьбе вместе с новым левореволюционным движением, ин-

спирированным Кастро,— Революционным движением левых (РДЛ). После этого в течение 1962—1965 годов партия концентрировала свои усилия главным образом на вооруженных партизанских акциях, хотя — в отличие от Движения революционных левых — одновременно продолжала и политическую борьбу. Только в начале 1966 года Компартия Венесуэлы вновь перешла к легальным методам борьбы, что в марте 1967 года вызвало острые разногласия с Кастро. К этому времени партией руководил генеральный секретарь Хесус Фариа, который, однако, большую часть времени находился в Москве, тогда как Помпейо Маркес в качестве исполняющего обязанности генерального секретаря вел практическую партийную работу в стране и потому пользовался большим авторитетом. В июне 1968 года, в период «пражской весны», три представителя Компартии Венесуэлы, в том числе и генеральный секретарь Фариа, побывали в Москве, где вели переговоры с Сусловым и Пономаревым. В августе 1968 года Фариа вернулся в Венесуэлу, а в марте 1969 года компартия вновь была официально легализована, политические заключенные, в том числе многие коммунисты, выпущены на свободу.

В 1968 году Компартия Венесуэлы, руководимая своим просоветски настроенным генеральным секретарем Хесусом Фариа, одобрила оккупацию Чехословакии. Критические голоса стали разливаться только во время подготовки очередного съезда КПВ, когда партийная пресса вообще стала писать более открыто и допускать свободную дискуссию. Среди критиков особенно выделялся своими критическими статьями по поводу интервенции в Чехословакии Теодоро Петков. Петков родился в 1932 году, в 1948 году в шестнадцатилетнем возрасте вступил в компартию, изучал экономику, а в дальнейшем стал профессиональным революционером. Уже в восемнадцать лет он впервые побывал в тюрьме, в 1951—1953 годах снова неоднократно подвергался арестам. После краха диктаторского режима Переса Хименеса он в 1960 году — в двадцативосьмилетнем возрасте — был избран в парламент, где представлял компартию. В период вооруженной борьбы его лишили парламентской неприкосновенности, он опять попал в тюрьму, но сумел бежать, принял участие в вооруженной борьбе, снова был арестован, опять провел два с половиной года в тюрьме, пока не удалось еще раз бежать. В 1964 году он стал членом Политбюро партии.

В июле 1969 года Петков опубликовал в венесуэльском еженедельнике «Семана» несколько интервью. Спустя некоторое время вышла его книга «Чехословакия — проблема социализма». В этой книге Петков показал, что советская модель социализма не может быть обязательной для всех стран. Чехословакия, писал он, попыталась создать новую модель, но

трагично, что эта попытка была сорвана войсками стран Варшавского пакта. Вопреки советским утверждениям Петков доказал, что в ЧССР не было ни опасности вторжения из Западной Германии, ни угрозы возврата к капитализму, что важный социалистический эксперимент был сорван из-за бюрократического и авторитарного характера Компартии Советского Союза. Он высказал точку зрения, что внутренне Советский Союз все еще находится в цепях сталинизма и пролетарский интернационализм призван только приукрасить советский национализм. По его мнению, Чехословакия подняла проблемы, которые имеют значение и для социализма в Венесуэле, где действительно необходимо развернуть серьезную полемику со сталинизмом. Из своего изложения автор сделал три вывода для венесуэльских коммунистов.

1. Партии необходимо покончить с зависимостью от Советского Союза и стать настоящей Коммунистической партией Венесуэлы.

2. Партия должна быть демократизирована, а авторитарная партийная структура должна быть устранена.

3. Борьба должна быть направлена не только против американского империализма, но и против капиталистов Венесуэлы.

Книга Петкова, в которой он коснулся также событий в испанской, итальянской и японской компартиях, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. В октябре 1969 года генеральный секретарь Хесус Фариа обратился к Петкову с открытым письмом, содержащим резкие упреки. Партийная газета «Трибуна популар» тоже опубликовала статью, осуждающую Петкова, которого обвиняли в том, что он занимает «антикоммунистические» позиции. Петков в свою очередь на страницах той же газеты спрашивал, должна ли любая критика в адрес Советского Союза уже сама по себе считаться признаком «антикоммунистических настроений». И если да, то, добавлял он, следовало бы выяснить вопрос, не являются ли «антикоммунистами» также товарищи Мао Цзэдун, Фидель Кастро, Чаушеску, Ким Ир Сен и Луиджи Лонго¹⁹⁶

В феврале—марте 1970 года состоялось решающее заседание ЦК. Генеральный секретарь Хесус Фариа и еще три члена Политбюро (из общего числа девяти) выступили за принятие в отношении Петкова дисциплинарных мер. Они обвиняли Петкова в том, что он выступает с троцкистских, антисоветских и антипартийных позиций, и считали, что дискуссия в партии должна быть закончена. Но это оказалось невозможным, поскольку Петков получил поддержку двух других членов Политбюро. Между сталинистами и сторонниками Петкова стояли еще так называемые центристы, и среди них прежде всего пользовавшийся большим уважением Помпейо Маркес, которого в свою очередь поддержал еще один член

Политбюро. Эта центристская группа добивалась, чтобы зависимость от Советского Союза была уменьшена и чтобы Петкова не лишали прав на дискуссию. Она стремилась любой ценой избежать раскола и намеревалась сыграть посредническую роль в отношениях между двумя крайними течениями.

В то время как Петкова поддерживала молодежная организация партии, а также многие интеллигенты, сталинисты во главе с Фариа встречали поддержку все реже. Петков был очень популярен, и его предложения находили большой отклик не только в партии, но и в рядах других левых организаций. Дискуссия разгорелась с новой силой в конце осени 1970 года, когда вышла вторая книга Петкова — «Социализм для Венесуэлы». В этой книге он критиковал руководство Компартии Венесуэлы за то, что оно подавляет любую независимую и необходимую критику, а также выступал за союз с другими левыми силами без претензий на гегемонию и за плюралистское социалистическое общество, против всякой монолитной диктатуры в политической и культурной жизни. Вскоре после этого, в конце октября 1970 года, советский журнал «Вопросы философии» опубликовал резкую рецензию на книгу Петкова, подписанную С. С. Романовым и М. И. Мохначевым. Однако более важное значение для дальнейшего развития событий имела статья Мосинева в «Правде»¹⁹⁷, где Петкову инкриминировались пренебрежение ленинским организационным принципом демократического централизма и искажение процесса строительства коммунизма в СССР. Статья заканчивалась прямым призывом к членам Компартии Венесуэлы решительно отвергнуть «антипартийную деятельность» Петкова и восстановить единство партии. Эту статью сталинисты в руководстве партии восприняли как московскую директиву, и «Трибуна популар» в конце октября перепечатала ее на своих страницах.

Однако такой односторонний подход вызвал в партии сильную оппозицию. В ноябре 1970 года «Трибуна популар» была вынуждена опубликовать статьи как тех, кто выступал против Петкова, так и тех, кто был на его стороне, и в заключение напечатать статью самого Петкова. Конфликт обострился во время выборов делегатов на очередной съезд партии, когда подавляющее большинство высказалось за идеи Петкова, сторонников которого отныне стали именовать обновителями (*los renovadores*). Из-за нажима сталинистов даже и центристское направление во главе с Помпейо Маркесом стало сближаться с реформаторами. Тем самым центр тяжести явно переместился. На пленуме ЦК Компартии Венесуэлы, проходившем с 23 ноября по 4 декабря 1970 года, произошло резкое столкновение различных мнений. Сталинисты выдвинули идею отложить на максимально долгий срок очередной съезд партии, намеченный на 4 декабря, чтобы тем

временем с помощью партийного аппарата превратить сталинистское меньшинство в большинство. Реформаторы, которых поддерживали центристы, отклонили предложение о переносе даты проведения съезда на неопределенный срок. Правда, съезд был отложен, но только до 23 января 1971 года.

Теперь оба лагеря начали формировать свои ряды. «Трибуна популар» опубликовала 10 декабря 1970 года статью генерального секретаря Фариа, в которой содержались резкие нападки на обновителей и утверждалось, что эти последние составляют в партии лишь незначительное меньшинство. В тот же день состоялась пресс-конференция обновителей, в которой приняли участие не только Петков и его сторонники, но и Помпейо Маркес с центристами. На этой пресс-конференции резко критиковались автократические методы руководства партией, применяемые Фариа, его обвиняли в том, что он готовит чистку, пытаясь изменить в свою пользу соотношение сил, так как знает, что IV съезд партии завершится его поражением.

Решающий час пробил 14 декабря 1970 года. Сталинисты из числа членов Центрального Комитета собрались на заседание фракции и решили исключить пятерых членов Политбюро и 22 из 68 членов ЦК. Однако этот путч потерпел неудачу, потому что в этот самый день «исключенные» образовали подготовительную комиссию по созыву IV съезда и опубликовали заявление по вопросу о социализме в Венесуэле. В нем они выступили за широкий союз всех антиимпериалистических сил, в рамках которого ни одна партия не должна была выдвигать догматические претензии на руководство. Такова была цель, под знаком которой было решено созвать 14 января 1971 года съезд партии. Несколько дней спустя Петков опубликовал в венесуэльской газете «Ультимас нотисиас» статью против «траченных молю марксистов», которые стремятся канонизировать марксизм и свести его к набору схоластических деклараций.

В этой обстановке 14 января 1971 года в Каракасе состоялся учредительный конгресс Движения за социализм (МАС). Помпейо Маркес был избран генеральным секретарем МАС, в руководство вошли Теодоро Петков и другие обновители, а также центристы из прежнего Политбюро. Партийная газета «Деслинде» перешла в руки вновь созданного МАС. Учредительный конгресс высказался за союз со всеми левыми силами. Консервативно-сталинистские силы Компартии Венесуэлы смогли после этого провести с 23 по 28 января собственный партийный съезд — съезд «в своем кругу». На нем была декларирована полная лояльность по отношению к Советскому Союзу и избраны новый Центральный Комитет и новое Политбюро во главе с просоветски настроенным генеральным секретарем Хесусом Фариа.

В манифесте, опубликованном обновителями по случаю образования МАС, можно было прочитать: «Противостоят друг другу два взгляда на партию, на экономические и социальные реальности Венесуэлы, два взгляда на революцию. Мы вступаем во все большее противоречие с теми, кто относится к марксизму как к догме и катехизису и снижает роль партии до роли секты, стоящей спиной к массам. Мы видим в этом худшую форму выражения сталинистского декаданса»¹⁹⁸.

В начале февраля 1971 года Движение за социализм заявило на страницах своей газеты «Деслинде», что главное сейчас — разработать четкие политические принципы, быть готовыми к разнообразным формам борьбы, не стараться переносить механически опыт других стран на Венесуэлу, а вырабатывать собственный, венесуэльский путь к социализму. Партию следует рассматривать как силу, которая сделает возможным образование антиимпериалистического, социалистического народного правительства, которое будет пользоваться доверием народа и в котором рабочий класс и трудящиеся будут не зрителями, а создателями нового общества. МАС не занимает ни просоветских, ни антисоветских позиций, ни прокитайских, ни антикитайских, ни прокубинских, ни антикубинских¹⁹⁹. Генеральный секретарь Помпейо Маркес посетил весной 1971 года во главе делегации МАС Румынию и Югославию, а также был гостем компартий Италии, Франции и Испании. После возвращения он заявил, что образование МАС вызывает интерес в коммунистическом движении Европы, где с ним связывают большие надежды.

В отказе от ленинской партийной структуры МАС заходит дальше всех, рассматривая себя как движение, а не как партию. «Мы предпочитаем горизонтальные структуры и намерены покончить с пирамидальным типом организации, характерным для сталинизма», — заявил Теодоро Петков. По его словам, в МАС не проводится никаких закрытых собраний, члены Движения действуют совершенно открыто на виду у общественности, будь то на предприятиях или в городских районах, — «не считая себя обязанными давать отчет какому-то руководству». Петков отметил далее, что Движение за социализм «отлучено руководством КПСС», однако оно пользуется признанием как революционное движение. «Наша главная забота, — добавил он, — состоит не в том, чтобы осуждать других, а в том, чтобы скромно и без шума отыскать социалистический путь, соответствующий специфическим условиям Венесуэлы, и затем двинуться по этому пути».

Таким образом, с 1971 года в Венесуэле существуют два марксистских течения: МАС, которое можно причислить к движению еврокоммунизма, и просоветская компартия во главе с Хесусом Фариа. Во время выборов в парламент Венесуэлы, проходивших 9 декабря 1973 года, за МАС было

подано 216 473 голоса, то есть 5,2 процента всех поданных голосов, что позволило МАС направить девять депутатов в палату депутатов и одного — в сенат и тем самым занять третье место среди партий Венесуэлы. Просоветские коммунисты получили всего 1,1 процента голосов и смогли послать в палату депутатов только двух депутатов, а в сенат — ни одного.

IV

ЕВРОКОММУНИЗМ КАК ВЫЗОВ И ВОСТОКУ И ЗАПАДУ

Еврокоммунизм — это вызов как Востоку, так и Западу.

Для бюрократическо-диктаторских систем в Советском Союзе и в странах Восточной Европы решающим является то, что еврокоммунисты отклоняют советское главенство, выступают за собственный путь к социализму и тем самым наносят ущерб монопольному положению Москвы. Вдобавок — и это еще один немаловажный фактор — еврокоммунистическая модель социализма приобретает все большую привлекательность в глазах населения восточноевропейских стран, стимулируя этим процесс проведения реформ, сообщая новые импульсы движению за гражданские права и потрясая устои бюрократического правления.

Западные парламентарно-капиталистические системы опасаются негативного воздействия еврокоммунизма на процесс экономической и политической интеграции Европы (а следовательно, на Европейское сообщество) и ослабления НАТО, а кроме того, страшатся изменения экономического и общественного строя в коммунистическом духе — прежде всего в тех странах, где еврокоммунисты вот-вот могут войти в правительство.

Не случайно поэтому, что и ведущие представители бюрократических систем на Востоке, и значительная часть в большинстве своем консервативных политических деятелей в демократическо-капиталистических государствах Запада в равной мере относятся к еврокоммунизму с большим недоверием. Для некоторых политиков на Западе, как уже говорилось в начале книги, еврокоммунизм — это «замаскированный сталинизм и тайная тирания» либо «троянский конь», призванный разрушить свободный мир. Но подобные же голоса доносятся и с Востока. Так, например, Василь Биляк, сталинист, секретарь ЦК КПЧ, заявил, что еврокоммунизм — это сознательная попытка западных капиталистов «разделить международный коммунизм по географическим регионам», причем пропагандисты капитализма «упаковывают эти ревизионистские изделия в красивую бумагу, но дерьмо остается дерьмом даже и в самой лучшей упаковке»¹. Председатель западно-германской ГКП Герберт Мис назвал еврокоммунизм «оружием западных правых социал-демократов», используемым

для «желанного для них ослабления коммунистического движения» путем противопоставления «западных коммунистов странам реального социализма»².

Важна общность лейтмотива: и для бюрократов-сталинистов на Востоке, и для консервативных политиков на Западе еврокоммунизм — это ловкая маскировка, обманный маневр противоположной стороны.

Глава 1

Вызов Востоку

Известные эксперты по России, исследователи коммунизма и публицисты в последнее время неоднократно отмечали силу воздействия еврокоммунизма на Восток. Так, старейшина западных экспертов по России Джордж Ф. Кеннан говорил, что по мере того, как западноевропейские компартии станут обретать независимость от Москвы, восточноевропейские партии будут получать новые ориентиры, что может иметь очень важное значение³. Английский исследователь России Хью Сетон-Уотсон, который вообще-то скептически относится к еврокоммунизму, в этом вопросе придерживается одного мнения с Кеннаном. По его мнению, западноевропейские коммунисты, придерживаясь конституционного и либерального образа действий, облегчат чешским и венгерским коммунистам постановку вопроса: «А почему и наша система не может быть более свободной?»⁴ Английский эксперт по проблемам коммунизма Виктор Зорза полагает даже, что советские лидеры «видят в западноевропейском коммунизме более опасный вызов советской системе, нежели в любой политической угрозе со стороны западных капиталистов»⁵. Немецкий эксперт по Востоку Борис Майснер еще в начале 1970 года отмечал силу воздействия реформистских идей в коммунизме на страны Восточного блока, явно послуживших и главным мотивом военной интервенции в Чехословакии⁶.

Да и в самое недавнее время известные публицисты неоднократно указывали на притягательную силу еврокоммунизма для Востока. При этом подчеркивалось, что «еврокоммунистическая модель социализма оказывает все большее воздействие на социалистические страны и тем самым подрывает основы мощи Советского Союза и Восточной Европы, на которых покоятся позиции Советов как мировой державы». Высказывалось мнение, что тезисы и критические положения еврокоммунизма превратились «в занозу, сидящую в теле советского коммунизма». Делался вывод о том, что еврокоммунизм является предметом мечтаний особенно в Польше, причем не только вне партии, но даже и в кругах функционеров⁷.

Милован Джилас подчеркивал, что еврокоммунистические партии фактически расстались с ленинизмом, монопольным

хозяином которого является Советский Союз. Он, в частности, писал: «О том, что еврокоммунизм может оказаться «троянским конем» Советского Союза, вообще не может быть и речи. Он не имеет ничего общего с советской тактикой и политикой по отношению к Западной Европе. Скорее, можно сказать, что Советский Союз очень недоволен еврокоммунизмом». На его взгляд, в результате успехов еврокоммунистов Россия будет постепенно утрачивать свою ведущую роль, уступая ее передовому Западу, и дело дойдет до того, что «события рано или поздно обернутся также и против государственного капитализма в России»⁸.

Троцкистский теоретик Эрнест Мандель так формулировал эту проблематику: «Высказывания еврокоммунистов в пользу политического плюрализма и демократических свобод с жадностью подхватываются в Восточной Европе и в СССР потому, что эти высказывания воспринимаются как альтернатива нынешним политическим формам господства в восточно-европейских странах, как альтернативные модели рабочего государства. Объективно именно в этом — с точки зрения Кремля — заключается взрывная сила еврокоммунизма»⁹.

Сила воздействия еврокоммунизма на Восток имеет несколько аспектов.

1. Отказ от идеи единого руководящего центра и подчеркивание необходимости собственного пути ослабляют монопольное положение Москвы в мировом коммунистическом движении, а проповедь идеи собственного пути и независимости служит стимулом для подобных же сил в рамках Восточного блока.

2. Критика, с которой выступают еврокоммунисты против сталинизма и нынешней системы в СССР и других восточно-европейских государствах, подкрепляет критику, уже давно раздающуюся в этих странах, а пропаганда плюралистической многопартийной модели социализма оказывает моральную и политическую поддержку силам, выступающим за реформы в направлении демократизации и либерализации.

3. Новая интерпретация марксизма в еврокоммунистическом духе открывает перед критически настроенными и мыслящими гражданами на Востоке перспективу идеологических альтернатив.

Таким образом, новые концепции и целевые установки еврокоммунистов стимулируют оппозиционные течения сторонников реформ в Советском Союзе и других странах Восточной Европы, особенно деятельность критически мыслящих марксистов. Они сообщают оппозиции моральные стимулы и дают ей возможность ссылаться на новые концепции западноевропейских коммунистов. В некоторых случаях уже бывало, что еврокоммунисты на Западе и независимые марксисты на Востоке в известной мере солидаризировались.

Отклонение еврокоммунистами ведущей роли Москвы в мировом коммунистическом движении

Отклонение идеи единого центра мирового коммунистического движения, отрицание ведущей роли Компартии Советского Союза, требование полного равноправия и невмешательства во внутренние дела отдельных партий уже являются немаловажным вызовом, брошенным бюрократическо-диктаторскому аппарату Москвы. Ибо тем самым ставится под вопрос решающий тезис советской партии, предполагающий, что мировое коммунистическое движение действует как единый инструмент, покоится на общности цели и что все компартии мира должны сохранять верность «пролетарскому интернационализму», причем коренной проблемой является «отношение к КПСС, к Советскому Союзу»¹⁹.

Однако речь идет о вещах более важных, чем отклонение основополагающих советских концепций. Главное — советское руководство тем самым лишается возможности использовать по своему усмотрению компартии в важнейших западных странах для достижения собственных внешнеполитических целей. Советские лидеры вынуждены оставить надежду на то, что они смогут через соответствующие компартии оказывать серьезное влияние на эти страны, и уж тем более на то, что удастся переделать эти страны в соответствии со своими планами, чтобы таким образом расширить сферу своего господства в Западной Европе. Благодаря еврокоммунизму все эти цели в настоящее время поставлены под вопрос.

Кроме того, еврокоммунистический вызов ставит под угрозу также стремление Москвы добиться для своей государственной политики революционно-интернационалистской легитимации. Чем больше бюрократическо-диктаторская система отдаляется от первоначальных революционных целей Ленина, тем важнее становятся для советских руководителей претензии на то, что они якобы продолжают революционно-интернационалистские традиции прошлого, и возможность превращения собственной политики в символ мирового коммунистического движения. И международные коммунистические форумы тоже ведь служат не только целям практической политики, но и задаче такой легитимации. Отклонение претензий на советское руководство мировым коммунистическим движением и отказ от регулярного созыва международных форумов создают угрозу в первую очередь этому стремлению Кремля к легитимации.

Наконец, не менее серьезную угрозу для Москвы представляют отклонение тезиса об «общих закономерностях» в развитии социализма и требование еврокоммунистов о том, чтобы политика строилась с учетом условий в данной стране, их выступления в защиту независимости и «единства в

многообразии» в рядах мирового коммунистического движения. Тот факт, что советское руководство было вынуждено на конференции в Восточном Берлине (июнь 1976 года) согласиться с этим принципом, имеет значение. конечно, не только для компартий вне сферы советского господства: он служит стимулом и для автономных сил в Восточной Европе, потому что теперь требование о более широкой автономии рано или поздно могут выдвинуть также компартии Польши, Чехословакии, Венгрии и ГДР, и даже внутри Советского Союза могут быть заявлены требования о внедрении плюралистических принципов.

Критика еврокоммунистами нынешней системы в СССР и других странах Восточной Европы

Еще один вызов, брошенный еврокоммунизмом Востоку,— это критика противоречий в нынешней системе государств Восточного блока и протест против репрессивных мероприятий в этих странах.

Этот вызов имеет тем более серьезное значение, что нынешние бюрократическо-диктаторские системы Восточного блока находятся в состоянии кризиса.

Даже в кругах советских функционеров все более ясно понимают, что созданная Сталиным и сохранившаяся доныне система 20-х годов не соответствует потребностям современного советского индустриального общества. Противоречие между многообразными проблемами возникающего современного советского индустриального общества и полностью устарелой бюрократическо-диктаторской, иерархической системой невозможно больше игнорировать. Отставание Советского Союза в научно-технической области, пренебрежение к производству потребительских товаров и трудности со снабжением, усиление конфликтов между национальностями и — прежде всего — угнетательский характер режима стимулируют стремление к поискам альтернатив, желание добиваться реформ и отыскивать новые пути для развития советского общества.

В этих условиях важную роль играют предпринимаемые еврокоммунистами попытки самостоятельного, зачастую критического анализа. Как правило, еврокоммунисты безоговорочно заявляют о своей преданности идеям Октябрьской революции, признают социалистический характер Советского Союза и других стран Восточной Европы, решающий вклад Советского Союза в победу над фашизмом во второй мировой войне, соглашаются с основной линией советской внешней политики, но осуждают репрессивные мероприятия Кремля: смещение Хрущева в октябре 1964 года, показательный про-

цесс по делу писателей Даниэля и Синявского в начале 1966 года, оккупацию Чехословакии в августе 1968 года, подавление восстания польских рабочих в январе 1971 года, высылку Солженицына зимой 1974 года, постоянное подавление интеллигенции в Советском Союзе, репрессии против сторонников «хартии-77» в Чехословакии, высылку Вольфа Бирмана и наложение домашнего ареста на Роберта Хавемана, антисемитские явления в Советском Союзе и в других странах Восточного блока.

Эти критические высказывания разделяют многие граждане восточноевропейских государств и Советского Союза. Кроме того, еврокоммунисты уже начали критически анализировать весь ход развития Советского Союза. Например, как мы уже упоминали, Тольятти неоднократно отмечал — в частности, в своем меморандуме от августа 1964 года, — что нельзя сводить проблемы Советского Союза и других стран Восточного блока к особенностям характера Сталина, что события в Советском Союзе представляют собой глубокий процесс бюрократической дегенерации и что поэтому задача состоит в том, чтобы преодолеть сталинизм как систему и ускорить проведение в жизнь мероприятий, направленных на демократизацию.

Как на причины бюрократической дегенерации Советского Союза еврокоммунисты неоднократно указывали на неблагоприятные условия и на отсутствие демократических традиций. Так, Энрико Берлингуэр заявлял, что социалистическое развитие до сих пор имело место в странах, «где не было почти никаких либеральных и демократических традиций»¹¹. Мануэль Аскарате говорил об обусловленности развития советского государства историческим периодом, носившим в первую очередь буржуазный характер, а иногда и феодальный¹². В принятой в 1975 году программе Компартии Испании тоже указывалось на «отсталость исходных позиций», а также на влияние «идей и традиций предшествующего общества». Вдобавок на все это наслоились «ошибочные решения», особенно тенденция к слиянию партии и государства, что привело к развитию авторитаризма и бюрократизма¹³.

Наиболее грозным вызовом, брошенным Востоку, являются высказывания еврокоммунистов о бюрократизации Советского Союза. В ряде случаев еврокоммунисты даже были недалеки от мысли поставить — по крайней мере частично — под вопрос социалистический характер Советского Союза. В своей книге «Еврокоммунизм и государство» Сантьяго Каррильо на основании детального анализа пришел к выводу, что, хотя Октябрьская революция 1917 года и разрушила буржуазное государство, дальнейший ход событий в Советском Союзе привел к созданию государства, которое стало

угнетать не только прежние правящие классы, но и значительную часть трудящихся. В обстановке острых противоречий внутри общества в Советском Союзе развился бюрократический слой, который движется по своим законам, как особый механизм. Не будучи, правда, капиталистическим классом, он тем не менее пользуется огромной и почти бесконтрольной политической властью, с помощью которой принимает все решения через голову рабочего класса и даже самой партии¹⁴. Французский партийный теоретик Жан Элленштейн тоже заявлял, что в период сталинизма возник новый бюрократический слой, который, положим, нельзя назвать правящим классом, но который олицетворяет социализм, покоящийся на отсталости и характеризующийся сохранением сталинизма¹⁵.

Компартия Австралии, особенно подробно занимавшаяся анализом советской системы, отказалась признать, что СССР осуществил построение подлинно социалистического общества, и охарактеризовала Советский Союз лишь как страну «с социалистическим базисом». Ломбардо-Радиче, член ЦК Итальянской компартии, заявил в конце 1976 года, что итальянским коммунистам следовало бы систематически заниматься теоретическим изучением советского пути развития. До сих пор, как он полагает, это делалось недостаточно энергично. При этом Ломбардо-Радиче предложил именовать систему, существующую в странах Восточного блока, «государственным социализмом»¹⁶.

Однако, как правило, еврокоммунисты не склонны отрицать социалистический характер Советского Союза и заниматься общим критическим анализом. Поэтому критика, с которой выступают западные еврокоммунисты, никогда не заходит так далеко, как высказывания независимых марксистов в Восточной Европе и в самом Советском Союзе. Анализ, предпринятый Робертом Хавеманом и Роем Медведевым, наверняка более основателен. Еще больше это относится к солидно обоснованным с аналитической точки зрения концепциям Куроня и Модзелевского о «монополистическом бюрократизме», Светозара Стояновича — об «олигархическом этатизме», к интересным тезисам критически мыслящего советского марксиста П. Егорова, который, анализируя нынешнюю советскую систему, определяет ее как «этатистский элитаризм»¹⁷.

Западные еврокоммунисты явно считают, что общий анализ характера Советского Союза не главная их задача. Но уже тот факт, что по крайней мере книги Медведева и Хавемана вышли, хотя и сравнительно малыми тиражами, в итальянском партийном издательстве, показывает, что некоторые еврокоммунисты в западных странах уделяют этим вопросам все больше внимания.

Еврокоммунистическое требование реформ в Советском Союзе и других странах Восточного блока

Критика, которой подвергают еврокоммунисты некоторые явления, присущие восточным системам, связывается с требованиями о реформах в духе демократизации. Это приобретает тем более важное значение, что в Советском Союзе и других странах Восточной Европы все более широкие круги в той или иной форме выступают за отказ от бюрократическо-централизованной системы. Даже в самом партийном аппарате все больше понимают, что необходимо предоставить менеджерам экономики, инженерам и ученым более широкую свободу действий, освободить экономику и науку вообще от оков бюрократической, партийной и идеологической опеки, найти возможности для перехода к более современным, более рациональным и более либеральным формам правления. Но это означает отказ от всеобъемлющего права вмешательства партийного аппарата и замену террора правовой государственностью. Однако все попытки осуществить реформы наталкиваются на упорное сопротивление бюрократическо-авторитарных сил, которые цепляются за свои господствующие позиции и привилегии и единственной политической целью которых является стремление сохранить в максимальной возможной степени сталинизм.

Тем не менее силы реформаторов постоянно увеличиваются. Самые разнообразные силы, выступающие сегодня за реформы, выходят далеко за пределы сознательного активного ядра оппозиционеров-реформаторов (на Западе их часто называют диссидентами). В рядах научно-технической интеллигенции растет стремление к модернизации экономической системы, расширению полномочий, к предоставлению более широких прав на принятие решений в экономической и научной областях, а все эти требования невозможно удовлетворить без либерализации в политической области. Сознательный свое значение советский рабочий класс в его третьем поколении ныне тоже выдвигает свои требования, с которыми кремлевское руководство вынуждено все больше считаться. Среди нерусских национальностей растет недовольство русификацией и стремление к автономии. В широких кругах населения заметно сопротивление стеснительной опеке, включающей ограничение свободы передвижения и фактически отнимающей у людей почти всякую возможность ездить за границу. К этому нужно еще добавить, что современное крыло в партийном, государственном и хозяйственном аппарате начинает понимать, что реформы неизбежны, и по крайней мере частично им симпатизирует.

В таких условиях вполне понятна та важная роль, которую играют импульсы, идущие извне. В число этих импуль-

сов наряду с Хельсинкской декларацией и неоднократными выступлениями президента Картера в защиту прав человека входят также заявления еврокоммунистов в поддержку требований о реформах на Востоке. Еще в 60-х годах Гольятти выступал в пользу реформ и демократизации системы в Советском Союзе и других странах Восточной Европы. В принятой осенью 1975 года партийной программе испанских коммунистов тоже было заявлено, что успехи еврокоммунистов на Западе будут содействовать также подъему нынешних социалистических стран «на более высокий, более развитый уровень»¹⁸. Сантьяго Каррильо в своей книге «Еврокоммунизм и государство» указывал на то, что путем конструктивной критики можно помочь советскому обществу «сделать шаги в направлении превращения страны в подлинное государство демократии трудящихся»¹⁹.

Большим ободрением для реформаторских сил на Востоке явилось заявление Берлингуэра на восточноберлинской конференции европейских компартий (июнь 1976 года) в защиту «широкой и свободной циркуляции идей, культурных течений и людей в Европе»²⁰. Несколько месяцев спустя член ЦК ИКП Лучио Ломбардо-Радиче говорил о том, что новые итальянские, французские и испанские модели превратились в серьезную проблему для правящих коммунистических режимов в Восточной Европе. Хотя, как он подчеркивал, еврокоммунисты сконцентрировали свое внимание на проблемах Италии и Западной Европы, их заявления «могут превратиться в голоса оппозиции, когда их переведут и распространят в Москве, Восточном Берлине и Варшаве»²¹. В феврале 1977 года к этим словам надежды Ломбардо-Радиче добавил указание на то, что наука и техника развиваются, несмотря на сохранение устаревших структур: «Мой друг Роберт Юнг сказал бы, что будущее началось уже и там. И я думаю, что теперь должны измениться также устарелые политические структуры. Они больше не соответствуют этой новой реальности»²². Жан Элленстейн высказал даже такого рода предположение: «На каком-нибудь партийном съезде — надеюсь, в не слишком отдаленном будущем — выступают люди, которые будут требовать прогресса, ссылаясь на экономическую необходимость и опираясь на демократические чаяния народов Советского Союза»²³.

Значение выдвигаемой еврокоммунистами плюралистической модели социализма для Советского Союза и других стран Восточной Европы

Серьезным вызовом является даже внешне относящееся к довольно отдаленному будущему представление о плюралистической модели социализма. Наверняка не было случайно-

стью то, что почти все заявления еврокоммунистов о свободах в будущем социалистическом обществе были подвергнуты цензуре в газетах Восточного блока.

Особенно важное, поистине решающее значение имеет защита еврокоммунистами демократических свобод, неприкосновенности личной жизни и беспрепятственного права на поездки внутри страны и за рубеж, а также их выступления в пользу многопартийной системы, сочетающейся с правом на существование и деятельность оппозиционных партий и с возможностью смены правительства в случае изменения воли большинства. Эти концепции противоречат не только реальностям бюрократическо-диктаторских однопартийных систем в странах Восточного блока, но и официально провозглашенным там принципам. Советская идеология не устает заявлять, что для советского общества характерно социально-политическое и идеологическое единство, в результате чего в условиях социализма якобы нет никаких причин для конфликтов. Это социально-политическое и идеологическое единство отчуждает перед всеми социальными группами возможность осуществлять их общие цели. Поэтому может существовать только одна партия, а именно коммунистическая партия. Только она одна и является политическим руководителем и организатором народа ²⁴.

Но еврокоммунисты оспаривают все эти положения. И такая их позиция приобретает тем более важное значение, что многие критически настроенные граждане Советского Союза и других стран Восточной Европы, в том числе и критически мыслящие марксисты, тоже выступают в поддержку многопартийной модели социализма.

Впервые требование о многопартийной системе всплыло в одной публикации «Самиздата», имевшей примечательное заглавие «О многопартийной системе» и изданной в середине 60-х годов работавшим нелегально марксистским Союзом коммунаров в Ленинграде. В 1970 году в советских оппозиционных кругах распространялась работа марксиста Ильи Глумова «Пробный камень ленинизма», автор которой тоже выступал за многопартийную систему в Советском Союзе. В обеих работах утверждалось, что нынешняя советская однопартийная система обусловлена господством бюрократического класса и отвечает его нуждам. Официальный аргумент, согласно которому однопартийная система необходима, поскольку она якобы отражает единство целей советского общества, по мнению критически мыслящих советских марксистов, несостоятелен, ибо такого единства нет, а если бы оно и существовало, то вполне возможно было бы, что различные партии стремились бы к одной и той же цели, предлагая, однако, для достижения этой цели разные пути. «Аргументов в защиту однопартийной системы, которые были бы

способны выдержать критику, не имеется,— заявляли марксисты из Союза коммунаров.— А те, что приводятся, противоречат марксистским представлениям о социалистическом обществе»²⁵. И в позднейших изданиях внутрисоветской оппозиции также фигурировало требование относительно многопартийной системы. Ее создания настойчиво требовал Рой Медведев. Необходимость существования других партий он обосновывал значительными различиями между городским и сельским населением, рабочими и интеллигенцией, с одной стороны, и бюрократическими элементами в партийном и государственном аппарате — с другой. По его мнению, создание многопартийной системы и существование оппозиционных партий создало бы для правящей партии новый климат и новые условия. В этом случае партии пришлось бы принимать участие в открытой дискуссии, выдвигать на руководящие посты людей другого сорта, с другими качествами, пропаганда и пресса оказались бы в новых условиях. Открытая политическая борьба стимулировала бы дальнейшее развитие марксистской теории, способствовала бы воспитанию нового, более способного поколения коммунистических функционеров. Многопартийная система и установление подлинной гласности, резюмировал Медведев, были бы лучшим средством для того, чтобы излечить советское общество от зол бюрократизма и коррупции, создать гарантии против произвола и беззаконий²⁶.

Три года спустя Рой Медведев изложил свои взгляды на многопартийную систему в следующих словах, которые легко могли бы быть взяты из программ еврокоммунистов: «Поддавляющее большинство советских граждан безоговорочно поддерживает идею социалистического пути развития нашего общества, хотя представления о социализме у многих людей еще различны. Поэтому у Советского Союза нет другого реального пути развития, кроме совершенствования социалистического общества, перехода от примитивных бюрократизированных вариантов социализма и псевдосоциализма к социализму с человеческим лицом»²⁷.

Еврокоммунистическая интерпретация марксизма как вызов Востоку

Особенно серьезным вызовом, который бросают еврокоммунисты, является их новая интерпретация марксизма. Широко распространенное мнение, будто у еврокоммунистов и советских коммунистов «одна идеология», сейчас, пожалуй, уже нельзя считать соответствующим истине.

Для марксизма-ленинизма советского типа характерны претензии на универсальность и тотальность. Он официально считается «единственным научным мировоззрением». За-

является, что лишь овладение этим «могучим учением» позволяет «получить подлинно научную картину развития человеческого общества»²⁸. Существование каких-то сверхъестественных сил отвергается, атеизм рассматривается как неотделимая часть идеологии, и партийные уставы не только обязывают всех членов партии быть атеистами, но и объявляют их долгом борьбу с «религиозными пережитками». Утверждается, что марксизм-ленинизм объясняет все изменения в природе, обществе и в человеческом мышлении и что вооруженный этим мировоззрением «человек становится сильным, политически стойким и принципиальным»²⁹.

Нынешний тотальный принцип универсальности марксизма-ленинизма привел к возникновению односторонней схематичной идеологии, которая допускает лишь одну-единственную интерпретацию и в рамках которой нет места для взглядов Троцкого или Бухарина, югославских теоретиков или маоистов, для концепций «пражской весны» или еврокоммунистов. Несмотря на то что эта навязанная людям узкоколейная идеология вызывает сейчас лишь равнодушие и скуку — это признают даже официальные партийные инстанции в Советском Союзе, — любые самостоятельные мысли по-прежнему объявляются уклоном, что имеет целью пресечение всяких дискуссий³⁰.

Советская идеология совершенно явно служит целям легитимации режима, обоснования задним числом всех решений и мероприятий руководства, а также — и это главное — навязыванию определенных шаблонов мышления, причем важно не только то, во что человеку следует верить, но и в первую очередь то, что он должен отвергать. Против всех «уклонов» должна вестись «идеологическая борьба».

Еврокоммунисты решительно отвергают этот выхолощенный марксизм, поэтому и термин «марксизм-ленинизм» итальянские, испанские, французские, японские, шведские и австралийские коммунисты уже больше не употребляют. Даже ленинские тезисы теперь перестали быть святой святых и открыто подвергаются критике. Уже начиная с 60-х годов еврокоммунисты перестали распространять советские учебники по вопросам идеологии.

Суть еврокоммунистического подхода к марксизму можно резюмировать в следующих пяти пунктах.

1. Такие важные и стоящие в центре внимания доктрины советской идеологии, как «пролетарский интернационализм», «общие закономерности пути к социализму», универсальность «диктатуры пролетариата», концепция «морально-политического единства» в социалистическом обществе, доктрина «социалистического реализма» как обязывающая генеральная линия в области литературы и искусства, доктрина «ограниченного суверенитета», а главное — доктрина «ведущей роли

партий» в борьбе за социализм и в период после построения социалистического общества,— все они отвергаются еврокоммунистами.

2. Еврокоммунисты отвергают также типичное для советской идеологии ограничение марксизма только произведениями Маркса, Энгельса и Ленина, а также официально признанные советские учебники и резолюции партийных съездов и выступают за «открытый марксизм». Они рассматривают марксизм во всем его многообразии и во всех вариантах интерпретации, которую дают ему различные деятели. Итальянские коммунисты даже публиковали книги марксистов, исключенных из партий в своих странах, например работы австрийских марксистов Эрнста Фишера и Франца Марека, поляка Стефана Моравского, чехов Карела Козики и Эдуарда Гольдштюккера³¹. Все еврокоммунисты ссылаются на произведения Грамши, Розы Люксембург, Карла Корша, Тольятти, Тито, Дьердя Лукача и Эрнста Блоха; даже идеи Льва Троцкого, преданного анафеме в пределах всего Восточного блока, ставятся на обсуждение, хотя к ним и относятся критически³².

3. Маркс, Энгельс и Ленин отнюдь не являются для еврокоммунистов воплощением канона. Тезисы Ленина неоднократно открыто подвергались критике. Так, например, Лучано Группи, один из ведущих теоретиков Итальянской компартии, еще в 1964 году указывал — мы об этом уже упоминали,— что некоторые тезисы Ленина о государстве и диктатуре пролетариата не соответствуют нынешним реальностям. Сантьяго Каррильо в своей книге «Еврокоммунизм и государство» возражал против «ограничительного толкования» Лениным понятия демократии, что, по его мнению, привело к недооценке демократии со стороны приверженцев Ленина и тем самым к чудовищным извращениям сталинизма. По его мнению, устарели и не соответствуют более нынешним реальностям также представления Ленина о диктатуре пролетариата, поскольку сейчас имеются другие формы и методы переустройства общества³³.

Самостоятельные суждения высказывают еврокоммунисты также о Марксе и Энгельсе. Так, Энрико Берлингуэр заявил, что, вопреки предсказаниям Маркса и Энгельса, до сих пор сохранилась структура средних, мелких, промышленных, ремесленных, торгово-коммерческих и крестьянских производств³⁴.

4. Особенно решительно отвергают еврокоммунисты претензии марксизма-ленинизма на тотальное значение. Типичным в данном случае является следующее указание, содержащееся в программе Компартии Испании: «Социалистическое государство не будет иметь никакой официальной философии; идеологическая борьба, даже и между социалистическими си-

лами, воодушевленными одинаковыми идеями, сможет развиваться своеобразно и открыто»³⁵. Эти представления восприняты ныне всеми еврокоммунистическими партиями. Энрико Берлингуэр тоже уже рассматривает марксизм не как непогрешимое научное мировоззрение, а как инструмент, призванный помочь «понять происходящее в нынешнем мире и создать более солидный теоретический фундамент для борьбы за социализм»³⁶.

5. Исходя из всего этого, еврокоммунисты выступают за более серьезное отношение к религии вообще и к христианству в частности. Так, например, Каррильо подчеркивает значение работ тех теологов, которые пошли по стопам Тейяра де Шардена и попытались преодолеть пропасть, разделяющую официальный католицизм и науку. II Ватиканский собор и «аджорнаменто» (то есть приспособление к существующим условиям и к новой стадии развития) привели, как полагает Каррильо, к тому, что в христианских семьях началась культурная революция. Эта готовность христианства прийти к соглашению с наукой может широко открыть двери перед течениями, которые стремятся изменить общество в социалистическом духе. Против этого, заявляет Каррильо, нельзя выступать с аргументацией, продиктованной устаревшими формулами учебников или антиклерикальными предрассудками. В этой области, резюмирует Каррильо, возникли силы, на которые Маркс, Энгельс и Ленин в свое время еще рассчитывать не могли³⁷.

С недавних пор стало известно, что сходные идеи вынашиваются и в Восточной Европе. Так, арестованный осенью 1977 года в ГДР марксистский критик режима Рудольф Баро тоже подчеркивал необходимость для коммунистов считаться с новыми веяниями в рядах христиан. Он писал, что, с одной стороны, мыслящие христиане все больше проникаются сознанием того, что исторический материализм Маркса — это инструмент, без которого не обойтись, а с другой — марксистам следовало бы понять актуальное значение принципа этического побуждения, заключенного в Нагорной проповеди Иисуса Христа³⁸.

Еврокоммунисты подчеркивают свою принципиальную готовность учиться у последователей всех других идеологических течений. Берлингуэр, в частности, указывал на заявление Грамши о том, что «нужно подбирать каждое зерно истины, как бы мало оно ни было, даже если оно окажется во вражеском стане»³⁹. Касаясь в этой связи отношения к христианству, Берлингуэр в другом месте заявлял: «Христианин, например, видит в жизни и в человеческих отношениях такие аспекты, которые частично от марксиста могут ускользнуть. Мы всегда готовы признать истины и ценности, которыми обладают другие»⁴⁰.

Роберт Хавеман говорил недавно о тесной связи между борьбой за демократизацию в странах Востока и борьбой социалистического рабочего движения на Западе. Он подчеркивал, что успехи еврокоммунистических партий на Западе будут оказывать серьезную поддержку также борьбе за демократию и политические права человека в странах реального социализма. Перейдя затем непосредственно к проблемам еврокоммунизма, Хавеман заявил: «Для меня тот новый путь, по которому пошли итальянская, французская, испанская и другие партии Западной Европы и который несколько неточно обозначают словом «еврокоммунизм», служит чрезвычайно обнадеживающей приметой времени»⁴¹.

Рудольфу Баро принадлежит указание на то, что позиции бюрократических аппаратов на Востоке ухудшились в первую очередь в результате берлинской конференции европейских компартий: «Правда заключается в том, что так называемый еврокоммунизм вносит дух раскола в восточноевропейские партии, в том числе и в ряды персонала их аппарата вплоть до Политбюро». Успешное продвижение по отстаиваемому еврокоммунистами западноевропейскому пути к социализму облегчило бы, как полагает Баро, реформу институтов в Восточной Европе, потому что «восточноевропейские народы наверняка хотят иметь у себя политическое устройство, соответствующее тому духу, который отстаивали на берлинской конференции Берлингуэр, Марше, Каррильо и другие»⁴². В Венгрии Агнес Хеллер, критически мыслящая марксистка и социолог, принадлежащая к так называемой будапештской школе, заявила, что она, как представительница Восточной Европы, хотела бы поблагодарить ИКП за то, что эта партия помогает «поддержать надежду в столь многих сердцах и спасти от отчаяния так много людей, верящих в идею социализма»⁴³.

Из множества других подобных высказываний приведем здесь еще мнение известного марксистского теоретика-экономиста Эдварда Липиньского. В открытом письме руководителю польской партии Гереку Липиньский писал, что он уже давно следит за развитием социалистического мышления на Западе, и прежде всего в Италии, ибо в Советском Союзе или в Польше это мышление совершенно окостенело. По его словам, насильственное внедрение советской системы возымело опустошительные последствия в социальной, политической и духовной жизни Польши, и это происходило в условиях, когда многие компартии отмежевывались от Советского Союза, осознавая значение политической демократии. Липиньский приветствовал тот факт, что коммунисты Италии, Франции, Испании и других стран выступают за политический плюрализм и подчеркивают необходимость демократических свобод: «Эти

изменения и повороты в идеологической области имеют большое историческое значение. Они представляют собой важный шаг на пути к подлинному социализму». Социализм, заявлял Липинский, может быть только результатом решительной перестройки иерархических социальных и политических структур. «Поэтому,—писал он в заключение,—я на стороне коммуниста Берлингуэра, коммуниста Марше, на стороне испанских коммунистов...»⁴⁴.

Критически мыслящие марксисты Восточной Европы неоднократно обращались к еврокоммунистам также с прямыми просьбами о помощи и поддержке. Так, в одном открытом письме западным компартиям осужденные в Советском Союзе критически мыслящие коммунисты, называя фамилии и географические пункты, во всех подробностях описали условия, в которых политические заключенные отбывают сроки наказания за то, что они критиковали перерождение советской компартии и требовали подлинно марксистской политики. В качестве примера была упомянута история комсомольца Чеховского, который признал себя виновным в том, что «боролся за осуществление ленинских идей и был приговорен за это к шести годам строгого режима». Эти осужденные советские коммунисты призывали коммунистов западных стран требовать создания международной комиссии, которая проверила бы условия существования политических заключенных в различных странах, и в том числе также в СССР⁴⁵. В числе многих других примеров можно упомянуть еще о сыне арестованного чехословацкого критика системы Иржи Ледерера, который обратился к Жоржу Марше с просьбой выступить в защиту его отца, одного из тех, кто подписал манифест в защиту прав человека — «хартию-77»⁴⁶. Яцек Куронь, один из ведущих борцов за гражданские права в Польше, в июле 1976 года направил Энрико Берлингуэру письмо с просьбой заступиться за польских рабочих, арестованных в июне во время демонстраций против повышения цен⁴⁷.

Следует, однако, признать, что имеются и такие восточно-европейские оппозиционные марксисты, которые наряду с положительными суждениями о еврокоммунистах высказывают также критические замечания. По их мнению, еврокоммунисты недостаточно последовательны в своей критике в адрес стран Востока. Так, например, Иржи Пеликан, бывший во время «пражской весны» директором чехословацкого телевидения, говорил, что он, правда, встретил у итальянских коммунистов искреннее понимание, но в то же время с некоторым удивлением заметил, что еврокоммунисты ограничиваются только критикой частностей советской действительности и не отваживаются «поднять вопрос о подлинном характере системы»⁴⁸. Приветствуя критические суждения еврокоммунистов о Советском Союзе, он вместе с тем подчеркивал, что

предпочел бы, чтобы «их критика шла дальше, поскольку сейчас она определенно не идет достаточно далеко». По его мнению, нарушения прав человека, которые еврокоммунисты осуждают, — это не отдельные случаи. Они типичны для режимов, которые без репрессий и без цензуры не смогли бы существовать⁴⁹.

Евгений Лебл, бывший заместитель министра внешней торговли в ЧССР и активный участник «пражской весны», проживающий в настоящее время в США, тоже заявил, что требование еврокоммунистов о праве на самоопределение — факт положительный, однако еще важнее было бы требовать права на самоопределение для народов стран Восточного блока и открыто критиковать советский империализм⁵⁰.

Руководство Восточного блока в обороне

Теперь уже нет никаких сомнений в том, что концепции и активные действия еврокоммунистов вынудили руководящих деятелей государств Восточного блока перейти к обороне.

Прежде всего внутри руководства Восточного блока нет больше единой генеральной линии в отношении еврокоммунизма: налицо расходящиеся позиции, занимаемые отдельными странами. Румыния, например, не только не принимает участия в кампании против еврокоммунистов, но и поддерживает их. Нападки на еврокоммунистов исходят в первую очередь от бюрократическо-сталинистских сил в Советском Союзе, Чехословакии и Болгарии. В несколько более смягченной форме в этих атаках принимают участие польские руководящие силы. Во главе противников еврокоммунизма стояли до сих пор болгарский партийный лидер Живков, чехословацкий секретарь ЦК Василь Биляк и ряд ведущих советских идеологов. Когда Живков называл еврокоммунизм «новейшим изобретением буржуазной пропаганды», которое «чревато антисоветизмом», руководитель венгерской партии Янош Кадар заявил журналистам в Вене, что он не разделяет этих взглядов Живкова⁵¹. После этого венгерская печать заняла несколько более примирительную позицию по отношению к еврокоммунизму.

Ко всеобщему удивлению, руководство СЕПГ, которое прежде всегда считалось наиболее рьяным защитником советских позиций в мировом коммунизме и неоднократно нападало на итальянских коммунистов, в последние два года стало проявлять сдержанность. Правда, оно публиковало советские статьи, направленные против еврокоммунизма, но воздерживалось от собственной его оценки, что, впрочем, не мешает ему беспощадно преследовать еврокоммунистические тенденции в собственной партии. Эксперт по вопросам коммунизма Гейнц Тиммерман совершенно справедливо указывает на то, что ру-

ководство СЕПГ явно пытается не допустить углубления противоречий между коммунистами Восточной и Западной Европы. Не исключено, что здесь играет свою роль заинтересованность в том, чтобы воспрепятствовать чересчур односторонней интеграции ГДР в рамках контролируемой Советами восточной системы, развивая связи с влиятельными западными братскими партиями. Руководство ГДР опасается, что разрыв с еврокоммунистами может отразиться также и на государственных отношениях. Правда, пока еще неясно, имеет ли здесь место самостоятельная инициатива руководства ГДР или на сей счет существует договоренность с Москвой⁵².

Если не считать Румынии, то еврокоммунистические материалы в газетах государств Восточного блока не публикуются — явно из опасения, что читатели там смогут сделать из них выводы, применимые для их собственных стран. Даже в так называемых «теоретических», то есть идеологических, журналах Советского Союза и других восточноевропейских стран основные идеи еврокоммунистов не излагаются, поддержки из их работ не публикуются. Поэтому полемика Востока против еврокоммунистов выглядит слабой, беспомощной и малоубедительной. Многочисленные новые проблемы и концепции, выдвигаемые еврокоммунистами, не анализируются, а «объясняются» враждебными влияниями. Говорится лишь о рафинированных формах буржуазного проникновения и о том, что противники действуют «изошренно, тонко и завуалированно». Концепции еврокоммунистов попросту объявляются «ревизионизмом», выдаются за признак роста мелкобуржуазных слоев⁵³. Другие советские идеологи полагают, что в условиях политики разрядки перед коммунистами встанут новые сложные проблемы: они должны сотрудничать с прочими общественными силами, прежде всего с социал-демократами, а это якобы создаст почву для оживления ревизионистских элементов⁵⁴. Утверждается, что социал-демократы будто бы пытаются при выработке совместных платформ навязать коммунистам свои «соглашательские позиции»⁵⁵. Таким образом, еврокоммунизм выглядит в глазах советских идеологов не чем иным, как современной формой «правого ревизионизма», в социальном смысле олицетворяемого ростом мелкой буржуазии, а в политическом смысле порожденного политикой разрядки, при проведении которой компартии оказываются лицом к лицу с трудными проблемами, вынуждены сотрудничать с другими силами, но при этом подвергаются опасности подчинения влиянию этих сил. Исходя из этого «анализа», советские идеологи рекомендуют своим еврокоммунистическим товарищам усиливать идеологическую борьбу, твердо придерживаться пролетарского интернационализма и решительнее бороться против антикоммунизма и антисоветизма. Концепции самих еврокоммунистов попросту игнорируются.

Почему еврокоммунисты не идут на открытый разрыв с Советским Союзом

Неоднократно задавался вопрос: почему еврокоммунисты, критикуя Восток, все-таки не могут решиться на открытый разрыв с Советским Союзом? Даже самые доброжелательные критики считают, что в результате открытого разрыва с советским руководством еврокоммунисты сделали бы свои теории более убедительными⁵⁶, а процесс идеологической и политической эволюции еврокоммунизма был бы в результате этого ускорен⁵⁷.

Разумеется, в среде еврокоммунистов есть и течения, и отдельные лица, которые хотели бы выйти за рамки критики, высказывавшейся до сих пор в адрес Востока. Однако официальные лидеры еврокоммунистов до последнего времени недвусмысленно отклоняли идею полного разрыва с Москвой. Энрико Берлингуэр назвал абсурдным «требование о том, чтобы коммунисты забыли о своих чувствах дружбы и солидарности с государствами, которые внесли самый большой вклад в дело уничтожения фашизма и нацизма, которые боролись против империализма и которые являются застрельщиками в борьбе за сохранение мира во всем мире»⁵⁸. Даже Сантьяго Каррильо хотел бы избежать окончательного разрыва. В марте 1977 года он заявил, что Компартия Испании «резко критиковала все то, что в политической системе некоторых стран Восточного блока недемократично и потому еще не соответствует представлениям о социализме», но что еврокоммунисты не намерены «переходить грань, за которой речь не идет больше о критической позиции, отличающей наши взгляды от взглядов определенных коммунистических партий, стоящих у власти, а объективно уже происходит использование нас в качестве элементов холодной войны»⁵⁹.

Судя по всему, отказ еврокоммунистов пойти на открытый разрыв с Москвой в решающей степени предопределен двумя моментами.

Во-первых, сыграла свою роль надежда еврокоммунистов на то, что благодаря политике «присутствия» они будут иметь возможность поддерживать имеющиеся в Советском Союзе и других странах Восточной Европы реформаторские течения, сохранять контакт с этими силами, подбадривать их и стимулировать их деятельность. Полный разрыв сделал бы невозможными любые контакты и привел бы к тому, что критические голоса еврокоммунистов в странах Восточного блока уже более не были бы слышны. От этого мотива, конечно, нельзя попросту отмахнуться, он заслуживает того, чтобы его принимать всерьез.

Во-вторых, заслуживает упоминания тот — самими еврокоммунистами не подчеркиваемый — факт, что немало рядо-

вых членов и функционеров еврокоммунистических партий по-прежнему привязаны к Советскому Союзу и верят мифу о КПСС. Еврокоммунистические партийные руководители вынуждены считаться с этими еще имеющимися просоветскими голосами в своих партиях. Проведенный осенью 1977 года опрос среди членов ИКП показал, что 93 процента итальянских коммунистов убеждены в том, что все жители Советского Союза независимо от политических убеждений имеют работу, 53 процента верят в свободу религии в Советском Союзе и — что кажется мне особенно важным — как-никак 28 процентов членов ИКП считают, что Сталин был человеком, сделавшим для советского государства больше, чем все другие⁶⁰. Конечно, мнение этих 28 процентов можно толковать по-разному. В позитивном смысле можно указать на то, что все-таки 72 процента членов ИКП преодолели влияние мифа о Сталине. В то же время 28 процентов членов партии — это и не так уж мало. Совершенно очевидно, что руководители ИКП и других еврокоммунистических партий должны считаться с этими еще имеющимися просоветскими течениями среди членской массы своих партий.

Существование таких просоветских течений отмечалось многими знатоками проблемы, отчасти опиравшимися даже на свои личные наблюдения. Так, живущий ныне в Риме Иржи Пеликан, который поддерживает тесные контакты с итальянскими коммунистами, говорит: «Наряду с Берлинггуэром и другими свободными от предрассудков партийными лидерами в итальянской партии есть также много функционеров, остающихся в плену прошлого и готовых в любой момент вернуться к жесткой советской линии»⁶¹. Другие комментаторы указывали на то, что просоветские силы в компартиях Италии, Франции и Испании систематически укрепляют свои «очаги сопротивления» еврокоммунизму⁶². Милован Джилас подчеркивал, что в еврокоммунистических партиях еще имеются «группы сталинистов», которые «иногда очень сильны и пользуются поддержкой Советского Союза, однако в настоящее время у них нет никакой надежды на то, что им удастся прийти к руководству в этих партиях»⁶³. Кстати, подобная необходимость считаться с просоветскими настроениями имела в истории мирового коммунистического движения интересные прецеденты. Так, югославское партийное руководство после разрыва с Москвой летом 1948 года еще по крайней мере два года спустя вынуждено было принимать во внимание сохранившееся внутри партии просоветское направление и лишь в результате длительного периода разъяснительной работы создало предпосылки для независимой политики.

Однако проблему возможного разрыва между еврокоммунистами и советским руководством нельзя рассматривать только с еврокоммунистической точки зрения. Нужно учиты-

вать и точку зрения Москвы. В настоящее время советское руководство, по-видимому, хотело бы избежать открытого разрыва с такими крупными еврокоммунистическими партиями, как итальянская и французская. При этом нельзя забывать, что в странах с менее многочисленными еврокоммунистическими партиями, например в Австралии, Великобритании, Швеции и Испании, руководство КПСС без малейших колебаний основало просоветские контрпартии. Что же касается таких важных партий, как итальянская и французская, то применительно к ним интересы советского руководства складываются явно иначе. Здесь открытый разрыв серьезно поставил бы под угрозу советские претензии на право представлять все мировое коммунистическое движение. Немаловажны также и внешнеполитические соображения. В Италии и Франции существует перспектива, что в ближайшем будущем коммунисты смогут участвовать в правительстве. Тогда в результате разрыва с итальянской и французской партиями пострадали бы межгосударственные отношения Советского Союза с соответствующими странами. Поэтому советское руководство откладывает принципиальное решение вопроса о еврокоммунизме на максимально продолжительный срок, чтобы держать все возможности открытыми.

Таким образом, в ближайшее время разрыв между Москвой и еврокоммунистами маловероятен, но он вполне возможен в более отдаленном будущем. Ситуация — здесь я согласен с мнением эксперта по вопросам коммунизма Гейнцем Тиммерманом — может измениться в том случае, если еврокоммунисты возложат на себя правительственную ответственность. Тогда им придется со всей определенностью решить вопрос: кому, собственно, адресуется их лояльность в первую очередь — своей стране или мировому коммунистическому движению, с которым они все еще поддерживают, пусть и не без критических оговорок, достаточно тесную связь. Кстати, и перед Тито и Мао проблема отношений с Советским Союзом встала во всей остроте тоже лишь после того, как они пришли к власти. Вот почему драматического развития событий в отношениях между Кремлем и еврокоммунистами можно ожидать только после того, как последние войдут в состав правительств своих стран. По мнению Иржи Пеликана, возможное участие еврокоммунистов в правительствах стран Западной Европы могло бы оказать столь серьезное влияние на страны Восточной Европы, что советскому руководству оказалось бы уже не под силу удерживать их в своем повиновении. Тогда дело дошло бы до серьезного конфликта, избежать которого можно было бы только в одном случае — если бы эти партии вновь подчинились советскому диктату⁶⁴.

Глава 2

Вызов Западу

Для западных индустриальных государств вызов, который бросает им еврокоммунизм, заключается прежде всего в возникновении новой левой партии, которая хотя и отмежевывается достаточно недвусмысленно от коммунистов советского типа, но одновременно ясно и открыто провозглашает своей целью преобразование общества. В плане актуальной политики центральное место в дискуссиях занимает проблема возможного участия еврокоммунистов в правительствах Италии, Франции и Испании, а также вопрос о тех последствиях, которые оно будет иметь не только для внутреннего развития данных стран, но и в еще большей степени для Европейского сообщества и для западного оборонительного союза—НАТО—в целом.

Еврокоммунисты и социал-демократы

Эволюция в сторону еврокоммунизма рассматривалась и рассматривается некоторыми наблюдателями как эволюция в сторону социал-демократии⁶⁵. Восточные комментаторы говорят об опасности «социал-демократизации». Троцкистский теоретик Эрнест Мандель сравнивает пути развития еврокоммунизма с этапами, которые прошла германская социал-демократия с 1890 года до середины 20-х годов. И другие комментаторы тоже рассматривают процесс перехода некоторых компартий Запада на позиции еврокоммунизма как процесс сближения с социал-демократией. Например, итальянский премьер-министр, христианский демократ Андреотти заявил в ноябре 1977 года, что ИКП «объективно разделяет многие установки социал-демократических партий»⁶⁶.

В противоположность этому сами еврокоммунисты постоянно заявляют, что обретение ими самостоятельности и их переориентация не означают их солидаризации с социал-демократическими концепциями и уж тем более не предполагают превращения их самих в социал-демократов. По собственной оценке еврокоммунистов, решающее их отличие от социал-демократов состоит в том, что социал-демократы, стремясь к реформам в рамках существующей системы и частично даже осуществляя их, до сих пор нигде не смогли добиться изменения капиталистической системы. В июне 1976 года Берлингу-

эр указывал на то, что, несмотря на кое-какие социальные и материальные успехи, «ни один из этих социал-демократических экспериментов не привел к подлинному преодолению капитализма» и даже не обеспечил устранения «господства крупных экономических и финансовых объединений»⁶⁷. В другом случае он подчеркивал, что в социализме будущего нужно видеть источник новых человеческих ценностей. В условиях социал-демократического общества достигаются, конечно, успехи во всех областях материального благосостояния, но негативные явления, присущие капитализму как строю, например отчуждение, нигде не преодолены⁶⁸. Каррильо отмечал, что еврокоммунизм не следует смешивать с социал-демократией — по крайней мере с такой социал-демократией, с какой приходилось иметь дело до сих пор. Еврокоммунизм имеет целью преобразование капиталистического общества, а не только его управление им⁶⁹.

Однако это отчетливое размежевание с социал-демократами не означает, что еврокоммунисты оценивают социал-демократию точно так же, как и советские коммунисты. В странах Восточного блока в настоящее время проводят различие между «обладающими классовым сознанием рабочими — социал-демократами» и «реформистскими функционерами» либо между «прогрессивными» социал-демократами (подразумеваются те, кто готов сотрудничать с Советским Союзом) и «правыми» социал-демократическими вождями (заинтересованными в размежевании). Такие постулаты еврокоммунисты отклоняют. Более того, они даже признают успехи социал-демократов. Берлингуэр не считает возможным «презрительно игнорировать» тот факт, что в странах, где у власти находятся социал-демократы, достигнут известный уровень благосостояния, однако он напоминает о том, что все это не привело там к фактическому преодолению капитализма⁷⁰.

Еврокоммунисты отвергают примитивный советский тезис о том, что в истории социал-демократы якобы всегда были неправы, а коммунисты, напротив, всегда действовали правильно. Сантьяго Каррильо призывал коммунистов серьезно изучить причины, по которым социал-демократы получили возможность занять в развитых странах капитализма столь сильные позиции, поскольку теперь уже недостаточно объяснять это явление тем, что капитализм сделал социал-демократию своим орудием. Конечно, социал-демократы в течение долгих лет управляли в интересах капиталистического общества, но вместе с тем и коммунисты, по мнению Каррильо, не сумели распознать мощь и шансы капитализма и завоевать более серьезное влияние в рядах рабочего класса. Нельзя также забывать, отмечал далее Каррильо, что социал-демократия по-прежнему играет решающую роль в рабочем движении многих стран. И это, как он считал, происходит, в частности, еще

и потому, что коммунисты в течение долгого времени рисовали себе приход к власти на манер штурма Зимнего дворца, то есть ориентировались на установку, которая в настоящее время не имеет больше ничего общего с реальными условиями в Европе⁷¹.

Авторы многих еврокоммунистических публикаций соглашались с тем, что ни социал-демократы, ни коммунисты не смогли добиться осуществления своих столь различных целей, потому что первые чересчур углублялись в борьбу за реформы, а вторые слишком упорно занимались чистой пропагандой. Теоретик ФКП Жан Элленстейн указывает в этой связи на недоверие, разделявшее социал-демократов и коммунистов на протяжении всей истории их партий, и заявляет, что это недоверие носит взаимный характер и проистекает из раскола социалистических сил, происшедшего шестьдесят лет назад⁷².

Таким образом, еврокоммунисты недвусмысленно подчеркивают разницу между собой и социал-демократами, но одновременно и проявляют готовность по-деловому пересмотреть свою прежнюю точку зрения на социал-демократию. С известными оговорками такую же характеристику можно дать и позиции социал-демократов в отношении еврокоммунистов. С одной стороны, социал-демократы тоже хотели бы сохранить свой принципиальный антагонизм по отношению к коммунизму, но с другой — они готовы принять во внимание определенные перемены в недрах коммунизма, в том числе и формирование еврокоммунизма. Так, Вилли Брандт заявил, что в среде коммунистов, в первую очередь итальянских, происходят интересные процессы «дедогматизации», однако не известно, насколько глубоко они заходят. После всего, что произошло, коммунисты должны мириться с тем, что люди хотят поближе приглядеться к этим процессам. Даже если это всего лишь тактика, дело тем не менее идет к переменам. «Если все те перемены, приметы которых в настоящее время наблюдаются в первую очередь в Италии, окажутся действительно реализованными, то положение в некоторых странах в немалой степени изменится»⁷³. Готовность признать перемены, которые несет еврокоммунизм, как правило, сопровождается заявлениями о том, что следует «критически» наблюдать «за нынешним развитием» (проект программы Социалистической партии Австрии) и оставаться «скептически и критическими наблюдателями этого развития». При этом отнюдь не исключается возможность широких перемен в отдаленном будущем, скажем возможность того, что «западноевропейские коммунисты будут действительно открыты для идей свободы» (Хорст Эмке). Тогда еврокоммунистические партии перестанут быть «коммунистическими в известном нам смысле» (Рихард Лёвенталь). В случае если дело дойдет до под-

линной переориентации взглядов и представлений, могут открыться «новые перспективы для развития социальной демократии» (проект программы СПА)⁷⁴.

Осторожность в формулировках, которую проявляют обе стороны, совершенно очевидна, но в то же время есть и признаки того, что абсолютный и глубокий раскол, имевший место в прошлом, продолжает оказывать свое влияние уже не в такой мере, как прежде. Каждая из сторон стремится при оценке положения проявлять более объективный и деловой подход, хотя и социал-демократы, и еврокоммунисты по-прежнему упорствуют в своих партийных позициях. Особенно социал-демократы не могут так просто забыть о многочисленных случаях преследования их товарищей по партии в странах, которыми управляют коммунисты.

Сближение может происходить лишь постепенно, соответствующие шаги со всей очевидностью могут исходить только от еврокоммунистов при одновременном четком отмежевании социал-демократов от советского направления в мировом коммунизме.

Со стороны еврокоммунистов сделаны первые шаги, призванные содействовать преодолению прежнего раскола, относящегося к 20-м годам, путем трезвого и критического рассмотрения проблемы обеими сторонами. Так, Сантьяго Каррильо писал, что происшедший в 1921 году раскол между социал-демократами и коммунистами был в тогдашних условиях понятен и являлся исторической необходимостью. «Но он не должен быть вечным. В условиях современного мира — а он стал другой планетой — реальной исторической необходимостью следует считать преодоление раскола 1921 года». Уже возникли определенные условия, способствующие преодолению этого раскола, которое, однако, «не будет легким и быстро развивающимся процессом». В качестве первого шага Каррильо предлагал совместные действия коммунистов и социалистов в некоторых странах⁷⁵. Джан Карло Пайетта, видный член Руководства ИКП, тоже говорил в ноябре 1977 года о «перспективе единства европейских коммунистов и социалистов», которую следует «обсудить» с западноевропейскими социал-демократами⁷⁶.

Возможность участия еврокоммунистов в правительстве

Перспектива возможного участия коммунистов в правительстве породила в кругах общественности широкую и острую дискуссию, в центре внимания которой находились и находятся до сих пор вопросы возможных внутриполитических последствий такого участия в некоторых западноевропейских странах, а также вытекающая отсюда перспектива изменения отношения этих стран к Европейскому сообществу и к НАТО.

Многие опасаются, что тем самым будет нанесен ущерб западноевропейскому единству и НАТО и что, следовательно, западная часть Европы окажется в сфере советского влияния. Другие видят в этом шанс на осуществление в соответствующих странах настоятельно необходимых реформ экономической и социальной структур и на обеспечение путем вовлечения левых сил в конструктивную деятельность более прочного общественного единодушия в рамках европейского единства.

Рассматривая вопрос о возможном участии коммунистов в правительстве, следует исходить из тех различий, которые присущи трем стоящим в центре дискуссии странам — Италии, Франции и Испании.

Для Италии участие коммунистов в правительстве означало бы новый этап в послевоенной истории страны — после пятнадцати лет правления христианско-демократического и правящего христианского правительства (1947—1962) и четырнадцать лет пребывания у власти левоцентристской коалиции христианских демократов, социал-демократов, социалистов и республиканцев (1962—1976). Характерной особенностью этого третьего этапа в Италии был бы прежде всего рост политического влияния ИКП в тех провинциях и областях, где коммунисты, действуя иногда вместе с социалистами, а иногда даже и с христианскими демократами, формируют исполнительную власть. К этому нужно еще добавить сильное влияние ИКП в профсоюзах, против воли которых уже невозможно провести ни одного экономического или социально-политического мероприятия, и, наконец, тот факт, что правительство христианского демократа Андреотти с момента выборов 1976 года, когда ИКП получила 34,4 процента голосов, зависит от восторга коммунистов в парламенте.

Решающим, однако, для дальнейшего развития событий является достигнутое в июле 1977 года программное соглашение, которое положило конец тридцатилетнему антагонизму между христианскими демократами и ИКП. Это программное соглашение предполагает существенное изменение парламентской системы, потому что практически его смысл заключается в том, что представители шести партий (христианских демократов, социалистов, социал-демократов, республиканцев, либералов и коммунистов) предварительно обсуждают намечаемые решения. А это означает, что основные направления политики определяются не премьер-министром, как это предусмотрено конституцией, а высшими партийными органами. Благодаря привлечению коммунистов к этим поискам решений ИКП, как вторая по значению партия, ко всему прочему окончательно утратила ха-

рактер оппозиционной партии. Но в дальнейшем такая практика претерпит новые изменения, поскольку вполне возможно, что ИКП укрепитя еще больше, а экономическая ситуация настоятельно потребует более энергичного участия компартии и профсоюзов в деятельности правительства, прежде всего в том случае. если понадобятся определенные жертвы для оздоровления экономики. Кроме того, угрозу, которую создают для общественной безопасности и порядка терроризм и политический экстремизм, можно с успехом отразить только в том случае, если эту борьбу будут вести общими силами все политические партии. Никакой альтернативы этому не существует, поскольку вряд ли можно ожидать, что в Италии вновь удастся образовать коалиционное правительство левого центра без коммунистов. Для этого нет никаких политических предпосылок. В то же время вряд ли можно себе представить, что удастся сформировать левое правительство из коммунистов с участием социалистов, социал-демократов и республиканцев против воли христианских демократов, потому что оно не имело бы большинства в парламенте. Наконец, по-видимому, ни одна партия, и прежде всего ни христианские демократы, ни коммунисты, не заинтересована в новых выборах, поскольку выборы привнесли бы в общую обстановку новые дестабилизирующие элементы. Таким образом, в перспективе правительство с участием всех партий (за исключением неофашистов) представляется как наиболее подходящее и возможное решение. По крайней мере в расчете на непродолжительное время такое правительство наверняка имело бы значительные преимущества и содействовало бы оздоровлению экономической ситуации, а также успешному подавлению терроризма и экстремизма. Вместе с тем, однако, высказываются опасения, что это практически означало бы разделение власти между двумя крупнейшими партиями и отсутствие парламентской оппозиции, что в свою очередь в дальнейшем могло бы породить известные опасности для плюрализма итальянской системы партий и для демократических институтов⁷⁷.

В случае участия итальянских коммунистов в правительстве задача заключалась бы в первую очередь в преодолении экономического кризиса, а также кризиса в сфере управления. Поэтому коммунисты, конечно, не взяли бы немедленно курс на социалистическое переустройство общества.

Итальянские коммунисты неоднократно заявляли, что «их цель заключается не в дальнейшем расширении государственного сектора экономики», а в том, чтобы реорганизовать этот сектор, который ныне уже и так достаточно велик. С помощью экономического планирования должны

быть определены новые приоритеты в экономическом развитии. Политика в области планирования должна строиться с учетом рыночных механизмов. Все основополагающие решения в области экономического планирования должны представляться парламенту, который в результате этого приобретает широкие полномочия для определения ориентации и для контроля. Отдельные области должны разрабатывать не только собственные региональные планы, но и принимать участие в разработке планов на общенациональном уровне. Профсоюзы тоже должны принимать участие в осуществлении экономического планирования.

В политической области итальянские коммунисты выступают за усиление роли парламента как важного органа, синтезирующего демократический процесс разработки решений. Структура и стиль работы парламента, по их мнению, должны быть приспособлены к новым условиям, деятельность обеих палат надлежит координировать во избежание ненужного повторения дебатов, законодательные процедуры должны быть упрощены, а сроки прохождения законов сокращены. Государственный аппарат следует децентрализовать, и в то же время области должны быть наделены более широкими полномочиями и на них следует возложить более важные задачи. Политические партии путем обновления возвращаются к выполнению своих естественных функций; покончив с внешними влияниями и роковыми извращениями, они вновь превратятся в активную политическую силу. Для укрепления моральных основ общественной жизни следует усилить парламентские комиссии по расследованиям. Эффективный демократический контроль должен быть обеспечен прежде всего там, где решаются вопросы назначения деятелей на должности в различных общественных институтах. При этих назначениях не должна больше допускаться практика «раздела доходных мест» между правящими партиями. При назначении на посты руководствоваться нужно исключительно деловыми качествами кандидатов.

Отношения между государством и церковью должны строиться, с одной стороны, на полном признании свободы религии, автономии всех религиозных организаций и церквей, а с другой — на безусловном утверждении суверенитета и независимости итальянского государства. Государство не должно играть роль носителя какой-то партийной идеологии, оно не будет также отдавать предпочтения тому или иному культурному, философскому, научному или художественному направлению. Государство должно действовать как гарант свободного сосуществования и компромисса идей.

Вооруженные силы предполагается демократизировать,

солдаты и офицеры будут пользоваться всеми правами, которые предоставлены гражданам государства. Армия не должна отчуждаться от общества, наоборот, она должна жить в тесном общении с населением и с демократическими институтами. Следует усиливать позитивный характер воинской обязанности, причем не только в смысле обучения пользованию оружием, но и под углом зрения связываемого с ней повышения уровня образования, профессиональной подготовки и гражданского сознания военнослужащих.

Для более эффективного подавления терроризма полиция должна проходить необходимую техническую подготовку и придерживаться демократических конституционных принципов. Полицией и офицерам нужно предоставить право создавать свои профсоюзные организации. Значительные силы полиции, используемые ныне для решения административных и бюрократических задач, должны быть брошены на борьбу с терроризмом. Бюрократические задачи, которые в настоящее время возложены на полицию, следует резко сократить; их нужно передать гражданским институтам, в первую очередь областным и общинным органам. Тем самым очень скоро можно было бы в два или в три раза увеличить силы, занятые борьбой с преступностью⁷⁸.

Возможные результаты участия ИКП в правительстве и влияние такого участия на внутреннее положение Италии, вполне естественно, вызывают споры. Кое-кто опасается, что коммунисты могут прижать к стене своих союзников и установить господство одной партии. Так, например, баварский министр культов Ганс Майер заявляет, что он вовсе не собирается отрицать, будто «на Западе могут существовать еврокоммунистические течения», однако он решительно возражает против утверждений, будто они могут сделать то, что, возможно, им даже и хочется сделать. До сих пор, говорит он, «не было ни одного примера, чтобы коммунизм, придя к власти, либерализировался»⁷⁹. Известный публицист Франсуа Бонди уже сейчас усматривает опасные прецеденты в сфере средств массовой информации, где не столько коммунисты, сколько запоздалые попутчики делают попытки пресекать появление в прессе, на радио и телевидении любых материалов, которые могли бы оказаться неприемлемыми для коммунистической партийной линии⁸⁰. В противоположность этому христианский демократ премьер-министр Андреотти еще в ноябре 1977 года заявлял, что он не видит угрозы демократии: «Я считаю, что нашу конституцию поддерживает и защищает почти все наше население. Я не вижу, каким образом кто-то мог бы изменить эту принципиальную позицию. Что касается ИКП, то она сейчас представляет собой группу, которая объективно раз-

деляет многие установки социал-демократических партий»⁸¹. Участие ИКП в правительстве и долгосрочное сотрудничество между двумя крупнейшими партиями тоже рассматривается иногда как положительный момент. Один знаток итальянской ситуации недавно указывал на то, что у Италии две перспективы: либо произойдет обострение конфронтации между правыми и левыми, причем каждое крыло возглавят радикальные элементы, и это приведет к такой коллизии, что независимо от того, какая сторона одержит победу, демократия проиграет; либо будет взят курс на «все более тесное сотрудничество между демокристами и ИКП. Это содействовало бы укреплению широкого демократического центра, который был бы в состоянии держать в руках радикальные группы на той и на другой стороне». Несмотря на весь связанный с таким поворотом риск, этот последний курс, по мнению цитируемого эксперта, «значительно более предпочтителен»⁸².

Однако участие ИКП в правительстве не только означало бы изменение политического ландшафта в Италии, но и создало бы определенные проблемы для самих итальянских коммунистов. Дело в том, что итальянские коммунисты оказались бы лицом к лицу с дилеммой: им пришлось бы, с одной стороны, осуществлять свои великие цели переустройства общества путем структурных реформ, а с другой — разрешать актуальные практические проблемы и нести свою долю ответственности за нелегкие и непопулярные мероприятия, направленные на то, чтобы вывести Италию из ее нынешнего кризиса.

Это может вызвать известное разочарование у некоторых приверженцев компартии, особенно если необходимые мероприятия окажутся хлопотливыми и трудно осуществимыми. ИКП, как полагает Франка Маньяни, должна с одной стороны, учитывать настроения членов партии, многие из которых «боятся социал-демократизации партии, а с другой — вынуждена постоянно доказывать свою способность управлять»⁸³.

Совершенно иной представляется ситуация в случае возможного вхождения коммунистов в правительство во Франции. Такая возможность вообще могла бы возникнуть лишь в случае победы союза левых сил на парламентских выборах 1978 года. Вплоть до лета 1977 года перспективы были чрезвычайно благоприятны, и ФКП впервые за более чем тридцатилетний период вновь обрела реальную возможность участия в правительстве. Результаты кантональных выборов, состоявшихся в марте 1976 года, и муниципальных выборов, проводившихся в марте 1977 года, позволяли на-

деться на то, что союз левых сил получит примерно 53 процента голосов. Однако в результате обострения разногласий между коммунистами и социалистами, происшедшего осенью 1977 года и получившего широкую огласку, эти расчеты стали неуместными, а шансы на смену власти значительно уменьшились. Внезапно начатая французскими коммунистами кампания против социалистов значительно ухудшила позиции ФКП. Опросы общественного мнения показали, что социалисты получили бы 30 процентов голосов или даже больше, в то время как ФКП застыла на 20—22 процентах. При этом, правда, не следует забывать, что в организационном отношении ФКП со своими почти 550 тысячами членов значительно превосходит социалистов по численности.

В случае, если бы союз левых сил вообще одержал победу на выборах 1978 года, перевес голосов был бы очень небольшой. После этого Франция раскололась бы в политическом и социальном отношениях на две половины и началась бы резкая поляризация сил между избранными носителями власти в стране и кругами, которые представляют экономику, армию и администрацию и которые наверняка выступили бы против нового правительства. Следовательно, союз левых сил должен был бы ожидать предельно упорного сопротивления консервативных сил, тем более что национализация значительной части экономики занимала до сих пор центральное место в его совместной программе. Возникли бы в случае победы союза и другие трудности. Прежде всего это была бы проблема сильной президентской власти. Французский президент осуществляет по отношению к правительству далеко идущий контроль и выполняет ограничительные функции, так что он не позволил бы союзу левых сил действовать совершенно свободно. Далее, не следует забывать, что французские социалисты, опираясь на результаты выборов, займут недвусмысленно преобладающее положение по сравнению с коммунистами, так что французские коммунисты смогли бы действовать только как младшие партнеры и пользоваться влиянием в лучшем случае в сферах экономики или социальной политики, в то время как социалисты почти наверняка взяли бы в свои руки управление министерствами внутренних дел, внешних сношений и обороны. Кроме того, даже и после победы на выборах в союзе левых сил по-прежнему существовали бы межпартийные трения и даже расхождения во мнениях внутри каждой отдельной партии. Постоянные попытки ФКП взять на себя профилирующую роль внутри союза левых сил еще сильнее обострили бы эти расхождения и, возможно, заставили бы социалистов еще заметнее склониться на сторону центра. Уже в конце 1977 года Марше критиковал

социалистов за то, что они «выступают за политику регулирования кризиса крупного капитала» и «повернули вправо»⁸⁴.

Опять-таки иная ситуация в Испании. Там компартия насчитывала, по состоянию на ноябрь 1977 года, 215 тысяч членов, однако во время выборов в июне смогла собрать всего 9,4 процента голосов. В парламенте у коммунистов 20 депутатов — по сравнению со 118 депутатами у социалистов. Точно так же как и в Италии, подключение Компартии Испании к политической ответственности может происходить лишь постепенно, тем более что со своими неполными 10 процентами голосов КПИ неспособна оказывать решающее влияние на ход событий.

В конце октября 1977 года был заключен так называемый пакт Монклоа, предусматривавший соглашение между правительством и политическими партиями Испании об осуществлении экономической программы с целью смягчить безработицу и затем, на следующем этапе, создать предпосылки для оживления конъюнктуры, роста инвестиций и значительного увеличения числа рабочих мест. Этот пакт Монклоа был подписан всего при одном голосе против него, однако и предприниматели, с одной стороны, и представители крайних левых кругов — с другой, одинаково критиковали его. Предприниматели заявляли, что они не смогут выполнить условия, которые записаны в этом заключенном между партиями пакте, и указывали на «тревожные сигналы» и «пессимизм», поскольку пакт Монклоа заведомо ограничивает всякую инициативу предпринимателей⁸⁵. Левые радикалы говорят о том, что пакт Монклоа представляет собой «попытку буржуазии переложить на плечи рабочих тяготы капиталистического кризиса»⁸⁶.

Компартия Испании активно содействовала заключению этого пакта Монклоа, и она поддерживает его до сих пор, указывая, что в настоящее время это единственный путь к укреплению демократии перед лицом опасности реакционного государственного переворота. Считая, что демократия в Испании еще слишком слаба и опасность политического поворота вспять слишком велика, КПИ придерживается точки зрения, что сейчас нужно прежде всего обеспечить консолидацию демократии, а единственным решением этой проблемы может быть только создание правительства национальной концентрации, то есть такого правительства, в котором будут участвовать все демократические партии. В этом смысле пакт Монклоа представляет собой первую ступень на пути к «историческому компромиссу» в испанском духе, открывая перед испанскими коммунистами во главе с

Сантьяго Каррильо возможность сказать и свое слово. Интересно здесь то, что испанские коммунисты до сих пор во многих вопросах предлагают более умеренную политику, нежели социалисты. Поэтому Каррильо, характеризуя пакт Монклоа, говорил о готовности коммунистов к конструктивному сотрудничеству ради того, чтобы «помочь вытащить телегу из грязи». Социалисты (ИСРП) были сдержаннее: они заявили, что речь идет здесь не о долгосрочном и обязывающем соглашении, а лишь об основе для договоренности, а это не исключает в будущем возникновения разногласий.

В ноябре 1977 года испанские коммунисты сделали еще один шаг на пути к будущему участию в правительстве. Они приняли участие в работе конституционной комиссии, которая состояла из семи человек и задача которой заключалась в выработке новой конституции. В комиссии правящая партия (Союз демократического центра) была представлена тремя деятелями, другие партии послали в нее по одному представителю. В Каталонии, где компартия получила свыше 20 процентов голосов, то есть вдвое больше, чем в остальных районах Испании, коммунисты имеют двух представителей в составе автономного временного правительства, что, возможно, скоро приобретет характер модели для будущего правительства всей Испании, которое будет создано при чрезвычайных обстоятельствах и в котором будут участвовать все партии.

Еврокоммунисты и Европейское сообщество, НАТО и проблематика американских военных баз

В связи с возможным участием еврокоммунистов в правительствах своих стран решающее значение приобретает их позиция в вопросе о Европейском сообществе и НАТО. Итальянские коммунисты первыми изменили свое отношение к Европейскому сообществу. Уже в 1962 году, вопреки враждебности Советов к Европейскому сообществу, они выступили за реалистический анализ процесса интеграции. В результате начиная с середины 60-х годов итальянские коммунисты недвусмысленно демонстрировали свою готовность сотрудничать в рамках Европейского сообщества, хотя и связывали эту готовность с требованиями о реформе структуры сообщества, демократизации его органов, расширении полномочий Европейского парламента и об усилении роли демократических политических сил и профсоюзов в рамках институтов Европейского сообщества. Итальянские коммунисты не считают нынешние европейские институты в Брюсселе демократическими, поскольку решения там принимаются «на верхних этажах». Поэтому они выступают также

за прямые выборы в Европейский парламент. Джорджо Амендола заявил в Европейском парламенте в 1976 году, что данный европейский орган должен иметь больше прав и что итальянские коммунисты считают «прямые выборы первым шагом на этом пути»⁸⁷. Итальянские коммунисты стремятся к такой Европе, которая будет способна, с одной стороны, развивать равноправные отношения как с США, так и с Советским Союзом, а с другой стороны, налаживать новые связи со странами Третьего мира. В перспективе они хотят преодолеть разделение Европейского континента на экономические и военные блоки. Теоретик партии Ломбардо-Радиче заявил, что эта цель включает в себя стремление «сделать Европу более независимой от блоков, а также преодолеть биполярность ведущих государств — США и СССР. Эта концепция наталкивается, конечно, на решительное сопротивление как на Западе, так и на Востоке»⁸⁸. Путем широкого сотрудничества всех коммунистических, социалистических и социал-демократических сил, а также сил, придерживающихся христианской ориентации, еврокоммунисты намерены обеспечить в Италии «авторитет дифференцированного рабочего и народного движения и придать ему действенность»⁸⁹.

После определенных первоначальных колебаний к этой концепции присоединились и коммунисты Испании Сантьяго Каррильо говорит о «Европе, независимой как от СССР, так и от США», о Европе, идущей к социализму, о Европе, в рамках которой Испания может сохранить свое лицо⁹⁰.

Значительно сдержаннее относится к Европейскому сообществу Французская компартия. Она выступает за собственную экономическую и социальную политику в рамках сообщества, считая, что главными задачами должны быть освобождение сообщества от господства крупного капитала, демократизация его институтов и оказание поддержки требованиям трудящихся. Более конкретно, нежели другие партии, ФКП требовала подобного представительства рабочего класса в Экономическом и социальном комитете. Этот комитет, по мнению ФКП, должен наполовину состоять из представителей профсоюзов, тогда как вторую его половину должны составить представители других социальных групп и деятели, назначаемые правительством. ФКП требовала также создания гарантийного сельскохозяйственного фонда, руководящий орган которого должен комплектоваться на паритетных началах из представителей сельскохозяйственных кругов и представителей соответствующих административных органов. Наконец, по мнению французских коммунистов, членство в Европейском сообществе не должно служить препятствием для экономического и политического сотрудничества с другими странами.

Гастон Торн, президент Федерации либеральных партий Европы, заявил, что рассматривает результаты участия еврокоммунистов в правительствах «с беспокойством» за судьбы Европейского сообщества. По его мнению, участие коммунистов в правительствах может внести кардинальные изменения в европейскую политику⁹¹. Однако о крутых мерах, например об исключении в таком случае Италии или Франции из сообщества, речи пока еще нет. Так, английский министр иностранных дел Дэвид Оуэн отметил, что участие коммунистов в правительстве одного из государств — членов сообщества создало бы проблемы лишь в том случае, «если бы они заняли главенствующее положение в стране» и тем самым возникли бы опасения относительно «дальнейшего функционирования там демократии». При всем том, однако, Оуэн подчеркнул, что считает слабым местом Римских договоров то, что они не предусматривают процедуры исключения членов⁹².

Аналогичные различия в позициях Французской компартии, с одной стороны, и Итальянской компартии и частично Компартии Испании — с другой, можно наблюдать также в их отношении к НАТО. Каждая партия выступает здесь сама за себя и акцентирует различные аспекты проблемы. Для итальянских коммунистов решающим является продолжение политики разрядки и сохранение военно-стратегического равновесия между США и СССР, в связи с чем они намерены даже и после того, как войдут в правительство, выступать против одностороннего выхода своей страны из НАТО. Они заявляют также, что будут терпимо относиться к военным базам США в Италии.

ФКП и в вопросе о НАТО особенно решительно подчеркивает необходимость сохранения национального суверенитета страны. Она отклоняет идею новой интеграции французских вооруженных сил в рамках НАТО. Французские коммунисты заявляют, что Франция не будет, конечно, игнорировать свои союзнические обязательства и после того, как компартия войдет в правительство, однако она всегда будет проводить политику независимости от военных блоков.

Поскольку Испания не входит в НАТО, а США тем не менее имеют в Испании свои военные базы, позиция Компартии Испании выглядит несколько иначе. Испанские коммунисты считают, что НАТО превратилась в орудие политического, экономического и военного контроля американцев в Европе и что Испания должна оставаться за рамками НАТО⁹³. В отношении американских военных баз позиция Компартии Испании отличается большей гибкостью. Хотя в принципе Каррильо придерживается мнения, что военные базы как на Западе, так и на Востоке должны быть ликви-

дированы путем международных переговоров, однако в нынешней ситуации испанские коммунисты не возражали бы против присутствия военных баз США в Испании, если их не будут использовать в целях вмешательства в испанские дела⁹⁴. В одном из более поздних заявлений Каррильо сказано, что коммунисты вернутся вновь к вопросу об американских базах в Испании лишь после того, как «советские войска уйдут из Чехословакии»⁹⁵.

Если судить по опубликованным донные материалам, последствия участия коммунистов в правительствах западноевропейских стран будут для НАТО значительно более серьезными, нежели для Европейского сообщества. Хелмут Сонненфелдт, ближайший сотрудник Киссинджера во времена правления Форда, высказал мнение, что участие коммунистов в европейских правительствах «наверняка оказало бы свое влияние на американские обязательства в области обороны Европы». В США, пояснял он свою мысль, задумались бы над тем, разумно ли размещать американские войска в Европе, «чтобы оборонять правительства, частично коммунистические». К тому же развитие событий в Италии в прокоммунистическом духе могло бы вызвать резкий рывок вправо в Федеративной республике⁹⁶. Председатель ХДС Гельмут Коль высказал точку зрения, что приход к власти коммунистов «вверг бы атлантический союз в состояние кризиса»⁹⁷. И даже Вилли Брандт заявил, что при всех интересных поворотах в развитии еврокоммунистических партий «проблема их лояльности в вопросах обороны своих входящих в НАТО стран еще неясна». По его мнению, нужно задаться вопросом, достаточно ли далеко зашел процесс развития этих партий в новом направлении, «чтобы можно было сказать, что западный союз и с ними будет в надежных руках». Брандт добавил, что в настоящий момент в этом приходится еще сомневаться, потому что еврокоммунизм — это процесс, для которого, даже если он будет идти все в том же направлении, требуется время⁹⁸. В том же ключе выдержаны и другие суждения специалистов. Например, в одном случае высказывается мнение, что в результате вхождения итальянских коммунистов в правительство проблемы НАТО не станут более легкими, «особенно в том, что касается отношения Европы к Соединенным Штатам»⁹⁹. В другом случае заявляется, что, хотя Итальянская компартия и мирится с военными базами, все же она, по всей вероятности, будет настаивать на определении статуса 4-го американского флота, который, не будучи интегрирован в НАТО, имеет в Италии несколько баз¹⁰⁰.

Внутри самого союза, конечно, уже размышляют о том, как следовало бы реагировать на участие еврокоммунистов

в правительстве какой-либо из стран — участник НАТО. Многие свидетельствуют о том, что НАТО не станет отвечать на это исключением или соответствующей угрозой, а в основном ограничится изменением соотношения компетенций. Так, например, уже шла речь о том, чтобы в случае включения коммунистов в состав правительства Италии выдвинуть условия, на которых эта страна сможет оставаться членом организации, например сохранение нынешних оборонных контингентов, выделение определенной процентной доли валового социального продукта на цели обороны Европы, отказ от всякого ограничения правил пользования существующими базами, а также недопущение коммунистов на важные командные должности. Однако это могло бы привести к тому, что НАТО распадется на различные «классы». Применительно к Италии, например, это означало бы, что она не сможет более сотрудничать в таких органах, как, скажем, группа ядерного планирования. Соответственно и вклад Франции в оборону в случае участия коммунистов в правительстве стал бы зачисляться в более низкий разряд, нежели до сих пор, а это наверняка было бы не очень выгодно для всей организации ¹⁰¹.

Глава 3

Еврокоммунизм: тактика или переориентация?

Пролить свет на возможные последствия для Европейского сообщества и НАТО участия еврокоммунистов в правительствах своих стран можно только при условии, что в центр дискуссии будет поставлена принципиальная оценка еврокоммунизма, вопрос о том, является ли еврокоммунизм лишь тактическим маневром или здесь речь идет уже о настоящем повороте и переориентации.

Еврокоммунизм не однажды расценивался (и расценивается) как «тактический маневр». Кое-кто считает, что хотя еврокоммунисты и обещают апеллировать к демократическим институтам и принципам и подчеркивают свою независимость, однако в действительности они преследуют свои старые цели и по-прежнему Москва руководит их деятельностью и направляет ее. Высказывается опасение, что, войдя в правительство, они покажут свое подлинное лицо: подобно тому как это произошло в Восточной Европе после второй мировой войны, установят свою собственную диктатуру и рассчитаются с союзниками, которых сейчас так обхаживают. Поэтому сторонники этого тезиса считают, что участие коммунистов в западноевропейских правительствах представляет величайшую опасность для Европейского сообщества и НАТО. Ход их рассуждений таков: коммунисты остаются коммунистами; сейчас они, правда, выступают с обещаниями, но история доказала, что доверять им невозможно и не следует. В прошлом они тоже неоднократно рядились в демократическую тогу, но, как только создавали собственный аппарат власти, сразу же обнажалось их подлинное лицо. Невзирая на все заявления относительно автономии и даже независимости, они по-прежнему остаются составной частью мирового коммунизма, центр которого находится в Москве.

Этот тезис отстаивается отнюдь не одними только консерваторами. В нем находят отражение опасения также и сторонников различных демократических партий в различных западных государствах, а потому от него нельзя так просто отмахнуться. Тезис этот отражает данные опыта, который простирается от массовых арестов и показательных процессов в Советском Союзе через пакт между Гитле-

ром и Сталиным и диктаторскую унификацию стран Восточной Европы, подавление народного восстания в ГДР в июне 1953 года и венгерской революции 1956 года до сооружения Берлинской стены, а в дальнейшем до оккупации Чехословакии, расстрелов на германо-германской границе и до нынешних репрессивных мероприятий в ГДР и во всех прочих странах Восточного блока.

Сложившийся под влиянием всех этих событий и фактов облик коммунизма относят не только к странам Востока, которыми управляют коммунисты, — его распространяют на всех коммунистов вообще, тем более что коммунисты западных стран в течение долгих лет не стеснялись (а некоторые не стесняются даже и сейчас) защищать, приукрашивать и превозносить все, что происходило в ГДР, в Восточной Европе и в Советском Союзе.

Это порожденное горьким историческим опытом многих десятилетий недоверие и боязнь вновь стать жертвами тактического маневра обусловили широко распространенный и доныне скепсис по отношению к еврокоммунизму. Многие из выводов, которые здесь делаются, можно понять, но мне кажется сомнительным стремление трактовать все события в сфере коммунизма только как тактические маневры и сваливать на коммунистов всех стран и времен ответственность за события в Восточной Европе и в Советском Союзе.

История и современное состояние коммунизма — это явления, значительно более многосторонние, нежели упомянутые трагические события. Развитие коммунизма состоит не только из тактических маневров, в ходе его происходили и важные, по-настоящему глубокие перемены. Во все периоды истории мирового коммунизма в рядах этого движения были не только диктаторствующие сталинисты, но и размышляющие, ищущие, критически мыслящие коммунисты, которые честно боролись за социальную справедливость и за освобождение человека. Со страхом и беспокойством они замечали, что развитие Советского Союза не соответствовало первоначальным социалистическим принципам, и всегда лелеяли надежду на то, что в других странах когда-нибудь все будет делаться иначе и лучше.

Даже в сталинскую эру существовали не только диктаторствующие аппаратчики, но и критически мыслящие коммунисты с их собственными надеждами и убеждениями. Во многих отношениях их следует рассматривать как предшественников нынешнего еврокоммунизма. Правда, в течение продолжительного периода не они определяли и формировали судьбы мирового коммунизма, а гигантский деспотический аппарат, действовавший под московским руководством.

Но эта картина коммунизма во многих отношениях сей-

час уже стала достоянием прошлого. Вот уже почти три десятилетия, с момента разрыва Югославии с Москвой летом 1948 года, в недрах мирового коммунизма происходит заметный процесс дифференциации. Отдельные ступени этого процесса описаны в данной книге. Нам остается только констатировать, что этот процесс дифференциации характеризуется не только продолжающимся уже два десятилетия конфликтом между Москвой и Пекином — то, что Китай идет своим путем, теперь признают, пожалуй, все, — но и эмансипацией некоторых западноевропейских и некоторых внеевропейских компартий от советского руководства.

Эта эмансипация привела не только к автономии и самостоятельности перед лицом советского господства, не только к дальнейшему отмежеванию от событий в странах Восточного блока, но и к отказу от доктрин, практики и стратегии советского направления, что в конечном счете привело на исходе 60-х годов к тому, что изменилось и представление о целях движения, которые теперь направлены на достижение свободы и демократии. Новое течение, поначалу известное как «автономизм» и «реформистский коммунизм», отчетливо заявило о себе перед всем миром на восточноберлинской конференции европейских коммунистических партий в июне 1976 года. Самостоятельность, влияние и значение нового направления отныне уже нельзя было игнорировать. Под названием еврокоммунизма (само понятие было впервые употреблено осенью 1975 года) это движение оказалось теперь в центре общественной дискуссии.

Таким образом, то, что предстает перед нами сейчас под названием еврокоммунизма, есть результат почти тридцатилетнего процесса изменений в недрах мирового коммунизма. Поэтому, как я полагаю, о еврокоммунизме нельзя судить ни по аналогиям из сталинского прошлого, ни с точки зрения актуальной политики, а нужно воспринимать и оценивать его как политическое течение, сформировавшееся в ходе длительного процесса перемен и эмансипации.

В формировании этого нового, еврокоммунистического течения сыграли свою роль различные факторы. Прежде всего нужно упомянуть об опыте того периода монолитного мирового коммунизма, когда коммунистические партии, прикованные к Москве, должны были безоговорочно поддерживать любые повороты в советской внешней политике — даже и тогда, когда это оказывало опустошительное воздействие на эффективность их усилий внутри собственной страны, — и защищать все, что происходило в Советском Союзе, — даже и в тех случаях, когда эта защита противоречила здравому человеческому рассудку и вызывала глубокие внутренние сомнения. Отказ от подчинения советскому господству в мировом коммунистическом движе-

нии, завоевание автономии и самостоятельности — таковы были главные логические выводы.

Еще одним фактором, содействовавшим эмансипации, было объективно стимулировавшееся реальным ходом развития более глубокое проникновение в суть вещей. Постепенно, не без внутренних противоречий и трудностей в среде коммунистов укреплялось понимание того факта, что провозглашенные советским коммунизмом догмы, схемы и стратегические приемы нельзя переносить на давно уже изменившиеся условия и проблемы современного индустриального общества парламентско-демократического типа и что насущной задачей становится разработка новых политических концепций, соответствующих нынешним условиям, проблемам и задачам. А это было невозможно осуществить без критического отмежевания от явлений, характерных для Восточного блока.

Каждый шаг на пути переориентации логически делал необходимым дальнейший шаг: провозглашение решимости идти к социализму собственным путем, соответствующим историческим традициям, экономическим, политическим и культурным условиям той или иной страны, послужило стимулом для выработки новых концепций демократических преобразований, опирающихся на волю большинства населения, на конституцию и на парламентские институты. А это в свою очередь сделало необходимой совершенно новую политику союзов, которую невозможно было всерьез и надолго взять на вооружение, не отказавшись от претензий на ведущую роль собственной партии. Но тем самым была заложена решающая основа для отказа от претензии на тотальность, для новой интерпретации Марксовых идей, в том числе и для пересмотра отношения к религии, и для создания более открытых партийных структур. Эта переориентация в свою очередь вызвала новую интерпретацию конечной цели социалистического общества, которое по всем законам логики не может быть «реальным социализмом», существующим в странах Восточного блока, а должно соответствовать концепции плюралистической демократической многопартийной системы со всеми присущими ей правами и свободами.

Разумеется, в этом процессе преобразования играли свою роль также и соображения тактики. Ведь опыт весьма наглядно показал, что коммунисты лишь тогда могут рассчитывать на успех, когда с достаточной убедительностью выступают в качестве самостоятельной силы, строят свою политику с учетом реальностей своей страны и пытаются осуществлять свои цели с помощью открытого диалога, политики широких союзов с другими политическими силами и группировками. В то же время они тем больше опускаются до положения незначительных сект, чем прочнее приковывают себя к советскому руководству, чем беспощаднее и бескомпромисснее подавляют

и осуждают всех других борцов, в том числе и левых, а в конечном счете даже и членов собственных партий. Начатая еврокоммунистами разных стран в разное время борьба за самостоятельность и переориентацию приносила все новые успехи. Итальянская компартия, действуя последовательно, удвоила число собранных ею голосов на выборах — с 18,9 процента в 1946 году до 34,4 процента в июне 1976 года. И даже Компартия Японии в течение нескольких последних лет (начиная с 1970 года) увеличила число поданных за нее голосов с 2,5 процента до 10 с лишним процентов. Такие результаты, естественно, ускорили процесс переориентации. Соображения успеха играли — и продолжают играть — важную роль. Все еврокоммунисты ясно понимают сейчас, что одни только их новые концепции могут служить залогом дальнейших успехов, в то время как любой отход от этих концепций, любой подрыв идеи автономии и переориентации обернутся серьезными неудачами.

Конечно же, наличие этого тактического аспекта невозможно отрицать. Но мы допустили бы неверную оценку или по крайней мере грубое упрощение, если бы рассматривали весь процесс эмансипации исключительно как тактический маневр. Даже если тактические аспекты — особенно на первых порах — и играли свою роль, то ход развития в течение одного-двух десятилетий тем временем давно уже приобрел собственный вес, собственную динамику, которую нужно квалифицировать как серьезный процесс изменений.

Эмансипация еврокоммунистов уже сейчас привела к тому, что они в значительной степени качественно отличаются от коммунистов советского типа. Но процесс изменений, каким бы серьезным он ни был, отнюдь нельзя считать уже завершенным. Еврокоммунисты находятся в переходной стадии: усвоив многие новые важные истины, они вместе с тем еще не полностью преодолели балласт прошлого. Именно этим объясняются некоторые — частично противоречивые — аспекты нынешнего еврокоммунизма.

Осуждение многочисленных репрессивных мер и зачастую весьма проницательная критика бюрократических явлений, встречающихся в странах Восточного блока, — это, конечно, отрадный и ободряющий факт, но нет у еврокоммунистов еще подлинно критического общего анализа. Одобрение демократического пути к социализму и структурных реформ, отказ от тотальной национализации экономики, ориентация на демократическое общее планирование, децентрализацию и на плюрализм — все это, конечно, следует расценивать как новые идеи в сфере мирового коммунизма, но есть еще и недостаточные ясные аспекты, в том числе, например, вопрос о том, какие методы и мероприятия планируются и намечаются на случай возникновения трудностей или противоречий в ходе этого

процесса. Концепция «исторического компромисса» без претензий на «ведущую роль», подчеркивание необходимости диалога и конвергенции с различными силами представляют собой, конечно, значительное отклонение от прежних тактических схем коммунизма советского типа, однако остается неясным, как должен происходить этот процесс в том случае, если желаемый «исторический компромисс» не будет достигнут. И, наконец, как будет обстоит дело с парламентской демократией, если в результате долгосрочного «исторического компромисса» все или почти все партии будут участвовать в правительстве и тем самым парламентская оппозиция просто вряд ли сможет существовать. Одобрение идеи плюралистической демократической многопартийной системы при социализме, связанной с существованием оппозиционных партий и уважением воли большинства избирателей, — это, конечно, самый решительный отход от целей, выдвигаемых коммунизмом советского типа. В то же время открытым остается вопрос об отношениях между обобществленным сектором экономики и предполагаемым плюрализмом в политической сфере.

Эти и некоторые иные неясности свидетельствуют о том, что процесс эмансипации, бесспорно зашедший уже достаточно далеко, еще отнюдь не завершен. Еврокоммунисты, несомненно, стоят еще перед многими новыми проблемами. Сам Берлингвэр неоднократно указывал на то, что речь идет о новых путях, «которые частично еще не изучены» и «которые мы не боимся называть неизученными».

Но имеются не только неизученные пути, но и различные тенденции и течения внутри еврокоммунистических партий. Не все их члены уже сейчас полностью освободились от балласта сталинского прошлого. Процесс прозрения и обретения самостоятельности в среде еврокоммунистов еще отнюдь не завершен. К тому же нельзя снимать со счетов противодействие сознательных, активных сил их противников, которые не очень многочисленны, но тем не менее не должны недооцениваться. В большинстве еврокоммунистических партий, и прежде всего в крупных партиях, они вряд ли имеют возможность повернуть колесо вспять, однако определенные силы Востока вполне могут оживить их активность — особенно если процесс осуществления структурных реформ и перехода на демократический путь повлечет за собой определенные трудности, неудачи или разочарование части членской массы.

Несмотря на то что процесс эмансипации еврокоммунистов, несомненно, еще не закончился, мне кажется, что уже сейчас можно констатировать: еврокоммунисты — это качественно иные коммунисты по сравнению с коммунистами советского типа. Поэтому, когда речь идет о таких актуальных проблемах, как возможность участия еврокоммунистов в правительствах и вытекающие отсюда последствия для Европей-

ского сообщества и НАТО, не нужно исходить из предположения, будто в данном случае мы имеем дело с коммунистами советского направления. К тому же, как мы уже неоднократно подчеркивали в этой книге, еврокоммунизм — возможно, даже в еще большей мере — является также вызовом и диктаторско-бюрократическим системам Востока. Его влияние на реформаторские силы на Востоке нельзя не заметить. И это, как мне кажется, должно учитываться при оценке внешнеполитического аспекта проблематики еврокоммунизма, тем более что и в восточноевропейских странах имеются еврокоммунистические течения, которые при стечении определенных политических обстоятельств — вспомним хотя бы о «пражской весне» — вполне могут выступить в качестве эффективной политической силы, пользующейся влиянием или даже определяющей ход событий.

Многое, как представляется, свидетельствует о том, что под углом зрения более отдаленной перспективы еврокоммунизм нужно считать не чем иным, как зарождением новой для европейской политической жизни левой партии, отличающейся как от коммунистической партии советского типа, так и от социал-демократической партии. Своей целью эта левая партия ясно и недвусмысленно провозглашает переустройство общества, и в то же время в практической политике она порой проявляет такую эластичность и такую готовность к уступкам и соглашениям с другими силами, какие до сих пор допускались левыми лишь изредка.

Конечно, ров, разделяющий еврокоммунистов и желательных для них партнеров по союзу, прежде всего социалистов и социал-демократов, в некоторых странах еще очень глубок. Ведь с момента раскола левых в начале 20-х годов прошло все-таки почти шестьдесят лет, в течение которых развитие всех этих течений шло различными путями, и характер накопленного ими опыта тоже был различным. Многие социал-демократы старшего поколения, например, еще помнят исполненные ненависти кампании коммунистов против «социал фашизма», не забыты также жестокие репрессии против социал-демократов в Восточной Европе, аресты многих тысяч социал-демократов, проведенных в тюрьмах зачастую многие годы.

Нельзя, однако, отрицать тот факт, что еврокоммунисты отмежевываются от этих трагических и вызывающих отвращение событий сталинской эры и даже открыто осуждают их. И это могло бы открыть новые перспективы, тем более что конфликты, приведшие в свое время, в начале 20-х годов, к расколу, теперь уже давно забыты. Еврокоммунисты сами давно выбросили за борт тогдашние постулаты, например идеи насильственного свержения капитализма, диктатуры пролетариата и безоговорочной защиты Советского Союза, и

провозгласили свою приверженность идеям демократии и демократических свобод. Разумеется, социал-демократы с полным правом могут ныне сказать, что они всегда считали демократию и свободу обязательными постулатами, но, с другой стороны, и в кругах самой социал-демократии начинают задаваться вопросом о том, не нуждается ли старая цель государства всеобщего благоденствия в переосмыслении и обновлении перед лицом всевозрастающей угрозы бюрократизации и формирования тоталитарного административного государственного аппарата. Возможные новые сочетания сил в лагере левых, учитывая обстановку постоянных разногласий, вряд ли создадут здесь подобие дороги с односторонним движением. Наоборот, они будут заставлять всех причастных задумываться над новыми проблемами и перспективами. Место прежних, давно уже утративших всякую актуальность проблем 20-х годов займут новые аспекты, например вопрос об отношении к государству и к свободе индивида.

Пусть это сейчас еще звучит как музыка будущего, но очень может статься, что процесс еврокоммунистической эволюции станет оказывать свое влияние также на другие силы. И тогда новые перспективы и новые представления о целях вышли бы в своем значении далеко за рамки проблематики одних лишь левых сил, став основополагающим фактором для всех группировок, партий и организаций, действующих на европейской политической арене.

Перед лицом такой перспективы, как мне кажется, едва ли удастся отмахнуться от еврокоммунизма, объявив его всего-навсего обманным маневром. Придется признать его как значительный, хотя еще и находящийся в стадии развития процесс эмансипации. В целом из положений, развитых в этой книге, можно сделать вывод: процессы, происходящие в недрах еврокоммунизма, заслуживают серьезного внимания, мы должны тщательно изучать и анализировать их, устанавливая их масштабы и границы, чтобы суметь распознать и оценить как новый фактор находящуюся сейчас в стадии становления новую политическую левую партию в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Современное состояние еврокоммунизма

- ¹ Цит. по: «Дойчланд-архив», Кёльн, 1977, № 4.
- ² «Нин», Белград, 26 декабря 1976 года (статья «Что такое еврокоммунизм»).
- ³ A. Dalma. Der Italo-Kommunismus. In: «Eurokommunismus», Zürich, 1977, S. 7.
- ⁴ «Модерне вельт», Дюссельдорф — Вена, 1970, № 2.
- ⁵ См. речь Э. Берлингуэра на Берлинской конференции коммунистических партий 30 июня 1976 года.
- ⁶ S. Carrillo. Eurokommunismus und Staat. Hamburg—West-Berlin, 1977, S. 8—10, 42, 111—113.
- ⁷ «Унита», Рим, 31 декабря 1976 года.
- ⁸ «Франкфуртер рундшау», 6 июня 1977 года.
- ⁹ Цит. по: «Социалистиче теори унд праксис» (немецкое издание), Белград, 1977, № 5, с. 54—87.
- ¹⁰ Цит. по: «Винер тагебух», 1977, № 5 (статья З. Хейзлара «Левые социалисты в Скандинавии»).
- ¹¹ Цит. по: «Ди вельт», Гамбург, 31 октября 1977 года.
- ¹² «Нью-Йорк таймс», 7 апреля 1976 года.
- ¹³ «Нью-Йорк таймс», 14 апреля 1976 года.
- ¹⁴ Цит. по: «Вельтбильд», 3 января 1977 года.
- ¹⁵ Цит. по: «Форвертс», Бад-Годесберг, № 20, 19 мая 1977 года.
- ¹⁶ Цит. по: «Ди вельт», 12 мая 1977 года.
- ¹⁷ «Ди вельт», 28 октября 1977 года.
- ¹⁸ Цит. по: «Ди вельт», 16 декабря 1976 года.
- ¹⁹ Цит. по: «Ди вельт», 3 мая 1977 года.
- ²⁰ Цит. по: «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 18 сентября 1976 года.
- ²¹ Цит. по: «Ди вельт», 25 мая 1977 года.
- ²² «Интернэшнл геральд трибюн», Париж, 5 ноября 1976 года.
- ²³ «Нью-Йорк таймс», 19 апреля 1977 года.
- ²⁴ Цит. по: «Ди вельт», 3 мая 1977 года.
- ²⁵ «Франкфуртер рундшау», 21 сентября 1977 года.
- ²⁶ Цит. по: «Тагесанцайгер», Цюрих, № 46, 19 ноября 1977 года.
- ²⁷ Цит. по: «Штерн», Гамбург, 11 августа 1977 года.
- ²⁸ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 24 февраля 1976 года.
- ²⁹ Речь на федеральном съезде СПА в Вене 12 мая 1976 года.
- ³⁰ «Дер шпигель», Гамбург, 1977, № 11.
- ³¹ Цит. по: «Винер тагебух», 1977, № 11, с. 4—6.
- ³² Цит. по: «Форвертс», № 20, 19 мая 1977 года.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Цит. по: H. Ehmke. Der demokratische Sozialismus als geistige und politische Kraft, Bonn—Bad Godesberg, 1976.
- ³⁵ «Дер шпигель», 1977, № 18.

II. Возникновение и развитие еврокоммунизма

- ¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 51.
- ² «Программа и устав Коммунистического Интернационала», М., 1936, с. 149.

- ³ Цит. по: V. Dedijer. Tito. Berlin, 1953, S. 111.
- ⁴ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», М., 1933, с. 977.
- ⁵ «Известия», Москва, 1 ноября 1939 года.
- ⁶ «Правда», Москва, 22 мая 1943 года.
- ⁷ «Айнхайт», Берлин, 1946, № 1.
- ⁸ Там же.
- ⁹ «Kommunisten und Staatsmänner», Wien, 1947, S. 149.
- ¹⁰ Ibid., S. 59—60.
- ¹¹ «Каие дю коммюнизм», Париж, 1946, № 11, с. 1014.
- ¹² «Kommunisten und Staatsmänner», S. 121—123.
- ¹³ V. Dedijer. Stalins verlorene Schlacht. Wien, 1970, S. 92.
- ¹⁴ R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo. Spanien nach Franco. Hamburg—West-Berlin, 1975, S. 131—132.
- ¹⁵ V. Dedijer. Tito. Berlin, 1953, S. 95—115.
- ¹⁶ Ibid., S. 316.
- ¹⁷ S. Vukmanovic-Tempo. Mein Weg mit Tito. Zürich, 1972, S. 191.
- ¹⁸ V. Dedijer. Tito, S. 344.
- ¹⁹ «Правда», 29 июня 1948 года.
- ²⁰ «Заявление ЦК КПЮ по поводу резолюции Коминформа», Белград, 1948, с. 15—17.
- ²¹ Цит. по: V. Dedijer. Stalins verlorene Schlacht, S. 122—123.
- ²² E. Gniffke. Jahre mit Ulbricht. Köln, 1966, S. 325.
- ²³ И. Броз Тито. Политический отчетный доклад на V съезде КПЮ. Белград, 1948, с. 175—187.
- ²⁴ W. Leonhard. Kominform und Jugoslawien. Über einige grundsätzliche Fragen des Kominform-Konflikts. Belgrad, 1949.
- ²⁵ M. Djilas. Lenin über die Beziehungen zwischen sozialistischen Staaten. Belgrad, 1950, S. 44.
- ²⁶ E. Kardelj. Über die Volksdemokratie in Jugoslawien. Belgrad, 1950, S. 51—55, 73—75.
- ²⁷ J. Broz Tito. Die Fabriken in Jugoslawien werden von Arbeitern verwaltet. Belgrad, 1950, S. 28—30.
- ²⁸ «Танюг вохенберихт», Бад-Годесберг, 7 июня 1951 года.
- ²⁹ «Der 6. Kongress der KPJ 1952. Presse- und Informationsabteilung der jugoslawischen Botschaft. Bonn, 1952, S. 139—140
- ³⁰ Ibid., S. 110—111.
- ³¹ Ibid., S. 35.
- ³² «Ревью оф интернэшнл афферс», Белград, 1 декабря 1952 года.
- ³³ «Правда», 7 ноября 1954 года.
- ³⁴ «Хинтер дем айзернен форханг», 1956, № 10.
- ³⁵ «Правда», 27 мая 1955 года.
- ³⁶ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», М., 1956, т. II, с. 415.
- ³⁷ Там же, т. I, с. 349.
- ³⁸ «Chruschtschow erinnert sich». Reinbek b. Hamburg, 1971, S. 351—356.
- ³⁹ «Остпроблеме», Бонн, № 25—26, 22 июня 1956 года.
- ⁴⁰ W. Leonhard. Die Dreispaltung des Marxismus. Düsseldorf—Wien, 1970, S. 206.
- ⁴¹ R. Giordano. Die Partei hat immer recht. Köln, 1961, S. 198—199.
- ⁴² «Унита», 15 марта 1956 года.
- ⁴³ «Дейли уоркер», Лондон, 22 июня 1956 года и в последующих номерах.
- ⁴⁴ «Правда», 18 апреля 1956 года.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ «Борба», Белград, 19 апреля 1956 года.
- ⁴⁷ «Унита», 18 апреля 1956 года.
- ⁴⁸ Там же, 17 июня 1956 года.
- ⁴⁹ «Юманите», Париж, 18 июня 1956 года.

- ⁵⁰ «Дейли уоркер», 22 июня 1956 года.
- ⁵¹ «Фрихетен», Осло, и «Драпо руж», Бриссель, 19 июня 1956 года.
- ⁵² «Правда», 2 июля 1956 года.
- ⁵³ *Aczel, Meray. Die Revolte des Intellekts. Die geistigen Grundlagen der ungarischen Revolution. München. 1959.*
- ⁵⁴ *J. Nagy. Politisches Testament. München, 1955, S. 53, 62—63, 112—113, 115—116.*
- ⁵⁵ *Aczel, Meray. Op. cit.*
- ⁵⁶ Цит. по: «Остпроблеме», 1957, № 2, с. 52—54.
- ⁵⁷ Цит. по: «Остпроблеме», 1956, № 52, с. 1706.
- ⁵⁸ «Нойе Цюрхер цайтунг», 13 и 15 ноября 1956 года.
- ⁵⁹ «Унита», 15 декабря 1956 года.
- ⁶⁰ «Нойес Дойчланд», Берлин, 28 ноября 1956 года.
- ⁶¹ «Юманите», 16 февраля 1957 года.
- ⁶² «Унита», 15 декабря 1956 года.
- ⁶³ «Дейли уоркер», 30 апреля 1957 года.
- ⁶⁴ «Аус дер интернационален арбайтербевергунг», Берлин, № 10, 25 мая 1957 года.
- ⁶⁵ «Коммунист», Москва, 1957, № 12, с. 46.
- ⁶⁶ «Правда», 22 ноября 1957 года.
- ⁶⁷ *G. Nollau. Der Zerfall des Weltkommunismus. Köln, 1963, S. 35.*
- ⁶⁸ «Унита», 24 ноября 1957 года.
- ⁶⁹ «Chruschtschow erinnert sich», S. 514—515.
- ⁷⁰ Цит. по: «Ди цайт», Гамбург, 10 июля 1964 года.
- ⁷¹ «Нойер вег», Бухарест, 7 мая 1966 года.
- ⁷² «Правда», 10 сентября 1964 года.
- ⁷³ «Унита», 23 октября 1964 года.
- ⁷⁴ «Фольксштимме», Вена, 17 октября 1964 года.
- ⁷⁵ «Ню даг», Стокгольм, 21 октября 1964 года.
- ⁷⁶ Цит. по: «Остпроблеме», № 6, 25 марта 1966 года, с. 186—189.
- ⁷⁷ «Руде право», Прага, 13 февраля 1968 года.
- ⁷⁸ «Литерарни листы», Прага, 18 апреля 1968 года.
- ⁷⁹ «Руде право», 9 февраля 1968 года.
- ⁸⁰ Цит. по: *J. Pelikan. Ein Frühling, der nie zu Ende geht. Frankfurt/Main, 1976, S. 224—225.*
- ⁸¹ «Правда», Братислава, 19 апреля 1968 года.
- ⁸² «Руде право», 6 апреля 1968 года.
- ⁸³ Цит. по: «Информационс-буллетин», Вена, 1968, № 22—24, с. 15—30.
- ⁸⁴ «Правда», 17 апреля 1968 года.
- ⁸⁵ Цит. по: «Информационс-буллетин», 1968, № 23—24, с. 74.
- ⁸⁶ Там же, № 26—27, с. 72.
- ⁸⁷ Цит. по: «Вег унд циль», Вена, 1968, № 7—8, с. 353.
- ⁸⁸ «Трибюн», Сидней, 24 апреля 1968 года.
- ⁸⁹ «Мундо обреро», 1 мая 1968 года.
- ⁹⁰ «Фольксштимме», 18 апреля 1968 года.
- ⁹¹ Цит. по: «Информационс-буллетин», 1968, № 26—27, с. 64.
- ⁹² Цит. по: «Ди цайт», 9 августа 1968 года.
- ⁹³ Цит. по: «Ди цайт», 31 мая 1968 года.
- ⁹⁴ «Литерарни листы», 12 апреля 1968 года, а также 2 и 9 мая 1968 года.
- ⁹⁵ Интервью венгерской газете «Элет эш иродалом», 4 мая 1968 года.
- ⁹⁶ «Правда», 19 мая 1968 года.
- ⁹⁷ «Правда», 14 июня 1968 года.
- ⁹⁸ «Комсомольская правда», Москва, 21 июня 1968 года.
- ⁹⁹ «Правда», 5 июля 1968 года.
- ¹⁰⁰ *J. Pelikan. Op. cit.*
- ¹⁰¹ «Руде право», 2 июня 1968 года.
- ¹⁰² «Литерарни листы», 27 июня 1968 года.
- ¹⁰³ «Правда», 18 июля 1968 года.
- ¹⁰⁴ «Руде право», 19 июля 1968 года.

- 105 «Правда», 19 июля 1968 года.
- 106 Там же.
- 107 «Правда», 20 июля 1968 года.
- 108 *J. Pelikan*. Op. cit., S. 235.
- 109 «Правда», 2 и 4 августа 1968 года.
- 110 «Унита», 6 августа 1968 года.
- 111 Цит. по: «Остойропенише рундшау», Мюнхен, 1968, № 9—10, с. 54.
- 112 Цит. по: «Чехословакай хойте», Цюрих, август 1968 года.
- 113 «Ринашита», Рим, 20 и 27 октября, 3 и 20 ноября 1967 года.
- 114 «Унита», 6 декабря 1968 года.
- 115 «Информационс-буллетин». 1969, № 16, с. 5—7.
- 116 Там же, № 17, с. 8—9.
- 117 *R. Medwedjew*. Sowjet-Bürger in Opposition. Plädoyer für eine sozialistische Demokratie. Hamburg—Düsseldorf, 1973.
- 118 *B. Lcwytzkyi*. Die Linke Opposition in der Sowjetunion. Hamburg, 1974, S. 151—160.
- 119 «Унита», 27 декабря 1970 года.
- 120 «Юманите», 25 декабря 1970 года.
- 121 «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», М., 1971, т. I, с. 319—324.
- 122 Там же, с. 385—389.
- 123 Там же, т. II, с. 89—92.
- 124 Там же, т. I, с. 125—132, т. II, с. 151—154, 546—547.
- 125 «Унита», 28 апреля 1971 года.
- 126 «Правда», 13 сентября 1971 года.
- 127 «Борба», 12 сентября 1971 года.
- 128 «Унита», 12 сентября 1971 года.
- 129 Там же, 6 октября 1971 года.
- 130 «Юманите», 11 января 1971 года.
- 131 «Унита», 19 февраля 1971 года.
- 132 «Политика», Белград, 23 февраля 1971 года.
- 133 «Мундо обреро», 9 марта 1971 года.
- 134 «Унита», 6 января и 20 июня 1971 года.
- 135 «Мундо обреро», 10 декабря 1971 года.
- 136 *J. Pelikan*. Sozialistische Opposition in der CSSR. Frankfurt/Main, 1973, S. 126—132.
- 137 «Унита», 15 января 1971 года.
- 138 «Юманите», 18 января 1971 года.
- 139 «Коммент», Лондон, 6 февраля 1971 года.
- 140 «Нин», 23 мая 1971 года.
- 141 «Вие нуове», Рим, 17 сентября 1971 года.
- 142 «Трибюн», 12 августа 1972 года.
- 143 *J. Pelikan*. Op. cit., S. 160—162.
- 144 «Унита», 21 августа 1973 года.
- 145 «Остойропа», Штутгарт, 1974, № 9, с. 651—669.
- 146 «Таймс», Лондон, 14 февраля 1974 года, и «Унита», 13 февраля 1974 года.
- 147 «Акахата», Токио, 20 марта 1974 года.
- 148 «Монд», Париж, 15 февраля 1975 года.
- 149 «Правда», 6 августа 1975 года.
- 150 «Унита», 9 августа 1975 года.
- 151 «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», М., 1976, т. I, с. 55.
- 152 Там же, с. 134 и 159.
- 153 Там же, с. 282—283.
- 154 Там же, с. 321—324.
- 155 Там же, с. 372—373.
- 156 «Остойропа», 1976, № 8—9, с. 838.
- 157 Цит. по: «Монд», 27 февраля 1976 года.
- 158 Цит. по: «Остойропа», 1976, № 8—9, с. 838.

- ¹⁵⁹ «Стампа», Турин, и «Таймс», 5 марта 1976 года.
- ¹⁶⁰ «Правда», 18 марта 1976 года, и «Коммунист», 1976, № 5.
- ¹⁶¹ «Монд», 20 марта 1976 года.
- ¹⁶² «Унита», 28 марта 1976 года.
- ¹⁶³ Там же, 19 марта 1976 года.
- ¹⁶⁴ Белградское радио в передаче от 23 марта 1976 года.
- ¹⁶⁵ «Мундо обреро», 3 апреля 1971 года.
- ¹⁶⁶ «Правда», 19 октября 1974 года.
- ¹⁶⁷ «Унита», 23 января 1976 года.
- ¹⁶⁸ «Нин», 2 мая 1976 года.
- ¹⁶⁹ «Ойропа-архив», Бонн, 1976, № 2, с. 35—46; «Аус политик унд цайт-гешихте», Бонн, 31 января 1976 года; «Форвертс», 18 декабря 1975 года; «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 29 июня 1976 года.
- ¹⁷⁰ Все приведенные высказывания цитируются по «Нойес Дойчланд» от 30 июня и 1 июля 1976 года.
- ¹⁷¹ «Форвертс», 8 июля 1976 года.
- ¹⁷² В комментарии «Дойче велле», переданном 2 июля 1976 года.
- ¹⁷³ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 2 июля 1976 года.
- ¹⁷⁴ «Берихте дес бундес-институтс фюр оствиссеншафтлихе унд интер-национале штудии», 1976, № 38, с. 15—17
- ¹⁷⁵ «Ди цайт», 9 июля 1976 года.
- ¹⁷⁶ «Форвертс», 5 июля 1976 года.
- ¹⁷⁷ «Дер шпигель», 1976, № 28.
- ¹⁷⁸ «Вас тун?», Франкфурт/Майн, 1976, № 114.
- ¹⁷⁹ «Роте фане», Кёльн, 1976, № 27.
- ¹⁸⁰ «Правда», 3 июля 1976 года; «Коммунист», 1976, № 11; «Партий-ная жизнь», 1976, № 15.
- ¹⁸¹ «Красная звезда», Москва, 5 августа 1976 года.
- ¹⁸² «Коммунист», 1976, № 12, с. 28—29.
- ¹⁸³ «Юманите», 17 и 22 ноября 1976 года; «Ринашита», 26 ноября 1976 года; «Мундо обреро», начало декабря 1976 года.
- ¹⁸⁴ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 7 июня 1977 года.
- ¹⁸⁵ «Стампа», 8 декабря 1976 года.
- ¹⁸⁶ «Листы», 1977, № 12.
- ¹⁸⁷ См.: «Archiv der Gegenwart», Villingen-Schwenningen, 1977. S. 410.
- ¹⁸⁸ «Унита», 16 и 21 января 1977 года; «Драпо руж», 15 января 1977 го-да; «Морнинг стар», 19 января 1977 года; «Монд», 25 января 1977 года; «Форвертс», 20 января 1977 года; «Винер тагебух», 1977, № 6, с. 12.
- ¹⁸⁹ «Монд», 19 марта 1977 года.
- ¹⁹⁰ «Ди вельт», 29 июля 1977 года.
- ¹⁹¹ Цит. по: «Нойес Дойчланд», 4 марта 1977 года. См. также: «Дойч-ланд-архив», 1977, № 7, с. 442—444.
- ¹⁹² «Дойчланд-архив», 1977, № 4, с. 345.
- ¹⁹³ «Унита», 10 и 21 мая 1977 года; «Юманите», 12 мая 1977 года.
- ¹⁹⁴ «Франкфуртер рундшау», 27 мая 1977 года.
- ¹⁹⁵ S. Carrillo. Eurokommunismus und Staat. Hamburg—West-Berlin, 1977.
- ¹⁹⁶ «Новое время», Москва, 1977, № 26. См. также «Нойес Дойчланд», 25—26 июня 1977 года; «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 29 июня 1977 года.
- ¹⁹⁷ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 27 июня 1977 года; «Винер та-гебух», 1977, № 309, с. 4—5.
- ¹⁹⁸ «Нойе Цюрхер цайтунг», 28 июня 1977 года.
- ¹⁹⁹ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 29 июня 1977 года.
- ²⁰⁰ «Унита», 24, 26 и 29 июня 1977 года; «Политика», Белград, 28 ию-ня 1977 года; «Коммунист», Белград, 27 июня 1977 года; «Форвертс», Ба-зель, 30 июня 1977 года; «Зюддойче цайтунг», Мюнхен, 12 июля 1977 года
- ²⁰¹ «Унита», 4 июля 1977 года.
- ²⁰² «Юманите», 7 июля 1977 года.
- ²⁰³ «Нин», 3 июля 1977 года.

III. Еврокоммунистические партии: модели обособления и переориентации

¹ «Beratung des Informationsbüros kommunistischer Parteien», Ost-Berlin, 1951, S. 51—67.

² «Остойропа», 1970, № 10, с. 697—706.

³ «Остпроблеме», 1951, № 6, с. 160; 1951, № 11, с. 226—227. См. также: «Фрайе трибуне», Дюссельдорф, 10 марта 1951 года.

⁴ Цит. по: «Остпроблеме», 1951, № 11, с. 327—328.

⁵ «Ринашита», август—сентябрь 1953 года.

⁶ «Унита», 15 марта 1956 года.

⁷ «Унита», 17 июня 1956 года.

⁸ «Остпроблеме», 1957, № 12, с. 422—424; 1957, № 16, с. 542—550.

⁹ См. политическую резолюцию VIII съезда ИКП в «Унита», 15 декабря 1956 года.

¹⁰ «Кайе дю коммюнизм», январь 1957 года.

¹¹ Цит. по: «Ринашита», декабрь 1956 года (в действительности этот номер вышел в свет только в начале февраля 1957 года).

¹² «Вег унд циль», апрель 1967 года, с. 183—195; июнь 1967 года, с. 309—311. См. также: «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 6 мая 1967 года, и «Остойропа», 1967, № 5—5, с. 354—356.

¹³ «Остпроблеме», 1961, № 6, с. 179—181.

¹⁴ «Унита», 11 ноября 1961 года.

¹⁵ Ж. Дюкло. Проблемы единства международного коммунистического и рабочего движения. — «Проблемы мира и социализма», 1961, № 12.

¹⁶ «Нойес Дойчланд», 2 декабря 1961 года.

¹⁷ «Правда», 26 августа 1962 года.

¹⁸ «Унита», 20 августа, 3 и 4 сентября 1962 года.

¹⁹ «Ринашита», 25 июля 1964 года (статья Л. Группи «Тезисы Ленина и Энгельса о государстве»).

²⁰ «Юманите», 14 октября 1964 года.

²¹ Э. Берлингауэр. Ответ товарищу Леруа. — «Ринашита», 24 октября 1964 года.

²² «Нойес Дойчланд», 27 августа 1964 года.

²³ «Ди андере цайтунг», Гамбург, 12 ноября 1964 года.

²⁴ «Вег унд циль», март 1966 года, с. 143—146.

²⁵ «Вег унд циль», июнь 1967 года, с. 309—311; «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 6 мая 1967 года; «Остойропа», 1967, № 5—6, с. 354—356.

²⁶ «Ринашита», 20 и 27 октября, 3 и 10 ноября 1967 года.

²⁷ «Унита», 12 января 1968 года.

²⁸ «Вопросы экономики», Москва, 1968, № 9, с. 153.

²⁹ «Остойропа», 1969, № 7, с. 481.

³⁰ Цит. по: «Вег унд циль», апрель 1969 года, с. 194—205.

³¹ «Правда», 2 апреля 1971 года.

³² «Унита», 14 ноября 1970 года и 20 июня 1971 года.

³³ «Унита», 14 марта 1972 года.

³⁴ «Ринашита», 28 сентября, 5 и 12 октября 1973 года.

³⁵ E. Berlinguer, A. Gramsci, L. Longo, P. Togliatti Der historische Kompromiss. West-Berlin, 1976, S. 13—67.

³⁶ Цит. по: «Проблемс оф комьюнизм», Вашингтон, 1976, № 6, с. 27—51.

³⁷ Цит. по: «Штерн», 1977, № 34, с. 84—92.

³⁸ «Вег унд циль», февраль 1966 года, с. 91—93.

³⁹ Там же, февраль 1967 года, с. 110—112.

⁴⁰ См. речь Вальдека Роше на XVIII съезде ФКП 4 января 1967 года.

⁴¹ «Остойропа», 1971, № 2, с. 107—116.

⁴² «Винер тагебух», 1970, № 1—2, с. 8—9.

⁴³ «Остойропа», 1969, № 12, с. 399—402.

⁴⁴ Цит. по: «Винер тагебух», 1970, № 3, с. 9—10.

⁴⁵ Там же, с. 16.

⁴⁶ «Леттр франсэз», Париж, 6—12 января 1971 года

⁴⁷ «Унита», 11 октября 1972 года.

- ⁴⁸ «Монд», 15 января 1972 года.
- ⁴⁹ «Винер тагебух», 1972, № 9, с. 8.
- ⁵⁰ W. Goldschmidt (Hrsg.). Das gemeinsame Regierungsprogramm der Sozialisten und Kommunisten in Frankreich. Köln, 1972, S. 12—64.
- ⁵¹ «Монд», 12—13 ноября 1972 года.
- ⁵² Интервью в «Таймс», Лондон, 17 ноября 1972 года.
- ⁵³ «Винер тагебух», 1973, № 4, с. 8.
- ⁵⁴ Цит. по: «Монд», 29—30 апреля 1973 года.
- ⁵⁵ «Юманите», 25—26 мая 1973 года.
- ⁵⁶ G. Marchais. Die demokratische Herausforderung. Frankfurt/Main, 1974, S. 119 f.
- ⁵⁷ «Юманите», 9 мая 1974 года.
- ⁵⁸ «Винер тагебух», 1974, № 7—8, с. 8—9.
- ⁵⁹ «Фигаро», Париж, 24 октября 1974 года; «Нувель обсерватор», Париж, 28 октября 1974 года.
- ⁶⁰ «Винер тагебух», 1974, № 12 (статья Ф. Марека).
- ⁶¹ «Юманите», 17 мая 1975 года.
- ⁶² «Унита», 18 ноября 1975 года.
- ⁶³ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 6 февраля 1976 года.
- ⁶⁴ Цит. по: «Юманите», 5 февраля 1976 года.
- ⁶⁵ «Политик унд цайтгешихте», Бонн, 24 апреля 1976 года (комментарий К. Буркхардта), и «Винер тагебух», 1976, № 4, с. 7—8 (статья Ф. Марека «Молодое вино в мехи старые»).
- ⁶⁶ «Правда», 10 февраля 1976 года.
- ⁶⁷ «Правда», 13 февраля 1976 года.
- ⁶⁸ «Таймс», 5 марта 1976 года.
- ⁶⁹ «Монд», 23 июня 1976 года.
- ⁷⁰ «Винер тагебух», 1976, № 5, с. 9.
- ⁷¹ «Юманите», 17 декабря 1976 года.
- ⁷² «Монд», 16 декабря 1976 года.
- ⁷³ Цит. по: «Форвертс», 1977, № 1 (статья Г. Шойера «Признание ФКП»).
- ⁷⁴ «Юманите», 25 января 1977 года.
- ⁷⁵ «Новое время», 1977, № 5.
- ⁷⁶ «Монд», 24 февраля 1977 года.
- ⁷⁷ Там же, 9 марта 1977 года.
- ⁷⁸ Согласно сообщению «Зюддойче цайтунг», 3 июня 1977 года.
- ⁷⁹ Цит. по: «Юманите», 1 апреля 1976 года.
- ⁸⁰ Там же. См. также: «Ди цукунфт», Вена, 1976, № 11 (статья П. Бранета «В какой мере изменились французские коммунисты?»).
- ⁸¹ «Монд», 19 апреля 1977 года.
- ⁸² Цит. по: «Монд», 13 мая 1977 года.
- ⁸³ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 20 мая 1977 года.
- ⁸⁴ «Форвертс», 1977, № 43, с. 12.
- ⁸⁵ «Форенге», 1976, № 1 (статья Г. Шойера «Франция на распутье»).
- ⁸⁶ Цит. по: «Винер тагебух», 1975, № 12, с. 4.
- ⁸⁷ R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo. Spanien nach Franco. Hamburg, 1975, S. 87—88.
- ⁸⁸ S. Carrillo. Eurokommunismus und Staat, S. 140.
- ⁸⁹ «Фрайе трибуне», 6 января 1951 года (статья Х. Эрнандеса «Что такое титонизм»).
- ⁹⁰ R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo. Op. cit., S. 90—102.
- ⁹¹ «Проблемы мира и социализма», 1959, № 7, с. 62—36.
- ⁹² Там же, 1960, № 4, с. 35—45.
- ⁹³ Биографические сведения взяты из указанной в примечании 87 книги, в которой Каррильо сам рассказывает о своей жизни.
- ⁹⁴ «Проблемы мира и социализма», 1961, № 4 (статья Каррильо).
- ⁹⁵ R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo. Op. cit., S. 125.
- ⁹⁶ Ibid., S. 120.
- ⁹⁷ Ibid., S., 121.

- ⁹⁸ S. Carrillo. Eurokommunismus und Staat, S. 141.
- ⁹⁹ R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo. Op. cit., S. 123—124.
- ¹⁰⁰ «Мундо обреро» (орган группы Листеры), июль и сентябрь 1972 года.
- ¹⁰¹ «Остойпропа», 1976, № 2, с. 125—145.
- ¹⁰² Цит. по: «Нойер вег», Бухарест, 5 сентября 1971 года.
- ¹⁰³ «Мундо обреро», 26 ноября 1971 года.
- ¹⁰⁴ R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo. Op. cit., S. 114.
- ¹⁰⁵ См. интервью С. Каррильо югославской газете «Дело», Любляна, 26 мая 1973 года.
- ¹⁰⁶ См. интервью М. Аскарате теоретическому органу Компартии Австрии «Остреллан лефт ревью», Сидней, 1973, № 40.
- ¹⁰⁷ «Байтреге цум виссеншафтлихен зоциализмус», Гамбург — Западный Берлин, 1974, № 2, с. 115—173.
- ¹⁰⁸ «Партийная жизнь», Москва, 1974, № 4.
- ¹⁰⁹ «Правда», 16 октября 1974 года.
- ¹¹⁰ См. интервью С. Каррильо французской газете «Монд», 23 июня 1974 года.
- ¹¹¹ Заявление С. Каррильо на пресс-конференции в Париже 12 апреля 1975 года.
- ¹¹² Интервью С. Каррильо американскому журналу «Тайм» 28 июля 1975 года.
- ¹¹³ «Унита», 1 августа 1976 года.
- ¹¹⁴ Цит. по: «Монд», 12—13 декабря 1976 года.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ «Нойе Цюрхер цайтунг», 9 декабря 1976 года.
- ¹¹⁷ Цит. по: «Франкфуртер рундшау», 3 января 1977 года.
- ¹¹⁸ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 14 февраля 1977 года.
- ¹¹⁹ Цит. по: «Манифесто», Рим, 12 апреля 1977 года.
- ¹²⁰ «Камбио», Мадрид, конец апреля 1977 года.
- ¹²¹ Цит. по: U. Schmiederer. Die Sozialistische Volkspartei Dänemarks Frankfurt/Main, 1969, S. 33.
- ¹²² «Ланд ог фольк», Копенгаген, 28 августа 1958 года.
- ¹²³ «Международная политика», Белград, 1966, № 388 (статья Г. Петерссена «Социалистическая народная партия в Дании»).
- ¹²⁴ «Нойес Дойчланд», 30 августа 1967 года.
- ¹²⁵ A. Sparring (Hrsg.). Kommunisten im Norden, Köln, 1966, S. 35.
- ¹²⁶ Цит. по: «Ди вельт», 18 сентября 1964 года.
- ¹²⁷ W. Leonhard. Chruschtschow.—In der Enzyklopädie «Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft», Freiburg i. Br., Bd. I, S. 1011—1026.
- ¹²⁸ Цит. по: A. Sparring (Hrsg.). Op. cit., S. 48.
- ¹²⁹ «Форвертс», Базель, 29 апреля 1965 года.
- ¹³⁰ Цит. по: A. Sparring (Hrsg.). Op. cit., S. 4.
- ¹³¹ Ibid., S. 47.
- ¹³² «Норшенсфламман», Лулео, 4—11 февраля 1967 года.
- ¹³³ «Ринашита», 26 мая 1967 года.
- ¹³⁴ «Варт ню ланд», Стокгольм, 1972, № 5.
- ¹³⁵ См. материалы XXII съезда ЛПК.
- ¹³⁶ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 14 декабря 1973 года.
- ¹³⁷ Там же, 15 декабря 1973 года.
- ¹³⁸ Там же, 15 марта 1975 года, а также: «Винер тагебух», 1975, № 5.
- c. 18—19.
- ¹³⁹ «Ди вельт», 11 ноября 1975 года; «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 6 декабря 1975 года.
- ¹⁴⁰ Цит. по: «Винер тагебух», 1977, № 5.
- ¹⁴¹ «Фрихетен», 30 октября 1964 года.
- ¹⁴² Там же, 8 января 1964 года.
- ¹⁴³ Там же, 21 апреля 1967 года.
- ¹⁴⁴ Там же, 4 января 1968 года.
- ¹⁴⁵ «Винер тагебух», 1974, № 6 (статья «Единая левая партия в Норвегии»).

- ¹⁴⁶ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 18 марта 1975 года
- ¹⁴⁷ Там же, 4 ноября 1975 года.
- ¹⁴⁸ «Винер тагебух», 1976, № 7—8, с. 24—27 (статья Эйнара Ольгейрссона).
- ¹⁴⁹ См. статью на эту тему в «Унита», 26 октября 1974 года.
- ¹⁵⁰ «The British Road to Socialism. Programs of the Communist Party». London, 1968.
- ¹⁵¹ «Морнинг стар», Лондон, 26 августа 1968 года.
- ¹⁵² «Правда», 16 сентября 1968 года.
- ¹⁵³ «Морнинг стар», 18 ноября 1968 года.
- ¹⁵⁴ Там же, 13 июня 1969 года.
- ¹⁵⁵ Там же, 29 июня 1970 года.
- ¹⁵⁶ Там же, 8 августа 1970 года.
- ¹⁵⁷ «Винер тагебух», 1971, № 11, с. 3.
- ¹⁵⁸ Там же, 1977, № 9, с. 16—17; см. также: «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 19 июля 1977 года.
- ¹⁵⁹ «Тиланне», Хельсинки, 1962, № 7—8.
- ¹⁶⁰ B. Matti. Finnland. — In: «Kommunisten im Norden», hrsg. v. Ake Sparring. Köln, 1966, S. 144—146.
- ¹⁶¹ Цит. по: «Вер унд циль», 1969, № 5, с. 258—265.
- ¹⁶² См.: «Винер тагебух», 1974, № 7—8, с. 32—33.
- ¹⁶³ «Остпроблеме», 1965, № 11, с. 340.
- ¹⁶⁴ «Правда», 25 августа 1963 года.
- ¹⁶⁵ «Остпроблеме», 1965, № 11, с. 337—344.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 345—347.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 347—351.
- ¹⁶⁸ «Правда», 8 февраля 1968 года.
- ¹⁶⁹ «Акахата», 25 августа 1968 года.
- ¹⁷⁰ «Акахата», 19 октября 1968 года; «Правда». 25 октября 1968 года; «Акахата», 27 октября 1968 года.
- ¹⁷¹ «Акахата», 5 мая 1970 года.
- ¹⁷² «Партийная жизнь», 1970, № 13, с. 76—79.
- ¹⁷³ «Акахата», 5 августа 1970 года.
- ¹⁷⁴ «Правда», 28 сентября 1971 года.
- ¹⁷⁵ «Вопросы истории КПСС», Москва, 1972, № 8, с. 56—59.
- ¹⁷⁶ «Унита», 22 марта 1973 года.
- ¹⁷⁷ Там же, 9 декабря 1973 года.
- ¹⁷⁸ «Правда», 21 ноября 1973 года.
- ¹⁷⁹ «Партийная жизнь», 1974, № 10, с. 54—58.
- ¹⁸⁰ «Акахата», 17 сентября 1974 года.
- ¹⁸¹ «Монд», 10 июля 1974 года.
- ¹⁸² «Унита», 3 апреля 1976 года.
- ¹⁸³ «Интернэшнл геральд трибюн», 13 июня 1977 года.
- ¹⁸⁴ Цит. по: «Винер тагебух», 1970, № 10, с. 18—20.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ «Трибюн», 24 апреля 1968 года.
- ¹⁸⁷ Там же, 4 сентября 1968 года.
- ¹⁸⁸ Там же, 24 ноября 1968 года.
- ¹⁸⁹ «Правда», 29 марта 1970 года.
- ¹⁹⁰ «Руде право», 15 июля 1970 года.
- ¹⁹¹ «Трибюн», 11—17 апреля 1972 года.
- ¹⁹² «Дейли уорлд», Нью-Йорк, 8 июля 1974 года.
- ¹⁹³ «Трибюн», 3 ноября 1973 года.
- ¹⁹⁴ Там же, 21—27 мая 1974 года.
- ¹⁹⁵ «Матерналы XXIV съезда КПСС», М., 1971, с. 21.
- ¹⁹⁶ «Трибуна популар», Каракас, 14 ноября 1969 года.
- ¹⁹⁷ «Правда», 20 октября 1970 года.
- ¹⁹⁸ Цит. по: «Винер тагебух», 1971, № 4, с. 8.
- ¹⁹⁹ «Деслинде», Каракас, 9 февраля 1971 года.

IV. Еврокоммунизм как вызов и Востоку и Западу

- ¹ Цит. по: «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 20 июня 1977 года.
- ² «Унзере цайт», Дюссельдорф, 25 февраля 1977 года.
- ³ «Ойропейше рундшау», Вена, 1977, № 1, с. 2—32 (статья Дж. Кен-пана «Может ли Запад устоять?»).
- ⁴ Там же, с. 32—48.
- ⁵ Цит. по: «Форвертс», 4 сентября 1975 года.
- ⁶ «Модерне вельт», 1970, № 2.
- ⁷ «Франкфуртер рундшау», 8 ноября 1977 года (статья Г. Шлайхера); «Ди цайт», 22 июля 1977 года (статья Э. Ноймайера); там же, 28 ноября 1975 года (статья Т. Зоммера); «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 2 июля 1977 года (статья Г. Гамма); «Форвертс», 29 июня 1976 года (статья Г. Шойера); «Информационен фюр ди труппе», 1977, № 5 (статья В. Бор-па).
- ⁸ Цит. по: «Ди цайт», 11 марта 1977 года; «Дер шпигель», 1975, № 26.
- ⁹ «Вас тун?», 1977, № 156.
- ¹⁰ «Wissenschaftlicher Kommunismus. Lehrbuch». Berlin, 1972, S. 219; «Kleines politisches Wörterbuch», Berlin, 1973, S. 685—689.
- ¹¹ В выступлении на митинге молодежи в Милане 6 июня 1976 года.
- ¹² «Острелиан лефт ревью», 1973, № 40.
- ¹³ «Байтреге цум виссеншафтlichen зоциализмус», 1976, № 2, с. 124.
- ¹⁴ S. Carrillo. Eurokommunismus und Staat, S. 166—175.
- ¹⁵ «Дер шпигель», 1977, № 21 (статья Ж. Элленстейна).
- ¹⁶ «Стампа», 8 декабря 1976 года.
- ¹⁷ P. Jegorow. Was ist demokratischer Kommunismus? In: «Aufzeichnung» n aus dem sowjetischen Untergrund. Hamburg, 1977, S. 131—160.
- ¹⁸ Цит. по: «Дойчланд-архив», 1976, № 12, с. 1283—1284.
- ¹⁹ S. Carrillo. Op. cit. S. 184.
- ²⁰ Цит. по: «Нойес Дойчланд», 1 июля 1976 года.
- ²¹ В интервью туринской газете «Стампа», 8 декабря 1976 года.
- ²² Цит. по: «Дер шпигель», 1977, № 10, с. 41—44.
- ²³ Цит. по: «Дер шпигель», 1977, № 21.
- ²⁴ «Wissenschaftlicher Kommunismus. Lehrbuch», S. 282—283, 427.
- ²⁵ Цит по: C. Gerstenmayer. Die Stimme der Stummen. Stuttgart, 1971, S. 323—327.
- ²⁶ R. Medwedjew. Sowjetbürger in Opposition, S. 44, 113—114.
- ²⁷ Цит. по: «Дер шпигель», 1974, № 37, с. 98—105.
- ²⁸ «Wissenschaftlicher Kommunismus. Lehrbuch», S. 9.
- ²⁹ «Grundlagen des Marxismus-Leninismus», Berlin, S. 7—13.
- ³⁰ Подробнее об этом см. в работе: W. Leonhard. Was ist Kommunismus? Wandlungen einer Ideologie. München, 1976, S. 69 ff.
- ³¹ «Праксис», Белград, 1974, № 1—2 (статья Ломбардо-Радиче).
- ³² «Нин», 12 февраля 1972 года; «Унита», 20 мая 1971 года.
- ³³ S. Carrillo. Op. cit. S. 96—98, 160—162.
- ³⁴ В интервью газете «Коррьере делла сера», 15 июня 1976 года.
- ³⁵ «Байтреге цум виссеншафтlichen зоциализмус», 1976, № 2, с. 155.
- ³⁶ В отчетном докладе XIV съезду ИКП.
- ³⁷ S. Carrillo. Op. cit., S. 28—35.
- ³⁸ R. Bahro. Die Alternative. Eine Dokumentation. Köln—Frankfurt/Main. 1977.
- ³⁹ В отчетном докладе XIV съезду ИКП.
- ⁴⁰ В интервью газете «Коррьере делла сера», 15 июня 1976 года.
- ⁴¹ Цит. по: «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 3 ноября 1977 года.
- ⁴² R. Bahro. Op. cit.
- ⁴³ «Унита», 26 мая 1976 года.
- ⁴⁴ Цит. по: «Винер тагебух», 1976, № 7—8, с. 17—20.
- ⁴⁵ Там же, 1972, № 9, с. 24.
- ⁴⁶ Согласно сообщению «Франкфуртер рундшау», 8 ноября 1977 года.
- ⁴⁷ Согласно «Монд», 21 июля 1976 года.

- ⁴⁸ Цит. по: *J. Pelikan*. Op. cit., S. 317.
- ⁴⁹ В интервью журналу «Ди нойе вельт», Франкфурт/Майн, 1977, № 3.
- ⁵⁰ «Ди вельт», 1 декабря 1977 года.
- ⁵¹ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 8 декабря 1976 года.
- ⁵² «Берихте дес бундесинститутс фюр оствиссеншафтliche унд интернационале штудиен», 1977, № 41.
- ⁵³ «Коммунист», 1976, № 12, с. 28.
- ⁵⁴ «Политическое самообразование», Москва, 1976, № 8, с. 23 (статья А. Козлова и Б. Пышкова «XXV съезд и международное коммунистическое движение»).
- ⁵⁵ «Коммунист вооруженных сил», Москва, 1976, № 18, с. 82 (статья В. Качанова «В авангарде классовой борьбы в странах капитала»).
- ⁵⁶ «Ойропа-архив», 1976, № 10, с. 319—320 (статья В. Вагнера «Коммунисты в западном союзе»).
- ⁵⁷ «Франкфуртер хефте», 1977, № 5, с. 3 (статья Г. Брауха «Еврокоммунизм и атлантический союз»).
- ⁵⁸ В докладе на пленуме ЦК ИКП 29 октября 1975 года.
- ⁵⁹ «Камбио», 20 марта 1977 года.
- ⁶⁰ Согласно сообщению «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 8 ноября 1977 года.
- ⁶¹ *J. Pelikan*. Op. cit., S. 299.
- ⁶² «Франкфуртер рундшау», 8 марта 1977 года (статья К. Гробе «Призрак еврокоммунизма»).
- ⁶³ «Ди цайт», 11 марта 1977 года.
- ⁶⁴ «Ди нойе вельт», 1977, № 3.
- ⁶⁵ Такова, в частности, точка зрения Гюнтера Неннинга (*G. Nennung. Realisten oder Verräter? Die Zukunft der Sozialdemokratie. München, 1976*).
- ⁶⁶ «Дойче цайтунг», Штутгарт, 25 ноября 1977 года.
- ⁶⁷ В выступлении на митинге молодежи в Милане 6 июня 1976 года.
- ⁶⁸ В интервью газете «Коррьере делла sera», 15 июня 1976 года.
- ⁶⁹ *S. Carrillo*. Op. cit., S. 112.
- ⁷⁰ В выступлении на митинге молодежи в Милане 6 июня 1976 года.
- ⁷¹ *R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo. Spanien nach Franco*, S. 79.
- ⁷² «Дер шпигель», 1977, № 21.
- ⁷³ Там же, 1976, № 4.
- ⁷⁴ *H. Ehmke. Der demokratische Sozialismus als geistige und politische Kraft. Bonn—Bad Godesberg, 1976*; «Дер шпигель», 1977, № 18 (статья Р. Лёвентала); «Винер тагебух», 1977, № 11, с. 4—6 (проект программы СПА).
- ⁷⁵ *R. Debray, M. Gallo, S. Carrillo*. Op. cit., S. 175.
- ⁷⁶ В статье, опубликованной в журнале «Дер шпигель», 1977, № 51.
- ⁷⁷ «Берихте дес бундесинститутс фюр оствиссеншафтliche унд интернационале штудиен», 1977, № 49 (статья У. Ничке «Куда идет Италия?»).
- ⁷⁸ «Sozialismus für Italien. Programm einer gesellschaftlichen Umgestaltung». Hamburg—West-Berlin, 1977, S. 13—54.
- ⁷⁹ В передаче «За и против», организованной АРД в начале декабря 1976 года.
- ⁸⁰ «Меркур», Штутгарт, 1977, № 11.
- ⁸¹ «Дойче цайтунг», 25 ноября 1977 года.
- ⁸² «Швайцер монатсхефте», 1977, № 3, с. 1074.
- ⁸³ «Форгенге», 1977, № 1 (статья Ф. Маньяни «Итальянский кризис и исторический компромисс»).
- ⁸⁴ «Дер шпигель», 1977, № 51, с. 128.
- ⁸⁵ «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 15 ноября 1977 года (статья Р. Гёрца «Пакт для функционеров»).
- ⁸⁶ «Вас тун?», 1977, № 182.
- ⁸⁷ «Дас парламент», Бонн, 4 декабря 1976 года.
- ⁸⁸ «Дер шпигель», 1977, № 51, с. 131.
- ⁸⁹ Речь Э. Берлингуэра в Ливорно 11 июля 1975 года.
- ⁹⁰ *S. Carrillo. Eurokommunismus und Staat*, S. 114.

⁹¹ «Ди вельт», 28 октября 1977 года.

⁹² Там же, 7 июня 1977 года.

⁹³ Согласно «Нойе Цюрхер цайтунг», 21 августа 1976 года.

⁹⁴ «Унита», 1 августа 1976 года.

⁹⁵ В интервью американскому журналу «Тайм», 28 июля 1975 года.

⁹⁶ «Штерн», 1977, № 43.

⁹⁷ «Ди вельт», 18 мая 1977 года.

⁹⁸ «Дер шпигель», 1976, № 5.

⁹⁹ H. Ehmke. Op. cit.

¹⁰⁰ «Дойчланд-архив», 1976, № 12, с. 1295 (статья Г. Тиммермана «Еврокоммунизм — вызов Востоку и Западу»).

¹⁰¹ «Ойропа-архив», 1976, № 10, с. 315—324 (статья В. Вагнера «Коммунисты в западном союзе»).

Оглавление

От Издательства	3
---------------------------	---

I. Современное состояние еврокоммунизма

Глава 1. Важнейшие концепции еврокоммунизма	7
Возникновение нового термина	7
Общие цели еврокоммунистов	9
Какие партии являются еврокоммунистическими?	19
Глава 2. Различия в оценках еврокоммунизма на Западе	23

II. Возникновение и развитие еврокоммунизма

Глава 1. Европейский коммунизм в эру Сталина	35
Причины существования монолитного мирового коммунизма	35
Международный коммунизм в период мирового экономического кризиса и роста влияния фашизма (1929—1934)	39
Масштабы и рамки политики Народного фронта (1934—1939)	41
Европейские коммунисты в период действия пакта Гитлера—Сталина (1939—1941)	42
Коммунисты в европейском движении Сопротивления (1941—1945)	44
Европейские коммунисты в 1945 году	47
Надежды на самостоятельный путь к социализму (1945—1947)	49
Создание Коминформа в сентябре 1947 года	52
Европейские коммунисты в период позднего сталинизма (1947—1953)	53
Глава 2. Кризис сталинизма и начало дифференциации в мировом коммунизме	58
Главные противоречия в период кризиса сталинизма	58
Дифференциация между партиями и внутри каждой из них	60
Глава 3. Югославия — фундамент современного еврокоммунизма	65
Югославская революция	65
Разногласия с Москвой в 1945—1948 годах	68
Кампания Сталина против Югославии (февраль — июнь 1948 года)	69

Разрыв с Москвой	72
Самостоятельный путь Югославии	73
От бюрократического централизма к рабочему самоуправлению	76
Общественное самоуправление и Союз коммунистов	78
Влияние на европейских коммунистов	79
Путь к Белградской декларации 1955 года	80
Глава 4. Влияние XX съезда КПСС на европейский коммунизм	82
Удивительные признания	82
Закрытый доклад Хрущева	84
Влияние на европейских коммунистов	86
Роспуск Коминформа	88
Концепция «полицентризма» Тольятти	89
«Польский октябрь» 1956 года	91
Уроки венгерской революции	93
Воздействие событий в Польше и Венгрии на международное коммунистическое движение	95
Первое международное коммунистическое совещание 1957 года	96
Значение событий 1956 года	99
Глава 5. Европейский коммунизм под знаком конфликта между Москвой и Пекином (1957—1967)	101
Путь Румынии к самостоятельности	101
Обретение самостоятельности неправящими коммунистическими партиями	107
«Памятная записка» Тольятти	109
Критика европейскими коммунистами способа свержения Хрущева	111
Широкие дискуссии, новые выводы	112
Глава 6. Европейские коммунисты и «пражская весна»	116
Предыстория «пражской весны»	116
Движущие силы демократизации	118
Реформисты и сталинисты в руководстве	120
Программа действий КПЧ	121
Зарубежные коммунисты о «пражской весне»	126
Драматические месяцы с мая по август 1968 года	128
Отношение к оккупации Чехословакии	132
Памятная записка Луиджи Лонго «О единстве в многообразии» и политика присутствия	135
Подготовка третьего международного совещания коммунистических и рабочих партий	137
Третье международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве	138

Глава 7. Превращение еврокоммунизма в самостоятельную силу (1970—1976)	142
Критика еврокоммунистами Советского Союза	142
Восстание рабочих в Польше (декабрь 1970—январь 1971 года)	145
Самостоятельная позиция по отношению к Китаю	146
Еврокоммунисты и «нормализация» в Чехословакии	147
Протесты против преследований в Чехословакии (1971—1973)	147
Еврокоммунисты и Солженицын (начало 1974 года)	150
Полемика вокруг статьи Зародова (август 1975 года)	151
Еврокоммунисты и XXV съезд КПСС	152
Суслов и Мичев против еврокоммунистов	154
Рост сотрудничества между еврокоммунистическими партиями	155
Глава 8. Подготовка, проведение и результаты Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы (1973—1977)	158
Подготовка конференции в 1973—1975 годах	158
Проблемы, трудности и последние подготовительные встречи (1975—1976)	159
Особенности берлинской конференции европейских компартий на высшем уровне (29—30 июня 1976 года)	161
Итоговый документ конференции коммунистических и рабочих партий Европы	166
Различия в оценке конференции коммунистических и рабочих партий	168
Полемика в печати после конференции европейских коммунистов	171
Еврокоммунисты и движение за гражданские права в ЧССР и Польше	172
Мадридская встреча руководителей движения еврокоммунистов (март 1977 года)	175
Пolemическое выступление Москвы против книги Каррильо «Еврокоммунизм и государство»	177

III. Еврокоммунистические партии: модели обособления и переориентации

Глава 1. Итальянская коммунистическая партия: процесс изменений за два десятилетия	183
ИКП с 1945 года до смерти Сталина в 1953 году	183
ИКП в период от смерти Сталина до своего VIII съезда (1953—1956)	186
Новое открытие Грамши и развитие ИКП до 1964 года	188
Продолжение курса Тольятти при Луиджи Лонго (1964—1969)	192
XII съезд ИКП (февраль 1969 года)	194
ИКП и «исторический компромисс»	195

Дальнейший рост влияния ИКП (1975—1977)	199
Причины успехов ИКП	201
Глава 2. Французская коммунистическая партия: запоздалый «социализм цветов Франции»	205
Период просоветского развития (1945—1967)	205
Первые проявления внутривластной гибкости на фоне прежней позиции, ориентированной на верность по отношению к Москве (1967—1970)	208
Влияние критически настроенных коммунистов на официальную линию ФКП	211
Разработка совместной программы французских коммунистов и социалистов (1970—1972)	215
Основные пункты совместной правительственной программы	217
Фаза перехода к самостоятельности (1972—1975)	222
Курс на переориентацию, взятый с 1975 года	226
XXII съезд ФКП	228
Усиление критики ФКП в адрес Советского Союза	233
Усиление конфликтов между ФКП и социалистами	235
Глава 3. Коммунистическая партия Испании: новые пути, новые цели в борьбе против просоветской осколочной группы	240
Развитие Коммунистической партии Испании в первый послевоенный период (1945—1949)	240
Политика «национального примирения» и VI съезд партии, состоявшийся в 1960 году	243
Первые шаги на пути к самостоятельности (1961—1967)	247
«Пражская весна»: «капля, переполнившая чашу»	247
Борьба против просоветской группы Гарсиа—Гомеса—Листеры	249
Фаза критической переориентации (1969—1973)	251
Программа Коммунистической партии Испании от декабря 1973 года	255
Усиление независимости Компартии Испании до момента ее легализации	260
Изменение отношения КПИ к Европе и к США	262
Компартия Испании после своей легализации	263
Глава 4. Еврокоммунистические партии в других странах Европы	267
Дания: еврокоммунистическая Социалистическая народная партия и просоветские коммунисты	267
Швеция: напряженность между еврокоммунистами и сталинистами ведет к расколу	274
Коммунисты Норвегии: между промосковским курсом и левым социализмом	283
Коммунисты Исландии: самостоятельная роль Народного союза	289

Коммунистическая партия Греции: еврокоммунистическая внутренняя партия и просоветская зарубежная партия	291
Коммунистическая партия Великобритании: коллизии вокруг «британского пути к социализму»	298
Коммунисты Финляндии: система пропорциональности между сторонниками реформ и сталинистами	304
Глава 5. Еврокоммунисты за пределами Европы: компартии Японии и Австралии и МАС в Венесуэле	313
Коммунистическая партия Японии: еврокоммунистическая массовая партия на Дальнем Востоке	313
Австралия: еврокоммунисты и просоветская Социалистическая партия	323
Коммунисты Венесуэлы: независимое Движение за социализм и просоветская компартия	331
 IV. Еврокоммунизм как вызов и Востоку и Западу	
Глава 1. Вызов Востоку	343
Отклонение еврокоммунистами ведущей роли Москвы в мировом коммунистическом движении	345
Критика еврокоммунистами нынешней системы в СССР и других странах Восточной Европы	346
Еврокоммунистическое требование реформ в Советском Союзе и других странах Восточного блока	349
Значение выдвигаемой еврокоммунистами плюралистической модели социализма для Советского Союза и других стран Восточной Европы	350
Еврокоммунистическая интерпретация марксизма как вызов Востоку	352
Еврокоммунизм в оценке критически мыслящих марксистов Восточной Европы	356
Руководство Восточного блока в обороне	358
Почему еврокоммунисты не идут на открытый разрыв с Советским Союзом	360
Глава 2. Вызов Западу	363
Еврокоммунисты и социал-демократы	363
Возможность участия еврокоммунистов в правительстве	366
Еврокоммунисты и Европейское сообщество, НАТО и проблематика американских военных баз	374
Глава 3. Еврокоммунизм: тактика или переориентация?	379
Примечания	387

Вольфганг Леонхард

ЕВРОКОММУНИЗМ
Вызов Востоку и Западу

Редактор *Н. А. ЗАХАРЧЕНКО*
Технический редактор *В. С. Павленко*
Корректор *Т. А. Шустина*

Сдано в производство 17.I 1979 г.
Подписано к печати 26.II 1979 г.
Бумага 62×90¹/₁₆=12,625 бум. л.
Печ. л. 25,25. Уч.-изд. л. 26,1.
Изд. № 21/19413. Заказ № 8.

Издательство «ПРОГРЕСС»
Москва, Зубовский бульвар, 17

С/Ц